

Владимир Разуваев

Комментарии к «Государю» Макиавелли

Владимир Разуваев

Комментарии к «Государю» Макиавелли

Центр гуманитарных инициатив
Москва–Санкт-Петербург

2014

УДК 18.01

ББК 85

P17

Разуваев В.

- P17 Комментарии к «Государю» Макиавелли / В. Разуваев. — М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2014. — 528 с.
ISBN 978-5-98712-201-3

Книга посвящена подробному комментированию самой знаменитой работы Макиавелли «Государь». Написанная 500 лет назад, она и сейчас привлекает огромное внимание. Макиавелли называют основоположником политологии, человеком опередившим свое время. Его идеи оказали влияние на Гоббса, Руссо, Спинозу, Харрингтона, Гегеля. Идеи Макиавелли были востребованы Декартом, Фрэнсисом Бэконом, Ричем и Декартом. В результате влияния работ флорентийца начала формироваться концепция государственного интереса. Макиавелли восхищались и жестоко критиковали.

Книга предназначена широкому кругу тех, кто интересуется политикой и историей.

ISBN 978-5-98712-201-3

© Разуваев В., 2014

© Центр гуманитарных инициатив, 2014

*Моей жене Лилии
и ее родителям
Владимиру и Людмиле*

Введение

Общепризнанно, что современная политология началась с «Государя» Макиавелли. Фактически, если речь идет о ее нынешнем виде, он ее создал, если иметь в виду революционные принципы, с которыми флорентийский автор подошел к изложению своих идей. Маленькая книжка за несколько сотен лет серьезнейшим образом повлияла на ученых, политиков и все политические сообщества сначала Европы, а затем и всего мира. Понятие «макиавеллизм» стало нарицательным, а чтение этой работы фактически оказалось обязательным для всех, кто всерьез занимается общественными науками. Впрочем, даже не читавшие книгу, по крайней мере слышали о Макиавелли и его труде.

Неудивительно, что творчество одного из самых знаменитых флорентийцев вышло за пределы чистой политологии и стало культурным явлением. Сейчас мало кому придет в голову отрицать, что понимание эпохи Ренессанса немыслимо без учета вклада в нее первого политолога в современном смысле этого слова¹. А постоянная дискуссия вокруг взглядов Макиавелли сделала его творчество культурным элементом и последующих эпох.

---

¹ См., например, Chabod F. Machiavelli and the Renaissance. London: Bowes and Bowes, 1958; Canfora D. Prima di Machiavelli. Politica e cultura in età umanistica. Bari: Laterza: 2005; Simonetta M. Rinascimento segreto. Il mondo del Segretario da Petrarca a Machiavelli. Milano: Franco Angeli, 2004

На этом фоне понятно, что творчество Никколо (пусть он простит меня за формальное панибратство) вызывает огромный интерес среди политологов. Библиография работ, посвященных флорентийцу, огромна и увеличивается с каждым годом¹. Одолеть все труды о нем едва ли возможно, разве что какой-нибудь уже состоявшийся полиглот (а соответствующие публикации вышли на большинстве языков мира) не решит посвятить этому свою оставшуюся жизнь. Исследованию подвергаются как жизнь Макиавелли², так его труды и воздействие последних на мировую политику и культуру.

И самой знаменитой из работ Макиавелли стал «Государь». Как ни удивительно, число подробных комментариев к этой работе очень мало. Точнее — их вообще нет. Лучшим образцом на сегодняшний день является, на мой взгляд, исследование Алана Гилберта³, хотя есть и вари-

---

¹ Библиография работ Макиавелли с начала их публикаций в течении первого времени представлена в Bertelli S., Innocenti P. *Bibliografica Machiavelliana*. Verona: Edizioni Valdonega: 1979. Там же — описание первых работ о трудах Макиавелли. Библиографии работ о Макиавелли см. также Norsa A. *Il principio della forza nel pensiero politico di Niccolò Machiavelli seguito da un contributo bibliografico*. Milan: Ulrico Hoepli, 1936 (библиография охватывает произведения, изданные с 1740 по 1935 г.) и Ruffo Fiore S. *Niccolo Machiavelli. An annotated bibliography of modern criticism and scholarship*. Westport (Conn.): Greenwood press, 1990 (библиография опубликованных работ с 1935 по 1988 гг.).

² См., например, Виллари П. *Никколо Макиавелли и его время*. Т. 1. М., 1914; Жиль К. *Никколо Макиавелли*. М.: Молодая гвардия, 2005; Каппони Н. *Макиавелли*. М.: Вече, 2012; Фрайер Х. *Макиавелли*. СПб: Владимир Даль, 2011; Bausi F. *Machiavelli*. Roma: Salerno, 2005; Dotti U. *Machiavelli rivoluzionario. Vita e opera*. Roma: Carocci, 2003; Hale J.R. *Machiavelli and Renaissance Italy*. London: English universities press, 1961; Prezzolini G. *Vita di Niccolò Machiavelli fiorentino*. Milan: Vondadori, 1960; Ridolfi R. *Vita di Niccolò Machiavelli*, 2 vols. Florence: Sansoni, 1969. Rome: Angelo Belardetti Editore, 1954

³ Gilbert A.H., *Machiavelli's «Prince» and Its forerunners: «The Prince» as a typical book «de Regimine Principum»* New York, Barnes & Noble [1968, ©1938]

анты, ориентированные на нужды студентов, бегло изучающих данный труд, и адаптированные для быстрого чтения¹. И нет ни одного подробного комментария русских авторов, что, в общем-то, неудивительно, учитывая сложное отношение к Никколо в советское время. Довольно характерно, что до сих пор сохраняет свою актуальность вступительная статья А.К.Дживелегова к первому советскому изданию «Государя».

Между тем, в последнее время появилось много книг, которые либо прямо называются «новый Макиавелли», либо так или иначе имеют дело с переосмысливанием его идей не только для политики нашего времени, но и для различных социальных групп (и даже полов) современного общества². Наверное, это естественно, учитывая вклад флорентийца в политологию и вообще в гуманитарные науки, а также популярность его идей и особенно имени. Сейчас это принято называть брендом. Что ж, история временами воздаст своим героям сверх ими ожидаемого.

Италия времен Макиавелли находилась в очень сложной политической и экономической ситуации. Это была страна, точнее в те годы территория, где Возрождение проявило себя сильнее, чем в других европейских государствах. Достаточно сказать, что Микеланджело, Леонардо, Рафаэль и Тициан (да и не только они из великих людей) были современниками основателя современной политологии (кстати, с двумя первыми из них он был

---

¹ Magedanz S. The Prince. N.Y.: Wiley publishing, 2001

² См., например, Моррис Д. Новый государь. Новая версия Макиавелли для двадцать первого века. М.: Группа Компаний «Николо М», 2003; Гарриет Р. Искусство управления мужчинами для принцессы. Макиавелли для женщин. М.: Рипол Классик, 2005; Назаров А. Укрощение строптивого. Руководство по любви в духе современной Макиавелли. М.: НТ Пресс, 2007

знаком лично). Притом экономика Италии находилась в стагнации, а политику определяли раздробленность и соперничество многочисленных государств. Среди них доминировали пять политических образований: Венеция, Флоренция, Милан, Папское государство (включавшее в себя и Рим) и Неаполитанское королевство.

Ситуация резко осложнилась, когда герцог Милана Лодовико Сфорца^{*1} призвал французов в Италию, обещая поддержать династические претензии Карла VIII на Неаполитанское королевство (т.наз. Анжуйское наследство) и надеясь, что взамен Париж поддержит его в территориальных спорах с Венецией. Вторжение, начавшееся в августе 1494 г., прошло на удивление легко. В двенадцатой главе своей книги Макиавелли напишет, что французскому монарху *«и впрямь удалось захватить Италию с помощью куска мела»*. (Речь шла о том, что кусками мела идущие впереди армии квартирьеры размечали дома для постоя наступающих французских войск). В феврале 1495 г. Карл взял Неаполь. Другое дело, что срочно образовавшаяся антифранцузская коалиция, в которую вошел даже все тот же Сфорца, заставила французов покинуть Италию.

В 1499 г. преемник Карла Людовик XII вторгся в Италию, претендуя уже не только на Неаполь, но и на Милан, на который у него были наследственные права по линии матери. Французский король опирался на альянс с папой Александром VII (Борджиа)*. (Для укрепления своих политических позиций во Франции Людовику нужен был развод со своей женой, дабы жениться на вдове Карла VIII). Сделка была циничной, впрочем, вполне в духе того времени. Папа дал согласие на развод, а Людовик взамен

---

¹ Здесь и далее звездочка означает наличие информации о данном лице в именном Указателе

пообещал помочь его сыну, Чезаре (еще один вариант перевода — Цезарь) Борджиа (вариант — Борджа)*, завоевать входившую в состав Папского государства Романью, где формальные наместники Ватикана давно уже чувствовали себя полностью независимыми. Кроме того, у союзников были территориальные претензии к Неаполю.

Дальнейшие события так или иначе описаны в нижеследующих комментариях. Здесь, вероятно, следует лишь подчеркнуть, что при жизни Макиавелли, да и на много времени после нее, присутствие иностранной военной силы (вслед за Францией в Италию вторглись испанские войска), постоянные военные действия и повсеместное насилие стали тяжелейшей реальностью для этой страны. Для него было совершенно очевидно, что изгнать их может только успешный государственный деятель новой формации. Отсюда, собственно говоря, отчасти и тот подход, который сделал флорентийца великим в мировой политике и мировой политологии.

Теперь пришло время перейти непосредственно к автору «Государя». Никколо Пьеро Микеле Макиавелли, сын Бернардо Макиавелли*, родился во Флоренции 4 мая 1469 г. в семье бедного юриста почти сразу же после начала правления Лоренцо Медичи*, прозванного Великолепным. Герб семьи — синий крест на белом фоне, позднее были добавлены четыре гвоздя, *mali clavelli*, — символ «гибельных гвоздей» страстей Христовых. Бернардо был малообеспеченным юристом, политикой принципиально не занимался. Вполне достойный, хотя и очень скромный человек, книжник (этим уже многое сказано). Мать Никколо умерла в 1496 г. Вполне возможно, что Бернардо использовал свои старые связи, чтобы помочь сыну в устройстве на государственную службу.

В семье было четверо детей — два брата и две сестры. Никколо был старшим сыном, соответственно наслед-

ником Бернардо. О его детстве и юности почти ничего не известно, за исключением крайне скудных фактов. Обучался в школе при монастыре Сан-Бенедетто, учился читать и писать по латыни. Это было очень важно, поскольку именно на этом языке в то время велось делопроизводство. С целью усовершенствовать свою латынь в ноябре 1481 г. начинает учиться в школе Паоло да Ронсильоне, признанного знатока этого языка¹. Есть неподтвержденное предположение, что во второй половине 1480-х посещал Флорентийский университет и даже слушал там лекции Марчелло Адриани* (следует уточнить, что Адриани официально был профессором этого университета с 1494 г. по 1503 г., так что здесь имеет место хронологическая нестыковка). Во всяком случае, есть все основания говорить о его неплохом знакомстве с латинскими классиками². Едва ли он был в контакте с кружком гуманистов Медичи — по целому ряду причин.

Есть версия, согласно которой Никколо где-то после 1489 г. жил и работал в Риме в качестве банковского служащего³. В адрес автора этой догадки последовала жестокая критика⁴. На деле доказать что либо или опровергнуть сейчас практически невозможно. Тем не менее, данное предположение представляется крайне сомнительным и малоубедительным. В частности, потому что

---

¹ О полученном Макиавелли образовании см., например, Gilbert F. Machiavelli and Guicciardini: Politics and history in Sixteenth century Florence. Princeton: Princeton university press, 1965. P. 162

² См. по этому поводу, например, Ellinger G. Die antiken Quellen der Staatslehre Machiavelli's. Tübingen, 1888

³ Maffei D. Il giovane Machiavelli banchiere con Berto Berti a Roma. Florence: Giunti-Barbera. 1973

⁴ Gilbert F. Untitled review // American historical review. 1975. Vol. 80. P. 1319-1320; Martelli M. L'alto Niccolò Machiavelli // Rinascimento. 1974. T. 14. P. 39-100; Vasoli C. Niccolò Machiavelli, uno e due // Nuova rivista storica. 1976. T. 60. P. 384-400).

не подтверждается ни одним из последующих свидетельств, в том числе из переписки самого Макиавелли. Принято считать, что Никколо Макиавелли, работавший в Риме в банке, был попросту тезкой автора «Государя»¹, сын Алессандро, представителя другой ветви рода Макиавелли. В результате мы фактически ничего определенного не знаем о Никколо до 1498 г., когда он поступил на государственную службу после свержения Медичи и появления нового республиканского режима.

Занятые им сразу же посты — секретарь Второй канцелярии (Канцелярия внутренних дел) и секретарь Совета десяти. Дохода они приносили не так уж много, столь же мало было и реальной власти — Макиавелли стал исполнителем чужой воли, а не творцом политики. Поскольку исполнителем он был хорошим, то ему поручили вести еще и переписку Первой канцелярии (Канцелярия иностранных дел)². Написанные им до «Государя» политические сочинения («О положении в Пизе», «О том, как надлежит поступать с восставшими жителями Вальди-кьяны», «Обзор мероприятий Флорентийской республики по умиротворению партий в Пистойе» и др.) адресовались флорентийским властям, не претендуя на издание для широкой публики. Зато после начала бурной, хотя и посмертной, популярности Макиавелли они вызвали огромный интерес со стороны исследователей.

Макиавелли не раз поручали дипломатические миссии. Он встречался с несколькими виднейшими государственными деятелями Италии, четырежды ездил во Францию, посетил Германию. Во время поездок внешнеполитические решения не принимал, только информировал прави-

---

¹ Stephens J.N., Butter H.C. New light on Machiavelli // English historical review. 1982. Vol. 382. January. P. 55-56

² Об этом периоде см., например, Viroli M. Niccolo's smile: A biography of Machiavelli. London: Tauris & Co Ltd, 2001. P. 29-38

тельство о своих переговорах. Правда, активно давал Синьории советы, однако та к ним не прислушивалась.

Был инициатором создания флорентийского ополчения, которое им мыслилось как противовес общепринятому в то время использованию профессиональных наемников. Однако реальное участие его детища в боевых действиях оказалось плачевным: оно было разгромлено испанцами при осаде Прато в 1512 г. При этом сам Макиавелли всю оставшуюся жизнь все равно был убежден, что ополчение по своим достоинствам неизмеримо превосходит наемное войско.

Нельзя сказать, что моральный облик нашего героя был бы достаточно высок. Известны две жалобы по поводу его криминального поведения, причем одна из них обвиняет его в «неестественном сексуальном акте» с куртизанкой Лукрецией¹. В своих письмах друзьям он раскован в отношении своих сексуальных приключений, причем, честно говоря, трудно разобрать, где правда, а где обычное — увы — мужское бахвальство или желание потешить адресата. Добавим к этому обычную для флорентийцев склонность к черному юмору. Хотя, скорее всего, значительная доля истины в описаниях своих «подвигов» у будущего автора «Государя» все-таки была. Впрочем, это не касается прямо его интеллектуальной деятельности, а потому может быть оставлено нами «за скобками» в его кратком живописании.

Временами проявлял склонность к транжирству, в чем можно видеть реакцию на скупость отца. Был крайне самоуверен в отношении своего интеллектуального потенциала, из-за чего даже получил минимум одно обвинение в гордыне. Обладал прекрасным литературным стилем. Очень любил подшучивать над приятелями и над самим собой. Судя по переписке, в делах временами был небрежен и необязателен даже со своим правительством.

---

¹ Обвинение было квалифицировано как недоказанное

Радикальные перемены в его жизни настали в 1512 г., когда пожизненный гонфалоньер¹ Флоренции Пьеро Содерини*, главный политический покровитель Макиавелли, вынужден был уйти в отставку и покинуть Флоренцию. К власти возвращается семейство Медичи. Секретарь Макиавелли отстранен от службы в ноябре того же года и приговорен к годичной ссылке. Это была личная катастрофа, с какой бы стороны не смотреть на происшедшее: лишение значительной части финансовых доходов, отлучение от нужной ему как наркотик политики, пропавшая возможность общаться с друзьями иначе как с помощью переписки.

Существует устойчивое мнение, что он хочет вернуться к государственной работе в рамках режима Медичи и с этой целью уже в ноябре 1512 г.² пишет что-то вроде наставлений для них, причем советы свои основывает на принципе баланса сил в республике. Правящее семейство не обращает на рекомендации ни малейшего внимания. Больше того, вскоре Макиавелли был арестован по обвинению в заговоре против Медичи и подвергнут пытке дыбой. А затем попросту на некоторое время чуть ли не забыт в тюрьме: никакой политической ценности он не представлял, так что с ним можно было не считаться.

Его спасла амнистия по случаю избрания представителя рода Медичи кардинала Джованни Медичи папой,

---

¹ Термин гонфалоньер означает буквально «знаменосец» (*gonfaloniere*) и имел в те времена в Италии разные значения. Во Флоренции это был частоменяемый глава администрации. В данном случае флорентийцы, определив термин как *пожизненный гонфалоньер*, сделали попытку дать Содерини что-то вроде полномочий венецианского дожа, который тоже назначался пожизненно (хотя имел меньше полномочий). Гонфалоньером временами называли также командующего армией, в частности папской. Таковым был, например, Чезаре Борджиа

² Sasso G. Niccolò Machiavelli. Storia del suo pensiero politico. Naples: Istituto italiano per gli studi storici, 1958. P. 179

принявшего имя Лев Х*. Макиавелли оказался свободен, пусть даже сослан в свою загородную усадьбу, однако работы для него у государства, естественно, нет. В этой ситуации он решает найти новых покровителей. Или, если угодно, вынужден их искать. Выбор невелик и его пришлось сделать в пользу дома Медичи. Было ли это изменой прежним принципам или нет, решать каждому по отдельности. В этой книге такая задача не стоит. Кроме того, следует помнить, что Макиавелли убежден (правильно или нет — другой разговор), что освобождением он обязан новому правителю Флоренции Джулиано Медичи.

Для начала он пишет поэму, посвященную избранию Льва Х. Засыпает письмами друзей с просьбой подействовать ему в получении какого-то места в Риме, папском государстве или во Флоренции. Чаще всего направляет их Франческо Веттори*, своему другу, ставшему послом Флоренции при папском престоле незадолго до смерти бывшего папы Юлия II. В апреле и в июне 1513 г. посылает ему письма с анализом политических интересов Льва Х в Италии и в Европе. Ответы часто оказывались уклончивыми. Возможно, Веттори не хотел рисковать своим карьерным положением ради изгнанника. Однако нередко принятые в литературе обвинения в его адрес в недостаточном внимании к Макиавелли явно несправедливы. Посол на деле немало сделал для своего опального друга¹.

В результате флорентиец обращается к политическому сочинительству как к средству привлечь к себе внимание власть имущих. Ставка делается на «Государя». Период написания этой работы — небольшой, как и ее объем. Она должна была быть посвящена правителю Флоренции Джулиано Медичи.

---

¹ См., например, по этому вопросу Каппони М. Указ. соч. С. 222-223

Само по себе первое упоминание знаменитой книги довольно любопытно. 10 декабря 1513 г. Макиавелли описывает все тому же Веттори свою жизнь в деревне, где он находился в изгнании, причем делает это в шуточной форме. День проходит в будничной суете и азартных играх с представителями местного населения. Но все это прелюдия к главному, которое автор «Государя» описывает следующим образом (я позволю себе здесь большую цитату — дело того стоит): «С наступлением вечера я возвращаюсь домой и вхожу в свой кабинет; у дверей я сбрасываю будничную одежду, запыленную и грязную, и облачаюсь в платье, достойное царей и вельмож; так должным образом подготовившись, я вступаю в старинный круг мужей древности и, дружелюбно ими встреченный, вкушаю ту пищу, для которой *единственно* я рожден; здесь я без стеснения беседую с ними и расспрашиваю о причинах их поступков, они же с присущим им человеколюбием отвечают... Я записал все, что вынес поучительного из их бесед, и составил книжицу (в оригинале: *ipso opuscolo* — В.Р.) «О государствах», где по мере сил углубляюсь в размышления над этим предметом, обсуждая, что такое единоличная власть, какого рода она бывает, каким образом приобретается и сохраняется, по какой причине утрачивается. И если Вам когда-либо нравились мои фантазии, Вы и эту примете не без удовольствия, а государю, особенно новому, она может пригодиться, и я адресую ее Его Светлости Джулиано. Филиппо Казавеккья* видел эту книжку; он может подробнее описать, что она собой представляет и какие мысли я провожу в ней, хотя я еще не кончил ее пополнять и отделявать»¹ (пер. М.Юсима).

---

¹ Макиавелли Н. Письма // Макиавелли Н. Сочинения исторические и политические. Сочинения художественные. Письма. М.: НФ «Пушкинская библиотека», «Издательство АСТ», 2004. С. 704

Иногда высказывается мнение, что Макиавелли создал свое самое знаменитое произведение всего за полгода, с весны по осень 1513 года¹. Согласимся, что эта точка зрения сомнительна, хотя бы потому, что в письме к Веттори автор сам упоминает, что его книга еще не полностью готова. Вообще мнение о том, что работа была закончена так быстро, выглядит очень уж отличным от того, что знает современная наука.

Как бы то ни было, время создания «Государя» — одна из многочисленных загадок этой книги. У нас есть всего несколько фактов, чтобы строить вокруг них предположения и заключения.

Во-первых, в письме Франческо Веттори от 10 декабря 1513 г. указывается, что уже «составлена книжица» «О государствах», посвященная Джулиано Медичи.

Во-вторых, доказано, что с 1513 г. в текст «Государя» не внесено упоминаний о каких-либо новых событиях или проявлениях политического опыта².

В-третьих, к моменту написания письма книга еще не была закончена.

В-четвертых, рукописей, датированных 1513 г. или 1514 г., не сохранилось. Вероятно, это означает, что Макиавелли в то время не хотел ее распространения. Возможно, он надеялся на то, что она все-таки будет прочитана Львом X и сыграет роль в его карьере. Среди первых рукописей в распоряжении исследователей есть только те, которые датируются предположительно начиная с сентября 1515 г. и до октября 1516 г.

В результате мы имеем следующее:

---

¹ См., например, Микеладзе Н.Э. Шекспир и Макиавелли: тема «макиавеллизма» в шекспировской драме. М.: Издательство «ВК», 2005. С.21.

² Chabod F. Op. cit. P. 36

- основная часть работы или работа полностью была написана в 1513 г. и закончена по крайней мере в конце декабря этого года;
- последняя точка была поставлена не позднее осени 1516 г.;
- мы ничего не можем сказать о том, подвергалась ли работа текстуальной правке после 1513 г. до тех пор, когда Макиавелли решил сделать свой труд достоянием общественности. Правда, существует точка зрения, согласно которой нельзя исключать возможность того, что Макиавелли делал вставки и исправления даже в 1517 г. или в начале 1518 г.¹

Попытки Макиавелли добиться внимания со стороны клана Медичи в этом случае окончились неудачей, несмотря на то, что ему все-таки удалось преподнести книгу Лоренцо. Тот не обратил на нее никакого внимания².

Лоренцо умер в 1519 г. Власть над городом перешла к кардиналу Джулио Медичи, будущему папе Клименту VII. Отношение власти к Макиавелли постепенно меняется, он начинает выполнять различные поручения, затем получает от Флорентийского университета, который формально возглавлял Джулио, заказ на написание «Истории Флоренции». Естественно, бывший секретарь согласился и принялся за работу. Вообще-то это оказалась самая нелюбимая им своя книга, поскольку при ее написании он был вынужден кривить душой, дабы угодить власть имущим. В дальнейшем Макиавелли много думал и писал (в том числе свои знаменитые «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия» (далее — «Рассуждения») и «Мандрагору»; он был очень успешен в своих трудах), периодически занимался государственным

¹ Baron H. Machiavelli: The republican citizen and the author of *The Prince* // English historical review, 1961, Vol. 76. P. 239

² Каппони Н. Указ. соч. С. 239-240.

ной деятельностью, хотя и не на таком уровне, как при Содерини.

Умер он в 1527 г. Есть легенда, согласно которой перед смертью он рассказал своим друзьям, что у него было видение. Он увидел группу бедно одетых и жалко выглядящих людей, у которых спросил, кто они. Ответ был: мы получили благословление и направляемся в рай. Затем он увидел еще одну группу людей. Выглядели они весьма достойно и говорили о серьезнейших политических вопросах. Он узнал в них великих философов и историков античности, таких как Платон, Плутарх и Тацит. На аналогичный вопрос они ответили, что прокляты и направляются в ад. Рассказав это друзьям, Макиавелли добавил, что будет гораздо более счастлив говорить о политике с великими людьми прошлого в аду, нежели умирать от скуки в раю.

Вскоре после его смерти началась история самостоятельного существования «Государя» или «О государствах», как в действительности было названо это творение самим Макиавелли. История, похожая на захватывающий триллер. К сожалению, автор не присутствовал даже при его начале и едва ли мог предчувствовать, какой пожизненной славе он удостоится благодаря своему детищу.

В рукописи трактат начал распространяться еще при жизни автора. С согласия его или нет — сейчас сказать точно невозможно. Скорее всего — по крайней мере с явного попустительства, если не с молчаливого одобрения. Произведение переписывалось разными людьми, о чем свидетельствуют дошедшие до нас 19 рукописных манускриптов¹. Ошибки при копировании тоже, разумеется,

---

¹ Inglese G. *Per Machiavelli: L'arte dello stato, la cognizione delle storie*. Rome: Carocci, 2006. P. 51

делались различные. Одно сравнение результатов — работа для многих историков, филологов и политологов¹.

Жизнь и творчество Макиавелли часто связаны со скандалами. Один из них — так называемый плагиат Агостино Нифо. Приблизительно через 350 лет после описываемых событий ученые установили, что книга последнего «Об искусстве правления» (*De Regnandi Peritia*) от 1523 г. выпуска является ничем иным как плагиатом с «Государя», разве что на латинском языке. С течением столетий страсти вокруг этого открытия приутихли, было обращено внимание на особенности эпохи в отношении авторского права, на то, что Нифо существенно переделал не только структуру, но и текст книги.

В этом событии больше вопросов, нежели утвердительных ответов. Дело в том, что Агостино Нифо, известнейший в свое время философ, астролог и медик, вроде бы не нуждался в том, чтобы присвоить себе чужие заслуги. У него своих хватало. Это был энциклопедически образованный человек, умный и работоспособный. Он был одним из самых известных тогдашних исследователей Аристотеля, издателем и комментатором сочинений арабского философа XII века Аверроэса. Трудов у Нифо было множество.

Одна из версий появления плагиата состоит в том, что философ стал ориентироваться на актуальные вопросы и воспользовался рукописью, показавшейся ему «бесхозной». Есть предположение, что сам Макиавелли был не против вольного обращения со своим трудом. К сожалению, реакция флорентийца на это событие доподлинно опять же неизвестна. Мы не знаем даже, было ли ему известно об этой

---

¹ См. по этому поводу обязательно Machiavelli N., Inglese G. *De principatibus*. Roma: Istituto storico italiano per il medioevo, 1994; предисловие Inglese, особенно страницы 10-18

публикации¹. Ирония судьбы в том, что издание Нифо было посвящено императору Карлу V, одному из тех «варваров», против которых так страстно выступал Макиавелли.

Возможно, что сам факт столь раннего «креативного плагиата»² уже в то время красноречиво свидетельствовал не только о провокационности «Государя», но и о несомненных достоинствах этого труда. В конце концов, брать, тем более много, можно только там, где есть что взять, в том числе много.

Уже после смерти Макиавелли его бывший покровитель папа Климент VII Медичи специальным декретом в 1531 г. позволил официальную публикацию сочинений флорентийца. Это оказалось прорывом плотины — дальше все пошло по нарастающей, причем неожиданно для всех действующих лиц.

Первое печатное издание «Государя» вышло в январе 1532 г. в Риме, в мае того же года — во Флоренции. Уже первая печатная публикация вызывает некоторые вопросы из-за имевшихся несоответствий рукописным вариантам, которые и сами по себе несколько различались текстуально³. Противоречия были перенесены на последующие издания и первые переводы на иностранные языки. В целом же до 1557 г. было 15 изданий на итальянском и по крайней мере три в переводе на французский. Затем папа Павел IV, бывший глава инквизиции, внес все произведения Макиавелли в «Индекс запрещенных книг», по иронии судьбы опубликованный в том же издательстве, которое первое напечатало «Государя».

---

¹ См. по этому поводу интереснейшее исследование Anglo S. Machiavelli — *The first century. Studies in enthusiasm, hostility, and irrelevance.* Oxford, Oxford university press, 2005, где данному эпизоду с плагиатом Нифо посвящена отдельная часть работы

² Термин принадлежит, кажется, Сидни Англо. — Anglo S. Op. cit. P. 42

³ Bertelli S., Innocenti P. Op. cit. P. xxviii-xxxvi

Решение это было косвенным доказательством популярности Макиавелли, оказавшегося в одном списке с Эразмом Роттердамским, Джованни Боккаччо и Франсуа Рабле. Книгоиздателей запрет, разумеется, не остановил. «Государь» печатался в протестантской Европе, продолжались французские издания, в Венеции в соответствующих случаях просто не упоминалось имя автора или же год издания обозначался как 1550, т.е. до появления «Индекса».

В том же году, что и публикация Индекса, иезуиты публично сожгли изображение Макиавелли. В результате интерес к его работам и, в том числе, к трактату существенно усилился. Правда, было бы неверно считать, что это было главным образом естественной реакцией на гонения: работа действительно была революционной и откровенно провоцирующей.

Примечательно, что в относительно свободной от цензуры стране, чьей столицей был Лондон, в годы правления королевы Елизаветы ни «Государь», ни «Рассуждения» так и не были изданы. Во многом эта загадка в отношении английских публикаций работ Макиавелли, возможно, объясняется тем, что англичане по ряду причин предпочитали печатать пиратские копии, указывая в качестве места выхода континентальную Европу.

Европейское политическое сообщество с самого начала высоко оценило книгу Макиавелли. Рекламы тогда не было, современной нашему времени технологии производства «звезд» — тоже. Поэтому можно сказать с уверенностью, что интерес общества к работе флорентийца был подлинным. Другое дело, что публичной полемики она на первых порах не вызвала, что не удивительно, учитывая особенности того времени. Однако затем произошел резкий взрыв интереса к творению Макиавелли, вызванный, как мне кажется, в первую очередь провоцирующими тезисами книги и особенно непривычным для

того времени отсутствием «католической» составляющей в изложении и аргументах.

О том, какими тогдашнее просвещенное общество хотело видеть требования, предъявляемые к государю, можно судить, например, по следующему отрывку из пьесы Лоренцо Великолепного «Священное представление о мучениках Иоанне и Павле». Вот император Константин оставляет власть трем своим сыновьям и дает им урок:

Знай, кто ее стяжает по наследству,
Что власть дает нам тысячи забот,
А с ними дух и тело изнемогут:
На вкус держава горше, чем на вид.
Кто хочет испытать, что значит править,
О высшем благе прежде помышляй,
И жизнь благую выбрать подобает,
Чтобы другим служила образцом...
Отринуть роскошь от себя и скупость,
В суде любому правду воздавать,
Быть ласковым, сердечным и любезным:
Владыка будь слугой своим слугам.

Данные слова вроде бы выглядят заветом самого Лоренцо¹, хотя он сам при жизни нарушал провозглашенные здесь принципы. Кстати говоря, Макиавелли вполне мог быть зрителем во время постановок пьесы, которую ставили несколько раз в начале 1490-х годов на площади Синьории. Парадокс заключается в том, что один из возможных зрителей разрушил тезисы, на которых в то время основывалась целая концепция о том, какой надлежит быть политике и какими надлежит быть государям.

---

¹ Клулас И., Лоренцо Великолепный. М.: Молодая гвардия, 2007. С. 223

Если в Италии власти разумно решили ограничить популярность Макиавелли соблюдением молчания вокруг его имени, то во Франции на него начались нападки, что подхлестнуло любопытство общества. А потом была Варфоломеевская ночь, в организации которой обвиняли вдовствующую королеву Екатерину Медичи, дочь того самого Лоренцо II Медичи, герцога Урбино, которому Макиавелли посвятил свою самую известную книгу. Многие в ту пору называли «Государя» «библией Екатерины». Ходили слухи, что каждый из детей французской королевской матери носит с собой по томику самой известной книги Макиавелли¹. Почти наверняка эта точка зрения была существенной переоценкой любви сыновей (сказанное не относится к дочери Марго, жене Генриха Наваррского, будущего короля Генриха IV) Екатерины к книгам.

В 1576 г. гугенот Инносент Жентилье пишет книгу с характерным названием «Против Макиавелли», положив начало традиции монографической критики основоположника европейской политологии. Здесь, правда, следует отметить, что данный автор видел идеи Макиавелли осуществленными в правление Екатерины Медичи во Франции, что, по его мнению, привело к известной резне католиками протестантов.

В 1590 г. появляется сочинение Юстуса Липсиуса «Политические книги», где рассматриваются взгляды флорентийца на место религии в политике и государстве². В 1613 г. об этом же пишет Каспар Шоппе. В 1592 г. иезуит Антонио Поссевино³ открывает серию католических

---

¹ Фрида Л. Екатерина Медичи. М.: АСТ: АСТ Москва: Хранитель, 2006. С. 37, 397

² См. Benio-Brocchieri V. L'individuo il diritto e lo stato nella filosofia politica di G.Lipsio. Saggio di storia della dottrine politiche. Bologna, 1931

³ В России этот автор больше известен благодаря своему путешествию через Московию и соответствующему его описанию

монографических работ с критикой Макиавелли. Затем Габриэль Нодэ обращается к взглядам флорентийца на дипломатию, а также идею макиавеллиевского государя. В 1648 г. выходит первая биография Макиавелли, написанная его земляком Якопо Гадди. В XVII веке начинается бурная популярность работ Никколо в Англии, пусть даже главным образом и со знаком «минус».

Слава Макиавелли постепенно охватывает большинство европейских стран, но она в то время носит преимущественно «дурной» характер¹. Причем во всех ведущих европейских странах. Кстати говоря, существующая литература весьма много внимания уделяет критике взглядов Никколо, которая последовала после широкого распространения в Европе его трудов². Интересно, в частности, детальное изложение эволюции английского отношения к Макиавелли и его работам с начала XVI по конец XVII века.³

Примечательно, что допуск к его сочинениям в библиотеках долгое время требовал специального разрешения. В 1611 г. рождается термин «макиавеллизм» и с успехом распространяется по миру. Критика «Государя» в ту пору идет со всех сторон и носит по большей части уничтожающий характер. Впрочем, впоследствии появляется более взвешенная точка зрения, однако, как будет указано несколько ниже, стереотипы сохранились до наших дней (обычно негативная точка зрения сегодня распространена в политических и журналистских кругах, где макиа-

---

¹ См., например, Sorrentino A. *Storia dell'antimachiavellismo europeo*. Naples: Lofferedo, 1936

² См., например, Fido F. *Machiavelli*. Palermo: Palumbo, 1965;

³ См., например, Raab F. *The English face of Machiavelli: A changing interpretation 1500-1700*. London: Routledge and Kegan Paul, 1964. Этой проблеме посвящено несколько других серьезных трудов. Англичане как будто в этом отношении берут реванш за свое недостаточное внимание к основоположнику политологии в соответствующее время

веллизм рассматривается как крайний цинизм в смешении с вседозволенностью власти). Впрочем, не все было так однозначно уже в прежние времена, не говоря уже о сегодняшнем. Эта книга оказала влияние на Гоббса, Руссо, Спинозу¹, Харрингтона, Гегеля. Идеи Макиавелли были востребованы Декартом, Фрэнсисом Бэконом и Ричелье². Именно в результате влияния работ флорентийца начала формироваться концепция государственного интереса. Затем ее в том же столетии развил Жан Боден, а в начале XVII века — Гуго Гроций. Макиавелли оказал влияние даже на Декарта³.

Фридрих II посвятил опровержению «Государя» свою собственную работу (написана она была еще в бытность его наследным принцем).⁴ (Крайне критическое сочинение Фридриха вызвало немало позднейших нареканий⁵). Однако, на мой взгляд, книга оказалась явно недооцененной. В основном этот труд был посвящен разгрому положений Макиавелли. Работа имела существенный успех у читателей, несмотря на то, что не была подписана. Все, правда, и без того прекрасно знали имя автора. Волна интереса к этому труду оказалась такой, что почти сразу же

¹ Об изучении Спинозой работ Макиавелли (Calvetti C.G. Spinoza lettore di Machiavelli. Milan: Vita e pensiero, 1972)

² Существует точка зрения, согласно которой основные идеи и цели Ричелье были взяты из идеологии Макиавелли (Church W.F. Richelieu and Reason of state. Princeton: Princeton university press, 1972. P. 32). Разумеется, это неверно. Хотя Ричелье, безусловно, внимательно ознакомился с основным трудом флорентийца

³ Goyard-Fabre S. Descartes et Machiavel // Review de métaphysique et de morale. 1973. T. 78. P. 312-334

⁴ Есть несколько интересных работ, посвященных этой теме, в том числе Fido F. Op cit. P. 38-40; Sonnino P. Introduction // Frederick the Great. Frederick of Prussia. The refutation of Machiavelli's Prince or Anti-Machiavelli. Athens, Ohio: Ohio university press, 1981. PP. 1-24; Schieder T. Friederick der Grosse und Machiavelli/Das Dilemma von Machtpolitik und Aufklärung // Historische Zeitschrift. 1982. N 234. S. 265-269

⁵ Muralt L. Machiavellis Staatsgedanke. Basel: Benno Schwabe, 1945. S. 34-38

было осуществлено несколько недоброкачественных изданий этой работы, первое из которых по просьбе Фридриха безуспешно пытался остановить Вольтер.

Как ни парадоксально, однако оба труда, на мой взгляд во всяком случае, неплохо смотрятся вместе. Возможно, это впечатление создается потому, что Фридрих в основном выступал не столько как критик, а как комментатор, причем зачастую умный комментатор, работы флорентийца. Впрочем, к концу жизни король заявил, что Макиавелли все же был прав в своей оценке политики. Ирония судьбы состоит в том, что, выступая на словах против некоторых циничных тезисов Никколо, Фридрих в практической жизни главы государства следовал такой же циничной политике, в чем-то даже превосходя автора *Il Principe*.

Пришло время, и отношение к флорентийцу радикально изменилось. Макиавелли был признан основоположником европейской политологии. Сравнение с ним стало лучшей оценкой деятельности специалистов. Почти немыслимой — она означала возведение в стан небожителей (не случайно Макс Вебер как-то был назван «немецким Макиавелли»). Речь шла, конечно, не о том, что считается «макиавеллизмом», но о вкладе в политическую науку.

Огромный интеллектуальный вклад Макиавелли в дело освобождения и единства Италии. Его имя упоминали практически все вожди освободительного движения. «Я — Италия, великая и единая. И воспитал меня Николо Макиавелли», — писал поэт Джозуэ Кардуччи¹.

Довольно интересно сравнить известность Макиавелли с отношением историков к его знатному приятелю и выдающемуся итальянскому мыслителю Франческо Гвич-

---

¹ Цит по: Рутенберг В.И. Титаны Возрождения. Л.: Наука, 1976. С.105. «Николло» стоит в процитированном тексте

чардини*. Последнего, кстати говоря, временами считали продолжателем макиавеллистской политики на практике, хотя это и неверно: он был «всего лишь» реалистическим политиком. Это был выдающийся политический мыслитель и заметный государственный деятель своей эпохи. Однако сейчас его имя за пределами его страны знают только несколько тысяч специалистов по итальянскому Возрождению, в то время как о Макиавелли по крайней мере слышали все люди, считающие себя образованными. Да и прижизненное интеллектуальное влияние политика и историка периодически переоценивают. Иногда утверждается, что возражения Гвиччардини против идей своего старшего (по возрасту) приятеля в работе «Размышления по поводу рассуждений Макиавелли о первой декаде Тита Ливия» подталкивали Италию на путь сохранения коммунальной средневековой разобщенности¹. Да нет, для этого у него не хватало вышеупомянутого интеллектуального влияния, причем как после смерти, так и при жизни, когда его политическая звезда горела ярко и блеск ее казался несравнимым с якобы малозначимым в политике и своих сочинениях Макиавелли.

Можно с уверенностью сказать, что после своего бурного успеха «Государь» отчасти пал жертвой собственного успеха. Многие оригинальные и революционные мысли стали общепринятыми понятиями, уже не поражающими воображение читателей. Многие битвы, которые автор вел против ортодоксии, кажутся сейчас тривиальными и скучными, просто потому, что он давно уже одержал сокрушительную победу.

В настоящее время вклад Макиавелли в современную политическую науку общепризнан, а сам автор фактиче-

---

¹ De Caprariis V. Francesco Guicciardini. Della politica alla storia. Bari: Laterza, 1950

ски канонизирован большинством политологов. Впрочем, в ряде случаев и в современной науке встречается скептическая нотка, а то и прямая критика в отношении не частных, а всей предложенной флорентийцем концепции, пусть даже такой подход и является исключением. Так, замечательный русский философ Алексей Лосев писал о Макиавелли, что «предлагавшиеся им методы государственного правления являются жесточайшим и античеловеческим механицизмом, возникшим в виде полной противоположности эстетическим и свободомыслящим идеалам возрожденческой Италии. «Государь» Макиавелли формально тоже является возрожденческим титаном. «Макиавеллизм» — все тот же возрожденческий титанизм; этот титанизм освобожден не только от христианской морали, но и от морали вообще, и даже от гуманизма».¹ К личному поведению Макиавелли Лосев также относился крайне отрицательно.

Вообще очень трудно разобраться в причинах морализма, неожиданно овладевшего великим русским философом. Скорее, всего, причина заключается в недостатке его сведений о морали и нравах как героев Возрождения, так и самого Макиавелли. При желании можно и Леонардо да Винчи обвинить в множестве грехов, однако никто из современных исследователей этого, к счастью, не делает. И дело не только в том, что современное общество становится терпимее. Просто мы уже свыклись с мыслью о том, что существуют разные культуры, не говоря уже о временах, и не следует судить нечто только потому, что оно отличается от привычного нам.

Поклонники утверждали, что в «Государе» Макиавелли продемонстрировал способность исследователя выделить универсальные правила человеческого мышления,

---

¹ Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. М.: Мысль, 1982. С. 557

мотивации и действий, тем самым предвосхищая по духу образование Галилеем новой науки о природе¹. Исследователи проводят параллели между «Государем» и галилеевым трактатом «Беседы и математические доказательства, касающиеся двух новых отраслей науки, относящихся к механике и местному движению»². Не случайно в настоящее время преобладающая точка зрения исследователей творчества Макиавелли состоит в том, что он, «взяв за критерий истины социальную действительность», сделал громадный шаг к научному описанию общественных отношений³, за что его опять же сравнивали с Галилеем⁴. Давно уже устоялось мнение, согласно которому бесполезно отрицать революционность, а также теоретическую и практическую значимость изысканий Макиавелли.

Вообще-то точки зрения на творчество флорентийца крайне разнились и разнятся. Есть довольно странная, с моей точки зрения, позиция, что Макиавелли не может быть квалифицирован как ученый, поскольку политическая наука вообще не является подлинной наукой⁵. А другие считают, что в «Государе» предпринято научное исследование прошлого и настоящего, что позволило вывести научные уроки древних и современных событий⁶. Высказывалось предположение (даже утверждение), что, в отличие от других работ Макиавелли, «Государь» есть действи-

---

¹ Olschki L. Machiavelli, the scientist. Berkeley, California: The Gillick press, 1945. P. 58

² Cassirer E. The myth of the state. New Haven: Yale university press, 1946. P. 129-139

³ Юсим М.А. Истина у Макьявелли и у гуманистов // Проблемы культуры Итальянского Возрождения. Л.: Наука, 1979, с.77.

⁴ Olschki L. Machiavelli the scientist. Berkeley, California: The Gillick press, 1945. P. 22.

⁵ Scaglione A. Machiavelli the scientist? // Symposium. 1956. Vol. X. P. 244

⁶ Spirito U. Machiavelli e Guicciardini. Rome: Edizioni Leonardo, 1945. P. 26-28

тельно научный труд¹. Разброс мнений привычный для оценки трудов одного из самых знаменитых флорентийцев.

Существует мнение, что Макиавелли не имел намерения создать политическую науку, но собирался восстановить и очистить концепцию политической теории как главным образом риторическую практику, основанную на историческом знании и способности интерпретировать действия, слова и жесты². Справедливости ради следует отметить, что автор «Государя» действительно не думал создавать новую науку. Он ее просто создал между делом, не задумываясь о том, что делает.

Его называли человеком, который обогнал Фрэнсиса Бэкона с его индуктивным методом на полстолетия³. Макиавелли приписывают даже влияние на образование «чикагской школы» экономистов⁴. Утверждалось, что после его смерти начал умирать и период Ренессанса во Флоренции⁵, что является явной переоценкой его влияния. Исследователи сравнивали «Государя» с «Утопией» Томаса Мора и «Городом солнца» Кампанеллы⁶. Есть точка зрения, что

---

¹ Chiapelli F. Studi sul linguaggio di Machiavelli. Florence: Le Monnier, 1952

² Viroli M. Machiavelli. New York: Oxford university press, 1998. P. 1-5

³ Wedgewood C.V. Niccolò Machiavelli // Truth and opinion: Historical essays. New York: MacMillan Co., 1960. P. 55-61

⁴ Bluhm W.T. Machiavellian *Virtù* and the emergence of freedom values: Machiavelli, the 'Chicago school', and theories of group process // Theories of the political system: Classics of political thought and modern political analysis. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, Inc., 1965. P. 199-247

⁵ Clifford E. The end of the Renaissance in Florence // Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance, 1965, T. 27. P. 7-29

⁶ Riley W. The Renaissance: Niccolò Machiavelli // Men and morals: the story of ethics. New York: Frederick Ungar publishing Co., 1960. P. 195-206

есть что-то завораживающее в том, что и как писал Макиавелли, что-то, рождающее непреходящее беспокойство¹

Традиция видеть в «макиавеллизме» политическую аморальность дошла до XX века² и даже до нынешнего. Макиавелли обычно упрекают в крайней циничности. Это верно, но только частично. Еще менее верно, что он проторил дорогу политической циничности, и что он оказал негативное влияние на последующие поколения политиков и политологов. На деле таким был его век, такими были его современники, такова была политическая практика тогдашних государей и политических деятелей. Последующие, кстати говоря, мало отличались от тех образцов, с которыми сталкивался и о которых писал флорентиец. Да и среди его современников было немало людей, которые не только мыслили не менее цинично, чем Макиавелли, но писали соответственно. Хватит одного изречения Гвиччардини: «Отрицай всегда то, что по-твоему не должно быть известно, и утверждай то, чему люди по-твоему должны верить; пусть многое тебя изобличает, пусть будет против тебя почти достоверность, но смелое утверждение или отрицание часто привлекает ум слушателя на твою сторону»³.

Уточним здесь одно важное обстоятельство. Политический цинизм был, есть и будет. Он неизбежен для любого государственного деятеля, как неизбежны обман в личной жизни, недоговоренность в обращениях к Богу, эгоизм в общении с близкими, двойственность в любви к Отчизне. При всем том мы не должны принципиально идти на оправдание цинизма в политике, как бы его

---

¹ Berlin I. The originality of Machiavelli // Against the current: Essays in the history of ideas. Oxford: Clarendon press, 1979. P. 26

² Fanon F. The wretched of the Earth. New York: Grove press, 1963

³ Гвиччардини Ф. Заметки о делах политических и гражданских // В кн. Гвиччардини Ф. Сочинения. М.: Academia, 1934. С. 105-229

не называли и насколько бы он ни был необходим в конкретном эпизоде.

Впрочем, у Макиавелли были свои соображения по данному поводу. В «Рассуждениях» он высказался предельно четко: «... Когда на весы положено спасение родины, его не перевесят никакие соображения справедливости или несправедливости, милосердия или жестокости, похвального или позорного. Наоборот, предпочтение во всем надо отдать тому образу действий, который спасет ее жизнь и сохранит свободу».¹ Так что другая сторона вопроса о циничности состоит в том, что Макиавелли был основоположником теории «государственных соображений»². Вероятно, эта точка зрения куда более близка к действительности, нежели все слова о цинизме флорентийца.

Давно уже создаются мифы о практическом вкладе Макиавелли в современную ему политику. Их очень много. Таково, скажем, мнение, что как политический деятель он был выдающейся фигурой своей эпохи³. К совершенно анекдотичным относится утверждение С.Лозинского, что автор «Государя» «не без чувства гордости относил к своим последователям» папу Юлия II.⁴ Легенда о Макиавелли как человеке, реально делавшем большую политику даже в ограниченных условиях Флоренции, не имеет ничего общего с действительностью. Но в принципе в мифах о Никколо нет ничего удивительного: они вообще сопровождают замечательных людей, особенно после их

---

¹ Макиавелли Н. Рассуждения..., с. 343-344

² Meinecke F. Die Idee der Staatsrason in der neueren Geschicht.. München; Berlin, 1924.

³ Рутенбург В.И. Макьявелли и его время // Проблемы культуры Итальянского Возрождения. Под ред. В.И. Рутенберга. Л.: Наука, 1979. С. 79.

⁴ Лозинский С.Г. История папства. М., Политиздат, 1986. С. 219

смерти. Однако следует, видимо, раз и навсегда в этой книге установить, что, несмотря на огромный пиетет автора этих комментариев перед флорентийцем, я не вижу необходимости следовать пути некоторых моих коллег и несоразмерно возвеличивать его жизнь и его труды. Как, впрочем, и принижать их. В дальнейшем это будет заметно по комментариям к некоторым положениям рассматриваемого труда.

«Ограниченность деятельности Макиавелли, — писал Антонио Грамши, — что он являлся «частной личностью», писателем, а не главой государства или армии, который, также являясь отдельной личностью, имеет, однако, в своем распоряжении силы государства или армии, а не только армии слов».¹ Здесь поневоле вспоминаются слова Сталина относительно связи политического значения Папы Римского с количеством находящихся в его распоряжении дивизий. Грамши², видимо, и прав, и не прав (а Сталин не был прав категорически). Можно смело предсказать, что современная политология и юридическая наука оказались бы весьма существенно обедненными, если бы в распоряжении флорентийца находилось государство или хотя бы армия. Он бы просто не написал свой знаменитый труд.

У «Государя» множество проблем и нерешенных вопросов. И масса загадок. Начнем с того, что Макиавелли, как было отмечено выше, написал его очень быстро и, если честно, в некоторых случаях (а может быть даже часто) несколько небрежно. Эта свойственная ему и в других случаях небрежность породила, в свою очередь, массу дополнительных проблем при комментировании этого произведения средневековой политологии. С по-

¹ Грамши А. Дань истории. М: Политиздат, 1960. С. 80

² О влиянии Макиавелли на Грамши см., например, Sanquinetti F. Gramsci e Machiavelli. Rome: Laterza, 1982

добными трудностями сталкивались все, кто обращался к этой книге. Несмотря на все уважение к гениальному флорентийцу, очевидно, что не все части его «Государя» носят равноценный характер.

«Государь» — самое знаменитое произведение Макиавелли. Одновременно с этим можно полностью согласиться с исследователями, которые указывают на то, что сколько-нибудь полно понять флорентийца без учета остальных его работ невозможно¹. Другое дело, насколько далеко можно пойти по этому пути. Дело в том, что здесь есть обратная сторона. В настоящее время вошло в практику дополнять и комментировать те или иные высказывания этой книги ссылками на другие работы, в первую очередь «Рассуждения». Временами это бывает правомерно. Однако не следует все же считать, что один труд («Государь») является только лишь частью другого («Рассуждения»)². Они писались в разное время, с разными задачами и для разной аудитории. В целом можно поддержать точку зрения, что неправы те, кто считает, будто «Государь» и «Рассуждения» являются гармоничными частями единой и взаимосвязанной политической философии³. Выделим также и то, что исследователи обращали внимание на расхождения в терминологии в двух самых известных политических произведениях Макиавелли⁴.

---

¹ Whitfield J.H. On Machiavelli's use of *ordini*. // Italian studies. 1955. Vol. X. P. 19-20

² Довольно распространенное мнение. См., например, Mantilla Pineda B. Maquiavélo o el iniciador de la ciencia politica moderna // Revista de estudios politicos. 1967. Vol. 151. P. 5-21

³ Baron H. Op. cit. P. 228; Hexter J.H. *Il Principe and lo stato* // Studies in the Renaissance. 1957. Vol. 4. P. 133; Cassirer E. Op. cit. P. 145-148; Caristia C. *Il pensiero politico di Niccolo Machiavelli*. Naples: Editore Jovene, 1951. P. 57

⁴ Hexter J.H. Op. cit. P. 133

В России у произведений Макиавелли своя история, прекрасно изложенная М.А.Юсимом¹. До революции к автору «Государя» относились весьма негативно. Ситуация изменилась в советское время. У нашей тогдашней науки было особое мнение: термин «макиавеллизм» в его общепринятом понимании возник из ложно понятого учения и неверно истолкованных идей знаменитого флорентийца. Причем эта точка зрения доминировала весь период изучения творчества Макиавелли в СССР². Формально секрет был прост: флорентиец, по мнению советских марксистов, «с редким мужеством и научной точностью изобразил в запоминающихся максимах приемы политической борьбы в классовом антагонистическом обществе...»³ На деле причина столь доброго отношения к Никколо была проста: его высоко ценили классики марксизма.⁴

Особый вопрос — терминология, которая используется автором этих комментариев. Скажем, говоря о Макиавелли, я периодически прибегаю к слову «флорентиец». Надо сказать, что это делается в целях главным образом лексического разнообразия. Намека на состояние Италии в ту эпоху здесь нет, хотя использование данного понятия даже с этой точки зрения полностью оправдано. В целом же я придерживаюсь мнения, что терминологические новации в комментариях данного рода были бы неоправданными, так что в этой области читателю не следует ожидать неожиданностей и скрытых подвохов.

---

¹ Юсим М.А. Макиавелли в России: мораль и политика на протяжении пяти столетий. М.: ИВИ РАН, 1998

² См., например, Дурденевский В.Н. Макиавелли и государственная наука // «Советское право», 1927, № 3. С. 83-84

³ Политические учения: история и современность. Домарксистская политическая мысль. М., 1976. С. 230

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 314, 319

И, наконец, по поводу переводов «Государя» или «Князя» на русский. Их много и все они по-своему хороши. Отмечу, что переводчики пытались не засушить книгу в тонкостях терминологии, сделать ее доступной широкой публике. Однако в результате временами пропадает понятийная полифония Макиавелли, а некоторые отрывки оказались искажены в переводах. Впрочем, это же замечание относится и к другим заграничным переводам флорентийца, в том числе английским.

Скорее всего, такая вольность в подходе к переводам оказалась оправданной. Причина проста: в противном случае количество терминологических объяснений и уточнений выросло бы настолько, что напрочь отбило бы у большинства читателей желание знакомиться с самой знаменитой политологической работой всех времен и народов.

В связи с этим перед автором данных комментариев в свое время возникла тяжелейшая дилемма: не замечать некоторые принципиальные неточности в переводах означало бы фактически с самого начала отказаться от задачи, которую я себе поставил: прокомментировать текст «Государя». Одновременно с этим решать эту задачу буквалистски означало бы сделать текст малопонятным для читателей и превратить его в подобие интеллектуального соревнования на лингвистическом поприще с несколькими специалистами, зачастую уже ушедшими, причем судьями оказались бы опять же только несколько специалистов.

Что касается конкретных переводов «Государя» на русский язык, то их в общей сложности на данный момент шесть: Ф.К.Затлера (с французского), Н.С.Курочкина (с немецкого), С.М.Роговина,

М.С.Фельдштейна, Г.Д.Муравьевой, М.А.Юсима¹. Для комментариев в данной работе был избран перевод Г.Д.Муравьевой как наиболее распространенный. Тем не менее, при необходимости в работе будут приведены альтернативные варианты, каждый из которых по своему заслуживает внимания. Наиболее часто я прибегал к переводу М.Юсима.

Сравнение различных переводов вполне оправданно, в частности, из-за неточностей, вызванных трудностями интерпретации текста. Вообще абсолютно точный перевод с одного языка на другой невозможен, но с этой проблемой научились справляться. А вот со спецификой языка Макиавелли в его главном труде дело обстоит намного сложнее. Порядок слов в предложении временами бывает, скажем осторожно, специфический, а грамматика иногда хромает; четко выражено пристрастие к словам и понятиям, которые имеют несколько значений; нет определений используемым терминам; смысл некоторых предложений улавливается с трудом. Есть и другие проблемы, с которыми приходилось сталкиваться переводчикам «Государя».

Ну и о том, что может показаться явными ошибками данной работы.

Я обращался в этой книге по крайней мере к трем группам аудитории: студентам, ученым, просто интересующимся политикой. Отсюда очень большая (фактически неизбежная) возможность критики со стороны одной из частей возможной аудитории. Студентам не нужна углубленная сторона комментариев, политологам не нужны некоторые компилятивные (заранее признаюсь в этом)

---

¹ Имеется еще «изложение», т.е. издание с сокращениями, А.Пресса — Общедоступная философия в изложении А.Пресса. Вып. III. Макиавелли Н. Государь. Рассуждения о первых 10 книгах Тита Ливия. СПб., 1900

решения данной книги, «просто» интересующихся политикой будут наверняка раздражать те части материала, которые обращены к немногочисленным специалистам по Макиавелли.

В мое оправдание могу сказать лишь то, что если бы это была чисто научная работа, то она бы имела совсем другие параметры. Однако я не могу не принять во внимание и то обстоятельство, что комментарии по «Государю» крайне востребованы российским обществом. Тем более в настоящее время. И потому я согласен взять на себя бремя вполне заслуженной критики со стороны возможных оппонентов из всех трех групп потенциальной аудитории.

Я также взял за себя смелость временами проводить параллели между максимами Макиавелли, относящимися к Италии, и ситуациями в других странах. В первую очередь — в средневековой России. Не знаю, насколько это было оправданно — судить читателю.

Отмечу в заключение, что обилие сносок означает только уважение к авторам, которые разрабатывали затрагиваемую проблематику до меня.

Государь

Хорошо известно, что Макиавелли озаглавил свою книгу «De Principatibus», т.е., в дословном переводе на русский: «О принципатах» (более вольный, но имеющий полное право на существование перевод на русский — «О государствах» или «О княжествах»). Тем не менее, уже первое печатное издание данного труда появилось под названием «Il Principe» — «Государь» или «Князь». Причина переименования неизвестна. Интересно, что Макиавелли в «Рассуждениях» называет этот труд сначала *de Principati* (II, I), а затем *De Principe* (III, 42) — «О Государе».

На русском языке первое издание в переводе Ф.К.Затлера звучит как «Монарх»¹, второе — Н.С.Курочкина — «Государь»², третье — С.М.Роговина — «Князь»³, последующее в «Academia» в переводе М.Фельдштейна уже в советское время — опять же «Князь»⁴. Дальнейшие издания в своем большинстве ориентировались на заглавие «Государь», тем более, что по преимуществу они являлись перепечаткой ставшего очень популярным, хотя и временами неточного, перевода Г.Д.Муравьевой.

---

¹ Макиавель Н. Монарх. СПб.: Общественная палата, 1869

² Макиавелли Н. Государь. Рассуждения на первые три книги Тита Ливия. СПб., 1869

³ Макиавелли Н. Князь. СПб., 1910

⁴ Макиавелли Н. Сочинения. М.: Academia, 1934

Посвящение

Никколо Макиавелли — его светлости
Лоренцо деи Медичи

Устоявшаяся с некоторых пор точка зрения состоит в том, что посвящение было написано где-то между сентябрем 1515 и сентябрем 1516 гг.¹ Во всех рукописях данного периода есть посвящение Лоренцо II². В сентябре 1515 г. тот стал капитан-генералом Флоренции, а 8 октября 1516 г. — герцогом Урбинским. Соответственно, в последнем случае Макиавелли стал бы обращаться к нему не только как к «Его светлости» (*eccellenza*), но как к герцогу (*magnificus* и *Duke*)³.

Здесь есть дополнительное уточнение. Макиавелли, как он сам писал в письме к Веттори, первоначально собирался посвятить свой труд Джулиано Медичи⁴. Об этом было известно из того же письма, информация из которого могла быть известной во Флоренции. Джулиано умер в марте 1516 г. Едва ли опытный государственный чиновник стал бы искать нового адресата своего посвящения до смерти прежнего, тем более находящегося в родстве с Лоренцо. Соответственно, наиболее вероятно в

¹ Baron H. The *Principe* and the puzzle of the date of the *Discorsi* //Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance. 1956, Vol. 18. P. 419

² В описании рукописей и первых книгопечатных изданий работ Макиавелли до сих пор уникальное и фундаментальное место занимает аннотированная библиография Адольфа Гербера (Gerber A. Niccolò Machiavelli: die handschriften, ausgaben und übersetzungen seiner Werke im 16. und 17. Jahrhundert, mit 147 faksimiles und zahlreichen Auszügen. Eine kritisch-bibliographische Untersuchung, 3 Bd. Gatha, 1912-1913).

³ Ridolfi R. Vita di Niccolò Machiavelli. P. 439 и последующие

⁴ Макиавелли Н. Сочинения исторические и политические. С. 704

этой ситуации, что новое посвящение появилось в промежутке между мартом и октябрём 1516 г¹.

Таким образом, между написанием основного текста книги и окончательным выбором посвящения прошло минимум чуть больше двух лет. Немалый срок, за который прошло немало событий. За это время изменилась политическая ситуация, изменился «кадровый состав» власть имущих в Риме и во Флоренции, да и сам Макиавелли тоже переменялся, причем весьма существенно.

В уже цитировавшемся выше письме Веттори от 10 декабря 1513 г. Макиавелли пишет, что закончил книгу о государствах (принципатах) и собирается поднести ее брату папы Льва X Джулиано Медичи. Понтифик сделал того гонфалоньером, главнокомандующим католической церкви — пост, на котором некоторое время назад был знаменитый сын не менее знаменитого папы Александра VI — Чезаре Борджиа. Поговаривали, что Лев X может по примеру Александра VI создать для своего брата княжество в центре Италии на основе папского государства в Романье. Больше того, некоторые исследователи считали, что Макиавелли надеялся на объединение Италии под властью папы из династии Медичи, в соответствии с моделью взаимоотношений Александра VI и Чезаре Борджиа².

Если учесть верную службу Макиавелли республиканскому режиму Флоренции, то выбор адресата посвящения вроде бы выглядит странным. Кажется, что автор «Государя» не только с легкостью меняет политических покровителей, но и надеется, что новая власть забудет его политическое прошлое и прибегнет к его услугам. Однако Макиавелли с легкостью находит аргумент в пользу гарантии своей будущей лояльности клану Ме-

---

¹ Baron H. Machiavelli: The republican citizen and the author of *The Prince* P. 238

² Strauss L. Machiavelli's intention. P. 25

дичи. В письме послу Флоренции в Риме Франческо Веттори бывший секретарь Совета десяти утверждает, что Джулиано Медичи может не сомневаться в его верности. Доказательство этого утверждения выглядит парадоксальным в лучшем духе автора «Государя»: лояльность гарантирована тем, что автор прежде был всегда безоговорочно верен своим покровителям, противникам клана Медичи.¹

К этим словам можно относиться по-разному. Марк Юсим замечает, что рассуждения флорентийца принадлежат потерявшему работу профессиональному политику, который забыл собственные рецепты политической мудрости и предлагает услуги бывшему врагу, на верность противнику которого он ссылается. Российский ученый увидел в этом либо крайнюю наивность, либо крайнюю беспринципность.²

На мой взгляд, Макиавелли проявил скорее политический цинизм, чем наивность или беспринципность. Данные Юсимом определения («крайняя наивность» и «крайняя беспринципность») справедливы только по меркам нашего времени. У Макиавелли, безусловно, были иллюзии в отношении режима Медичи³. Не надо забывать также об особенностях психологии минувших столетий. Макиавелли вел себя как типичный представитель своей страны и своей эпохи. Находясь в тюрьме, он даже пишет два сонета, посвященные «Великолепному Джулиано Медичи» и полные лести в отношении тогдашнего правителя Флоренции. И пусть даже ставка на «Государя» у него не удалась, работу он все же во Флоренции в конце

¹ Макиавелли Н. Письма. С. 705

² Юсим М.А. Этика Макиавелли. М.: Наука, 1990. С. 13.

³ Об иллюзиях и неопределенностях, связанных с надеждами Макиавелли в отношении Медичи см. Renaudet A. Machiavel. Paris: Gallimard, 1942. P. 90-118

концов получил, к тому же именно от семейства Медичи, пусть даже на условиях «временной занятости».

С другой стороны, есть немало исследователей, которые полны сомнений в отношении подспудных причин данного посвящения. В конце концов, после возвращения Медичи к власти, Макиавелли увидел Флоренцию поработенной, был заключен в тюрьму и подвергался пыткам, его карьера была разрушена. Разве в такой ситуации после освобождения из заключения люди тратят свои силы на то, чтобы научить своих врагов искусству управления государством? Добавим к тому, что Никколо был убежденным республиканцем. Отсюда версия, что данную работу автор писал как политическую сатиру¹. Правда, эта точка зрения не является популярной и совершенно не подтверждается перепиской самого Макиавелли², хотя сам по себе подход, безусловно, является оригинальным и остроумным.

Предполагаемый патрон Никколо, которому должна была быть посвящена книга, скончался в 1516 г. Позднее посвящение поэтому было сделано Лоренцо, сыну Пьетро Злосчастного, герцогу Урбинскому, внучатому племяннику Лоренцо Великолепного, ставшему преемником Джованни в качестве главы Флоренции. Все тому же Медичи.

Ситуация на деле исключительно проста: Макиавелли, как он пишет в следующем же предложении, собирался «снискать милость правителя». По той причине, что ему нужна была работа, и он надеялся, что клан Медичи таковую ему предоставит. Это, наверное, главная причина выбора адресата посвящения. Им должен был стать видный представитель клана Медичи. Не один, так другой. Есть и другая причина данного выбора. Исследователи

¹ Mattingly G. Machiavelli's Prince: political science or political satire?// American scholar, 1958. Vol. 27. N 4. Autumn. P. 489-491

² Machiavelli N. Lettere. Milan: Feltrinelli, 1961

отмечали, что мистический *новый* государь у Макиавелли появится скорее в лице молодого Медичи, нежели потерпевшего политическое поражение Чезаре Борджиа¹.

Другое дело, что автор «Государя» писал не только для Медичи. Антонио Грамши высказал предположение, что автор «Государя» ориентировался на политическую подготовку «неосведомленного», народ, городскую демократию². Мне кажется, что здесь есть сознательное лукавство. История «Тюремных тетрадей» прекрасно известна, так что у Грамши были причины выдвинуть данную точку зрения. Не мне, во всяком случае, критически относиться к той интеллектуальной игре, которая прослеживается в его предположении. Но Макиавелли писал все же не для того, чтобы политически образовывать «необразованных». Скорее основной аудиторией должен был стать круг, близкий к флорентийскому политологу, круг, который мы сейчас называем «политическим сообществом» (здесь очень интересна переписка Макиавелли с друзьями, которая показывает, насколько сильна была в его окружении тяга к политике и политическим дискуссиям)³.

Так что есть достаточная доля уверенности в том, что «ядро» аудитории, на которую ориентировался Макиавелли, должны были составить, пользуясь терминологией Грамши, именно «осведомленные»⁴. Причем у нас есть

---

¹ Sasso G. Coerenza o incoerenza del XII capitolo del *Principe*? // Cultura. 1972. Vol. 10. P. 1-35

² Грамши А. Избранные произведения в трех томах. Том 3. Тюремные тетради. М.: Иностранная литература, 1959, с. 120-121

³ Machiavelli N. Lettere. Особенно интересна в этом плане переписка с Веттори. Два товарища взахлеб обсуждают современную политику, порицают одни действия власть имущих, одобряют другие и вообще ведут себя как люди, влюбленные в политику. Особенно активен был Макиавелли, поскольку был лишен возможности заниматься политикой практической.

⁴ Анализ языка «Государя» показывает, что Макиавелли адресовал свою книгу широкому политическому сообществу. — Richardson

свидетельства того, что последние с восторгом читали и перечитывали творение великого флорентийца. Недаром Ришелье заказал своему библиотекарю Машону «Апологию» Макиавелли. (Вообще надо сказать, что сравнение «Государя» Макиавелли и «Политического завещания» Ришелье¹ не просто весьма интересно, но и способно, на мой взгляд, привести к некоторым неожиданным переоценкам тех или иных пассажей как итальянского мыслителя, так и французского государственного деятеля). Больше того, Ришелье оплатит за свой счет издание «Государя».

Резюмируя вышесказанное, мы получим следующие результаты в отношении аудитории, на которую ориентировался Макиавелли:

- клан Медичи;
- политическая элита Флоренции и, возможно, Италии;
- политическое сообщество Флоренции и, возможно, Италии;
- возможно, все, кого интересовала политика.

Ну, а теперь, перейдем собственно к комментированию текста.

Обыкновенно, желая снискать милость правителя, люди посылают ему в дар то, что имеют самого дорогого или чем надеются доставить ему наибольшее удовольствие, а именно: коней, оружие, парчу, драгоценные камни и прочие украшения, достойные величия государей. Я же, вознамерившись засвидетельствовать мою преданность Вашей светлости,

---

B. The Prince and its early Italian readers // Niccolò Machiavelli's The Prince. New interdisciplinary essays. Manchester: Manchester University press, 1995. P. 20-22

¹ Ришелье А.-Н. дю Плесси. Политическое завещание, или Принципы управления государством. М.: Ладомир, 2008

не нашел среди того, чем владею, ничего более дорогого и более ценного, нежели познания мои в том, что касается деяний великих людей, приобретенные мною многолетним опытом в делах настоящих и непрерывным изучением дел минувших.

Если называть вещи своими именами, то у Макиавелли, конечно, не было того, что он с внешним удовольствием перечисляет: коней, оружия, парчи, драгоценных камней и прочего. Здесь, однако, важно обратить внимание на уверенность в себе Никколо, который искусно приравнял свои знания политики к наиболее ценным для того времени подаркам. Обратим также внимание, что в самом начале своей работы автор «Государя» отмечает, что в своей книге будет сочетать практическое знание современной политики с книжным знанием.

Есть точка зрения, согласно которой доминантное Я в «Государе» идентифицируется с Макиавелли как автором текста. Оно обращено к двойной аудитории, распознаваемой как Ты и Вы. Первое обращение — к идеальному государю, объекту коммуникации. Вы обращено к конкретному адресату, Лоренцо Медичи, действующему лицу, который может реализовать идеологию автора книги¹.

Положив много времени и усердия на обдумывание того, что я успел узнать, я заключил свои размышления в небольшом труде, который посылаю в дар Вашей светлости.

Возможно, что наиболее интересно здесь, почему Макиавелли написал именно «небольшой труд» (*uno piccolo*

---

¹ Di Maria S. La struttura dialogica nel *Principe* di Machiavelli // Modern language notes. 1984. Vol. 99. P. 69-79

volume), ведь в глазах Медичи более объемистое сочинение вроде бы могло показаться приемлемее для тех целей, которые ставил перед собой автор. Одно объяснение на поверхности и уже упоминалось выше — флорентиец спешил как можно быстрее зарекомендовать себя в глазах победившего клана и получить у него работу. Второе объяснение вытекает из прагматизма Макиавелли: мне кажется, что небольшой объем книги во многом связан с тем, что он надеялся: занятые множеством дел Медичи и другие власть имущие скорее прочтут компактное, нежели объемное произведение. Он сам в одном из писем к Веттори сомневался в том, что у Джулиано Медичи найдется время для «Государя». Власть имущие вообще не любят читать большие труды. И раньше, и теперь.

Ирония судьбы заключалась в том, что когда Макиавелли преподнес Лоренцо Медичи свой *piccolo volume*, тот был так занят разглядыванием подаренной ему своры собак, что не обратил внимания на подарок. Что ж, Никколо любил подобные эпизоды. Правда, не тогда, когда они касались его лично.

И хотя я полагаю, что сочинение это недостойно предстать перед вами, однако же верю, что по своей снисходительности вы удостоите принять его, зная, что не в моих силах преподнести вам дар больший, нежели средство в кратчайшее время постигнуть то, что сам я узнавал ценой многих опасностей и тревог.

Здесь Макиавелли наверняка не случайно делает упор на личный практический опыт, на котором, по его словам, основано его произведение. Сам он писал в этой связи Веттори: «... По прочтении этой вещи будет видно, что я не проспал и не проиграл в бирюльки те пятнадцать лет, которые были посвящены изучению государственного искус-

ства, и всякий захочет использовать богатый опыт человека, готового им поделиться»¹. Для него в той ситуации было жизненно важно подчеркнуть свои практические знания².

Я не заботился здесь ни о красоте слога, ни о пышности и звучности слов, ни о каких внешних украшениях и затеях, которыми многие любят расцвечивать и уснащать свои сочинения, ибо желал, чтобы мой труд либо остался в неизвестности, либо получил признание единственно за необычность и важность предмета.

Нам всем очень повезло, что автор вроде бы не заботился о красоте слога и звучности слов в понимании своего века. Он мог бы это сделать — и получилось бы, возможно, подобие его стихотворений, о которых почти никто сейчас ничего не знает³. За формой — почти наверняка неудачной, во всяком случае для нынешнего времени — пропал бы смысл великой книги.

Действительно, главное сочинение Макиавелли написано исключительно простым и вроде бы понятным языком; действительно в нем отсутствуют внешние словесные украшения. Между тем, флорентинец был прекрасным писателем, снискавшим успех у аудитории не в последнюю очередь из-за взыскательного стиля. Тем не менее, он сознательно пошел по пути, который казался ему упрощением языка. Очередная загадка Макиавелли?

---

¹ Макиавелли Н. Письма. С. 705

² Есть интересные работы, посвященные его корреспонденции с Синьорией, в том числе Chiapelli F. Machiavelli as Secretary // Italian quarterly. 1970. N 53. P. 27-44

³ Хотя когда известный публицист Ариосто не упомянул его в «Неистовом Орландо», перечисляя тогдашних ведущих итальянских поэтов, Макиавелли был очень обижен.

Впрочем, в отношении стиля далеко не все так просто, как могло бы показаться. Упрощение упрощением, однако Никколо был среди тех, кто самым активным образом принял участие в создании современного итальянского языка¹, хотя, когда речь идет о лексике Макиавелли, я полностью согласен с замечанием, что тут «мы находимся на флорентийской территории»². Иными словами, огромное значение имеют тогдашние особенности данного диалекта. Встречающиеся в текстах автора «Государя» идиомы образовались из двух источников: канцелярской лексики флорентийской коммуны XIII века и следствия частичной реформы языка государственных актов Колуччио Салютатти* во второй половине XIV века. Макиавелли объединяет эти два подхода и создает на их основе нечто своеобразное. Безусловно, в конкретных случаях выбор Макиавелли тех или иных лексических и синтаксических конструкций происходил в рамках авторского лингвистического сознания и характеризовал его личность³. Следует подчеркнуть, что язык Макиавелли был одинаков и в его дипломатической корреспонденции, и в научных трудах.

Одновременно следует иметь в виду и то обстоятельство, что великий итальянец, как писалось уже давно и много раз, проявлял определенное пренебрежение к точ-

---

¹ Язык Макиавелли изучается давно и с большим вниманием главным образом среди итальянских ученых. См., например, Chiapelli F. *Gli scritti di Machiavelli segretario* // *Cultura y scuola*. 1970. NN 33-34. P. 242-249; Chiapelli F. *Ipotesi di ricerca sullo stile del Machiavelli* // *Cultura y scuola*. 1970. NN 33-34. P. 250-254; Caretti L. *Lo scrittore* // *Terzo programma*. 1970. N 10. P. 49-57. Стилистика «Государя» затрагивается, в частности, в Wolin Sh. *Machiavelli: Politics and the economy of violence* // *Politics and vision: Continuity and innovation in Western political thought*. Boston: Little, Brown and Company, 1960. PP. 195-238

² Whitfield J.H. *On Machiavelli's use of ordini*. P. 20

³ Chiapelli F. *Nuovi studi sul linguaggio del Machiavelli*. Florence: Le Monnier, 1969. P. vii

ности своей терминологии. В результате — бесконечные споры среди поколений исследователей по поводу того или иного понятия и огромная литература с анализом таких ключевых слов у Макиавелли как, например, *stato*, *virtù*, *fortuna* и др. Причем значительное число авторов не без успеха отстаивают правоту своих интерпретаций.

Этому возможны несколько объяснений. Первое и главное состоит в том, что Макиавелли был сыном своего времени. Судить его слог и разбирать терминологию можно только с учетом того факта, что требования нынешней науки в его эпоху еще не существовали. Отсюда и бросающаяся в глаза небрежность понятийного аппарата и вытекающие отсюда различного рода трактовки того или иного термина. По этому поводу есть немало скептических замечаний в исследованиях¹. Один из исследователей позволил себе даже уничижительное замечание относительно «примечательной ограниченности его политического словаря»².

Второе объяснение заключается в цели, которую перед собой поставил флорентиец: написать что-то вроде учебника или даже скорее пособия для государей в отношении управления государствами. Все остальное казалось ему, якобы, побочным. Отсюда вполне естественное отношение к языку и понятийному аппарату.

Третье объяснение состоит в том, что работу желательно было написать быстро. Затем она почти не переделывалась или не переделывалась вообще. Это обстоятельство объясняет многое.

В-четвертых, следует иметь в виду дополнительно и то, что Никколо периодически был небрежен, что сказывалось и на его работе, и на взаимоотношениях с людьми.

---

¹ См. по этому поводу, например, Hexter J.H. *Il Principe and lo stato* P. 113-114

² Anglo S. Machiavelli: A dissection. London: Victor Gollancz, 1969. P. 242

В скобках попробуем представить, как хохотал бы Макиавелли (а он любил это делать), узнав о многочисленных трактовках используемой им терминологии.

Наконец, пятое возможное объяснение заключается в признаваемом немалым числом исследователей факте: сравнительно небольшое произведение Никколо написано в разных жанрах и разных стилях. Впрочем, здесь есть и другие мнения.

Я желал бы также, чтобы не сочли дерзостью то, что человек низкого и ничтожного звания берется обсуждать и направлять действия государей.

Здесь Макиавелли в своем очередном самоуничижении с точки зрения нашей современности прямо противоречит духу собственных заявлений о значимости своих трудов по исследованию основ власти и управления обществом, а также данного произведения (в котором он видит *«средство в кратчайшее время постигнуть то, что сам я узнавал ценой многих опасностей и тревог»*), однако в принципе это совпадает с нашими представлениями об особенностях той эпохи. Такое поведение в известных случаях была нормой, и это надо просто принять как естественную черту того времени.

И все же бросается в глаза **гордыня** автора (в действительности ему присущая, по свидетельствам его друзей), который не только обсуждает действия государей, но и берется направлять власть имущих в том, что касалось их действий в отношении государств. Эта гордыня особенно заметна на фоне искусственного приращения собственного образа (*«человек низкого и ничтожного звания»*). Необходимый эмоциональный баланс воздействия на аудиторию, будь то один человек или множество, был, таким образом, достигнут. Один из

приемов флорентийца. С другими нам предстоит познакомиться позднее.

Как художнику, когда он рисует пейзаж, надо спуститься в долину, чтобы охватить взглядом холмы и горы, и подняться на гору, чтобы охватить взглядом долину, так и здесь: чтобы постигнуть сущность народа, надо быть государем, а чтобы постигнуть природу государей, надо принадлежать к народу.

Внешне наблюдение это не совсем удачно с точки зрения истины. Едва ли сам Макиавелли отказывал себе в возможности постигнуть «сущность народа». Больше того, в своих книгах он нередко пытался, причем с успехом, выполнить эту задачу. Другое дело, что данная фраза, видимо, была продиктована желанием осторожно объяснить, почему «человек низкого и ничтожного звания» рискнул взяться поучать государей.

Можно, конечно, предположить и большее. Сам Макиавелли принадлежал к народу, Лоренцо II (до него — Джулиано) — к государям. Соответственно, данный пассаж можно интерпретировать при желании и как честолюбивое намерение стать вровень с тем, кому адресовано это посвящение. Втайне, конечно. В том числе втайне от Лоренцо II. Правда, мне временами все-таки кажется, что это слишком сложное объяснение слишком сложного замысла.

Наконец, есть предположение, что речь идет о сатирическом пассаже. Основанием этой точки зрения является, в частности, далеко не лестные высказывания о человеческих слабостях народа и государей, которые рассыпаны по этой книге.

Как бы то ни было, с точки зрения Макиавелли существует некая техника правления, правители и подданные

могут иметь разную точку зрения на происходящее, и все зависит от перспективы, с которой наблюдаешь за событиями¹.

Пусть же Ваша светлость примет сей скромный дар с тем же чувством, какое движет мною; если вы соизволите внимательно прочитать и обдумать мой труд, вы ощутите, сколь безгранично я желаю Вашей светлости достичь того величия, которое сулят вам судьба и ваши достоинства.

В данном случае книга предстает прежде всего как своеобразное пособие для государей². Причем пожелание Макиавелли государю «достичь того величия, которое сулят ваша судьба и ваши достоинства» не пассивно, оно выглядит здесь деятельным: он, в конце концов, указывает на путь к выработке возможной стратегии государя. Сунь-цзы в свое время был более категоричен: «Если полководец станет применять мои расчеты, усвоив их, он непременно одержит победу; я остаюсь у него. Если полководец станет применять мои расчеты, не усвоив их, он непременно потерпит поражение; я уйду от него. Если он усвоит их с учетом выгоды, они составят мощь, которая поможет и за пределами их»³.

¹ Berlin I. Op. cit. P. 40-41

² Высказывалось очень спорное мнение, что «Государь» — это попросту собрание практических советов для Джулиано (Clough C.H. Yet again Machiavelli's Prince // Annali istituto universitario orientali, Napoli. Sezione romanza. 1963. T. 5. P. 201-226). Хотя частичный резон в этом предположении все-таки есть.

³ Сунь-цзы. Трактат о военном искусстве // Конрад Н.И. Избранные труды. Синология. М.: Главная редакция научной литературы издательства «Наука», 1977. С. 26-27

И если с той вершины, куда вознесена Ваша светлость, взор ваш когда-либо обратится на ту низменность, где я обретаюсь, вы увидите, сколь незаслуженно терплю я великие и постоянные удары судьбы.

Прямое обращение Макиавелли за помощью к правящей флорентийской элите. Необходимо еще раз отметить, что в то время такое поведение зазорным не считалось. Больше того, иметь влиятельного покровителя, пусть даже и с помощью раболепия, выглядело вполне нормально и даже вызывало зависть.

Глава 1

Сколько видов бывают государства и как они приобретаются¹

Самая короткая глава книги. И одна из самых насыщенных. Фактически в ней речь идет о дальнейшей структуре данного труда. Макиавелли делает это в соответствии с принципами древнеримской риторики. Отдельно обратим внимание на стиль: доведенная до предела краткость. Тезисы не обсуждаются и не доказываются, как это будет делаться в других главах. Никколо в начале книги ограничивается одной констатацией. Не случайно есть точка зрения, что Макиавелли открыл возможность разграничения между стилями аналитического политического исследования, с одной стороны, и всего остального, с другой. В обоих случаях разнились терминология и концепции².

В переводе Юсима заглавие данной главы звучит как «Какого рода бывает режим личной власти и какими способами она приобретается», что, на мой взгляд, более точно соответствует смыслу, который Макиавелли вкладывает в свой термин.

Обратим внимание, что заглавие главы в принципе соответствует первоначальному названию книги. Автор собирается писать труд о государствах и законах их су-

---

¹ Хотя текст «Государя» написан на итальянском, заглавия глав в рукописных копиях были на латыни. Их перевод на итальянский в первом печатном издании Макиавелли, скорее всего, не принадлежал. Впрочем, полностью исключить эту версию нельзя.

² Wolin Sh.S. Politics and vision. P. 184

ществования. Немного позднее станет ясно, что все это экстраполируется на нужды государей. А затем последние безраздельно выйдут на первое место.

Итак, о чем в первую очередь эта работа: о государях, о государствах или же это советы государям? Мы сталкиваемся здесь с ситуацией, когда читатель фактически волен давать собственный ответ на этот вопрос, причем практически каждый ответ будет содержать значительную часть истины. Но почему?

Моя гипотеза (основанная, впрочем, не только на особенностях авторской психологии вообще и макиавеллиевской в частности, но и на текстуальном анализе «Государя») сводится к тому, что лично для флорентийца вся эта проблема не имела принципиального значения. Уже говорилось о том, что времена научной точности понятий в политологии при Макиавелли еще не наступили (да и о самой политологии в ту пору никто не слышал), так что авторы могли чувствовать себя свободными там, где сегодня властвуют жесткие рамки и негласные табу. Когда флорентийцу хотелось, он писал о государствах, когда считал нужным — о государях или давал им советы, если полагал правильным — обращался к правителям и читателям с пламенным призывом к освобождению Родины. Может быть, именно так и создаются великие произведения?

Отдельно следует выделить строгое научное начало этой едва ли не самой известной в мире политологической работы. Традиционно некоторые исследователи сравнивают его с эмоциональной, внешне совершенно ненаучной концовкой. Они же выделяли совершенно антитрадиционалистский характер подачи материала в данной книге Макиавелли. Совершенно очевидно и стилевое разнообразие «Государя», переходящее в противоречие.

Мое мнение сводится к тому, что сам Макиавелли уделял единству своего стиля гораздо меньше внимания, чем

исследователи его творчества. Может даже показаться, что он просто писал так, как ему нравилось, и это суждение не будет откровенной ошибкой. Другое дело, что он в своей книге инструментален до предела, что, на наш взгляд, было упущено некоторыми предыдущими комментаторами. Иными словами, все в книге подчинено — пусть и нередко на подсознательном уровне — решению нескольких основных задач. В результате мы наблюдаем в этой книге сознательное или бессознательное смешение стилей для более глубокого воздействия на читателя, для того, чтобы с большей уверенностью побудить его совершить то самое действие, которого хочет от него автор.

Мне хочется особо оговорить, что в таких случаях, как анализ «Государя», интерес и интеллектуальное удовольствие доставляют не только ответы на те или иные поставленные проблемы. Не меньший интерес и не меньшее удовольствие, как мне хочется верить, приносят и формулировки вопросов и загадок, связанных с таким произведением, как работа Макиавелли.

Все государства, все державы, обладавшие или обладающие властью над людьми, были и суть либо республики, либо государства, управляемые единовластно.

При переводе и понимании этого предложения возникло множество противоречий. Поэтому сразу же сошлемся на различные подходы к нему. В переводе Курочкина на русский звучит следующее: «Все гражданские общества в государственном смысле представляются или монархиями или республиками». У Роговина: «Все государства, все формы господства, которые имели и имеют власть над людьми, были и есть или республики, или княжества». В переводе Фельдштейна: «Все государства,

все власти, которые господствовали и господствуют над людьми, были и суть или республики, или княжества». В переводе Марка Юсима это предложение выглядит следующим образом: «Все государства, все правительства, когда-либо главенствовавшие над людьми, подразделяются на республики и принципаты». В версии самого автора: *«Tutti gli stati, tutti e' domonii che hanno avuto y hanno imperio sopra gli uomini, sono stati e sono o republiche o principati»*.

В рассматриваемом предложении речь идет о типах государственного устройства. Здесь Макиавелли не пошел по пути Аристотеля и Платона (об интеллектуальных переплетениях между Платоном, Аристотелем и Макиавелли написано немало¹). Каждый из этих двух древних философов создал куда более разветвленную систему государственного устройства, нежели флорентийец. Платон, например, в диалоге «Политик» упоминает монархию, тиранию, аристократию и два вида демократии (есть точка зрения, согласно которой Макиавелли находится все же ближе к Платону, чем к Аристотелю²). Впрочем, считается, что эта фраза флорентийца все же вызвана прямым влиянием Стагирита. Как отмечали некоторые комментаторы «Государя», первая глава у Макиавелли носит ярко выраженный антиаристотелевский характер³. Я с этим не вполне согласен (Макиавелли во-

---

¹ См., например, Vitale E. Platone, Aristotele, Machiavelli. Torino: Giaprichelli, 1989. Впрочем, есть точка зрения, что взгляды Макиавелли находились в остром контрасте с работами Платона и Аристотеля. См. Rauch L. Machiavelli: The state as a work of art // The political animal: Studies in political philosophy from Machiavelli to Marx. Amherst: University of Massachusetts press, 1981. P. 1-15

² Strauss L. Thoughts on Machiavelli. Glencoe, Illinois: The Free press, 1958. P. 285; Werner E. Machiavel et Platon // Revue de métaphysique et de morale. 1973. Vol. 78. P. 295-311

³ Gilbert A. Op. cit. P. 19

обще крайне редко полемизировал со своими предшественниками и, во всяком случае, никогда не делал этого прямо¹), однако эта точка зрения, безусловно, имеет право на существование. Поэтому обратим внимание, что Аристотель насчитывал в общей сложности целых шесть государственных устройств, как «правильных», так и «неправильных»².

Важно здесь то, что эти великие древнегреческие философы предпочитали более детальную классификацию типов государства, а Макиавелли ограничился самой простой. Проблема, конечно, не в том, что флорентинец из-за недостатка классического образования не знал древнегреческого³, пусть даже его отец и торговал, помимо прочего, античной литературой⁴. Ему прекрасно была известна классификация государственного устройства Аристотеля, что он и доказал в одной из своих работ⁵. Другое дело, что он сделал это с ярко выраженной неохотой и без упоминания имен.

Как бы то ни было, данное разделение типов государств в данной главе идет, возможно, либо из древнеримской истории, либо из современного Макиавелли положения в Италии, когда венецианская республика противостояла остальным авторитарным государствам⁶.

---

¹ Довольно характерна реакция Макиавелли на критическое замечание Веттори в личной переписке по поводу «Политики»: не знаю, что об этом сказал Аристотель, однако я определенно могу сказать, что может существовать, что существует и что существовало.

² Аристотель. Политика // Аристотель. Соч. в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 457

³ Напомню — не в оправдание Макиавелли, а просто к слову, что и Петрарка не знал древнегреческого, несмотря на то, что собрал ценную библиотеку античных рукописей.

⁴ Абрамсон М.Л. Человек итальянского Возрождения. Частная жизнь и культура. М.: РГГУ, 2005. С. 92

⁵ Он их старательно перечислил в своих «Рассуждениях». С. 15.

⁶ Gilbert A. Op. cit. P. 19

Кроме того, автор «Государя» помнил, разумеется, и республиканское прошлое Флоренции.

В этом отрывке флорентиец в первый раз в своей работе упомянул термин *stati*, от *stato*, государство. И тут мы сразу сталкиваемся с существенной трудностью в понимании Макиавелли. Дело в том, что авторская рукопись «Государя» до нас не дошла. Известно несколько рукописных копий, а затем начались первые печатные издания. В публикации 1550 г. (Testina) и позднейших репринтах этого издания в предложении есть только две запятые — после слов «государства» и «людьми». Значение запятых не следует, разумеется, переоценивать, однако легко предположить, что *stati* в данном случае равнозначны *dominii* или даже вообще определяются как таковые. А вот *dominii* осуществляют *imperio*. Таким образом, *stati* в данном случае это *dominii*, осуществляющие *imperio*¹. В результате получается, что три последних перевода на русский из процитированных выше более адекватны, чем два первых.

Вообще значение термина *stato* или *государство* у Макиавелли исследовалось многократно. Среди ранних российских авторов наиболее удачная трактовка, на мой взгляд, принадлежит Алексею Дживелегову², шедшему все-таки, как мне кажется, из слишком уж широкого понимания данного термина.³ Учтем, однако, что современная полити-

---

¹ В этой связи можно упомянуть, что *dominium* означало феодальное владение, а *imperium* — суверенитет или независимость. — Dowdall H.C. The word "State" // Law Quarterly Review. 1923, Vol. XXIX, January. P. 111

² О жизни и деятельности этого, к сожалению, во многом забытого сейчас, автора см., например, Девятова Ю. Триумф и трагедия отечественного либерализма. Жизненный путь и эволюция общественно-политических взглядов А.К. Дживелегова (1875-1952) // Армянский вестник, 1998, № 3-4

³ Соответствующий комментарий Дживелегова см.: Дживелегов А.К. Никколо Макиавелли // Макиавелли. Соч. Том 1. М.; Л., Academia, 1935. С. 333-335

ческая наука с тех пор ушла значительно вперед¹. Сколько-нибудь подробный обзор этой литературы оказался бы здесь занимающим слишком много места и потому неэффективным с точки зрения целостности данной работы. Поэтому приведу лишь мнение Евгения Темнова: новый термин введен для обозначения «новой политической реальности», т.е. «больших, независимых централизованных, национальных государств»². Есть утверждение, что *stato* у Макиавелли в «Государе» на 75 процентов представляет собой современное понимание этого термина, включая политическое, национальное и территориальное наполнение³. Впрочем, здесь есть и другие точки зрения⁴. Например, что *stato* у Макиавелли можно понять только в контексте существования тогдашних итальянских государств, которые были и большие, и маленькие, и полностью независимые, и независимые только отчасти. Риккардо Фубини вообще утверждал, что *stato* в документах пятнадцатого века очень часто было синонимом термина политика, *politica*⁵.

Уже на примере отношения исследователей к первому разбираемому понятию легко заметить, что проблема тер-

---

¹ Среди многочисленных работ относительно *stato* выделю, в частности, Mansfield H.C. On the impersonality of the modern State: a comment on Machiavelli's use of *stato*. // The American political science review. 1983, Vol. 77. P. 849-857; Caristia C. Op. cit. P. 109-135; Rubinstein N. Notes on the word *Stato* in Florence before Machiavelli // Rowe J.G., Stockdale W.H. eds. Florilegium historiale: Essays presented to Wallace R. Ferguson. Toronto: University of Toronto press, 1971. P. 313-326; Levi A. W. "De interpretatione: Cognition and context in the history of ideas" // Critical inquiry. 1976, Vol. 3. P. 153-178; Hexter J.H. Op. cit. P.113-138.

² Темнов Е.И. Макиавелли — политический писатель // Макиавелли. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. О военном искусстве. М., Мысль, 1997. С. 13

³ Chiapelli F. Studi sul linguaggio di Machiavelli. P. 68

⁴ Hexter J.H. *Il Principe and lo stato*. P. 135-137

⁵ Fubinu R. Note Machiavelliane e paramachiavelliane a proposito della relazione di N. Rubinstein // Studies on Machiavelli. Ed. By Myron P. Gilmor. Florence: Sansoni, 1972. P.390

минологии в сочинениях Макиавелли по-прежнему актуальна. Делавшиеся попытки решить этот вопрос¹ можно назвать только началом, за которым не следовало надлежащего продолжения. Это немудрено, учитывая особенности отношения автора к терминологическому аппарату. Надо предупредить, что пока речь идет только об одном понятии. Через некоторое время ситуация многочисленных диспутов в отношении других основных понятий, использованных в данной книге, повторится еще несколько раз.

Как бы то ни было, в общей сложности в «Государе» термин *stato* употребляется 114 раз. Для книги, которая содержит около 15 тысяч слов, к тому же наполненной различного рода историческими примерами, это является довольно высокой интенсивностью использования² (В другом случае тот же исследователь насчитывает 115 употреблений *stato* в «Государе»³).

Если ориентироваться на то, что Макиавелли писал в этой книге, то выяснится, что у него есть разные подходы к термину *государство*. Попробуем их рассмотреть⁴ хотя бы отчасти, а потом будем обращаться к ним по мере комментирования текста.

Первый пример. Фердинанд Арагонский* «в начале своего царствования ... вторгся в Гранаду и тем самым заложил основание своего правления» (пер. М.Юсима, гл. XXI). На деле он «заложил основание» *dello stato suo*, т.е. своего государства. Как бы то ни было, перевод Юсима вполне в русской переводческой традиции. Хотя, воз-

---

¹ Например, De Vries H. Essai sur la terminologie constitutionnelle chez Machiavelli (*Il principe*). Amsterdam: Uitgeverij excelsior, 1957

² Hexter J.H. Op. cit. P.117

³ Hexter J.H. The loom of language and the fabric of imperative: The case of *Il Principe* and Utopia // American historical review, 1964, Vol. 69. P. 952-953

⁴ Hexter J.H. *Il Principe* and *lo stato*. P. 127

можно, Макиавелли, если учитывать контекст его высказываний, имел в виду, что Фердинанд заложил основы своего *нового государства*.

Второй пример. В Турции или Египте властителем и преемником султана становится человек, «получающий власть от уполномоченных на это лиц. И поскольку обычай этот древний, речь не может идти о новой власти, ибо здесь не встречаются присущие ей трудности, ведь если государь и новый, то государственные порядки старые (*gli ordini di quello stato — B.P.*), и они так же пригодны для него, как и для наследного государя» (пер. М.Юсима, гл. XIX).

Третий случай. «Римляне... поступали так, как надлежит поступать всем разумным государям: они помышляли не только о нынешних, но и о будущих заботах и искали пути, как с ними справиться. Ведь предвидя их заранее, легко найти выход, а когда беда приблизилась, болезнь становится неизлечимой, и лекарство уже не ко времени. Получается так, как врачи говорят о чахотке, что вначале ее легко вылечить, но трудно распознать, а по прошествии времени, если с самого начала она была запущена, болезнь становится очевидной, но трудноизлечимой. То же и в государственных делах... (*nelle cose di stato*)» (пер. М.Юсима, гл. III).

Четвертое. «Затем, новоиспеченные государства, как и все другие скороспелые порождения природы, не полагаются корнями и разветвлениями, которые спасли бы их от первой непогоды» (пер. М.Юсима, гл. VII).

Пятое. «... Эти немногие не решатся выступить против мнения большинства, на стороне которого защищающее его величие государства (пер. М.Юсима, гл. XVIII).

Шестое. «Основанием же всех государств, как новых, так и древних и смешанных, служат хорошие законы и хорошие войска» (пер. М.Юсима, гл. XII).

Отметим также, что когда Макиавелли использовал термин *государство* применительно к правительственному аппарату, он обычно старательно подчеркивал, что последний должен целиком оставаться в руках государя. Иными словами, *lo stato* в этом случае остается эквивалентным *lo suo stato* (его *государство*), собственного государства правителя¹.

В целом же можно предположить, что копья по поводу данного термина ломаются по большей части напрасно. Теория государства Макиавелли в данной книге попросту не интересовала. Ему всего лишь хотелось давать советы государям.

Макиавелли проявляет себя в данном случае как современный по нашим меркам политический консультант. В сегодняшней России это значит: как можно меньше теории, как можно больше практики (хотя мне приходилось встречать и таких продвинутых консультантов, которые оправдывали свою практику чужой теорией. Естественно, что такой подход оплачивался несколько выше). Эта позиция оправдана со стороны интересов заказчика и вполне естественно, что нанимаемый эксперт должен быть готов к этому с самого начала. Похоже, что автор «Государя» имел в виду именно этот случай. Впрочем, мы не можем на этом основании уклониться от анализа терминологии.

*Последние могут быть либо унаследованными —
если род государя правил долгое время, либо новыми.*

Макиавелли здесь продолжает действовать в рамках нарочито строгой формы изложения. Все вроде бы под-

---

¹ Skinner Q. The State // Ball T., Farr J., Hanson R. (eds). Political innovation and conceptual change. Cambridge: Cambridge university press, 1989. P. 103

дается делению и анализу, все может быть подсчитано. Комментаторы здесь иногда¹ отмечают, что упоминание *новых монархий* являлось у Макиавелли относительно неожиданным для его времени, хотя и, возможно, было частично заимствованным у Тацита.² Правда, с моей точки зрения, флорентийцу не нужно было рыться в работах древнего римлянина, дабы вспомнить о том, что происходило на его глазах или было совсем недавней историей. Об этом свидетельствует уже следующая его фраза, в которой упомянуты Франческо Сфорца* и захват Испанией Неаполя.

Что касается понятия *государь* (*il principe*), то оно употребляется Макиавелли в отношении всех независимых глав государств. Уже в самом начале книги видно, что для автора они делятся на две группы: *наследных* и *новых* правителей. В случае с последними флорентийец чаще всего обращался к деятельности сына папы Александра VI Чезаре Борджиа и Франческо Сфорца.

Новым может быть либо государство в целом — таков Милан для Франческо Сфорца; либо его часть, присоединенная к унаследованному государству вследствие завоевания — таково неаполитанское королевство для короля Испании.

Принципиальное замечание для последующего понимания идей «Государя». *Новым государством* может быть и то, которое присоединило к себе другую завоеванную страну. В XXI главе, например, пойдет речь о Фердинанде Арагонском, который захватил мусульманскую Гранаду и

¹ Gilbert A.H. Op. cit. P. 19

² О проблеме в целом см. Toffanin G. Machiavelli e il Tacitismo. Naples: Guida Editori, 1972; Aerts E. Niccolò Machiavelli // Spiegel Historiae. 1979. Vol. XIV. S.72-79

стал, тем самым, *новым государем* в классификации флорентийского мыслителя.

Отмечу также, что Милан и Сфорца являются для Макиавелли одними из любимейших примеров для иллюстрации своих тезисов. Это объясняется несколькими причинами: действительной значимостью Милана для политической жизни Италии и в целом, огромной ролью, которую он сыграл в Итальянских войнах того времени¹, традиционными тесными связями, которые были между Сфорца и правившими во Флоренции Медичи.

Родоначальником династии Сфорца был Муцио Атендоло (1369-1424), выходец из среды зажиточных крестьян. Свое прозвище Сфорца получил за физическую силу, хотя есть и другие объяснения². Его сын, Франческо Сфорца (1401-1466), кондотьер на службе многих итальянских правителей, в 1450 г. захватил Милан и провозгласил себя при поддержке горожан его герцогом. Он стал первым из своей династии миланских герцогов (1450-1535).

С нашей точки зрения, довольно любопытно здесь, что выходцы из крестьянской среды смогли основать династию, которая в условиях постоянных войн и неурядиц просуществовала, пусть и с перерывами, более столетия и дала жизнь ряду феодальных фамилий. И не только интересно, но и чрезвычайно важно с точки зрения социальной мобильности, которая была относительно высокой. Удачливый авантюрист мог в Италии действительно сделать стремительную карьеру на политическом поприще. А вот средневековая Россия, напротив, в целом была обделена примерами такого рода. Правда, при Иване IV в Думе в конце концов бояр отчасти заменили неродови-

¹ Об Итальянских войнах см., например, Taylor, F. L. *The Art of War in Italy, 1494—1529*. Westport, Conn.: Greenwood Press, 1973

² Sforzare — принудить силой

тые любимцы царя, однако при Федоре Ивановиче численность боярской курии почти сразу же удвоилась, а курия думных дворян оказалась фактически разогнанной.¹

В XVII веке ситуация несколько изменилась, если вспомнить приток в столицу провинциального дворянства (хотя бы талантливейший Афанасий Ордин-Нащекин при Алексее Тишайшем), подъем Лопухиных и Нарышкиных. Впрочем, все это касалось только дворянства, разве что вспомнить фантастический взлет Строгановых. При Петре I путь наверх для талантливых и удачливых был гораздо проще, однако затем положение изменилось в худшую сторону. Сделать карьеру в церкви было намного легче (здесь нельзя не привести в пример родившегося в крестьянской семье патриарха Никона).

Новые государства разделяются на те, где подданные привыкли повиноваться государям, и те, где они искони жили свободно; государства приобретаются либо своим, либо чужим оружием; либо милостью судьбы, либо доблестью.

В переводе Марка Юсима данный отрывок выглядит следующим образом: «Эти новообетенные территории (*questi dominii*) либо уже приучены подчиняться единоличному правителю, либо до этого пользовались свободой; присоединяют же их либо силой собственного оружия, либо с чужой помощью, либо волею судьбы, либо благодаря своей доблести».

Фактически здесь мы имеем, в соответствии с рецептами античных раторов, что-то вроде предварительного и схематического плана ближайших последующих частей «Государя». Достоверно известно, между тем, что труд

---

¹ Скрынников Р.Г. Борис Годунов. М.: Наука, 1978. С.21-22

Цицерона «Об ораторе» в семье Макиавелли имелся¹. В этом отношении уже было замечено, что структура «Государя» и особенности изложения материала соответствуют правилам римской риторики². Судя по «Государю», Макиавелли был хорошо знаком с *De officiis* Цицерона и использовал тезисы этого труда прямо или иронично. Эта ирония недоступна современным читателям, однако была очевидна современникам флорентийца³.

Здесь также необходимо обратить внимание на два термина, которые в дальнейшем будут занимать важное место в изложении событий и максимах Макиавелли: *fortuna* (милость судьбы) и *virtù* (доблесть). В обоих случаях речь пойдет о факторах, которые, на взгляд автора «Государя», в огромной степени влияют на деятельность и жизнь правителей. Перевод первого термина на русский язык как *милость судьбы*, конечно, относительно адекватен, хотя, возможно, традиционное *фортуна* ничуть не хуже, а то и лучше⁴. Верно, на мой взгляд, замечание, что *фортуна* в «Государе» предоставляет правителю возмож-

¹ Об этом свидетельствует книга записей Бернардо Макиавелли, отца Никколо. — Machiavelli B. Libro di ricordi. Ed. Cesare Olschiki. Florence: Le Monnier, 1954. P. 123. Анализ содержания дневника см. Atkinson C. Debts, dowries, donkeys. The diary of Niccolò Machiavelli's father, Messer Bernardo, in Quattocento Florence. FrankfurtM: Dialoghi/Dialogues, 2002

² Viroli M. Machiavelli. P. 77. Соглашаясь в принципе с Вироли и его предшественниками, следует все же отметить, что Макиавелли не пошел до конца в следовании формальным законам римской риторики, указав схематически только темы ближайших глав своей книги. Ровно так же он не был до конца последователен и в применении приемов римской риторики в изложении своих доказательств.

³ Colish M.L. Cicero *De officiis* and Machiavelli's *Prince* // Sixteenth century journal. 1978. vol. 9. P. 81-93

⁴ О специфике термина *фортуна* у Макиавелли есть несколько интересных работ, в том числе Renucci P. Les Mèandres de la nécessité et de la fortune // Machiavelli attuale/Machiavel actuel. Ravenna: Longo, 1982. P. 89-98

ность для осуществления своего *virtù*¹. Во всяком случае, уже с самого начала следует подчеркнуть, что речь идет о принципиальных для Макиавелли терминах, которые будут встречаться далее в большинстве глав книги. Очень интересно, кстати говоря, сопоставление между *фортуной* у Макиавелли и у Монтеня².

Различные трактовки термина *фортуна* в «Государе» лучше всего, наверное, рассматривать в каждом отдельном случае. Впрочем, основываясь на частоте употребления этого понятия, можно прийти к выводу, что *фортуна* у Макиавелли означает главным образом неопределенность и зависимость состояния дел индивидуума от внешних факторов³.

Анализ термина *virtù* у Макиавелли породил целую литературу.⁴ Один из авторов утверждал, что автор «Государя» «сконцентрировал все свои реальные и высшие ценности в том, что он называл *virtù*»⁵. На русский язык это понятие при переводе работ флорентийца обычно

¹ См., например, Ciffari V. The function of fortune in Dante, Boccaccio and Machiavelli // *Italica*, 1947, Vol. 24. P. 4

² Tetel M. Montaigne and Machiavelli: Ethics, politics, and humanism // *Rivista di letteratura moderne e comparate* // 1976. T. 29. P. 165-181

³ Flanagan Th. The concept of *fortuna* in Machiavelli // *The political calculus: Essays on Machiavelli's philosophy*. Toronto: University of Toronto press, 1972. P. 111

⁴ См., например, из относительно последних работ Fleisher, M. The ways of Machiavelli and the ways of politics // *History of political thought*. — Exeter, 1995 Vol. 16, iss. 3. — P. 330-355; Foisneau, L. Hobbes et la theorie machiavelienne de la virtù // *Archives de philosophie*. 1997. — T. 60, cah. 3. — P. 371-391; Mansfield H.C. Machiavelli's virtue. Chicago: The university of Chicago press, 1998; Nederman, C.J. Machiavelli and moral character : principality, republic and the psychology of "virtù" // *History of political thought*. — Exeter, 2000. — Vol. 21, iss. 3. — P. 349-364; Kahn V. Virtù and the example of Agathocles in Machiavelli's *Prince* // *Representation*. 1986. Vol. 13. P. 63-83

⁵ Meinecke F. Machiavellism: The doctrine of Raison d'État and its place in modern history. London: Routledge and Kegan Paul, 1957. P. 31

тракуется как доблесть или добродетель. Однако есть точка зрения, согласно которой это понятие невозможно точно перевести на современный английский язык¹. Полагаю, что это замечание относится и к русскому, поскольку термин практически непереводим из-за его полисемантичности. Поэтому в дальнейшем в комментариях будет использоваться только итальянский термин без перевода.

Тем не менее, исследователи уже обращали внимание, что, несмотря на многозначность употребления термина *virtù* у Макиавелли, есть определенное единство в использовании этого термина. Все носители *virtù* у флорентийца (а их в «Государе и «Рассуждениях» насчитывается ровным счетом 53) — люди действия, полководцы, триумфаторы в политике². Вообще политическое и военное *virtù* имели наибольшее значение в работах Макиавелли³. У этой точки зрения, правда, есть противники, утверждающие, что концепция *virtù* является не военной, но прежде всего политической и гражданской⁴. Кстати говоря, итальянские гуманисты по-своему интерпретировали «Никомахову этику» Аристотеля, видя в ней мотивацию для военной деятельности. Существует мнение, что именно эта интерпретация подтолкнула Макиавелли к тому, чтобы признать положение, когда необходимость является основой для законного военного *virtù*⁵.

---

¹ Скиннер К. Макиавелли. Очень краткое введение. М.: Астрель, 2009. С. 5

² Wood N. Machiavelli's concept of virtù reconsidered // Political studies. 1967. Vol. 15. P. 159-172

³ Price R. The senses of virtù in Machiavelli // European studies review. 1973. Vol. 3. P. 340

⁴ Hannaford I. Machiavelli's concept of virtù in *The Prince* and the *Discourse* reconsidered // Political studies. 1972. Vol. 20. P. 187

⁵ Baron H. La rinascita dell'etica statale romana nell'Umanesimo fiorentino del '400 // *Civiltà moderna*. 1935. Vol. 7. P. 37

В литературе отмечается, что в целом термин *virtù* трактовался нередко автором как осознанное и активное влияние на судьбу, в результате чего данное понятие превращается в производную от человеческой деятельности форму поведения, тесно связанную с временем и фортуной¹. Есть несколько контекстов данного понятия во времена Макиавелли. Одно из них, в частности, использовалось в медицине и означало силу, которая дает жизненность живому существу и от которой зависит жизнь и мощь всего организма. В том же значении оно, по крайней мере один раз, было использовано во флорентийской политике во время военной угрозы со стороны Чезаре Борджиа, только под «организмом» имелось в виду государство².

Virtù у Макиавелли требует способности к гибким суждениям. Отсюда неудивительно, что автор не оставил четкого определения данного понятия. Это объясняется не отсутствием аналитического мастерства, но искушенной риторической стратегией, целью которой является дестабилизировать концепцию политического *virtù*, поскольку только дестабилизированный *virtù* может быть эффективным в дестабилизированном мире политической реальности³.

Обратим также внимание на точку зрения, что в двух своих центральных книгах (в «Государе» и в «Рассуждениях») Макиавелли употреблял это понятие в целом в двух основных значениях. Первое может быть переведено как гражданская доблесть. В этом значении оно

---

¹ Pocock J. Custom and grace, form and matter: An approach to Machiavelli's concept of innovation// Fleisher M, ed. Machiavelli and the nature of political thought. New York: Atheneum, 1972. P. 161

² Gilbert F. On Machiavelli's idea of *virtù*// Renaissance news. 1951. Vol. 4, Winter. P. 53-54

³ Kahn V. Op. cit. P. 67

обычно использовалось при характеристике древнеримского народа в «Рассуждениях». В целом же оно может быть охарактеризовано как готовность выполнить свой гражданский долг. Во втором случае имелось в виду героическое *virtù* и относилось оно к выдающимся индивидуумам¹. Возможна также интерпретация, при которой *virtù* — это набор качеств, позволяющих государю успешно управлять своей страной.

Как видим, сколько-нибудь серьезного единства среди исследователей в отношении употребления *virtù* у Макиавелли нет, как не было и в случае с анализом *stato*. Такова же будет ситуация и в отношении большинства других ключевых терминов.

---

¹ Plamenatz J. In search of Machiavellian *virtù* // The political calculus: Essays on Machiavelli's philosophy. Toronto: University of Toronto press, 1972. P. 158, 161-162, 167-168

Глава II

О наследственном единовластии

Эта единственная глава, полностью посвященная наследственному правлению. Впоследствии станет ясно, что Макиавелли считал более интересной для себя в данной книге тему *новых* государств и *новых* государей. Вообще следует обратить внимание, что, за исключением самого начала своей книги, Макиавелли постоянно ведет речь о *новом* государе. Последний был порождением века безграничных амбиций, быстрой трансформации институтов и мгновенных изменений в соотношении сил между группами элиты. Если коротко, то он символизировал постоянную смену и движение политики, ее изменчивость и ее бесконечную тенденцию к продолжению. А вот *наследный* государь волею своего положения выступал за противоположные принципы¹.

Я не стану касаться республик, ибо подробно говорю о них в другом месте.

Марк Юсим переводит это предложение несколько по-иному: «Я оставляю размышления о республиках, потому что много занимался этим в другом месте» и, вслед за многими своими предшественниками в исследовании работы Макиавелли, видит в нем явную ссылку на «Рассуждения»². Это самая цитируемая фраза в «Государе». Количество ссылок на нее безмерно.

---

¹ Wolin Sh.S. Politics and vision. P. 180

² Юсим М.А. Этика Макиавелли. С. 35.

Итак, возможно, находившийся в ссылке флорентиец начал писать комментарии к труду Тита Ливия, затем ему показалось, что он может вернуться в политику уже в ближайшее время, если привлечет внимание победившего в борьбе за Флоренцию клана Медичи. Так, вероятно, возникла идея «Государя». Принципиально важно было написать его быстро. Макиавелли так и сделал, однако его надежды на скорую поддержку Медичи тогда не сбылись. Поэтому он продолжил работу над «Рассуждениями». Как бы то ни было, принято считать, что в 1513 г. эта книга уже была начата, поскольку данное предложение является, как считают ученые, явной ссылкой на нее¹.

Впрочем, есть и другие версии. Ханс Бэрн, например, высказал мнение, что весь «Государь», за исключением только что приведенного предложения и, естественно, посвящения, был создан с августа по декабрь 1513 г., большая часть «Рассуждений» — в 1515 и 1516 гг., данное предложение и Посвящение в «Государе» — в 1516 г. Последние изменения в «Рассуждениях» были сделаны в 1517 г.² Он же, правда, не отрицает и теоретическую возможность, что данное предложение было написано между концом 1515 г. и началом 1518 г., причем наиболее вероятно, что это было сделано в середине 1516 г., а не в 1513 г.³

---

¹ Gilbert F. The composition and structure of Machiavelli's *Discorsi* // Journal of the history of ideas. 1953. Vol. XIV. P. 138

² Baron H. The *Principe* and the puzzle of the date of the *Discorsi*. P. 405-428. См. также предшествующую работу по структуре и хронологии создания «Рассуждений» Феликса Гилберта: Gilbert F. The composition and structure of Machiavelli's *Discorsi* // Journal of the history of ideas. 1953. Vol. XIV. P. 136-156, а также Sasso G. Intorno alla composizione dei *Discorsi* di Niccolò Machiavelli // Giornale storico della letteratura italiana. 1957. N 134. P. 482-534. Между выводами этих трех авторов есть определенные разногласия в отношении хронологии создания «Рассуждений», однако едва ли стоит касаться здесь этой специфической темы.

³ Baron H. Machiavelli: The republican citizen and the author of *The Prince*. P. 240

Как уже указывалось выше, есть также точка зрения, что «Государь» подвергался дополнениям и во время написания «Рассуждений». К сожалению, уточнить у автора, какая из возможных трактовок верна, давно уже невозможно.

Мне представляется, что из-за нехватки информации определить даже приблизительно справедливость одной из версий попросту невозможно. Однако, как мне кажется, одной гипотезы тут все же не хватает. Суть ее состоит в том, что в 1513 г. Макиавелли начал писать вовсе не «Рассуждения», а совсем другую книгу, части которой, возможно, впоследствии были инкорпорированы в упомянутую работу¹.

Словом, еще одна загадка Макиавелли. Причем такая, которая никогда не будет решена.

Здесь я прямо перейду к единовластному правлению и, держась намеченного выше порядка, разберу, какими способами государи могут управлять государствами и удерживать над ними власть.

В переводе Марка Юсима эта часть выглядит следующим образом: «Обращусь единственно к принципату и, следуя вышеизложенному плану, рассмотрю, каким образом можно поддерживать и сохранять единоличную власть».

Уже давно приверженность Макиавелли республиканским принципам не подвергается серьезному сомнению². Это общее признание не означает, разумеется, что исследователи не обращают внимания, например, на откровенный скепсис и критику автора «Государя» в адрес все

¹ Gilbert F. The composition and structure of Machiavelli's *Discorsi*. P. 150

² См., например, Sasso G. Problemi di critica Machievelliana // Cultura. 1963. Vol. 2. P. 336-403

еще существовавших тогда надежд флорентийцев на воссоздание своей республики¹. В этом труде он выступал с позиции, что в современной ему Италии единовластие необходимо. Иными словами, еще одна загадка, которая, возможно, может быть решена следующим образом: тогдашние республики в Италии не демонстрировали, с его точки зрения, необходимой жизнеспособности и, тем более, были не в состоянии ответить на вызов времени, включавший в себя жесточайший кризис итальянской политической системы, иностранную оккупацию, необходимость срочного и эффективного объединения страны. Больше того, Макиавелли считал современных ему граждан итальянских государств политически больными. «Я утверждаю, — писал флорентиец, — что никакими жестокими и насильственными мерами не укоренить свободу в Милане или Неаполе, ибо их жители целиком развращены. В этом можно было убедиться после смерти Филиппо Висконти*, когда миланцы хотели вернуть городу свободу, но не сумели сохранить ее»².

А дальше Макиавелли обосновывает свою точку зрения: «Вывод можно сделать такой: там, где человеческая материя здорова, волнения и смуты безвредны; если же она затронута разложением, не помогут никакие хорошие законы, разве что какой-нибудь единоличный правитель, прибегнув к чрезвычайному насилию, заставит их соблюдать и сделает упомянутую материю пригодной. Но я не слышал о подобных случаях и не знаю, возможно ли это, потому что ... город, пришедший в упадок из-за испорченной людской материи, может воспрянуть только благодаря доблести одного лица, действующей на протяжении его жизни, а вовсе не из-за благона-

---

¹ Hulling M. Citizen Machiavelli. Princeton, N.J. : Princeton university press, 1983. P. 61-98

² Макиавелли Н. Рассуждения. С. 56

вия граждан, поддерживающих добрые порядки; и после его смерти все возвращается на круги своя... Дело в том, что одному человеку не дано столько прожить, чтобы перевоспитать город, привычный к дурным нравам, и если какой-нибудь долгожитель или два доблестных правителя подряд не дадут ему правильного устройства, то, лишившись их, он тотчас же, как было сказано выше, погибнет, либо его спасение будет сопровождаться многими бедами и кровопролитиями. Ведь испорченность и непригодность к свободной жизни вытекают из неравенства, существовавшего в подобном городе, а для восстановления равенства необходимо произвести великий переворот, на который редко кто захочет и сумеет пойти...»¹

Из этой пространной цитаты мы можем сделать следующий вывод: Макиавелли считал, что больную Италию (или, во всяком случае, Италию, в которой были больны ее значительные части) может возродить к жизни только единовластное правление очень способного человека. Если у него будут хорошие преемники, то возрождение не прервется после смерти этого государя. Они тоже будут периодически прибегать к крайним мерам, что даст возможность затем восстановить равенство, т.е. республиканские порядки.²

Чрезвычайно пессимистический вывод, ставший следствием политического реализма Макиавелли и его

---

¹ Там же. С. 56-57

² У Лосева это выглядит по-другому: «... Свои демократические и республиканские взгляды Макиавелли проповедовал только для будущих времен. Что же касается тогдашнего фактического положения Италии, то ввиду ее раздробленности и хаотического состояния Макиавелли требовал установления жесточайшей государственной власти и беспощаднейшего правления этого деспотического государства для приведения Италии в упорядоченное состояние». — Лосев А.Ф. Указ. соч. С. 556

тогдашнего умонастроения. Ему, идейному республиканцу, было понятно, что при его жизни подлинной республики во Флоренции, скорее всего, не будет¹. Отсюда, возможно, интерес к единовластному правлению и даже оправдание его в особых ситуациях. Хотя, повторюсь, главной причиной появления «Государя» я считаю желание Макиавелли продолжить политическую карьеру и оказать влияние на умонастроения итальянской элиты.

Впрочем, даже понимание вышеуказанных фактов не делало автора «Государя» монархистом. Скорее, он был незаурядным аналитиком и циничным политиком, вынужденным приноравливаться к существующим обстоятельствам.

Из всех этих факторов и образовался авторитаризм «Государя».

Обратим также внимание на замечание о том, что первый параграф второй главы «Государя» является в действительности продолжением начальной главы. Тогда как вторая глава в действительности начинается тематически со второго параграфа. (Косвенным подтверждением этому служат аналогичные начала четырнадцатой и шестнадцатого глав)². Как бы то ни было, существует версия, согласно которой не только одна фраза, но и весь первый параграф второй главы является позднейшей вставкой, которая была сделана одновременно с Посвящением.

---

¹ Ирония судьбы состоит в том, что Макиавелли ошибался. В 1527 г. Медичи бежали из Флоренции, отдав на время власть своим республиканским оппонентам. Макиавелли пытался баллотироваться на свой прежний пост, однако неудачно. Очередной удар судьбы, после которого он умер. Вскоре после его смерти Медичи снова восстановили свое владычество над Флоренцией

² Baron H. *The Principe and the puzzle of the date of the Discorsi*. P. 410

Начну с того, что наследному государю, чьи подданные успели сжиться с правящим домом, гораздо легче удержать власть, нежели новому, ибо для этого ему достаточно не преступать обычая предков и впоследствии без поспешности применяться к новым обстоятельствам.

В переводе Марка Юсима: «Прежде всего скажу, что наследственные владения, привычные к государям, происходящим из одного рода, гораздо легче удержать, чем новые, ибо достаточно не нарушить обычаев своих предшественников и следовать за ходом событий».

Макиавелли очерчивает условия, при которых наследственный правитель может удержать власть. Может показаться, что флорентинец в данном случае выступает как консерватор, скептически относящийся к ценности реформ. Однако это не так: в дальнейшем автор «Государя» продемонстрирует, что он является человеком куда более широких политических взглядов. И, безусловно, признает в определенных случаях необходимость даже не просто перемен, но радикальных изменений.

На мой взгляд, данная максима продиктована в первую очередь особенностью подхода Макиавелли. Он в данном случае выступает как типичный политический эксперт, делающий свои предложения в рамках поставленной задачи. Речь идет не о том, как сделать государство богаче, народ — свободнее и прочее. Цель тут на деле одна: как проще всего удержать власть наследному государю. И не более того. Ответ: в данном случае отказаться от радикальных изменений. Перемены возможны только в том случае, если они навязаны «ходом событий».

Еще одно замечание должно сводиться к тому, что Макиавелли был, безусловно, прав: действительно, наследственная династия обладает куда большей устойчи-

востью, нежели *новый* государь. Автор тут выступает как типичный прагматик¹.

В отмеченном отрывке впервые упоминается один из центральных терминов Макиавелли — *ordini*, который в обоих случаях переводчиками здесь трактуется как *обычай*. На деле значение этого понятия у автора значительно выходит за рамки данного перевода, о чем речь пойдет ниже.

В российской истории, на первый взгляд, классическое доказательство правоты Макиавелли в вопросе о том, что *новому* государю намного труднее удержать власть, нежели «старому» — история вроде бы неудачного царствования Бориса Годунова. Но не все здесь так просто. Следует уточнить, что против Годунова играл такой мощнейший фактор, как трехлетний голод² и разруха в России плюс резкое ухудшение собственного здоровья (он и к власти-то пришел тяжело больным), что закончилось его смертью³. А вот история правления его сына Федора Годунова — наглядное доказательство того, что Макиавелли в данном вопросе был прав. Еще больше убеждает в этом царствование Василия Шуйского.

При таком образе действий даже посредственный правитель не утратит власти, если только не

---

¹ О прагматизме Макиавелли см., например, Conde F. El Saber político en Maquiavello. Madrid: Gráficas González, 1948. P. 23. Временами прагматизм автора «Государя» называли даже «аморальным» (Murrey A.R.M. Machiavelli on the science of government // An introduction to political philosophy. New York: Philosophical library, 1966. P. 83)

² Причем сам Годунов и его правительство предпринимали активные усилия для помощи населению. Однако трехлетний неурожай привел к катастрофе.

³ Скрынников Р.Г. Борис Годунов. С. 176, 179. В отношении раздачи денег населению и продаже хлеба из царских житниц по заниженным ценам см. Скрынников Р.Г. Самозванцы в России в начале XVII века. Григорий Отрепьев. Новосибирск: Наука, 1987. С. 47

будет свергнут особо могущественной и грозной силой, но и в этом случае он отвоюет власть при первой же неудаче завоевателя.

Обратим здесь внимание на термин «*даже посредственный правитель*» (в переводе Марка Юсима: «государь средних способностей»). Возможно, эта уничижительная характеристика отчасти отражает отношение Макиавелли к рассматриваемой проблеме. Создается впечатление, что ему эта тема не очень интересна. Если удерживать власть относительно легко, тогда власть имущие не нуждаются в советах флорентийского политконсультанта. С вытекающими отсюда для него последствиями. Кроме того, он наверняка уже предвкушал удовольствие от интеллектуального вызова, который поставят перед ним куда более сложные проблемы. Тем не менее, следует отметить, что Макиавелли довольно четко обозначил рамочные условия, при которых наследственный государь сохранит власть:

- не проводить сколько-нибудь серьезных политических изменений по собственной инициативе;
- внимательно наблюдать и соответствующим образом реагировать на развитие политической ситуации, что предполагает готовность к осторожным реформам по мере необходимости;
- не терять духа и надежды даже будучи свергнутым «*особо могущественной и грозной силой*», поскольку остаются хорошие шансы восстановить свою власть при первой неудаче завоевателя.

У нас в Италии примером тому может служить герцог Феррарский, который удержался у власти после поражения, нанесенного ему венецианцами в

1484 году¹ и папой Юлием в 1510-м², только потому, что род его исстари правил в Ферраре.

Макиавелли использует в данном случае один из своих любимых приемов убеждения читателя: ссылается на исторический пример, который должен подтвердить его предыдущий тезис. Нельзя, разумеется, сказать, что данный подход является изобретением флорентийца, у него были в этом и предшественники, которые использовали историю как пример, который иллюстрирует тот или иной тезис³.

Здесь есть определенная особенность, состоящая в том, что Макиавелли в своих работах, как уже говорилось выше, не ссыался на труды предшествующих мыслителей, даже древнеримских. Он не делал этого ни в отношении Аристотеля, ни Цицерона. Для него, подчеркнем еще раз, главным подтверждением его максим являлись личный политический анализ и исторические примеры. Последние, правда, зачастую подвергались определенной «подгонке» под мысль автора, но этот вопрос стоит детальнее рассмотреть в дальнейшем при более подходящем случае.

Что касается сути примера, то следует упомянуть, что после победы в 1240 г. гвельфской⁴ коалиции в составе

---

¹ В данном случае подразумевается Эрколе д'Эсте, герцог Феррарский. Эсте — крупный феодальный род на севере Италии.

² Здесь уже речь идет о сыне Эрколе, которого звали Альфонсо д'Эсте, также герцоге Феррарском после смерти отца.

³ Gilbert F. The composition and structure of Machiavelli's *Discorsi*. P. 154

⁴ Гвельфы и гибеллины — враждующие в течение нескольких столетий политические направления в Италии. Первые (*Guelfi*) получили название от *Вельфов* (*Welf*), герцогов Баварии и Саксонии, которые объединяли противников Империи и ориентировались на римских пап. Вторые (*Ghibellini*), видимо, своим именем были связаны с *Вайблингом*, родовым замком Штауфенов и ориентировались на императоров. В большинстве случаев *гвельфы* представляли собой богатых торговцев и ремесленников, а вторые — дворян. Впрочем, по

маркиза д'Эсте, римского папы, а также гвельфов североитальянских городов и Венеции политическую власть в Ферраре захватил род д'Эсте, позднее оформивший ее в виде синьории. Затем последовало довольно длительное существование Феррарского герцогства, что может быть объяснено преимущественно геополитическими выгодами буферного нахождения (вспомним здесь хотя бы Швейцарию) между Венецией и Ломбардией. К тому же Феррара не была экономическим соперником мощнейшей Венеции и не представляла особого интереса для других соседей. К этому надо добавить воинственный нрав местных жителей. Ходили слухи, что в то время ни одному из них не удалось избежать по крайней мере одного удара ножом. Наконец, данное общество действительно объединяла преданность правящей династии.

Ибо у государя, унаследовавшего власть, меньше причин и меньше необходимости притеснять подданных, почему они и платят ему большей любовью, и если он не обнаруживает чрезмерных пороков, вызывающих ненависть, то закономерно пользуется благорасположением граждан.

Идея Макиавелли в этом случае, видимо, заключается в том, что захвативший власть правитель часто сталкивается с системной оппозицией на всех уровнях общества, а потому вынужден прибегать к репрессиям. Зато наследующий власть государь с этой проблемой может быть незнаком, если только «не обнаруживает чрезмерных пороков». Кроме того, следует обратить внимание на мысль, которую Макиавелли будет постоянно проводить

мере течения времени, социальный состав группировок менялся. Гвельфы были соперниками германской династии Штауфенов Империи и союзниками римского папы. Гибеллины — прямо наоборот.

в дальнейшем: государю нужны любовь и расположение своих подданных.

Давнее и преемственное правление заставляет забыть о бывших некогда переворотах и вызвавших их причинах, тогда как всякая перемена прокладывает путь другим переменам.

Очередной яркий афоризм, который придает блеск максиме. Особенно в переводе Муравьевой. По Юсиму это предложение в переводе на русский звучит так: «В древности и непрерывности властвования гаснут все помыслы и поползновения к новшествам, ведь один переворот всегда оставляет зацепку для совершения другого». Здесь налицо явное сопоставление с пассажем относительно того, что «наследному государю, чьи подданные успели сжиться с правящим домом, гораздо легче удержать власть, нежели новому, ибо для этого ему достаточно не преступать обычая предков и впоследствии без поспешности применяться к новым обстоятельствам».

Глава III

О смешанных государствах

Третья глава книги чрезвычайно многозначна и начинается рассмотрение целого комплекса проблем. Первая вынесена в само заглавие. *Смешанными* государствами Макиавелли называет те, которые насчитывают в своих владениях земли исконные для данного правителя («наследственные») и присоединенные им.

Кроме того, в данной главе Макиавелли продолжает тему предпочтительности наследственного правления с точки зрения обеспечения власти государя. Глава также посвящена проблемам политического предвидения или, точнее, политического расчета. В этом плане стоит обратить внимание на характеристику в другой книге автора одного из образцовых, на взгляд Макиавелли, правителей Флоренции Козимо (Старшего) Медичи*: «Ни в одном государстве, управляемом монархом или же самим народом, не было в его время человека более выдающегося своим разумом; вот почему среди стольких превратностей судьбы, в городе столь беспокойном, с населением столь переменчивого нрава сумел он в течение тридцати лет оставаться у кормила власти. Величайшая предусмотрительность позволила ему заранее предвидеть опасности и либо не дать им разрастись, либо так подготовиться к ним, что, даже и разрастаясь, они ему не вредили»¹. Данное замечание желательно иметь в виду при анализе дальнейших рассуждений Макиавелли об умении пред-

---

¹ Макиавелли Н. История Флоренции. М.: Наука, 1987. С. 274

видеть или предусмотреть (либо рассчитать будущее) как одним из важнейших качеств государя.

Перечисленными направлениями данная глава не ограничивается. Она вообще оказалась одной из самых многогранных в «Государе». Чтобы не перегружать текст, ограничусь тем, что именно здесь Макиавелли начинает группу глав, посвященных *новому государю*¹, человеку, оказавшемуся у власти в результате устранения прежнего правителя или же присоединившего новое государство к тому, которое он возглавлял прежде.

Здесь следует, однако, обратить особое внимание на то, почему автор уделял такое значение проблематике *нового* государя. Суть вопроса, на мой взгляд, состоит в нескольких моментах:

- успешное освобождение Италии, о котором мечтал Макиавелли, неизбежно означало приход к власти лидера, который по этой классификации должен был бы считаться *новым*;
- как уже отмечалось, Джулиано Медичи, которому первоначально планировалось посвятить книгу, рассматривался в момент написания книги в политическом сообществе Флоренции, да и всей Италии, как человек, которому, возможно, предстоит повторить путь Чезаре Борджиа в создании *нового* государства при покровительстве папы Льва X;
- Лоренцо Медичи, которому в конце концов была посвящена книга, только что стал герцогом Урбинским, т.е. *новым* государем;

---

¹ Одно из самых остроумных замечаний в этой связи состоит в том, что своими дальнейшими максимами в данной книге Макиавелли позиционирует самого себя как своеобразного *нового государя*, открывающего новую истину. Strauss L. "Machiavelli's intention: The Prince"// American political science review. 1957. Vol. LI. N 1. P. 39. Впрочем, Лео Штраус относился к Макиавелли довольно скептически

- самому Макиавелли проблематика *нового* государя казалась более интересной с интеллектуальной точки зрения по сравнению с тематикой наследственного правителя;
- *новому* государю требовались новые советники и новые советы, в чем лично был заинтересован Макиавелли.

Трудно удержать власть новому государю. И даже наследному государю, присоединившему новое владение — так что государство становится как бы смешанным, — трудно удержать над ним власть прежде всего вследствие той же естественной причины, какая вызывает перевороты во всех новых государствах.

Марк Юсим переводит этот отрывок следующим образом: «Новый государь, напротив, сталкивается с трудностями. Прежде всего, если он присоединил новые владения к старым и тем самым образовал некое смешение, его положению угрожает первый естественный недостаток, присущий всем новым государствам...»

В начале главы — короткое введение в предстоящий длинный анализ ситуации о *смешанных* государствах. Основная посылка — *новому* государю власть в них удержать трудно. Видно, что эта тема интеллектуально прельщает автора куда больше, чем предыдущая, где сохранить позиции государю было относительно легко. Похоже, что флорентиец с некоторым скрытым удовольствием даже был готов преувеличить сложность поставленной здесь задачи, и, возможно, заранее предвкушал, какие способы он найдет для того, чтобы преодолеть трудности, стоящие перед его гипотетическим государем.

Обратим также внимание, что автор в данном отрывке начинает рассматривать идею присоединения нового

владения к старому. Обычно это случалось путем вооруженного захвата. Характерно для того времени, что Джон Уиклиф, живший за два столетия до Макиавелли, был крайне осторожен в отношении присоединения новых владений. Он полагал, что решиться на захват государю следует только для того, чтобы отстаивать Дело Божье перед лицом Его оппонентов. Для автора «Государя» таких категорий не существует. Он просто подходит к часто имевшей место проблеме как к данности и начинает анализ возникающей в связи с ней ситуации. Он действует, с одной стороны, как современник реально имевших место событий, а также как политический аналитик и советник. Не более, но и не менее того.

Наконец, если говорить по поводу данного отрывка, то следует обратить внимание на определенное противоречие между одним из тезисов первой главы (*«Новым может быть либо государство в целом — таков Милан для Франческо Сфорца; либо его часть, присоединенная к унаследованному государству вследствие завоевания — таково неаполитанское королевство для короля Испании»*) и утверждением, что присоединенное государство является *«как бы смешанным»*. Насколько я знаю, никто прежде на это внимание не обращал. Впрочем, проблемы с понятийным аппаратом Макиавелли будут иметь место и далее в его книге.

А именно: люди, веря, что новый правитель окажется лучше, охотно восстают против старого, но вскоре они на опыте убеждаются, что обманулись, ибо новый правитель всегда оказывается хуже старого. Что опять-таки естественно и закономерно, так как завоеватель притесняет новых подданных, налагает на них разного рода повинности и обременяет их постоями войска, как это неиз-

бежно бывает при завоевании. И таким образом наживает врагов в тех, кого притеснил, и теряет дружбу тех, кто способствовал завоеванию, ибо не может вознаградить их в той степени, в какой они ожидали, но не может и применить к ним крутые меры, будучи им обязан — ведь без их помощи он не мог бы войти в страну, как бы ни было сильно его войско.

Здесь следует, вероятно, первым делом обратить внимание на подчеркивание Макиавелли неприкрытой зависимости *нового* государя¹ от активного политического общества, с мнением и интересами которого требовалось считаться. Это один из любимых тезисов автора², который впоследствии будет встречаться несколько раз на страницах этой книги.

Необходимость для правителя считаться с активным политическим сообществом соответствовала итальянским реалиям и существенно отличала эту страну от Московского княжества, где власть государя считалась Богом данной. Это не означало, что русский князь не должен был считаться с интересами знати, особенно во время междоусобиц. Однако искренняя вера русских государей в свои Господом данные права очень серьезно отличала их политику от итальянской (характерным примером является, например, отношение Ивана III к

---

¹ О *новом* государе у Макиавелли см., например, Sasso G. Machiavelli y Cesare Borgia: storia de un giudizio. Rome: Ateneo, 1966. P. 115-125; Pocock J.G.A. Custom and grace, form and matter: An approach to Machiavelli's concept of innovation // Machiavelli and the nature of political thought. Ed. Fleisher M. New York: Atheneum, 1972. P. 160-163

² Макиавелли отстаивал абсолютную моральную ценность активного участия граждан в политической системе. — Kateb G. The discussion of the ends in political theory // Political theory: Its nature and uses. New York: St. Martin's press, 1968. P. 18-21

покоренному Новгороду). Необходимо, впрочем, подчеркнуть, что настойчивое повторение Макиавелли как будто само собой разумеющегося тезиса о необходимости считаться с общественным мнением, косвенным образом все же показывает его актуальность для Италии его лет, поскольку некоторые правители (в частности, в Неаполитанском королевстве до его раздела между испанцами и французами) им явно пренебрегали.

Наверное, стоит также выделить однозначность вывода, будто люди, веря, что *новый* государь окажется лучше старого, сначала охотно выступают против последнего, а затем на своем опыте убеждаются в своей ошибке, ибо *«новый правитель всегда оказывается хуже старого»*. Совершенно очевидно, что это бывало далеко не всегда, и что Макиавелли не мог не понимать этого. Отметим в этой связи, что Макиавелли временами упрекали в том, что зачастую он обращается к ненаучному свехупрощению политической ситуации¹. Однако автор уже вывел максимум, что только представитель правящей династии имеет «роскошь» не притеснять чрезмерно население. У *нового* государя такой возможности нет — и Макиавелли сразу демонстрирует причины этого.

В истории России характерен пример политики Александра I, которая была в этом вопросе парадоксальной. При нем было два масштабных присоединения прежде зарубежных территорий: Финляндии и Польши. В обоих случаях поведение и местного общества, и России резко отличалось от того, которое описывает флорентинец. Финляндия впервые в своей истории получила государственность (пусть и урезанную), причем из Санкт-Петербурга. Плюс к этому многочисленные льго-

---

¹ Ebenstein W. Machiavelli // Great political thinkers: Plato to the present. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1963. P. 282

ты и автономию. Польша первоначально вообще не была присоединена к Российской империи. Она сохранила формальную независимость. Больше того, она обрела права, которых не имела в составе Российской империи ни одна другая территория. Царство Польское получило Конституцию. Больше того, Польша сохранила не только государственность, но и прежние границы. Император России становился еще и Королем Польши. Стране гарантировались национальные права и свободы, католическая религия стала «предметом особого попечения», в стране была объявлена свобода печати, польский язык был языком администрации, суда и армии, государственные должности могли занимать только поляки¹.

Александр I даже как-то выразил желание «вернуть» в ее состав принадлежавшие ей раньше украинские и белорусские земли.² Правда, желание свое император в этом случае так и не исполнил. Вмешался Карамзин, срочно написавший записку «Мнение русского гражданина»³ и даже лично прочитавший ее императору 17 октября

---

¹ Мархлевский Ю. Сочинения. Очерки истории Польши. М.-Л. «Госсоцэкиздот», 1931; Аскенази Ш. Царство Польское в 1815-1830 гг. М., 1915. 18. Погодин А. История польского народа в XIX в. М., 1915; Писаревский Г.Г. К истории польской революции 1830 года. Баку, 1930

² «В присутствии нескольких лиц и, между прочим, дам, с которыми Государь любил беседовать, Император объявил о своём твёрдом решении отделить от Империи прежние польские провинции и соединить их с только что восстановленным Царством Польским. Одна из его собеседниц слезами протестовала против такого раздробления Империи. «Да, да, — с ударением подтвердил Александр, сопровождая свои слова значительным жестом. — Я не оставлю их России; что за великое зло», прибавил Он, «отделить от России несколько провинций. Разве она не будет ещё достаточно велика?» — Бородин М.М. История Финляндии. Время императора Александра I. СПб., 1909. С. 382

³ Карамзин Н.М. О древней и новой России. М.: Жизнь и мысль, 2002. С. 436-438

1819 года. В работе были изложены аргументы против восстановления польского государства в прежних пределах. Александр был крайне недоволен, однако признал правоту автора. Остается только пожалеть, что при Никите Хрущеве не было такого уважаемого им человека, когда первый секретарь ЦК КПСС задумал передать Крым Украине.

В результате Польша восстала при первом удобном случае. Причем добро бы это восстание имело целью только восстановление независимости; нет, поляки хотели перехода к ним исконных украинских, белорусских и литовских земель и даже нарушили границы империи для решения этой задачи. Что, кстати говоря, привело в бешенство Петербург.

Именно по этим причинам Людовик XII, король Франции, быстро занял Милан и так же быстро его лишился. И герцогу Лодовико¹ потому же удалось в тот раз отбить Милан собственными силами. Ибо народ, который сам растворил перед королем ворота, скоро понял, что обманулся в своих упованиях и расчетах, и отказался терпеть гнет нового государя.

Обратим здесь внимание на очередное подчеркивание Макиавелли политической значимости поддержки обществом своего государя. Общий смысл этого и других высказываний: государь должен помнить, что его правление основывается на согласии и поддержке народа. В приведенном выше отрывке это видно предельно ясно, поскольку именно **народ**, если судить по сказанному Макиавелли, сначала сверг Лодовико Моро, а затем вернул

---

¹ Имеется в виду Лодовико Моро Сфорца, герцог Миланский

его к власти. Неважно, что все было сложнее, о чем прекрасно знал автор «Государя». Принципиально здесь то, что именно в этом тезисе он пытается убедить своих читателей, среди которых должны были быть, по его мысли, и государи.

Что касается сути сказанного Макиавелли, то, справедливости и объективности ради, здесь следует еще раз напомнить, что для Людовика XII Милан был вотчиной его предков Висконти (сам он был внуком Валентины Висконти, представительницы династии могущественных правителей Милана до Сфорца)¹. Взятие Милана (1499 г.) действительно оказалось для короля довольно легким делом. Однако таковым оно стало благодаря военному превосходству французов, союзу, который их король заключил с кланом Борджиа и, во многом, действительно из-за восстания горожан против Лодовико. Последний был вынужден спастись бегством. Вскоре вся Ломбардия оказалась под властью французов.

После завоевания Милана французами Ломбардия была присоединена к королевскому домену. Налоги были снижены на треть (подчеркнем это обстоятельство), однако ломбардцы все равно были недовольны, считая, что заслуживают вообще избавления от них, поскольку сдали город без боя. Это недовольство подогревало возмущение горожан политикой королевского наместника кондотьера Джан-Джакомо Тривольцио, известного сво-

---

¹ Франция вообще давно имела «особые отношения» с Италией. Достаточно вспомнить в этой связи не только претензии герцогов Орлеанских на Милан, но и герцогов Анжуйских на Неаполь. Иногда она осуществляла протекторат над некоторыми итальянскими территориями, например, Генуей (1396-1409), причем, как видно по датам, это было задолго до времени Макиавелли. Одно время французы владели Сицилией, и итальянцы с трудом от них избавились (См, например, Рансимен С. Сицилийская вечерня. История Средиземноморья в XIII веке. М.: Евразия, 2007)

ей жестокостью. Его действия вызвали новое восстание в Милане, так что 5 февраля 1500 г. Лодовико (в другой русской транскрипции — Людовико) Сфорцо, по прозвищу Моро, вернулся в город, опираясь на войска, которые смог набрать в Швейцарии. (Очень яркая характеристика Моро принадлежит Якову Буркгардту¹, куда более сдержанная — некоторым другим авторам).

Отдельно следует упомянуть о проблеме персональной ответственности Лодовико Моро за судьбу Неаполитанского государства и, косвенным образом, судьбу всей Италии. Подавляющее большинство итальянских авторов издавна считают его виновником бед, обрушившихся на их страну, человеком, который прямо попустительствовал французскому захвату королевства.² Впрочем, у этой точки зрения были влиятельные противники, в том числе Франческо Гвиччардини, который считал, что

---

¹ «Лодовико Моро — «одно из характернейших явлений того времени и настолько естественный продукт известных общих условий происхождения власти, что его даже нельзя слишком строго судить. Он с изумительной наивностью прибегает к самым безнравственным средствам, по-видимому даже не отдавая отчета в своих действиях. По всей вероятности, он был бы очень удивлен, если бы кто-нибудь вздумал дать ему понять, что существует нравственная ответственность не только за цели, но и за ведущие к ним средства. По всей вероятности, также он способен был поставить себе в особую редкую заслугу и добродетель уменьшение числа смертных приговоров. Полумифическое преклонение итальянцев перед его политическим влиянием он принимал как должное и находил естественным, что в стихотворениях его называли «настоящим властелином Италии». Он утверждал, что держит в одной руке мир, в другой — войну, и на монетах, и картинах по его приказанию изображались эмблематически его всемогущество и унижение противников. После 1406 года он хвалился своей значимостью, говоря, что папа не более как его духовник, император Максимилиан — его кондотьер, Венеция — его казначей, а французский король — его курьер, обязанный отправляться всюду по его воле». — Буркгардт Я. Культура Италии в эпоху Возрождения. Смоленск: Русич, 2003. С. 46-47

² См., например, Verri P. Storia di Milano. Firenze, 1851

основная причина успешного вторжения французов и последующего завоевания Неаполя не предательство или личные качества Моро, а общая слабость существовавшей государственной и политической системы в Италии.

Правда, если мятежная страна завоевана повторно, то государю легче утвердить в ней свою власть, так как мятеж дает ему повод с меньшей оглядкой карать виновных, уличать подозреваемых, принимать защитные меры в наиболее уязвимых местах.

Макиавелли переходит тут к очень важному для него пласту, связанному с необходимостью насилия со стороны государя. Литература того времени касалась этого вопроса редко и с осязаемой неохотой. Обратим, внимание, что автор «Государя» в полном соответствии со своей концепцией взаимоотношения единовластного правителя и общества считает, что обоснованные репрессивные меры могут быть приняты только при наличии соответствующего повода. Между тем, в современной Макиавелли Европе это правило соблюдалось далеко не всегда. Скажем, после начала военных действий Людовика XII против Моро французы вели себя очень жестоко. Наступая из Асти, они попросту вырезали гарнизон Анноны, чем повергли западную Ломбардию в крайний ужас, облегчивший им дальнейшее продвижение.

Совершенно очевидно, что автор «Государя» неоднократно лично был свидетелем насилия в современной ему итальянской политике¹. Для него это была естественная часть политики, и он считал необходимым не только не обходить стороной данный пласт государственной

---

¹ По этому поводу см. отдельную главу в Tarlton Ch. D. Fortune's circle: A biographical interpretation of Niccolò Machiavelli. Chicago: Quadrangle books, 1970. P. 75-97.

жизни, но и рационализировать его в своих теоретических построениях. Макиавелли считают сторонником «терапевтического» насилия в политике¹. Он безусловно считал его полезным в определенные моменты². Некоторые авторы особо выделяют, что он пролил свет на связь между политикой и насилием³.

Так в первый раз Франция сдала Милан, едва герцог Лодовико пошумел на его границах, но во второй раз Франция удерживала Милан до тех пор, пока на нее не ополчились все итальянские государства и не рассеяли и не изгнали ее войска из пределов Италии, что произошло по причинам, названным выше.

Типичный для Макиавелли прием, когда за некоей максимой (старый государь может восстановить свою власть при первом удобном случае; при повторном завоевании власть удержать проще, чем при первом) ищет ее подтверждение на конкретных примерах. Если судить по работам современных историков, то возвращение Моро в Милан действительно обернулось триумфом⁴. Во многом это стало результатом самых настоящих бесчинств со стороны французов, решительно настроивших против себя все миланское общество. А вот успех Моро в 1500 г. оказался кратковременным, чего не мог не знать Макиавелли. Вскоре французские войска снова вторглись в

---

¹ Feinberg B. Creativity and the political community: The role of the law-giver in the thought of Plato, Machiavelli and Rousseau // Western political quarterly, 1970, Vol. XXIII. P. 80

² Cambell W. Machiavelli: An anti-study. Kingston: University of Rhode Island, 1968. P. 48

³ Ricoeur P. History and the truth. Evanston: Northwestern university press, 1965. P. 256-258, 260

⁴ См., например, Santoro C. Gli Sforza. La casata nobiliare il Dicato di Milano dal 1450 al 1535. Milano: Lampi di Stampa, 1999. P. 366

Ломбардию. На стороне Сфорца было общественное мнение княжества, однако его войска изменили ему (швейцарцы¹, правда, пытались его небескорыстно спасти, но неудачно). Он был разбит 7 апреля 1500 г., взят в плен и отправлен во французский замок Лош, где и умер.

Незадачливая судьба Лодовико Моро во многом объяснялась особенностями характера последнего, едва ли годного исполнять обязанности герцога в кризисное время. В то время подлинным характером представителя династии Сфорца обладал только один человек из этого клана, к тому же незаконнорожденный — Катарина Сфорца. Макиавелли столкнулся с ней в одной из своих дипломатических миссий и интеллектуально проиграл ей. Впрочем, инструкции, данные ему Синьорией, были таковы, что он с самого начала был поставлен в невыгодное по сравнению с ней положение.

Отмечу также, что в этой главе Макиавелли подробно рассматривает трудности, с которыми встречались покорители Италии. Может даже показаться, что он дает советы иностранным государям, как завоевать его родину. Объяснение этого парадокса, возможно, скрыто в том, что флорентинец видел всю уязвимость раздробленной страны. Этот коренной дефект перестал бы существовать только после ее объединения²

---

¹ Вообще почему-то в литературе часто принято считать, что в Италию времен Макиавелли вторгались только французы и испанцы. Это верно только при учете тех стран, которые распространяли на страну свои геополитические претензии. Но на деле очень активное участие в боевых действиях принимали и швейцарцы, причем по боевым качествам они явно превосходили итальянцев. Интересно, что в случае с последним боем Лодовико Моро с французами швейцарские наемники принимали участие в конфликте с обеих сторон. Пикантно, что они проявили солидарность в отношении своих земляков в критический момент уже после боя. Среди наемников было также много немцев.

² Strauss L. "Machiavelli's intention. P. 22

Тем не менее, Франция оба раза потеряла Милан¹. Причину первой неудачи короля, общую для всех подобных случаев, я назвал; остается выяснить причину второй и разобраться в том, какие средства были у Людовика — и у всякого на его месте, — чтобы упрочить завоевание верней, чем то сделала Франция.

Начну с того, что завоеванное и унаследованное владения могут принадлежать либо к одной стране и иметь один язык, либо к разным странам и иметь разные языки.

Здесь мы имеем одну из самых серьезных проблем мировой политики — как прошлой, так и нынешней. Что считать одной страной, не говоря уже об одном языке — головная боль политиков и наций. В некоторых других случаях можно спорить и спорить. Суть сказанного, конечно, состоит в том, что дословное прочтение Макиавелли в этом случае едва ли может быть адресовано сегодняшним политикам.

История России тоже полна неоднозначных примеров. Какой характер имело в свое время присоединение Украины к России? Современные украинские учебники утверждают категорически: это было завоевание, а вся история пребывания в составе России являлась оккупацией. Выросшие на этих трудах новые поколения почти наверняка будут воспринимать данный тезис как нечто само собой разумеющееся. Пока эти времена полностью еще не наступили, хочется успеть сказать: да, это было завоевание, но только если говорить о русско-польских отношениях. А так Украина была типичным владением,

---

¹ Во втором случае, не разобранным выше, имеется в виду поражение французов при Новаре 6 июня 1513 г. и последующая потеря ими Милана

которое принадлежало к одной с русскими стране и имело с ними один язык. Добавлю к максиме Макиавелли, что она еще и веру с Московией одну имела, что для последней стало главной причиной, по которой она втянулась в войну с Польшей, причем войну, к которой была не готова.

В первом случае удержать завоеванное нетрудно, в особенности если новые подданные и раньше не знали свободы. Чтобы упрочить над ними власть, достаточно искоренить род прежнего государя, ибо при общности обычаев и сохранении старых порядков ни от чего другого не может произойти беспокойства.

У Марка Юсима первое предложение выглядит таким образом: «В первом случае их совсем нетрудно удержать, особенно если они не привыкли к свободной жизни». Обратим внимание здесь на ключевое значение трактовки термина *свобода*¹ (*свободная жизнь* — *vivere liberi*). В целом Макиавелли считал, что *свобода* и общее благо общества проистекает из контроля над злоупотреблениями властей и фракционной борьбой, когда сила используется именно как средство контроля, а не орудие тирании². Завоевать такие страны, по его мнению, трудно, а удерживать в них власть не менее сложно. Макиавелли здесь ясно дает понять, что покорение республики, т.е. страны, знакомой со *свободой*, вызывает куда большие затрудне-

---

¹ О проблеме свободы у Макиавелли см., например, Colish M.L. The idea of liberty in Machiavelli // Journal of the history of ideas. 1971. Vol. 32. P. 323-350

² Bonadeo A. Corruption, conflict and power in the works and times of Niccolò Machiavelli. Berkeley: University of California press, 1973. P. 121-127

ния, нежели страны, где власть была основана на единоличной власти. Из дальнейшего контекста станет ясно, что речь в последнем случае идет о наследственном правлении.

Что касается «искоренения» рода прежних государей, то к этой практике прибегали многие новые правители. Бывали и страны, где после восхождения на престол правители уничтожали и своих родственников — на всякий случай. Другой вопрос, как внешне парадоксально вела себя в этом отношении Россия. На протяжении столетий она после присоединения новых территорий не прибегала к данному проверенному методу для утверждения своей власти. Новые подданные, новая культура, даже прежние правители¹ абсорбировались, всасывались, вовлекались Россией и становились участниками общего цивилизационного процесса в этой империи.

Следует также обратить внимание на подчеркивание Макиавелли условия сохранения власти *новым* государем в стране, не знавшей *свободы*. В силу того, что обычаи присоединенной территории и так являются общими с государством-завоевателем, то решающее значение будет иметь отказ правителя от каких-то радикальных изменений (ниже выяснится, что он имел в виду прежде всего сохранение прежних законов и податей). Иными словами — отказ от навязывания реформ. Для наиболее легкого удержания власти необходимо попросту сохранить старые порядки. Здесь бросаются в глаза параллели с мнением о том, как удержать власть наследственному государю. Макиавелли здесь предельно инструментален как советник. Его интересуют только интересы правителя, ничего больше.

---

¹ См., например, Нагдалиев Ф. Ханы Нахичеванские в Российской Империи. М.: Новый Аргумент, 2006

Так, мы знаем, обстояло дело в Бретани, Бургундии, Нормандии и Гаскони, которые давно вошли в состав Франции; правда, языки их несколько различаются, но благодаря сходству обычаев они мирно уживаются друг с другом. В подобных случаях завоевателю следует принять лишь две меры предосторожности: во-первых, проследить за тем, чтобы род прежнего государя был искоренен, во-вторых, сохранить прежние законы и подати — тогда завоеванные земли в кратчайшее время сольются в одно целое с исконным государством завоевателя.

На этом анализ того, как закрепить власть государя в присоединенной территории, на которой население говорит на том же языке, заканчивается. Это может показаться странным, поскольку Макиавелли был ориентирован во время работы над своим трудом в первую очередь на итальянских правителей и итальянских читателей. Одной из задач, которые он перед собой ставил, вполне очевидно было своеобразное «интеллектуальное сопровождение» государя, который мог бы освободить Италию. Между тем, все размышления на эту тему оказываются крайне невелики, а соответствующие рекомендации довольно упрощенными.

Причин этой внешней непоследовательности может быть несколько, в том числе

- сама задача удержания государем личной власти еще много раз будет ставиться в дальнейшем в этой книге;
- автор считал данную проблему куда более легкой, чем ту, которая ожидала его ниже в этой главе. Отсюда возможный налет нетерпения перед лицом желания перейти к более сложной интеллектуальной задаче;

— с самого начала Макиавелли претендует на универсальность и соразмерность своего труда и только потому вообще затрагивает тему удержания власти в родственных государствах, которую он, возможно, считал здесь преждевременной, учитывая предстоящие на эту тему размышления и максимы. Однако из-за необходимости сделать структуру изложения возможно более цельной, был вынужден коснуться проблемы родственных государств хотя бы вскользь.

Продолжая аналогии с Россией, вспомним еще раз присоединение Украины. Руководство примкнувшей к Москве страны не подвергалось ни репрессиям, ни наказаниям (пока сохраняло верность московским государям, в противном случае кара была жестока, даже чрезмерно, достаточно вспомнить хотя бы судьбу столицы гетманщины Батурина, жители которого были поголовно истреблены Меншиковым в наказание за измену Мазепы.¹ Причем эта резня была санкционирована Петром I.² Ее политический результат удовлетворил бы Макиавелли в полной мере: украинское население немедленно побежа-

---

¹ См., например, Черниговская летопись по новому списку (1587-1725) и Коломацкие челобитные / Изд. Ал. Лазаревского. Киев, 1890. С. 34; Сборник летописей, относящихся к истории Южной и Западной Руси. Киев, 1888. С. 189

² «После двухчасового боя остатки гарнизона были перебиты вместе со всем гражданским населением. Всего в батуринской трагедии погибло около 15 тысяч украинцев, в том числе все женщины и дети, укрывавшиеся в замке. Современные исследования археологов рисуют страшную картину резни. После этого все дома, церкви и монастыри были разграблены и согласно царскому указу сожжены. Меншиков успел вывезти часть артиллерии, гетманский архив, библиотеку Мазепы, равно как и другие ценности, хранившиеся в столице и загородной резиденции Гончаривке. Вывезли даже мощи святой Варвары, подаренные Мазепой батуринскому монастырю по просьбе Дмитрия Туптало (Ростовского). Даже через двадцать лет после этой трагедии Батурин оставался «весь пуст». — Таирова-Яковлева Т.Г. Мазепа. М.: Молодая гвардия, 2007. С. 222-223

ло от бывшего гетмана, страшно опасаясь повторения Батурина). Законы и обычаи на Украине после присоединения к России первоначально были сохранены, да и вообще новоприсоединенным землям была дарована, говоря современным языком, широкая автономия.

Однако в случае с Украиной все было трудно с самого начала при всей общности языка, обычаев и веры. Хотя подавляющее большинство населения действительно были готовы на тех или иных условиях соединиться с Россией, верхушка имела свои собственные интересы. При этом объективно в интересах Москвы было устранить не только владычество поляков, но и украинской старшины, которая изначально была склонна к измене своему новому государю¹. Поскольку реальная оппози-

---

¹ Георгий Вернадский оценивал ситуацию следующим образом: «... Обычный украинский казак и крестьянин доверял московской администрации и царю в том, что они не станут вмешиваться в их традиции и обычаи. Совершенно противоположным было отношение старшинской аристократии к объединению Украины с Москвой. Они согласились принять царское покровительство, чтобы избежать полного поражения от поляков, но не считали объединение чем-то окончательным и не воспринимали свою клятву царю всерьез. Это стало для них политическим маневром, обеспечивающим им временную передышку. Как с социальной, так и с культурной точки зрения они чувствовали себя более близкими по духу польской шляхте, нежели московским боярам. Пока Богдан был жив, старшины не осмеливались открыто заявлять о своей политической программе, однако основные ее пункты были установлены в частных беседах между высшими лидерами аристократической партии... Поскольку история показала, что казакам не доставало сил для образования независимого государства, то старшины поставили себе целью обеспечить полную автономию Украины в рамках объединения с Москвой. Между прочим, подобная автономия была достигнута под протекторатом царя, которому старшины не доверяли и опасались вмешательства в украинские дела в будущем. Таким образом, внимание старшин было направлено на подготовку к установлению взаимоотношений с Польшей. Они надеялись обеспечить Украине надежный статус в Польском содружестве вроде того, каким пользовалась Литва». — Вернадский Г.В. Московское царство. М.: ЛЕАН; АГРАФ, 1997. С.12

ция не только не была репрессирована, но и сохранила свое место в системе и свои привилегии, Россия получила очень большие проблемы на Украине. Макиавелли наверняка бы сказал, что это была крупнейшая ошибка, совершенная Москвой (затем — Санкт-Петербургом) в случае с этим завоеванием.

Но если завоеванная страна отличается от унаследованной по языку, обычаям и порядкам, то тут удержать власть поистине трудно, тут требуется и большая удача, и большое искусство.

Сразу же видно, что эта более сложная тема интересует Макиавелли куда больше, нежели предыдущая. На первый взгляд, причина этого проста: там, где все относительно просто, не требуется советник. Там государь может справиться сам. А вот в противном случае без консультации со специалистами лучше не обходиться.

Но это неверное объяснение. Автор «Государя» ориентировался полностью или почти полностью на Италию, где язык, обычаи и почти везде порядки были в целом одинаковы. Вообще центром внимания Макиавелли и в этой книге, и вообще была Италия. Остальная часть Европы и остальной мир рассматривались им фрагментарно, несфокусированно, периферийным зрением¹. К тому же ему в качестве покровителя был нужен не просто итальянский правитель, но правитель флорентийский. Поэтому на первый план, как мне представляется, следует выдвинуть интеллектуальное удовольствие от предстоящего анализа. Оно зачастую является практически иррациональным, однако для Макиавелли здесь это важно куда больше, чем деловые соображения. Да это видно и

---

¹ Hexter J.H. The loom of language and the fabric of imperative: P. 950

по рассматриваемой фразе, когда речь идет о фортуне и «большом искусстве» (*grande industria*).

Отмечу также, что «*большая удача*» — это большая *фортуна* (*gran fortuna*). Но *фортуна* по Макиавелли — это вовсе не только и не столько удача. Это многогранный термин, что будет видно из упоминания этого термина в дальнейшем в «Государе». А пока просто приведем несколько строк из стихотворения автора, посвященного *фортуне*.

Не ведают ни горя, ни печали
Фортуны баловни, но не везет
тем горемыкам, что в немилость впали.

Себе советчик наилучший тот,
кто колесо себе согласно воле
колдуньи этой древней подберет —

одно из множества колес, тем боле
что если ты противоречишь ей,
едва ли ты дождешься лучшей доли.

Но связывать надежд не стоит с ней,
не верь, что от ударов увернешься
и от ее клыкастых челюстей:

все хорошо, покуда ты несешься,
держась на тыльной части колеса,
но миг — и ты на полпути сорвешься.

Не вздумай уповать на чудеса.
Перевернешься вместе с ним? Пустое.
Тут новшеств не потерпят небеса.

Но если так, то самое простое —
менять колеса: сбросило одно -
не падай духом, облюбуй другое.

Однако смертным это не дано:
во власти некой силы неизменно
мы пребываем. Так заведено¹.

Иными словами, *фортуна* — это не просто удачный случай или удача. У Макиавелли это нечто большее. Значительно большее².

И еще одно. Стихотворение было написано в конце 1512 — начале 1513 гг. Обратим здесь внимание на идею о том, что если тебя сбросило одно колесо *фортуны*, следует выбрать другое. Возможно, что именно этой идеей вдохновлялся автор «Государя», когда после падения Синьории решил пойти на службу клану Медичи.

Как бы то ни было, исследователи термина *фортуна* у Макиавелли существенно расходятся в понимании роли этого термина в его рассуждениях. Одна позиция в целом состоит в том, что *фортуна* означает крах разума в дальнейших рассуждениях. Когда автор был не в силах объяснить то, как складывается определенная ситуация, он обращался к этому понятию³. Идею о полумистической природе *фортуны* у флорентийца поддерживали и некоторые другие авторы⁴.

Противоположная точка зрения состоит в том, что Макиавелли в «Государе» создал собственную науку, «но-

---

¹ Перевод Е.М.Солоновича

² Есть даже книга, которая рассматривает жизнь Макиавелли с точки зрения фортуны, выделяя его жалость к себе, периодическое обращение к мистике и др. — Tarlton Ch. D. Op. cit.

³ Cassirer E. Op. cit. P. 157

⁴ Chabod F. Machiavelli and the Renaissance. P. 69-70

вую науку», подобно тому, как это сделал Галилей. Фундаментальные основания этой науки — *фортуна* и *virtù*. Следует различать применение первого термина в поэзии Макиавелли и в его главном труде. В нем нет места метафорам и аллегориям, *фортуна* представляет собой абстрактный и отдельный концепт, пассивное условие политического успеха в завоеваниях и во внутренней политике. *Virtù* выглядит как активный противовес *фортуны*. Таким образом, оба центральных понятия являются «техническими терминами рациональной системы политического мышления», они создают блоки в научном анализе политического поведения¹.

Наконец, третья точка зрения исходит из фундаментальной неопределенности подхода к терминам со стороны Макиавелли. В случае с *фортуной* он либо использует мистический имидж, либо прибегает к рациональному концепту².

И одно из самых верных и прямых средств для этого — переселиться туда на жительство. Такая мера упрочит и обезопасит завоевание — именно так поступил с Грецией турецкий султан, который, как бы ни старался, не удержал бы Грецию в своей власти, если бы не перенес туда свою столицу. Ибо только живя в стране, можно заметить начинающую смуту и своевременно ее пресечь, иначе узнаешь о ней тогда, когда она зайдет так далеко, что поздно будет принимать меры.

У Юсима этот отрывок выглядит следующим образом: «Одно из самых лучших и действенных средств в этом

---

¹ Olschki L. Op. cit. P. 37-39

² Flanagan Th. The concept of *fortuna* in Machiavelli. P. 152

случае состоит в том, чтобы завладевшее ими («территориями в стране, чужеродной по языку, обычаям и учреждениям» — В.Р.) лицо само переселилось в этот край. Это придаст завоеванию надежность и долговечность; так поступил турецкий султан с Грецией. Не перенеси он туда свое местопребывание, ему бы там ни за что не удержаться, невзирая на все остальные меры, принятые им для сохранения этого государства». Вроде бы только одна принципиальная разница в переводах — наличие или отсутствие слова «столица». Перевод Юсима более точен по букве¹, однако по смыслу вроде бы годится и вариант Муравьевой, тем более, что переезд государя фактически означал перенос столицы. Учтем это различие, чтобы быть до предела скрупулезными — о «столице», т.е. переводе в завоеванную страну всего центрального бюрократического аппарата и проч., у Макиавелли ничего не говорится.

Здесь Макиавелли, вероятно, имеет в виду перенос второй столицы турок-османов в европейский Андрианополь в 1365 г. Сделавший это Мурад I исходил преимущественно из геополитических целей. Андрианополь находился на пересечении торговых путей между Европой и Азией, он к тому же фактически соседствовал с византийским Константинополем. Возможен, правда, и вариант, что Макиавелли имеет в виду перенос турецким султаном Мехмедом II столицы в завоеванный им в 1453 г. Константинополь. Историки, безусловно, предпочтут вариант с Мурадом как более точный с точки зрения описанной Макиавелли ситуации. Об этом свидетельствует косвенным образом и фраза о том, что Грецию (Балканы) можно было удержать только таким образом. Сомнительно, правда, что флорентийцу была так хорошо известна

---

¹ У Фельдштейна, кстати говоря, в переводе «столица» также отсутствует. В итальянском тексте самого Макиавелли этого слова тоже нет.

история османов. А вот о завоевании Константинополя и с ним почти всей Византии (Греции) он должен был быть прекрасно осведомлен. Поэтому здесь нам остается оставаться только на почве предположений.

Фридрих II, комментируя данное положение Макиавелли, заметил, что в некоторых случаях переезд правителя может оказаться полезным. Однако «все же следует принять во внимание: многие земли великих государей расположены так, что государи не могут оставить свое местопребывание без того, чтобы остальные земли не оказались при этом под угрозой. Государи являются первоначалом движения в государственном теле, и им нельзя оставлять центра своих владений, дабы не пришли в упадок уже находящиеся под их властью территории».¹ Здесь, конечно, надо комментировать уже самого Фридриха II, но мысль его ясна и заслуживает внимания. Даже с точки зрения современности, не говоря уже о прошлом.

История знает, конечно, несколько случаев, когда центры власти действительно переносились в завоеванные государства. Классический случай — Александр Великий, который считал нежелательным для себя возвращение в родную Македонию и обосновался в Персии. В какой-то мере по этому пути пошли Чингизиды, имевшие обыкновение основывать столицы в тех государствах, которые завоевывали. Можно, конечно, сказать, что это не совсем корректный пример, учитывая крайне сложное государственное устройство данной империи. Однако суть максимы — присутствие государя на завоеванной земле упрочивает там его власть — здесь вполне присутствует. Говоря о России необходимо, разумеется, вспомнить Петра Великого, укрепившегося на берегах Балтики.

---

¹ Фридрих Великий. Анти-Макиавелли, или Опыт возражения на Макиавеллиеву науку об образе государственного правления // Книга Государя. Спб.: Амфора, 2004. С. 300

Обосновавшись в завоеванной стране, государь, кроме того, избавит ее от грабежа чиновников, ибо подданные получают возможность прямо взывать к суду государя — что даст послушным больше поводов любить его, а непослушным — бояться. И если бы кто-нибудь из соседей замыслил нападение, то теперь он проявит большую осторожность, так что государь едва ли лишится завоеванной страны, если переселится туда на жительство.

В переводе Марка Юсима: «Кроме того, ты не оставляешь страну на разграбление своим чиновникам; для подданных облегчается прямой доступ к государю, отчего у добропорядочных граждан бывает больше оснований для расположения к нему, а у бунтовщиков — для опасений. Внешний враг хорошенько подумает, прежде чем напасть на эти владения. Таким образом, у переселившегося туда государя будет очень трудно отнять их».

Макиавелли продолжает перечень позитивных моментов, связанных с переездом государя в завоеванную страну, В целом же его обоснование желательности этой меры выглядит следующим образом:

- необходимо иметь своевременную информацию о текущей политической ситуации в завоеванной стране;
- присутствие на присоединенной территории дает возможность оперативно отреагировать на начинающуюся смуту;
- пресекается произвол и коррупция со стороны назначенных чиновников;
- государь облегчает своим новым подданным возможность взывать к его вмешательству, что ведет к укреплению лояльного отношения к новой власти

одних сегментов общества и сдержанности проблематичной части населения;

— большую сдержанность также будет вынужден проявить и потенциальный агрессор.

Обратим еще раз внимание на постоянную для Макиавелли тему: необходимость для правителя иметь хорошие контакты с обществом, в том числе и только что присоединенным к основной части государства.

Другое отличное средство — учредить в одном-двух местах колонии, связующие новые земли с государством завоевателя. Кроме этой есть лишь одна возможность — разместить в стране значительное количество кавалерии и пехоты.

На итальянском все предложение будет выглядеть следующим образом: «*L'altro migliore remedio è mandare colonie in uno o in dua luoghi che sieno quasi compedes di quello stato; perché è necessario o fare questo o tenervi assai gente d'arme e fanti*». В переводе Фельдштейна: «Другое очень хорошее средство — это основать в одном или двух местах военные колонии, которые являются как бы ключом той страны; необходимо или поступить так, или держать там много конных людей и пехоты». Перевод Юсима: «Другое отличное средство состоит в том, чтобы основать одну-две колонии, которые прикрепили бы эту местность к новому государству. В противном случае потребуется держать там множество солдат, и пеших и конных».

Этой фразой начинается сравнение двух последних моделей решения вопроса об укреплении власти государя на новых территориях. Макиавелли намеренно противопоставляет их друг другу, хотя они нередко сочетались. Такова, например, была обычная практика российских завоеваний в разные времена. В XIX веке на

присоединенных землях — будь то на Кавказе или в Средней Азии — размещались переселенцы и гарнизоны, которые становились опорой новой власти на местах¹. На Северном Кавказе, где военное противостояние достигало высокого уровня, к колонизации привлекались казаки. Подобная практика, т.е. сочетание колонистов и расквартированных вооруженных сил, периодически была распространена и во время римской экспансии. Но Макиавелли в данном случае, возможно, требовалось противопоставить оба подхода для того, в частности, чтобы продемонстрировать читателю свои способности к анализу. Что касается самой идеи о колониях², то она, видимо, была продиктована главным образом намерением Макиавелли равняться на «древних», в первую очередь на Рим.

Колонии не требуют больших издержек, устройство и содержание их почти ничего не стоят государю, и разоряют они лишь тех жителей, чьи поля и жилища отходят новым поселенцам, то есть горстку людей, которые, обеднев и рассеявшись по стране, никак не смогут повредить государю; все же прочие останутся в стороне и поэтому скоро успокоятся, да, кроме того, побоятся, оказав непослушание, разделить участь разоренных соседей. Так что колонии дешево обходятся государю, верно ему служат и разоряют лишь немногих жителей, которые, оказавшись в бедности и рассеянии, не смогут

¹ Галузо П.Г. Туркестан-колония (Очерки по истории Туркестана от завоевания русскими до революции 1917 г.). — М., 1929; Губаревич-Родобильский Л. Экономический очерк Бухары и Туниса. — СПб., 1905

² Отчасти она рассмотрена в работе Parkin J. An assessment of Bodin's influence on François Grimaudet's *Opules politiques* // Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance. 1976, Vol. 38. P. 34-35

повредить государю. По какому поводу уместно заметить, что людей следует либо ласкать, либо уничтожать, ибо за малое зло человек может отомстить, а за большое — не может; из чего следует, что наносимую человеку обиду надо рассчитывать так, чтобы не бояться мести.

Последнее предложение — одна из знаменитых максим Макиавелли, принесших ему в свое время дурную славу¹ (в переводе Марка Юсима она выглядит следующим образом: «По этому поводу следует заметить, что людей должно либо миловать, либо казнить, ведь небольшие обиды будут всегда вызывать к отмщению, а за тяжкие люди отомстить не в силах. Так что, нанося обиду, следует устранить возможность мести»). Впрочем, давно уже устоялась точка зрения, что не может быть основой для критического анализа идей Макиавелли несоразмер-

---

¹ Впрочем, кто сказал, что другие политические мыслители, в том числе наши соотечественники, были лишены цинизма? Вот характерный отрывок из упоминавшегося выше «Мнения русского гражданина» Николая Карамзина: «Нет, Государь, никогда поляки не будут нам ни искренними братьями, ни верными союзниками. Теперь они слабы и ничтожны: слабые не любят сильных, а сильные презирают слабых; когда же усилите их, не то они захотят независимости, и первым опытом ее будет отступление от России, конечно, не в Ваше царствование, но Вы, Государь, смотрите далее своего века, и если не бессмертны телом, то бессмертны славою! В делах государственных чувство и благодарность безмолвны; а независимость есть главный закон гражданских обществ. Литва, Волыния желают Королевства Польского, но мы желаем единой Империи Российской. Чей голос должен быть слышнее для Вашего сердца? Они, в случае войны, впрочем, ни мало не вероятной (ибо кому теперь восстать на Россию?), могут изменить нам: тогда накажем измену силою и правом: право всегда имеет особенную силу, а бунт, как беззаконие, отнимает ее. Поляки, законом утвержденные в достоинстве особенного, державного народа, для нас есть опаснее поляков-россиян» (Карамзин Н.М. О древней и новой России. С.438).

ное внимание, которое уделялось несколько столетий назад критиками его этическим и моральным взглядам, выраженным в основном в «Государе»¹.

В целом же в данном отрывке идет перечисление только позитивных моментов, связанных с устройством колоний в завоеванной стране. Помимо этого, можно обратить внимание на следующие обстоятельства:

- здесь представлена концепция «неизбежных потерь» при всяком политическом устройстве после успешного завоевания новых территорий. Причем потерь не среди открытой оппозиции. Говорить об этом публично не принято, однако с этим сталкивается любой политик. Неверная оценка этого фактора способна привести к катастрофе или большим неприятностям;

- во главу угла в данном случае ставится финансовая составляющая вопроса;
- подчеркивается, что отрицательные последствия устройства колоний будут минимизированы тем обстоятельством, что потерпевшая часть местного населения не будет в состоянии бросить вызов новому государю;
- Макиавелли, что характерно для него, опять же опирается здесь на опыт «древних», рекомендуя его современным правителям.

Если же вместо колоний поставить в стране войско, то содержание его обойдется гораздо дороже и поглотит все доходы от нового государства; вследствие чего приобретение обернется убытком; к тому же от этого пострадает гораздо больше людей, так как постоянные войска обременяют все на-

---

¹ Voegelin E. Machiavelli's Prince: Background and formation // Review of politics. 1951. Vol. 13. N 2 (April). P. 142

селение, отчего каждый, испытывая тяготы, становится врагом государю, а такие враги могут ему повредить, ибо хотя они и побеждены, но остаются у себя дома. Итак, с какой стороны ни взгляни, содержание подобного гарнизона вредно, тогда как учреждение колоний полезно.

Здесь снова на первом месте оказывается финансовая составляющая данного вопроса. Отдельно выделяется, что в случае введения войска в завоеванную страну пострадавшим окажется все завоеванное население, а не отдельный его сегмент. Кроме того, увлекшись, Макиавелли приходит к выводу, что размещение оккупационных сил на присоединенной территории вредно для державы-победителя.

В чужой по обычаям и языку стране завоевателю следует также сделаться главой и защитником более слабых соседей и постараться ослабить сильных, а кроме того, следить за тем, чтобы в страну как-нибудь не проник чужеземный правитель, не уступающий ему силой.

У Юсима это предложение выглядит следующим образом: «Тот, кто находится в чужеродной, как было описано выше, провинции, должен еще взять под свое покровительство ее мелких соседей, стараясь ослабить наиболее влиятельных, и остерегаться, чтобы не возник повод к вмешательству в дела этой области другого властителя, столь же могущественного, как и он сам».

Макиавелли, как выяснится ниже, рассматривал данные тезисы как необходимые для анализа провала французских вторжений в Италию. Здесь имеем две максимы. Первая давно уже стала правилом внешней политики.

Покровительствовать слабым соседним государствам, создавать из них, по возможности, своеобразный буфер между собой и более сильным противником — старая норма европейской (да и не только европейской) политики, причем отнюдь не обязательно на завоеванных территориях. Фридрих прямо и точно указывает на Хлодвика как одного из инициаторов такой линии.¹ Довольно четко проводили эту политику в колониальный период в Индии, да и не только там, англичане.²

Вторая максима — избегать предлога к вмешательству со стороны сильного соперника — также хорошо известна. Именно этой линии в свое время следовала Россия в Средней Азии, чтобы не давать Великобритании повода к вторжению на занятую ей территорию.

Таких всегда призывают недовольные внутри страны по избытку честолюбия или из страха, — так некогда римлян в Грецию призывали этолийцы, да и во все другие страны их тоже призывали местные жители.

По Юсиму: «А повод, чтобы воспользоваться недовольством чрезмерно честолюбивых или напуганных обитателей, всегда появится, как можно судить по призыванию римлян в Грецию этолийцами — вообще во все завоеванные ими провинции римлян приглашали местные жители». Собственно говоря, именно такова была причина появления России на Южном Кавказе: христианские государства под напором мусульманских Турции и Персии были вынуждены обращаться к покровитель-

---

¹ Фридрих Указ. соч. С. 302

² Синха Н.К., Банерджи А.Г. История Индии. М.: Политиздат, 1954; Шигалина О.И. Великобритания на Среднем Востоке.-М., Наука, 1990

ству северного соседа, дабы не только сохранить государственность (пусть и в урезанном виде), но и вообще не подвергнуться поголовному истреблению¹. Макиавелли же в этом случае имеет в виду главным образом появление Испании в Италии как противовеса французскому влиянию, а также опыт Древнего Рима. На мой взгляд, порядок этих примеров по важности в данном случае был для автора «Государя» именно таким. Стоя на почве античности, он пытался найти ключ к современным для него событиям. В конце концов, зачем нужна древность, если не для того, чтобы давать образцы поведения для современности... Впрочем, в подавляющем большинстве других случаев Макиавелли отдавал предпочтение опыту Древнего Рима и вообще «древних».

Порядок же вещей таков, что, когда могущественный государь входит в страну, менее сильные государства сразу примыкают к нему — обычно из зависти к тем, кто превосходит их силой, — так что ему нет надобности склонять их в свою пользу, ибо они сами охотно присоединяются к созданному им государству. Надо только не допускать, чтобы они расширялись и крепили, и тогда своими силами и при их поддержке, нетрудно будет обуздать более крупных правителей и стать полноправным хозяином в данной стране. Если же государь обо всем этом не позаботится, он скоро лишится завоеванного, но до того претерпит бесчисленное множество трудностей и невзгод.

---

¹ Потто В. Кавказская война: В 5 томах. Т.1: От древнейших времен до Ермолова. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. С. 195; Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся до Грузии, т. 2, СПб. 1902, в. 2, с. 32-41; Фадеев А. В. Россия и Кавказ первой трети XIX в., М.: Наука, 1960

Собственно говоря, речь идет о том, что впоследствии было названо «реалполитик» с элементами учета и использования конфигурации баланса сил¹. Ниже автор переходит сначала к опыту завоевательной политики Рима, которая была довольно циничной, но в подавляющем большинстве случаев исключительно действенной — пока, разумеется, это государство находилось на подъеме. Затем настанет время для анализа неудач французов в современной Макиавелли Италии.

Римляне, завоевывая страну, соблюдали все названные правила: учреждали колонии, покровительствовали слабым, не давая им, однако, войти в силу; обуздывали сильных и принимали меры к тому, чтобы в страну не проникло влияние могущественных чужеземцев. Ограничусь примером Греции. Римляне привлекли на свою сторону ахейцев и этолийцев; унизили македонское царство; изгнали оттуда² Антиоха³. Но, невзирая ни на какие заслуги, не позволили ахейцам и этолийцам расширить свои владения, не поддались на лесть Филиппа⁴ и не заключили с ним союза, пока не сломили его могущества, и не уступили напору Антиоха, домогавшегося владений в Греции. Римляне поступали так, как надлежит поступать всем мудрым правителям, то есть думали не только о сегодняшнем дне, но и о завтрашнем, и старались всеми силами предотвратить возможные беды, что нетрудно сделать, если вовремя принять необходимые меры, но если дожи-

---

¹ Sullivan R. Machiavelli's balance of power theory // Social science quarterly, 1973, Vol. 54, P. 258-270;

² Имеется в виду: из Греции.

³ Антиох III Великий*

⁴ Имеется в виду Филипп V Македонский*

даться, пока беда грянет, то никакие меры не помогут, ибо недуг станет неизлечимым.

Автор «Государя» здесь пытается следовать обозначенному им самим правилу: брать все возможные уроки у «древних». Заодно он суммирует выведенные им самим правила завоевания новой страны и фактически приписывает их задним числом римлянам. Своеобразный прием, который давно уже заметили исследователи творчества Макиавелли¹. Кроме того, Макиавелли начинает тут очень важную для себя тему предвидения и предусмотрительности, которую станет развивать ниже.

Здесь происходит то же самое, что с чахоткой: врачи говорят, что в начале эту болезнь трудно распознать, но легко излечить; если же она запущена, то ее легко распознать, но излечить трудно. Так же и в делах государства: если своевременно обнаружить зарождающийся недуг, что дано лишь мудрым правителям, то избавиться от него нетрудно, но если он запущен так, что всякому виден, то никакое снадобье уже не поможет.

В переводе Марка Юсима: «Получается так, как врачи говорят о чахотке, что вначале ее легко вылечить, но трудно распознать, а по прошествии времени, если с самого начала она была запущена, болезнь становится очевидной, но трудноизлечимой. То же и в государственных делах: зная заранее (что бывает дано только мудрым лю-

---

¹ Высказывалось мнение, что Макиавелли имел мало общего с пониманием сущности античности. Свои собственные идеи он накладывал на античную историю для того, чтобы преобразовать в новую политическую теорию. — Mehmehl F. Machiavelli und die Antike // Antike und Abendland. 1948. N 3. S. 183

дям) о грозящих несчастьях, можно их предупредить, но если этого не случилось и угроза стала очевидной для каждого, тут уже ничем не поможешь».

В случае с диагнозом чахотки речь идет, разумеется, о риторической фигуре, которая должна была подчеркнуть идею, заложенную в тезисе. Между тем, Макиавелли временами в своих сочинениях обращался к медицинским метафорам¹. В «Государе» впоследствии их будет еще три, одна в шестой главе и две в седьмой.

Фактически Макиавелли затрагивает здесь идею о необходимости политического анализа, предвидения, прогноза. Обычно комментаторы в данном случае ограничиваются ссылками на декларированную автором необходимость предвидения²; мне, впрочем, кажется, что термин «предвидение», в котором есть все же оттенок, если не элемент иррациональности, не исчерпывает того, о чем хотел сказать автор. У него большую роль играли расчет и предусмотрительность.

Римляне, предвидя беду заранее, тотчас принимали меры, а не бездействовали из опасения вызвать войну, ибо знали, что войны нельзя избежать, можно лишь оттянуть ее — к выгоде противника.

Один из самых провоцирующих тезисов Макиавелли, если иметь в виду современную политику. Думаю, что отчасти он был продиктован негативными воспоминаниями о постоянно выжидательной политике Синьории, доставившей в свое время так много неприятностей будущему автору «Государя», который во время своих дипломатических поездок тщетно пытался подталкивать

---

¹ Tommasini O. La vita e gli scritti di Nocolò Machiavelli. Vol. 2. Rome, 1911. P. 39

² Gilbert A.H. Op. cit. P. 24-29

свое постоянно колеблющееся правительство к большей решительности во внешней политике¹. В этой книге одной из максим Макиавелли станет утверждение, что очень многое в действиях государя должно зависеть от конкретных условий, в которых он находится².

Поэтому они решились на войну с Филиппом и Антиохом на территории Греции — чтобы потом не пришлось воевать с ними в Италии. В то время еще была возможность избежать войны как с тем, так и с другим, но они этого не пожелали. Римлянам не по душе была поговорка, которая не сходит с уст теперешних мудрецов: полагайтесь на благодетельное время, — они считали благодетельным лишь собственную доблесть и дальновидность. Промедление же может обернуться чем угодно, ибо время приносит с собой как зло, так и добро, как добро, так и зло.

По Юсиму: «Преимущество римлян заключалось только в собственных доблести и благоразумии, ведь время несет с собой всяческие перемены, при которых добро оборачивается злом, а зло — добром». В переводе Фельдштейна:

---

¹ См., например, Montevicchi A. Machiavelli. La vita, il pensiero, i testi esemplari. Milan: Edizione accademia, 1972. P. 33-37

² Кстати говоря, уже после II Мировой войны Уинстон Черчилль, противник Мюнхенского сговора, так объяснил свое отношение к вроде бы всеми, в том числе и им самим осужденной политике умиротворения: «Сама по себе политика умиротворения может быть плохой или хорошей — все зависит от обстоятельств. Политика умиротворения, к которой правительство вынудили слабость и страх, и бесполезна, и разрушительна. Политика умиротворения, которую проводит сознающее свою силу правительство, великодушна и величественна. Возможно, в таком случае это наиболее безопасная политика, и, кто знает, может быть только таким путем можно достичь мира во всем мире» (Цит. по: Беларида Ф. Черчилль. М.: Молодая гвардия, 2003. С. 197-198).

«Им никогда не нравились слова, которые не сходят с уст мудрецов наших дней, — «пользоваться благом выигранного времени»; наоборот, они ожидали этого блага только от своей доблести и предусмотрительности: время гонит все перед собой и может принести добро, как и зло, зло, как и добро». (*«... perché il tempo si caccia innanzi ogni cosa, e può condurre seco bene come male, e male come bene»*).

Это не совсем точно в отношении римлян, которые, например, полагались на «благотворное время» при диктаторстве Фабия Медлителя, причем сделали это очень эффективно. Правда, если говорить о духе нации, то граждане Рима до начала кризиса их государства действительно рассчитывали почти всегда на собственную доблесть и дальновидность. Примеров тому масса. Зато к закату Римской империи очень многое изменилось, и выживание стало неотъемлемой частью стратегии государства. Впрочем, Макиавелли здесь рисовал скорее идеальный образ внешней политики Рима. Образ, на который нужно было, по его мнению, равняться настоящему государю.

Но вернемся к Франции и посмотрим, выполнила ли она хоть одно из названных мною условий. Я буду говорить не о Карле, а о Людовике — он дольше удерживался в Италии, поэтому его образ действия для нас нагляднее, — и вы убедитесь, что он поступал прямо противоположно тому, как должен поступать государь, чтобы удержать власть над чужой по обычаям и языку страной.

Король Людовик вошел в Италию благодаря венецианцам, которые, желая расширить свои владения, потребовали за помощь половину Ломбардии. Я не виню короля за эту сделку: желая ступить в Италию хоть одной ногой и не имея в ней союзни-

ков, в особенности после того, как по милости Карла перед Францией захлопнулись все двери, он вынужден был заключать союзы, не выбирая.

Здесь есть очень интересный момент с точки зрения как психологии, так и новых социальных явлений того времени: Макиавелли «не упрекает» короля за то, что считает политической ошибкой (*«Io non voglio biasimare questo partito preso dal rei...»*).

С моей точки зрения, ситуация в данном случае выглядит таким образом:

- Макиавелли переходит некий психологический барьер заочного общения с властью имущими. Уж коли он «не винит» кого-либо из тех «высших», кто принимает политические решения, то исключительно потому, что у того не было иного выхода. Мы здесь видим, как интеллектуал повышает себя до уровня коронованных особ, действующих политиков, правителей огромных государств. Не следует думать, разумеется, что автор «Государя» был в этом вопросе исключением — Филипп де Коммин в своих «Мемуарах» также позволял себе критические реплики в адрес владетельных особ. Другое дело, что делал он это с позиций участника событий, к тому же приближенного советника французского короля¹, а фло-

---

¹ «Продолжая свои воспоминания, хочу Вам рассказать, как случилось, что ныне царствующий король Карл VIII предпринял поход в Италию... По этому поводу были сильные споры — идти в поход или нет, ибо всем мудрым и опытным людям предприятие казалось весьма безрассудным и благонадежным его находили только король да еще некий Этьен де Век, уроженец Лангедока, худородный и ни в чем не разбиравшийся человек... Но король был юным, неопытным и очень своевольным человеком, а мудрых людей и добрых наставников вокруг него было мало» (Коммин Ф. Мемуары. М.: ОЛМА-Пресс Инвест, 2004. С. 339)

- рентийец оценивал действия политиков скорее как современный шахматный комментатор¹;
- Макиавелли здесь в очередной раз в данной книге намекает на существование некоего политического сообщества, которое, пусть и не будет признано властью имущими, однако имеет присвоенную им самим привилегию судить собственную власть. Очень далеко идущий тезис;
  - Макиавелли впервые в этой работе фактически подразумевает существование некой прослойки политических аналитиков, которые пристально наблюдают и комментируют (в своей среде) действия политических игроков своего времени.

Можно предположить, что желание Макиавелли ограничиться анализом действий Людовика XII, выпустив из виду его предшественника, отчасти объясняется фактом личного знакомства с ним автора «Государя». Вообще влияние личностного фактора на те или иные оценки и предпочтения в данной работе, как мне кажется, периодически недооценивается. Скажем, автор обычно довольно негативно судит о политике венецианцев, что объясняется исключительно естественным предубеждением флорентийца и политическими обстоятельствами времен создания книги².

И он мог бы рассчитывать на успех, если бы не допустил ошибок впоследствии. Завоевав Ломбар-

---

¹ О сравнении двух авторов см., например, Stegmann A. Commynes et Machiavel // Studies on Machiavelli. Ed. By Myron P. Gilmor. Florence: Sansoni, 1972. P. 265-284

² О роли венецианской дипломатии в жизни и работах Макиавелли см., например, Amiguet Ph. L'Age d'or de la diplomatie: Machiavel et les Vénétiens. Paris: Editions Albin Michel, 1963. Вторая часть книги (С. 174 — 302) посвящена венецианской дипломатии того времени

дию, он сразу вернул Франции престиж, утраченный ею при Карле: Генуя покорилась, флорентийцы предложили союз; маркиз Мантуанский, герцог Феррарский, дом Бендивовольи, графиня Форли, властители Фазнцы, Пезаро, Римини, Камерино, Пьомбино; Лукка, Пиза, Сиена — все устремились к Людовику с изъявлениями дружбы. Тут-то венецианцам и пришлось убедиться в опрометчивости своего шага: ради двух городов в Ломбардии они отдали под власть короля две трети Италии.

Макиавелли здесь по-прежнему играет в геополитические шахматы, сосредоточиваясь исключительно на политических вопросах, что подчеркивалось комментаторами его взглядов. Между тем, итальянский кризис возник как результат культурных, религиозных, экономических, политических проблем того времени. Острейшим образом стояли социальные проблемы, в частности, нарастающие социальные разногласия. Кризис затронул сельское хозяйство, что вкупе с неудовлетворительной экономической политикой вело к росту цен и повышению напряженности в отношениях между различными социальными группами¹.

Нельзя не учитывать также то обстоятельство, что Франция в тот период вовсе не представляла собой единственную доминирующую силу в Италии, поскольку ее военное и политическое присутствие в этой стране во многом уравновешивалось влиянием других иностранных государств, в частности Священной римской империи и особенно Испании.

Что касается замечания автора в отношении венецианской политики, то во всех основных своих работах

---

¹ См., например, Catalano F. La crisi italiana alla fine del secolo XV // *Bel-fagor*, 1956, N 11. P. 393-414, 505-527

Макиавелли демонстрировал негативный, а по временам непоследовательный подход к описанию республики и ее политики. Это было проявлением его флорентийского патриотизма, его страхом перед венецианским экспансионизмом и попыткой подорвать интерес и уважение к венецианским политическим институтам. Только после четырехнедельного пребывания в Венеции автор «Государя» отчасти изменил свое мнение об этой республике, признав важность ее участия в союзе против Карла VIII (1525-1526 гг.)¹.

Рассудите теперь, как легко было королю закрепить свое преимущество: для этого надо было лишь следовать названным правилам и обеспечить безопасность союзникам; многочисленные, но слабые, в страхе кто перед Церковью, кто перед венецианцами, они вынуждены были искать его покровительства; он же мог бы через них обезопасить себя от тех, кто еще оставался в силе.

Здесь создается впечатление, что интеллектуальное честолюбие Макиавелли достигает очень высокого уровня: стоило бы Людовику следовать неизвестным ему «правилам» флорентийца, как французскому королю открылись бы двери присутствия в Италии. Отчасти это предположение в отношении автора «Государя» должно быть верным — флорентиец, когда брал в руки перо (да и не только тогда) становился чрезвычайно амбициозным человеком. Однако следует также принять во внимание, что в этом случае за модель внешнеполитических действий в условиях вторжения на чужую территорию было взято поведение древних римлян. Так что Макиавелли в этом

---

¹ Gilbert F. Machiavelli e Venezia // Lettere italiane. 1969. T. 20. P. 389-398

случае мог претендовать не на авторство идеи, но лишь на ее изложение. Если только он не лукавил.

Кроме того, в данном случае можно дополнительно обратить внимание на следующие моменты:

- вводное «*рассудите теперь*» явно относится к риторическим приемам, с помощью которых автор привлекает на свою сторону читателя. В первую очередь — государя, но не только его или их. Есть и другие социальные группы, которые он вовлекает в заочный диалог с собой и чьего понимания добивается;
- в этой связи отметим, что в очередной раз возможны аналогии с зарождающимся политическим сообществом и — что было более близко флорентийцу — зарождающейся средой политических аналитиков, к которой в данном случае, как мне кажется, и обращается Макиавелли;
- в азарте своих интеллектуальных рассуждений автор забывает об одной из главных целей своего труда — создании интеллектуального базиса для освобождения Италии — и в своих послылках разбирает действия завоевателя собственной страны. Это обстоятельство лишний раз подчеркивает, что флорентинец ориентируется на универсальность своего труда. Он готов рассмотреть любые политические позиции и дать интеллектуальный ответ по поводу лучшего решения проблем;
- обратим внимание на значение, которое автор придавал союзникам в ходе завоевательной войны;
- наконец, выделим снова присутствие личностного характера в изложении материала. Рекомендации Никколо Синьории в отношении дипломатических решений не учитывались правительством. Традиционное для того времени отсутствие у Флоренции динамичной инициативы во внешней политике

вызывало у Макиавелли раздражение и критику¹. В бытность свою секретарем он ничего не мог поделать с властями. Время для расплаты отчасти настало, когда он стал осмысливать былой опыт в своих книгах. В данном случае он указывает на опасность, которую представляла Франция времен вмешательства в итальянские дела при Людовике XII.

И, однако, не успел он войти в Милан, как предпринял обратное: помог папе Александру захватить Романью. И не заметил, что этим самым подрывает свое могущество, отталкивает союзников и тех, кто вверился его покровительству, и к тому же значительно укрепляет светскую власть папства, которое из без того крепко властью духовной. Совершив первую ошибку, он вынужден был идти дальше тем же путем, так что ему пришлось самому явиться в Италию, чтобы обуздать честолюбие Александра и не дать ему завладеть Тосканой. Но Людовику как будто мало было того, что он усилил Церковь и оттолкнул союзников: домогаясь Неаполитанского королевства, он разделил его с королем Испании, то есть призвал в Италию, где сам был властелином, равного по силе соперника, — как видно, затем, чтобы недовольным и честолюбцам было у кого искать прибежища. Изгнав короля, который мог стать его данником, он призвал в королевство государя, который мог изгнать его самого.

---

¹ Bertelli S. Machiavelli nella politica estera fiorentina // Cultura e scuola, 1970, NN 33-34. P. 114-119

В очередной раз — типичный для Макиавелли прием, когда он откровенно пристрастно интерпретирует исторические события для того, чтобы подтвердить свой ранее высказанный тезис. С одной стороны, автор сознательно закрывает глаза на то, что противоречило его концепции. Так, следует учитывать, что Людовик XII был союзником Борджиа, и королевская честь (не пустое словосочетание) заставляла его выполнять взаимные предварительные договоренности, в том числе в отношении Романьи, которая, как-никак, юридически входила в состав папских владений. Кроме того, французы ни перед началом кампании, ни в ходе ее не ставили своей целью единолично доминировать в Италии, не говоря о захвате всей страны. Макиавелли здесь, возможно подсознательно, проецирует на французского короля роль государя-объединителя, которому и ради которого во многом и писал данную книгу.

Что касается союза между Людовиком XII и Фердинандом, то он касался именно раздела неаполитанского королевства. По договору от 11 ноября 1500 года члены альянса поделили это государство: французский король должен был получить территориально меньше Испании, но также титул короля Неаполя. Фердинанду отходили куда большие территории, к тому же он получал титул герцога. Сделка получила благословение и была одобрена папой Александром под предлогом, что неаполитанский король Фредерик вошел в сговор с турецким султаном. Причиной альянса со стороны Людовика был, возможно, негативный опыт его отца Карла как раз в Неаполе. Очевидно, что он не хотел быть втянутым в распри в данном королевстве и предпочитал довольствоваться меньшим, получив, правда, хорошие шансы на реализацию своей основной цели — восстановление прав на Неаполитанское королевство, пусть и путем потери части его территории.

Исследователи периодически указывали на некоторую неточность, свойственную Макиавелли в его исторических примерах, подчеркивая вместе с тем одновременно оригинальность рассуждений и выводов¹. Однако автор в данном случае и не собирался, как мне представляется, излагать и комментировать историю современных ему французских вторжений в Италию. Он создавал модель успешного вторжения в условиях многополярного окружения, основываясь на опыте древнего Рима. Причем модель выглядела весьма эффективной. Вообще следует в очередной раз учитывать, что обращение к истории для Макиавелли — только прием для подтверждения своих максим.

Поистине страсть к завоеваниям — дело естественное и обычное; и тех, кто учитывает при этом свои возможности, все одобряют или же никто не осудит; но достойную осуждения ошибку совершает тот, кто не учитывает своих возможностей и стремится к завоеваниям какой угодно ценой.

Очень многозначное предложение. По Юсиму оно звучит следующим образом: «Разумеется, желание приобретать — вещь вполне обычная и естественная, и когда люди стремятся к этому в меру своих сил, их будут хвалить, а не осуждать, но когда они не могут и все же добиваются приобретений любой ценой, то в этом заключается ошибка, достойная порицания». Согласно Фельдштейну: «Стремление к завоеваниям — вещь, конечно, очень естественная и обыкновенная; когда люди делают для этого все, что могут, их всегда будут хвалить, а не осуждать; но когда у них нет на это сил, а они хотят

---

¹ Whitfield J.H. Machiavelli and Castruccio // Italian Studies, 1953, Vol. VIII. P. 2

завоевывать во что бы то ни стало, то это уже ошибка, которую надо осудить».

Здесь Макиавелли снова исходит из того, что существует целая группа независимых аналитиков, комментаторов, обозревателей, словом, относительно отстраненных членов политического сообщества, которые являются зрителями и комментаторами, а по временам — участниками политического процесса. Сделано это было явно исходя из собственного опыта. Если учесть особенности его очень характерной переписки с друзьями, то ничего странного в таком тезисе не было.

Франции стоило бы попытаться овладеть Неаполем, если бы она могла сделать это своими силами, но она не должна была добиваться его ценою раздела. Если раздел Ломбардии с венецианцами еще можно оправдать тем, что он позволил королю утвердиться в Италии, то этот второй раздел достоин лишь осуждения, ибо не может быть оправдан подобной необходимостью.

Опять геополитические шахматы. Следует попытка рассчитать условия, при которых могла бы осуществиться некая комбинация. Видно, что автору «Государя» такой подход крайне нравится. Макиавелли эмоционально живет подобными рассуждениями. Они были органичными и для него и, по крайней мере, для круга его друзей и товарищей. Можно предположить, что в то время это был не единичный пример для Европы.

Совсем другое дело — Россия. По целому ряду причин не только политическая аналитика, но и политические размышления подобного рода в ней отсутствовали. Я не хочу здесь использовать слово «отсталость», лучше сказать — специфика. Во многом эта ситуация объясняет-

ся одним словом: самодержавие. Впрочем, дело здесь не только в этом. Когда вышла книга Феофана Прокоповича «Правда воли монаршей», то за четыре года не было раскуплено и 600 экземпляров.¹

По свидетельству Николая Карамзина (а у нас нет причин не доверять ему, во всяком случае в этом вопросе), откровенный запрет на обсуждение вопросов внешней и внутренней политики был распространен в России до периода правления Екатерины II. При ней политика в этом отношении очень сильно изменилась.² «Мы приучились, — пишет Карамзин, — хвалить в делах государя только похвальное, осуждать противное. Екатерина слышала, иногда сражалась с собою, но побеждала желание мести...»³

Впрочем, это была во многом идиллическая картина (хотя работы самого Карамзина ее подтверждают) небольшой части нашего прошлого. Напротив, на протяжении почти всей истории страны дело обстоит совсем по-иному. Больше того, редкие попытки высказывать — пусть и в своем кругу, как Макиавелли и его приятели — свое суждение о вопросах внешней политики часто преследовались не только государством, но и общественным мнением. Давайте вспомним в этой связи «Золотой теленок» с убийственным описанием «пикейных жилетов». В этом плане не выглядит случайным то, что наша страна до сих пор не имеет хотя бы одного политолога мирового класса (при всем очень большом уважении к моим друзьям и коллегам). Вообще я лично очень люблю Ильфа и Петрова, однако Макиавелли с его друзьями мне в этом вопросе нравятся гораздо больше.

---

¹ См. по этому вопросу Ключевский В.О. Сочинения. В 9-ти т. М., Мысль, 1988. Т. IV. С. 248

² Карамзин Н.М. О древней и новой России. С. 303.

³ Там же. С. 393

Итак, Людовик совершил общим счетом пять ошибок: изгнал мелких правителей, помог усилению сильного государства внутри Италии, призвал в нее чужеземца, равного себе могуществом, не переселился в Италию, не учредил там колоний.

Эти пять ошибок могли бы оказаться не столь уж пагубными при его жизни, если бы он не совершил шестой: не посягнул на венецианские владения. Венеции следовало дать острастку до того, как он помог усилению Церкви и призвал испанцев, но, совершив обе эти ошибки, нельзя было допускать разгрома Венеции. Оставаясь могущественной, она удерживала бы других от захвата Ломбардии как потому, что сама имела на нее виды, так и потому, что никто не захотел бы вступать в войну с Францией за то, чтобы Ломбардия досталась Венеции, а воевать с Францией и Венецией одновременно ни у кого не хватило бы духу. Если же мне возразят, что Людовик уступил Романью Александру, а Неаполь — испанскому королю, дабы избежать войны, я отвечу прежними доводами, а именно: что нельзя попустительствовать беспорядку ради того, чтобы избежать войны, ибо войны не избежишь, а преимущество в войне утратишь. Если же мне заметят, что король был связан обещанием папе: в обмен на расторжение королевского брака и кардинальскую шапку архиепископу Руанскому помочь захватить Романью, — то я отвечу на это в той главе, где речь пойдет об обещаниях государей и о том, каким образом следует их исполнять.

Можно соглашаться с трактовкой данного постулата с точки зрения истории, можно быть против него, можно

осуждать Макиавелли за очередной эпатаж читателя, однако несомненно, что речь идет об одном из интереснейших рассуждений флорентийца в отношении внешней политики. Очень цинично, однако очень верно психологически, если иметь в виду реальные расчеты творцов политики, в том числе современной (какой бы либеральной лексикой они временами ни прикрывались). Другое дело, что в нынешнее время публично подтверждать подобные расклады немыслимо. Они, как правило, остаются неизвестными обществу. Как бы то ни было, Макиавелли, образно говоря, здесь по-прежнему играет роль комментатора шахматной партии знаменитых гроссмейстеров. Все ходы уже сделаны, часы остановлены, игроки покинули зал, и только эксперт остался для того, чтобы обсудить действия противников.

Итак, король Людовик потерял Ломбардию только потому, что отступил от тех правил, которые соблюдались государями, желавшими удержать завоеванную страну. И в этом нет ничего чудесного, напротив, все весьма обычно и закономерно. Я говорил об этом в Нанте с кардиналом Руанским, когда Валентино — так в просторечии звали Чезаре Борджа, сына папы Александра — покорял Романью; кардинал заметил мне, что итальянцы мало смыслят в военном деле, я отвечал ему, что французы мало смыслят в политике, иначе они не допустили бы такого усиления Церкви.

Имеется в виду первое посольство Макиавелли во Францию в ноябре 1500 года. Кардинал Руанский, Жорж д'Амбуаз*, был соратником короля еще в то время, когда тот был пока еще только Людовиком Орлеанским. В момент, о котором говорит флорентийец, он — полно-

мочный представитель Людовика в Италии, наделенный властью принимать решения от имени короля. Позиции флорентийца на переговорах оказались очень уязвимы из-за двусмысленной политики Синьории, всячески затягивавшей время. Кардинал в результате даже угрожал Макиавелли¹. Разумеется, у нас нет никаких оснований полагать, что приведенный выше разговор является вымышленным. Кажется, что, будучи дипломатом, к тому же представителем слабейшей стороны, флорентиец едва ли должен был идти на то, чтобы раздражать французов подобной критикой. Видимо, в этом случае он поддался чувству интеллектуальной свободы и не позволил своему высокопоставленному собеседнику взять верх над собой в споре. И еще в данном эпизоде видно, что автор «Государя» считал себя больше политическим аналитиком и политическим советником, чем внешнеполитическим переговорщиком. Во всяком случае, в момент написания «Государя».

Если говорить о сути сказанного Макиавелли в конце фразы, то речь идет о необходимости учитывать баланс сил в своих действиях на международной арене. И еще автор «Государя» имел здесь в виду, что опрометчиво и неумно для государства самому способствовать нарушению соотношения сил в пользу потенциального противника. Для автора «Государя» весьма характерно, что этот принцип он ставит выше верности слову, предыдущим договоренностям, дипломатическим обязательствам и

---

¹ Жиль К. Указ. соч. С. 47. О миссиях Макиавелли к французскому двору (1500, 1504 и 1510 гг.) и отношениях с Людовиком XII и французской стороной в целом см. хотя бы Barberi Squarotti G. *Machiavelli in Francia: un'esperienza politica* // *Mélanges à la mémoire de Franco Simone. France et Italie dans la culture européenne*. Vol. 1. Geneva: Editions Slatkine, 1980. P. 225-250, а также Brion M. *Génie et destine: Machiavel*. Paris: Albin Michel, 1947. P. 143-162

прочему. Недаром устоялось клише: Макиавелли отделил государство от теологии и метафизики в попытке создать автономию для политики, но сделал это за счет этического и культурного среза¹.

Как показал опыт, Церковь и Испания благодаря Франции расширили свои владения в Италии, а Франция благодаря им потеряла там все. Отсюда можно сделать вывод, многократно подтверждавшийся: горе тому, кто умножает чужое могущество, ибо оно добывается умением или силой, а оба эти достоинства не вызывают доверия у того, кому могущество достается.

Это одно из ключевых обобщений Макиавелли. В данном переводе с итальянского оно выглядит неоднозначно. В переводе Марка Юсима данный отрывок читается следующим образом: «Опыт показал, что Франция способствовала росту влияния в Италии Церкви и Испании, и это привело к ее собственному краху. Отсюда можно извлечь общее правило, почти непреложное: кто делает другого могущественным, тот погибает, ведь наделять могуществом можно с помощью либо силы, либо умения плести интриги, а оба этих качества вызывают подозрение у ставших могущественными людей». По Михаилу Фельдштейну: «Отсюда вытекает общее правило, которое никогда или редко оказывается ошибочным: кто помогает могуществу другого, тот погибает, ибо могущество это создано им искусством или силой, а то и другое вызывает подозрительность того, кто могущество приобрел». Судя по заметкам на полях сохранившихся рукописных

---

¹ McCoy Ch. Machiavelli and the new politics: The primary of act // The structure of the political thought. New York: McGraw-Hill, 1963. P. 182

копий, этот тезис вызвал интерес у первых читателей «Государя»¹.

Интересно сравнить это замечание с описанием Макиавелли в «Истории Флоренции» отношения клана Медичи к семейству Пацци, которое поддерживалось папой Сикстом IV в ущерб правителям Флоренции². Смысл идеи Макиавелли совершенно ясен: в политике не следует укреплять силы кого бы то ни было, кто может представлять потенциальную опасность. Позитивного ответного отношения не будет, реакция в конечном счете обязательно окажется негативной. Кажется, что эта максима больше распространяется на межличностные отношения, но флорентинец счел возможным применить ее и к международной политике.

В заключение — одна ремарка. Есть целый ряд авторов, которые выводят значительную часть максим флорентийца из работ его предшественников. На мой взгляд,

---

¹ Richardson B. Op. cit. P. 20

² «В то время Пацци были во Флоренции одним из самых благородных и богатых семейств. Главой дома был мессер Якопо, и во внимание к его происхождению и богатству народ даровал ему рыцарское звание. У него была одна лишь побочная дочь, но множество племянников, сыновей его братьев Пьеро и Антонио; из них наиболее выдающимися являлись Гульельмо, Франческо, Ренато, Джованни, затем следовали Андреа, Никколо и Галеотто. Козимо Медичи, считаясь с богатством и благородством этого семейства, выдал свою внучку Бьянку за Гульельмо в надежде, что, породнившись между собой, оба семейства объединятся и тем самым затихнут ненависть и вражда, порождаемые зачастую простой подозрительностью. Но случилось иначе — так неверны и обманчивы человеческие расчеты! Советники Лоренцо все время убеждали его, как опасно и противно его собственному могуществу допускать, чтобы еще в чьих-то руках сосредоточились и богатство, и власть. Из-за этого ни Якопо, ни его племянникам не поручали важных постов, хотя все считали, что они их достойны. Отсюда начало недовольства Пацци и начало опасений со стороны Медичи». (Макиавелли Н. История Флоренции. С.309)

это своеобразная интеллектуальная игра, редко когда имеющая отношение к взглядам Макиавелли. Например, в случае с «общим правилом», которое дал в конце данной главы автор «Государя», имеется точка зрения, что оно имеет прямое отношение к аристотелевскому совету тиранам, данному в «Политике»¹. Проблема здесь не только в том, что Аристотель имел в виду несколько другое². Основное возражение сводится к тому, что вполне возможно прийти к сходным мыслям из анализа схожей ситуации без прямого заимствования идей другого.

---

¹ Gilbert A. Op. cit. P. 30

² «Общим средством для сохранения всякого рода единодержавной власти служит следующее: никого в отдельности взятого не возвеличивать, а если уж приходится делать это, то возвышать нескольких лиц, потому что они будут следить друг за другом; если же все-таки приходится возвеличить кого-нибудь одного, то уж во всяком случае не человека с отважным характером (ведь такой человек скорее всего способен на самые отчаянные предприятия)». — Аристотель. Указ. соч. С. 564

Глава IV

Почему царство Дария¹, завоеванное Александром, не восстало против преемников Александра после его смерти

Здесь уже в заглавии видно, что обращение Макиавелли к термину *принципат* является откровенно осознанным и имеющим сравнительно большую смысловую нагрузку, чем принято считать. Автор мог бы воспользоваться понятием «принципат Дария», но вместо того использовал в заглавии слово *regnum*, то есть *царство* или *королевство*. Что никоим образом не согласуется с существующим мнением, что *принципат* является *монархией*.

Как бы то ни было, одно из двух: либо *принципат*, то есть единовластное правление, для флорентийца не было синонимом этого самого единовластного правления по тому образцу, который он называл «восточным», либо значение понятий не имело для него решающего значения. Возможно, что справедливы оба предположения.

В целом в этой главе Макиавелли концентрируется на проблемах *нового* государя и пытается показать трудность осуществления его функций в тогдашних условиях, когда успешному властителю потребуется даже больше *virtù*, чем македонскому покорителю Персии. Автор также пытается подвести читателя к часто проводимой в этой книге мысли, что если *новый* государь будет придержи-

---

¹ Имеется в виду Дарий III Кодоман, персидский царь, чья держава была захвачена Александром Македонским

живаться его советов, то он сможет сохранить власть и осуществить свою миссию, несмотря на все трудности.

Рассмотрев, какого труда стоит удержать власть над завоеванным государством, можно лишь подивиться, почему вся держава Александра Великого — после того, как он в несколько лет покорил Азию и вскоре умер, — против ожидания не только не распалась, но мирно перешла к его преемникам, которые в управлении ею не знали других забот, кроме тех, что навлекали на себя собственным честолюбием.

Обратим внимание, что государство в данном отрывке — *stato*. Акцент вроде бы перемещается на территориальную общность. Марк Юсим дает такую интерпретацию перевода: «Узнав о трудностях, связанных с удержанием новых владений, кто-то может задать вопрос, почему не вспыхнуло восстание в Азии, которой Александр Великий овладел за несколько лет и вскоре после этого умер. Следовало ожидать крушения его государства, однако преемники Александра удержались у власти, и единственным препятствием, которое встретилось им при этом, были раздоры между ними, вызванные их собственным властолюбием». А вот перевод Михаила Фельдштейна: «Если обдумать, как трудно удержать вновь приобретенное государство, можно было бы удивляться тому, что случилось после смерти Александра Великого, ставшего в несколько лет властелином Азии и скончавшегося почти сейчас же после ее завоевания; казалось естественным, что все это государство восстанет; тем не менее преемники Александра удержались там, не встретив при этом иных трудностей, кроме тех, которые из-за собственного их властолюбия создались в их же среде». Различия в переводах понятны и, надеюсь, не требуют разъяснений.

Как бы ни относиться к разночтениям, Макиавелли начинает главу не столько риторическим, сколько драматургическим приемом. Он сам формулирует интеллектуальную загадку для читателя, чем делает дальнейшее чтение интереснее и напряженнее. Возможно, он уже с самого начала знает, каким образом ее решить.

В объяснение этого нужно сказать, что все единовластно управляемые государства, сколько их было на памяти людей, разделяются на те, где государь правит в окружении слуг, которые милостью и соизволением его поставлены на высшие должности и помогают ему управлять государством, и те, где государь правит в окружении баронов, властвующих не милостью государя, но в силу древности рода.

А вот здесь *государства* это уже *principati*, а государь — *principe*. У Марка Юсима этот отрывок звучит следующим образом: «На это я отвечу, что все известные донные принципаты были управляемы одним из двух способов: либо в них был один государь, а все прочие подневольные слуги, содействующие ему в управлении по его милости и соизволению, либо государь правил вместе с баронами, которые обладали своим саном не по прихоти властителя, но благодаря древности происхождения». Тут, на мой взгляд, нет вроде бы неожиданной смены терминологии. В данном отрывке речь идет исключительно о способе правления. Кроме того, Макиавелли при всем его пристрастии к универсальности политических максим и исторических примеров, все же ориентируется главным образом на итальянские реалии его времени. Отсюда подсознательные (а может быть, и нет) *principati*, в то время как дальше в главе предполагается рассмотреть опыт не только Франции, но и Турции, ведущего мусульманского

государства той эпохи, весьма далекого в плане правления от европейского принципат¹.

Бароны эти имеют наследные государства и подданных, каковые признают над собой их власть и питают к ним естественную привязанность. Там, где государь правит посредством слуг, он обладает большей властью, так как по всей стране подданные знают лишь одного властелина; если же повинуются его слугам, то лишь как чиновникам и должностным лицам, не питая к ним никакой особой привязанности. Примеры разного образа правления являют в наше время турецкий султан и французский король. Турецкая монархия повинуетя одному властелину; все прочие в государстве — его слуги; страна поделена на округа — санджаки, куда султан назначает наместников, которых меняет и переставляет, как ему вздумается. Король Франции, напротив, окружен многочисленной родовой знатью, признанной и любимой своими подданными и, сверх того, наделенной привилегиями, на которые король не может безнаказанно посягнуть.

В принципе, автор уже сейчас довольно четко показывает, каким будет его ответ на политическую загадку, которую он задал читателю в начале главы в отношении устойчивости завоеванной власти в двух типах государств. Это ясно как раз из характера выбранного им противопоставления. В отношении точности описания систем управления могут быть разные точки зрения¹,

---

¹ В отношении этого отрывка комментарий Доминика Кола выглядит следующим образом: «Как видно, Макиавелли выделяет тот факт, что в Турции все знатные люди являются «рабами» султана и «обязаны ему», но что народ не чувствует к ним «никакого особого рас-

однако для флорентийца в данном случае существенное значение имеет, возможно, прежде всего демонстрация своих интеллектуальных ресурсов, способности оперировать информацией и идеями, а не буквальное соответствие сказанного действительности. В дальнейшем он не раз будет идти по такому же пути.

Если мы сравним эти государства, то увидим, что монархию султана трудно завоевать, но по завоевании легко удержать; и напротив, такое государство, как Франция, в известном смысле проще завоевать, но зато удержать куда сложнее. Державой султана нелегко овладеть потому, что завоеватель не может рассчитывать на то, что его призовет какой-нибудь местный властитель, или на то, что мятеж среди приближенных султана облегчит ему захват власти.

Сравнивая взгляды Макиавелли и Алексиса де Токвиля, изучавшего проблемы колонизации Алжира, Эрнест Геллнер обращал внимание на то, что знаменитый француз пришел к противоположным выводам, чем те, которые были сделаны знаменитым итальянцем.¹ Добав-

---

положения». Несмотря на скудость информации, которой обладает Макиавелли, ему удается выявить основные моменты: общий политический контроль в империи осуществляется с помощью централизованной бюрократии, непосредственно зависящей от султана. На местном уровне представляется важным не то, что чиновники султана не пользуются расположением со стороны людей, коими они управляют; в расчет берется лишь их собственная лояльность к своему государю и те налоги (особенно денежные), которые они собирают для него, используя при необходимости самоорганизацию опекаемого ими сообщества». — Кола Д. Политическая социология. М.: Издательство «Весь Мир», «ИНФРА-М», 2001, с. 386-387

¹ С одной стороны, одного решающего сражения действительно было достаточно, чтобы положить конец господству османов над алжирцами. Здесь мнения двух мыслителей полностью совпадают.

лю, что более поздний исследователь был все же, видимо, прав. Впрочем, флорентиец никогда не занимался изучением Востока. Он не пытается анализировать и французские порядки, с которыми был знаком лучше, чем с турецкими. Он в данном случае конструирует резко отличающиеся друг от друга политические системы для их сравнения. Фактически названия *Турция* и *Франция* — литературного порядка, как впоследствии имя *Чезаре Борджиа*.

Отметим также, что автор «Государя» в целом весьма одобрительно относился к порядкам современной ему Франции¹. Причина этого заключается, скорее всего, в том, что данной стране, в отличие от Италии, удалось избежать воздействия губительной раздробленности на общую политику страны и ограничить политическое и военное влияние иностранцев. А также и самой оказывать влияние на окружающие государства.

Как сказано выше, приближенные султана — его рабы, и так как они всем обязаны его милостям, то подкупить их труднее, но и от подкупленных от

С другой стороны, в Алжире XIX века «в борьбе с Абдель Кадером, который возглавил все племена, проявившие враждебность к французам, (хотя, например, кабилы отказались его поддержать), было бесполезно искать решающего сражения или штурмовать какой-то стратегический важный центр, в надежде достигнуть перелома в войне. Французы вели военные действия против общества, которое в случае поражения в буквальном смысле рассыпалось в песок, но мгновенно восстанавливалось, как только складывались благоприятные условия». — Геллнер Э. Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. М.: Ad Marginem, 1995. С. 90

¹ Чаще всего позитивные отзывы о Франции встречаются в «Рассуждениях». См., например, «Рассуждения». С. 54, 61 и др. В этих случаях Макиавелли показал себя «меньшим реалистом, чем люди хотели бы думать». — Whitfield J.H. On Machiavelli's use of *ordini*. P. 27. Довольно-таки желчное высказывание, не учитывающее особенности инструментального аппарата флорентийца.

них было бы мало толку, ибо по указанной причине они не могут увлечь за собой народ. Следовательно, тот, кто нападает на султана, должен быть готов к тому, что встретит единодушный отпор, и рассчитывать более на свои силы, чем на чужие раздоры. Но если победа над султаном одержана, и войско его наголову разбито в открытом бою, завоевателю некого более опасаться, кроме разве кровной родни султана. Если же и эта истреблена, то можно никого не бояться, так как никто другой не сможет увлечь за собой подданных; и как до победы не следовало надеяться на поддержку народа, так после победы не следует его опасаться.

Заранее иллюстрируя свой пока еще невысказанный тезис в отношении древней Персии, Макиавелли обращается к примеру современной ему Турции как державы, основанной, по его мнению, на тех же принципах управления, что и государство Дария.

Одновременно Макиавелли представляет что-то вроде прообраза политического сценария, в более развитом виде возникшего как метод исследования в середине XX века. Впрочем, едва ли автору «Государя» приходило в голову усовершенствовать возможности политического советника абстрактного правителя. Здесь, предположительно, на первом месте по значимости для него была игра ума, от которой, подчеркну еще раз, по моему мнению он получал интеллектуальное наслаждение, плюс желание показать вельможному читателю и собратям по политическому классу свои аналитические возможности, т.е. свой потенциал политического советника.

Обратим внимание также на поднятую Макиавелли проблему желательности истребления близких родственников бывшего государя. Впоследствии он вернется к ней

несколько раз, причем будет ясно, что каждый раз устранение потенциальных претендентов на власть будет мотивировано именно политически. Характерно также, что желательность уничтожения возможных законных претендентов на власть дальше в книге будет распространена и на современную автору «Государя» Италию. В этой связи следует напомнить, что «Государь» не был сосредоточен на морали, религии или научном методе; цель книги — показать, как можно обеспечить благосостояние государства¹.

Что касается данного метода укрепления своей персональной власти, то он был действительно принят на Востоке и даже в Европе. Встречался этот прием и в Московском княжестве. Уже при царях можно выделить Лжедмитрия I, после свержения Федора Годунова повелевшего прибывшим к нему делегатам из Москвы расправиться с родом двух предшествовавших ему царей. Бояре действовали с особой жестокостью, желая не только получить милость самозванца, но и отомстить своим бывшим конкурентам из рода Годуновых.

Иначе дело обстоит в государствах, подобных Франции: туда не трудно проникнуть, вступив в сговор с кем-нибудь из баронов, среди которых всегда найдутся недовольные и охотники до перемен. По указанным причинам они могут открыть завоевателю доступ в страну и облегчить победу. Но удержать такую страну трудно, ибо опасность угрожает как со стороны тех, кто тебе помог, так со стороны тех, кого ты покорил силой. И тут уж недостаточно искоренить род государя, ибо всегда останутся бароны, готовые возглавить новую сму-

---

¹ Crossman R. The absolute monarch: Machiavelli // The government and the governed: A history of political ideas and political practice. London: Chatto and Windus Ltd., 1964. P. 20-27

ту; а так как ни удовлетворить их притязания, ни истребить их самих ты не сможешь, то они при первой же возможности лишат тебя власти.

Макиавелли продолжает обозначенную прежде схему сравнения двух систем государственного управления. Обратим внимание на категоричность утверждения, что страну, подобную Франции, надолго покорить невозможно. Впрочем, интересней здесь другое. То, что Макиавелли строил в данном случае что-то вроде приукрашенной модели соседней страны, совершенно очевидно¹. Фактически, выражаясь современным языком, речь идет о модели «феодального федерализма».

Тут есть существенные расхождения с российской моделью феодального времени. Страна, где в ту пору хватало своих «баронов», несколько столетий находилась под властью татаро-монголов. Надо сказать, что последние не пользовались принципами Макиавелли, однако успешно владычествовали над Русью очень долгое время. «Род государя» не уничтожался даже в случае восстания против монгольского владычества, как это было несколько раз в различных княжествах. Характерен в этом отношении пример с подавлением тверского восстания против монголов. Карательную экспедицию возглавил Иван Александрович Калита, князь московский. Жгли и грабили

---

¹ Отношение Макиавелли к современной ему Франции было сложным. С одной стороны, он сформулировал позитивный миф о французских реалиях как модели современной монархии. С другой стороны, он неоднократно критиковал эту страну и французов, возлагая на них прямую ответственность за бедствия Флоренции и Италии (см., например, «Рассуждения... С. 134). В различных произведениях он обрушивался на французскую гордыню и двуличность, однако позитивно оценивал французскую экономику и французские государственные институты. — Bec Ch. Les Florentins et la France ou la rupture d'un mythe // Pensiero politico.1981.Vol. XIV. P. 375-394

все, что могли. Однако после окончания бойни княжеский стол получил представитель правящей тверской династии, да еще с помощью того же Калиты¹.

Если мы теперь обратимся к государству Дария, то увидим, что оно сродни державе султана, почему Александр и должен был сокрушить его одним ударом, наголову разбив войско Дария в открытом бою. Но после такой победы и гибели Дария он, по указанной причине, мог не опасаться за прочность своей власти. И преемники его могли бы править, не зная забот, если бы жили во взаимном согласии: никогда в их государстве не возникало других смут, кроме тех, что сеяли они сами.

Фактически, здесь мы видим аргумент против достоинств абсолютной сверхцентрализованной власти. Однако историческая правда говорит о том, что Александр Македонский вовсе не разбивал войско Дария в единственном сражении. И не было единого государства преемников Александра — во всяком случае, спустя несколько десятилетий после его смерти. Между тем, идея Макиавелли понятна и оправдана. Сверхцентрализованное государство уязвимо по определению. Как только начинает рушиться власть «наверху», так дезинтеграционные процессы приобретают самодовлеющий характер.

Тогда как в государствах, устроенных наподобие Франции, государь не может править столь беззаботно. В Испании, Франции, Греции, где было много мелких властителей, то и дело вспыхивали восстания против римлян. И пока живо помнилось прежнее

---

¹ Бордзаковский В.С. Указ. соч. С. 138

устройство, власть Рима оставалась непрочной; но по мере того, как оно забывалось, римляне, благодаря своей мощи и продолжительности господства, все сильнее утверждали свою власть в этих странах. Так что позднее, когда римляне воевали между собой, каждый из соперников вовлекал в борьбу те провинции, где был более прочно укоренен. И местные жители, чьи исконные властители были истреблены, не признавали над собой других правителей, кроме римлян.

Так, собственно говоря, вроде бы и было и на Руси в начальный период развития феодализма — там было множество относительно мелких княжеств и там периодически были восстания против захватчиков — монголов. Их было не очень много. Больше того, изгнание захватчиков из городов Северо-Восточной Руси в 1262 году проходило практически бескровно и было организовано, возможно, Александром Невским по согласованию с ханом Золотой Орды Берке. Последний в этом случае желал избавиться от монгольской администрации, присланной от великого хана Хубилая.¹

Если мы примем все это во внимание, то сообразим, почему Александр с легкостью удержал азиатскую державу, тогда как Пирру и многим другим стоило огромного труда удержать завоеванные ими страны. Причина тут не в большей или меньшей доблести победителя, а в различном устройстве завоеванных государств.

Итак, загадка, загаданная автором в начале главы, вроде бы им решена. Зато возникает новая, уже для чи-

---

¹ Борисов Н. Иван Калита. М.: Молодая гвардия, 2005. С. 154

тателя: в чем политический смысл сравнения моделей государственного управления Турции и Франции. Можно, конечно, допустить, что доминирующее значение имели игра ума и желание привлечь читателя широтой познания и постановкой вопроса, что флорентийец имел в виду прежде всего советы государю, какие типы государства легче удержать в своей власти и проч. Что-то из сказанного может оказаться верным, но это технологические аспекты проблемы, не имеющие отношения к политике.

Обратим еще раз внимание в этой связи, что Макиавелли отчасти идеализировал современный ему политический строй Франции. Добавим к этому нескрываемую мечту автора об освобождении и даже, возможно, объединении Италии. Дополним сказанное тем фактом, что он был патриотом Флоренции. Объединив эти три момента, приходим к предположению: сознательно или невольно Макиавелли описал здесь ту модель государства, которую он считал пригодной для будущей единой Италии: «феодальный федерализм», государство, в котором составные части обладали бы существенной автономией и собственным руководством.

Напомню, что при наличии в стране одного языка, обычаев и порядков в «коренной» части и завоеванной, Макиавелли рекомендовал после искоренения рода прежнего государя «сохранить прежние законы и подати». В самом начале следующей главы будет сказано, что есть три способа удержать завоеванное государство: разрушить его, переселиться государю туда на жительство и «предоставить гражданам жить по своим законам, при этом обложив их данью и вверив правление небольшому числу лиц, которые ручались бы за дружественность города государю». Вполне можно предположить, что мысль Макиавелли состояла в сохранении автономии республиканской Флоренции в едином итальянском государстве. Впрочем, здесь мы удаляемся на слишком уж зыбкую почву догадок.

Глава V

Как управлять городами или государствами, которые, до того, как были завоеваны, жили по своим законам

Эта глава, на мой взгляд, должна быть рассмотрена преимущественно в контексте основной политической идеи Макиавелли в этой книге — освобождения Италии, причем это должен сделать один государь. Чтобы выполнить эту задачу, новый политический лидер страны должен будет подчинять себе самые различные итальянские государственные образования — от наследственных королевств до республик. Управление ими неизбежно станет труднейшей задачей. Причем на данном историческом этапе преимущество получают государства с единовластным правлением, поскольку только они могут с ней справиться. Проще говоря, речь идет о временных преимуществах авторитаризма, что вообще близко нашей стране на современном этапе.

Что касается приведенных ниже рецептов сохранения власти *новым* государем, то было бы, как мне кажется, интересно предварить их соответствующими рекомендациями из «Рассуждений»: «Для нового правителя, который возглавил город или государство, лучшее средство удержать власть — это полное обновление, особенно если эта власть непрочна и не служит для перехода к гражданскому обществу в виде монархии или республики. Обновление состоит в том, чтобы изменить правитель-

ственные учреждения вплоть до названия, ввести новые должности, назначить новых людей; сделать богатых бедными, а бедных богатыми... Кроме того, новый государь должен основывать города и низвергать существующие, переводить жителей с места на место и вообще все переименовать в своей стране, чтобы в ней не оставалось никого, кто не был бы обязан ему своим титулом, чином, званием и состоянием».¹

Обратим также внимание, что в заголовке главы Макиавелли фактически ставит знак равенства между *городом* и *государством* (в переводе Марка Юсима *городом* и *принциплатом*). Это легко объяснимо, исходя из тогдашней ситуации в Италии.

Если, как сказано, завоеванное государство с незапамятных времен живет свободно и имеет свои законы, то есть три способа его удержать. Первый — разрушить; второй — переселиться туда на жительство; третий — предоставить гражданам право жить по своим законам, при этом обложив их данью и вверив правление небольшому числу лиц, которые ручались бы за дружественность города государю. Эти доверенные лица будут всячески поддерживать государя, зная, что им поставлены у власти и сильны только его дружбой и мощью. Кроме того, если не хочешь подвергать разрушению город, привыкший жить свободно, то легче всего удержать его при посредстве его же граждан, чем каким-либо другим способом.

У Юсима: «... первый — разорить их; второй — самому там поселиться; третий — оставить там прежние за-

---

¹ Макиавелли Н. Рассуждения. С. 69-70

коны, получая оттуда определенный доход и назначив там правительство из немногих лиц, которые сохраняли бы преданность тебе». Во втором печатном переводе «Государя» на русский¹ сходная трактовка: «Первый способ — разорить и обессилить их, второй — лично в них поселиться и третий — оставить неприкосновенными существующие в них учреждения, обложив только жителей данью и учредив у них управление, с ограниченным личным составом, для удержания жителей в верности и повиновении».

В принципе *rumarle* едва ли здесь разорить их, однако признаю, что, во-первых, такая трактовка вполне возможна, и, во-вторых, она более современна. При этом разорение должно обязательно трактоваться в средневековом смысле, с физическим насилием, уничтожением имущества и прочими последствиями завоевательных войн. Вместе с тем, надо считаться и с контекстом того, что хотел сказать сам Макиавелли. В последующих примерах (Капуя, Нуманция, Карфаген) он больше склоняется к разрушению.

Здесь следует особо подчеркнуть, что все свои способы Макиавелли рассматривает с той точки зрения, что они будут реализованы режимом единоличного правления. Подтверждается это и соответствующим пассажем из «Рассуждений», когда автор настаивает на том, что «почти невозможно заложить хорошие основы республики или монархии либо целиком преобразовать государственное устройство, действуя не в одиночку; только один человек может замыслить и осуществить подобное

---

¹ Здесь следует учитывать в нумерации переводов, что в библиотеке петровского сподвижника князя Дмитрия Голицына, возможно, был рукописный перевод «Государя» на русский язык. — Юсим М.А. Макиавелли в России. С. 88. Поэтому важно уточнение, что в данном случае речь идет о печатном переводе

предприятие. Благоразумный основатель республики, помышляющий не о себе, а об общественном благе, не о наследственной власти, но об отечестве, должен добиться безраздельного господства; и никогда мудрый человек не подвергнет его осуждению за те чрезвычайные меры, к которым он прибегнет при заложении основ республики или монархии».¹

Стоит еще раз выделить прагматичность Макиавелли. В его постулатах речь совершенно не идет об этике или нравственности. Как и прежде, они выводятся «за скобки». Автор сам формулирует себе задачу и дает ответы, каким может быть решение или решения поставленной проблемы.

Обратимся к примеру Спарты и Рима. Спартапцы удерживали Афины и Фивы, создав там олигархию, однако впоследствии потеряли оба города.

Речь наверняка идет о строе, созданном в Афинах после поражения в Пелопонесской войне — так называемой тирании Тридцати. Фактически данный тезис подразумевает, что завоеватель создает что-то вроде протектората или вассального государства, причем делает это путем смены не узкой правящей группки, а типа правления в целом. Макиавелли обращает внимание на несовершенство режима «доверенных лиц» с точки зрения удержания власти. Действительно, спартанское влияние в Афинах закончилось с реставрацией демократического строя.

Обратим внимание, что здесь Макиавелли не начинает, как может показаться, противоречить своему же собственному тезису о предпочтительном способе удержания власти в завоеванной стране. В переводе Марка

---

¹ Макиавелли Н. Рассуждения. С. 35

Юсима приведенный выше соответствующий отрывок звучит следующим образом: «Самый лучший способ удержать город, привыкший к вольности, если ты хочешь сохранить его в целости, это использовать его собственных граждан». Однако нить рассуждений автора «Государя» неожиданно начала вести в другую сторону и в течение некоторого последующего времени он будет настойчиво доказывать, что для сохранения власти в завоеванном городе лучше все-таки его разрушить.

Римляне, чтобы удержать Каную, Карфаген и Нуманцию, разрушили их и сохранили в своей власти. Грецию они попытались удержать почти тем же способом, что спартанцы, то есть установили там олигархию и не отняли свободу и право жить по своим законам, однако же потерпели неудачу и, чтобы не потерять всю Грецию, вынуждены были разрушить в ней многие города.

С точки зрения современной историографии сравнения Макиавелли, очевидно, будут признаны рискованными. Вообще для данного автора было свойственно подкрепление максим последующими историческими примерами или логическими рассуждениями (впоследствии мы с этим многократно столкнемся). Роберто Ридольфи писал, что у Макиавелли обращение к прошлому оборачивается попыткой привлечь историю в качестве «наставницы жизни».¹ Сделаем здесь, правда, в очередной раз ремарку: в своих исторических примерах флорентинец далеко не всегда был точен. (Об этом писал еще Гвиччардини). Скорее, он подгонял эти примеры под свои тезисы. Правда, подобный метод давно уже распространен в политической науке.

---

¹ Ridolfi R. Vita di Niccolò Machiavelli. Florence: Sansony, 1969. P.102

Как бы то ни было, далеко не все случаи доказательств были точны. Автора это ничуть не смущало. Создается ощущение, что он временами сознательно шел на некоторые искажения, поскольку был убежден, что его основная мысль является правильной. Иными словами, речь идет об осознанном приеме, направленном на то, чтобы убедить аудиторию.

Впрочем, о его подходе к историческим событиям для подтверждения своих политических постулатов уже говорилось немало. А так следует заметить, что только Капуя, ставшая на сторону Ганнибала во время второй Пунической войны, пережила разрушение и впоследствии была восстановлена, а вот Карфаген и Нуманция — нет. Правда, при императоре Августе Нуманция была возрождена, однако это был уже не тот город и не то население.

Как бы то ни было, в этом отрывке Макиавелли доказывает, что для удержания власти в завоеванном государстве желательно тотальное разрушение существовавшей государственной системы, не говоря уже о репрессиях против потенциальной оппозиции.

Ибо в действительности нет способа надежно овладеть городом иначе, как подвергнув его разрушению.

Исследователи неоднократно обращали внимание на склонность Макиавелли к откровенным преувеличениям, даже гротеску, специфическому юмору. Макиавелли вообще был склонен к гиперболичности. В этом плане стоит вспомнить мнение о том, что мир его политики в сущности ироничен, а наиболее эффективный способ действий в таком мире театрален и гиперболичен¹. Об

---

¹ Kahn V. Op. cit. P. 67

иронии автора «Государя» в этом и подобных вопросах писали многие¹.

Кто захватит город, с давних пор пользующийся свободой, и пощадит его, того город не пощадит. Там всегда отыщется повод для мятежа во имя свободы и старых порядков, которых не заставят забыть ни время, ни благодеяния новой власти. Что ни делай, как ни старайся, но если не разъединить и не рассеять жителей города, они никогда не забудут ни прежней свободы, ни прежних порядков и при первом удобном случае попытаются их возродить, как сделала Пиза через сто лет после того, как подпала под владычество флорентийцев.

У Юсима: «Тот, кому достается город, привыкший к свободной жизни, и он не разваливает его до основания, тот будет сам погребен его жителями...»

Довольно жесткая констатация необходимых для завоевателя выводов, связанных с приверженностью приобретенных граждан к республиканскому правлению. Причем, чем дальше Макиавелли развивает свою аргументацию, тем более она становится жесткой. Если в начале главы автор указывает на наличие второго варианта действий («если не хочешь разрушать город, привыкший жить свободно...»), то затем он начинает откровенно склоняться к «силовому» варианту. Едва ли флорентиец кривит душой. Скорее всего, он искренне видел политические преимущества свободной жизни. Однако в настоящий момент он действовал как аналитик и консультант. Перед ним стояла задача предложить модель, каким об-

---

¹ Gilbert F. Machiavelli and Guicciardini. P.165-166

разом наиболее эффективно сломить сопротивление привыкших к республике граждан. Он ее и предложил.

В российской истории едва ли не лучше всех эту максиму понял Иван III, разгромивший Новгород,¹ что произошло за 35 лет до написания «Государя». Здесь, правда, требуется уточнить, что царь действовал не так, как позднее предлагал Макиавелли, настаивавший (это будет рассмотрено ниже), что лучший способ репрессий — разом покончить со всеми врагами. Иван действовал «осторожнее» и вместе с тем болезненнее, проведя несколько «волн» «разорения»². Однако город он действительно почти разрушил. Правда, отмеченная Макиавелли привычка к свободной жизни позволила Новгороду снова восстановиться, так что его понадобилось крушить заново, уже Ивану IV.

Но если город или страна привыкли состоять под властью государя, а род его истреблен, то жители города не так-то легко возьмутся за оружие, ибо, с одной стороны, привыкнув повиноваться, с другой — не имея старого государя, они не сумеют ни договориться об избрании нового, ни жить свободно. Так что у завоевателя будет достаточно времени, чтобы расположить их к себе и тем обе-

---

¹ Вот характеристика ситуации Николая Борисова: «Ликвидацией вечового строя и переходом к наместничьему управлению был переломлен хребет новгородской государственности; резкое ослабление могущества церковных институтов и установление над ними политического контроля повлекли за собой деструктуризацию всего новгородского общества. Из стройной, веками складывавшейся системы оно превратилось в простую совокупность разнородных элементов, которые Иван III мог тасовать по своему усмотрению». — Борисов Н. Иван III. М.: Молодая гвардия, 2003. С. 301

² См. Соловьев С.М. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М.: Издательство АСТ; Харьков: Фоллио, 2001. Кн. III. С. 40

спечить себе безопасность. Тогда как в республиках больше жизни, больше ненависти, больше жажды мести; в них никогда не умирает и не может умереть память о былой свободе. Поэтому самое верное средство удержать их в своей власти — разрушить их или же в них поселиться.

Рассмотрев трудности сохранения власти в завоеванной республике, Макиавелли возвращается к поверженному авторитарному государству, а затем сравнивает два типа правления. По-прежнему он держит себя в рамках беспристрастного консультанта, дающего советы государям. Логика схемы ведет к однозначным выводам.

Макиавелли начинает главу с утверждения, что существуют три способа удержать завоеванное государство, жители которого привыкли жить свободно: разорить его, переселиться в него или сохранить в нем прежние законы, но поставить у власти зависимое олигархическое правительство. Затем автор делает все возможное для того, чтобы доказать, что третий вариант неизбежно окажется недолговечным, если речь идет о республиках. Соответственно, завоеванная монархия может с успехом управляться ставленниками «нового» государя, а республика — нет. В отношении нее надежнее либо прибегнуть к разорению и уничтожению прежних государственных институтов, либо переселиться туда на жительство.

Известно, что Макиавелли действительно считал своего «Государя» книгой, которая может пригодиться власть имущим¹. Встает вопрос, считал ли автор, что Флоренция, недавно попавшая под власть своих преж-

---

¹ В письме Веттори он писал: «И если Вам когда-либо нравились мои фантазии, Вы и эту примете не без удовольствия, а государю, особенно новому, она может пригодиться, и я адресую ее Его Светлости Джулиано» (Макиавелли Н. Письма. С. 704).

них синьоров, должна быть разорена и разрушена, чтобы с гарантией сохраниться как их владение. Логика представленной здесь схемы говорит: да, должна. Как ни странно, именно такой совет автор «Государя» фактически и дает Медичи в своем труде. Ему удалось убедиться в ценности данной рекомендации еще при жизни: в 1527 г. после падения Рима и бегства из него папы Климента VII Медичи республика во Флоренции была восстановлена, а представители правящей династии отправились в ссылку. Ирония судьбы состояла в том, что к тому времени Макиавелли уже связал себя с Медичи, так что работы в новом правительстве для него не нашлось. К тому же он был стар (по тем временам). Правда, еще через несколько лет клан восстановил свое господство над городом, но тогда автор «Государя» уже был мертв.

Глава VI

О новых государствах, приобретаемых собственным оружием или доблестью

В этой главе идет речь о собственных усилиях государей по приобретению новых принципатов: название главы начинается как «De principatibus novis». Это одна из принципиальных частей данной книги с точки зрения консультирования существовавших или будущих властителей Италии. Одна из самых, если не самая интересная тема для самого Макиавелли в момент написания «Государя»¹.

Перевод Муравьевой в данном случае либо допускает двусмысленность, либо неточен (скорее первое): в оригинальном заглавии нет, как может показаться, антитезы собственное оружие или *virtù*. На деле автором «Государя» употреблен предлог и. Так что речь идет о завоевании власти с помощью собственного оружия и доблести, т.е. *virtù*. Момент этот принципиально важен, поскольку в дальнейшем Макиавелли будет противопоставлять собственное оружие и доблесть (*virtù*) чужому оружию, т.е. союзникам или покровителям, и фортуне.

Возможно, разумеется, что Муравьева употреблением предлога или хотела поставить знак равенства между собственным оружием и *virtù*. Однако в этом случае, во-первых, появляется возможность неточной для понимания текста интерпретации данного союза, что в переводе нежелательно, и, во-вторых, дальнейшее рассмотрение

---

¹ Скиннер К. Указ. соч. С. 46-47

текста показывает, что автор «Государя» разделял понятия собственное оружие и *virtù*.

Отметим, что, на взгляд некоторых исследователей, Макиавелли в этой главе косвенным образом обращается к аристотелевской «Политике»¹. Большинство исследователей сходятся на том, что влияние Стагирита безусловно присутствовало, однако флорентиец вовсе не опирался слепо и безусловно на его работы².

В Италии правителем, пусть чаще всего и маленького государства, мог стать и удачливый кондотьер, и многие из круга, приближенного к власти и даже оспаривавшего ее. Схожее положение сложилось и в Византии³. В России это было немыслимо. Даже в начальных периодах истории государства законы престолонаследия соблюдались очень жестко⁴. В рос-

---

¹ Di Napoli G. "Niccolo Machiavelli e l'Aristotelismo del Rinascimento" // *Giornale di metafisica*. 1970. Vol.25. P. 215-264; Gilbert A.H. Op. cit. P. 35

² Краткий обзор соответствующих публикаций см. в Guillemain B. "Machiavelli, lecteur Aristote" // *Platon et Aristote a la Renaissance: XVI colloque international de Tours*. Paris: Vrin, 1976. P. 163-173

³ В этом плане Италия была во многом сродни Византии, поэтому интересно замечание Сергея Аверинцева: «... Отметим простой исторический факт: важно было, что русские великие князья представляли собой единый род, а константинопольский престол был открыт любому авантюристу, пришедшему ниоткуда». — Аверинцев С. Другой Рим. СПб.: Амфора, 2005. С. 338

⁴ См. в этом отношении Богуславский В.В., Бурминов В.В. Русь. Рюриковичи. Иллюстрированный исторический словарь. М.: Познавательная книга плюс, 2000. Впрочем, бывали и исключения. Как писал Василий Ключевский, «один из ... Мономаховичей, отважный внук Мономаха Изяслав Мстиславич волинский, во время усобиц с дядьями брал столы с бою, «головою добывал» их не по очереди старшинства и смотрел на них как на личное приобретение, военную добычу. Этот князь первый и высказал взгляд на порядок княжеского владения, шедший совершенно вразрез с установившимся преданием. Он сказал раз: «не место идет к голове, а голова к месту», т.е. не место ищет подходящей головы, а голова подходящего места». Таким образом, личное значение князя он поставил выше прав старшинства». — Ключевский В.О. Сочинения в 9 томах. М.: Мысль, 1988. Т. I. С. 196

сийской истории на престол нельзя было взойти только с помощью оружия, доблести, фортуны и покровительства. Требовались еще и законные права на верховную власть. Иначе общество не приняло бы даже очень удачливого авантюриста. Не следует забывать, что Борис Годунов¹ и Михаил Романов были в родстве с правящей ветвью Рюриковичей, что их избрали на царство Земские соборы, что Отрепьев присвоил себе имя царевича Дмитрия, что Василий Шуйский, которого просто «выкрикнули», не удержался у власти, да и таковой у него во время его правления было немного.

Нет ничего удивительного в том, что, говоря о завоевании власти, о государе и государстве, я буду ссылаться на примеры величавых мужей. Люди обычно идут путями, проложенными другими, и действуют, подражая какому-либо образцу, но так как невозможно ни неуклонно следовать этими путями, ни сравниваться в доблести с теми, кого мы избираем за образец, то человеку разумному надлежит избирать пути, проложенные величайшими людьми, и подражать наидостойнейшим, чтобы если не сравниться с ними в доблести, то хотя бы исполниться ее духа. Надо уподобиться опытным стрелкам, которые, если видят, что мишень слишком удалена, берут гораздо выше, но не для того, чтобы стрела ушла вверх, а для того, чтобы, зная силу лука, с помощью высокого прицела, попасть в отдаленную цель.

Нельзя сказать, что в данном отрывке Макиавелли откровенно кривит душой. Да, он наверняка догадывался, что ни Франческо Сфорца, ни Чезаре Борджиа, упоминаемые в его

---

¹ Через своих родственников Сабуровых, чья представительница по- бывала женой Ивана IV, а потом в результате интриг оказалась в монастыре

книге в позитивном духе, не задумывались над тем, «делать бы жизнь с кого». Однако автору «Государя» дела до этого не было. Он не без основания считал, что его максимы без необходимого исторического обоснования едва ли окажут воздействие на читателя. Поэтому он использует давний прием, ссылаясь на необходимость того, что было нужно ему самому для развития и подтверждения собственных идей.

С другой стороны, «книжник» Макиавелли не мог не быть убежден в благотворности эрудиции и подражания «древним». В этой связи можно вспомнить мнение, что «Государь» — это главным образом собрание практических советов для Джулиано Медичи¹. Правда, эта точка зрения наталкивается на критику тех, кто считает, что данная позиция попросту повторяет устаревшие работы Паскуале Виллари и не соответствует исторической правде, поскольку не учитывает, что Макиавелли продолжал перерабатывать свой самый известный труд в то время, когда работал над «Рассуждениями»². В рассматриваемом отрывке виден определенный принцип, как бы к нему не относиться. К тому же, если верить собственным словам Макиавелли, адресованным Веттори в процитированном выше письме, то и «Государь» родился отчасти из уважения к былым мыслителям.

Итак, в новых государствах удержать власть бывает легче или труднее в зависимости от того, сколь велика доблесть нового государя. Может показаться, что если частного человека приводит к власти либо доблесть, либо милость судьбы, то они же в равной мере помогут ему преодолеть многие трудности впоследствии. Однако в действительности кто

---

¹ Clough C.H. Yet again Machiavelli's *Prince* // Annali istituto universitario orientali, Napoli. Sezione romanza. 1963, T. 5. P. 201-226.

² Pincin C. Untitled review // Giornale storico di letteratura italiana/ 1964. P. 603-607

меньше полагался на милость судьбы, тот дольше удерживался у власти. Еще облегчается дело благодаря тому, что новый государь, за неимением других владений, вынужден поселиться в завоеванном.

В переводе Марка Юсима этот отрывок звучит следующим образом: «Итак, я скажу, что новому государю бывает легче или труднее удержать власть в зависимости от того, большей или меньшей доблестью располагает завладевший ею. Сам переход от положения частного лица к сану государя предполагает содействие доблести или фортуны, и наличие каждого из этих двух условий отчасти уменьшает встречающиеся трудности. Тем не менее, тот, кто меньше полагается на фортуна, находится в большей безопасности. Дело также упрощается, когда государь бывает вынужден из-за отсутствия других владений *personaliter*¹ поселиться в новых».

Очень многозначный отрывок, требующий целого ряда пояснений.

Во-первых, безусловно, Макиавелли здесь имеет в виду не тех, кто завоевал новое владение, образуя таким образом *смешанное* государство, но тех, кто пришел к власти путем переворота или других сопутствующих причин. Скажем, захватил правление государством, находясь во главе отрядов наемников или при их помощи. Иными словами, речь идет о «новейших» государствах, где *новым* является все — от подданных до правителя.

Во-вторых, главная поставленная задача — каковы условия удержания власти. Причем ее решение автор прямо связывает с обстоятельствами захвата этой самой власти.

В-третьих, Макиавелли противопоставляет здесь *фортуна* и *virtù*, что в дальнейшем станет нормой для дан-

---

¹ лично

ной книги. Как неоднократно было замечено, Макиавелли был в определенной степени непоследователен в употреблении обоих (особенно последнего) терминов¹, однако в данном случае это наблюдение не имеет принципиального значения.

В-четвертых, противопоставление, о котором здесь идет речь, сменяется сразу же допущением, что в пользу государя могут играть одновременно оба фактора. А в принципе Никколо провел изящное различие между политическими случайностями, которыми человек может управлять, и теми, которые оставляют его беспомощным².

В-пятых, Макиавелли немедленно отдает приоритет *доблести* или *virtù* в деле удержания власти новым государем. Это — кардинальный разрыв с господствовавшими представлениями. Правитель не может полагаться на не зависящий от него фактор, он обязан сам создать основу для своего успешного пребывания у власти. Вообще, как было неоднократно сказано, есть что-то необычное в том, как Макиавелли игнорировал банальные и общепринятые для своего времени понятия и категории³. На деле это было не совсем так, что и покажет дальнейший анализ текста, однако это мнение безусловно заслуживает внимания.

В-шестых, пока в книге ни слова о Господе, в руках которого судьба правления, как это считалось в то время. Впрочем, это «упущение» будет «исправлено» уже в следующем абзаце.

В-седьмых, рассматриваемая автором модель имеет «чистый» характер, поскольку государство не является смешанным, а правитель изначально будет находиться в этих, а не других владениях.

¹ Whitfield J. H. The anatomy of virtue // Modern language review. 1943. Vol. XXXVIII. P. 222-225

² Wolin Sh.S. Politics and vision. P. 9

³ Berlin I. The originality of Machiavelli. P. 36-37

Но переходя к тем, кто приобрел власть не милостью судьбы (*fortuna* — В.Р.), а личной доблестью, как наидостойнейших я назову Моисея, Кира, Тезея и им подобных. И хотя о Моисее нет надобности рассуждать, ибо он был лишь исполнителем воли всевышнего, однако следует преклониться перед той благодатью, которая сделала его достойным собеседовать с Богом. Но обратимся к Киру и прочим завоевателям и основателям царства: их величию нельзя не дивиться, и, как мы видим, дела их и установления не уступают тем, что были внушены Моисею свыше. Обдумывая жизнь и подвиги этих мужей, мы убеждаемся в том, что судьба послала им только случай, то есть снабдила материалом, которому можно было придать любую форму: не явись такой случай, доблесть их угасла бы, не найдя применения; не обладай они доблестью, тщетно явился бы случай.

Последняя фраза в переводе Марка Юсима звучит следующим образом: «Вникая в их жизнь и дела, мы замечаем, что фортуна предоставила им только случай, поставивший их лицом к лицу с материей, которой они могли придать любую форму по своему усмотрению; не представься случай, доблесть духа этих людей угасла бы в неизвестности, но не будь этой доблести, случай представился бы напрасно»¹.

---

¹ Здесь трудно удержаться от того, чтобы не привести пример державной ругани будущего Фридриха II, дабы проиллюстрировать часть и характер общих нападок на флорентийца со стороны его противников: «Это место замечательно тем, что открывает всю подлость сочинителя при ссылке его на эти примеры. Макиавелли показывает честолюбие только с одной стороны. Он говорит о тех, кому благоприятствовало счастье, но обходит молчанием тех, кто пал жертвой своих страстей. Это называется не иначе как обманывать людей, а в этом случае Макиавелли является не кем иным, как площадным шарлатаном» (Фридрих Великий, Указ. соч. С.312). Вен-

Для начала обратим внимание, что Макиавелли в первый раз в своей книге упоминает Бога. Для литературы его времени это было крайне необычно¹. Очень характерно также, что Макиавелли не считает нужным рассуждать о Моисее, поскольку тот был «попросту» исполнителем воли всевышнего. А вот остальные герои, которые действовали сами, вызывают у автора живейший интерес.

Отметим, однако, одновременно мнение, что в религиозной истории Макиавелли в этой книге интересовали прежде всего Моисей и Савонарола². Следует также подчеркнуть точку зрения, что Макиавелли придал образу Моисея «современные» черты, рассматривая его не как пророка, а как гражданского законодателя и народного лидера. Данный подход предвещал точку зрения Гоббса, согласно которой Моисей правил, основываясь на общественном договоре³.

Вопрос об отношении Макиавелли к религии трактуется по-разному. Сейчас большинство авторов сходится на том, что он был типичным христианином⁴. Роберто Ри-

---

ценосный критик здесь попросту имеет в виду, что далеко не всегда честолюбие приводит к успеху. Правда, Никколо и не подумал бы спорить с этим бесспорным выводом.

¹ Коммин, например, вспоминает Бога уже на первой странице своей книги. — Коммин Ф. Указ. соч.. С. 56. Впрочем, исследователи традиционно отмечают, что, несмотря на ряд общих черт между ним и Макиавелли (отстаивание позитивизма, буржуазного реализма и даже натурализма) их разделял тот факт, что флорентиец последовательно проводил теорию секуляризованного государства, в то время как Коммин был привержен средневековому представлению о Боге, определяющем развитие истории. — Weise G. Machiavelli und Philippe de Commynes // Universitas. Zeitschrift für Wissenschaft, Kunst und Literatur. 1946. N 1. S. 36-60

² Baker-Smith D. Op. cit. P. 11

³ Brawn A. Savonarola, Machiavelli and Mouses: A changing model // Florence and Italy: Renaissance study in honour of Nicolay Rubinstein (eds. By Peter Denley and Caroline Elam). London: Westfield college, University of London, Committee for Medieval studies, 1988. P. 65

⁴ De Grazia S. Machiavelli in Hell. Princeton: Princeton University press, 1989

долфи, автор знаменитой биографии флорентийца, особо выделял его религиозность и христианское сознание, подчеркивая, что тот был антиклерикалом, но не атеистом¹. Той же точки зрения придерживается Маурицио Вироли, давший даже любопытное расширенное определение понимания Бога Макиавелли². Эту же точку зрения поддерживает и Георгий Чистяков³, ссылаясь на религиозную работу «Слово увещательное к покаянию».

Хотя встречаются и противоположные точки зрения, вплоть до ассоциирования автора «Государя» с язычником. Высказывалось мнение, что для Никколо религия — будь то христианство или древнеримское язычество — эквивалентна морали. Это что-то вроде социальной основы, которая регулирует общество⁴. Действительно, в политических трудах Макиавелли не было места сверхъестественному.

Он был не только искренне верующим человеком, но и считал религию крайне важным феноменом, поскольку она составляет существенную часть цивилизации. С точки зрения флорентийца она также является важнейшим элементом любого государства. В то же время ему приходилось словесно выступать против переживающей моральный кризис католической церкви. В этой связи не могли не сказаться уроки Савонаролы.

Макиавелли был убежден, что религиозные представления глубоко укорены у населения, поэтому видел в них важное орудие, которое нужно использовать для государ-

---

¹ Ridolfi R. Vita di Niccolò Machiavelli. P. 561-563

² Viroli M. Machiavelli's God. Princeton: Princeton university press, 2010. P. 1-2

³ Чистяков Г. Слово увещательное к покаянию // Максима Макиавелли. Уроки для России. М.: Рудомино, 2001. С. 101

⁴ Procacci G. La crisi politica italiana in Machiavelli // Problemi dell'Umanesimo. Rome: Edizioni dell'Ateneo, 1972. P. 157-161; Toscano A. Marcilio da Padova y Niccolò Machiavelli. Ravenna: Longo Editore, 1981. P. 117-162; Берлин И. Оригинальность Макиавелли // Человек, 2001, N 2-4. С. 16

ственного управления¹. Автор «Государя», однако, считал, что значение религии падает. Кроме того, он использовал больше психологические и исторические аргументы в пользу религии, чем ее теологическое обоснование². И вообще он больше верил в секуляризацию взглядов и интерпретации истории, нежели в ослабление их религиозного характера³. Вообще проблеме религиозности Макиавелли посвящено немало публикаций⁴. Точки зрения исследователей по этому поводу, как уже указывалось выше, довольно сильно разнятся. Упомянем здесь мнение, что в политической концепции автора «Государя» религия не занимала центральное место. Однако он видел в ней необходимый элемент управления государством⁵.

По «Государю» было бы неверно судить о религиозности (или ее отсутствии) автора данного труда. По большому счету, этот фактор не имеет значения для анализа данной работы, потому что он на ней не сказывается. Говорят, что Макиавелли отделил Бога от политики. Наверное, было бы возможно сказать, что он вывел имя Бога из размышлений о логике политики. В свое время это не понравилось многим. Их последователи есть и в нашу эпоху. Однако сделанное им уже свершилось, и изменить это невозможно. Оригинальность Макиавелли находится в его концепции мира, его прагматическом христианстве, его радикальном пессимизме⁶.

---

¹ Tenenti M. La religione di Machiavelli // Studi storici, 1969, T. X. P. 709-748

² Preus J.S. Machiavelli's functional analysis of religion: Context and object // Journal of the history of ideas. 1979. vol. IL. P. 171-190

³ Flanagan Th. Machiavelli and history: A note on the Proemia to *Discourses* II. // Renaissance and Reformation. 1971. Vol. VIII. P. 79-81

⁴ Cantimori D. Machiavelli e la religione // Belfagor, 1966, T. 21. P. 629-638

⁵ Di Porto B. Il problema religioso in Machiavelli // La religione in Machiavelli, Guicciardini, e Fascoli. Rome: Idea, 1968

⁶ Polin R. Platon et Aristotle dans la pensée politique et juridique au XVIe siècle: les regimes politiques et l'imitation des anciens chez Machiavel // Platon et Aristote à la Renaissance. XVIe colloque international de Tours. Paris: Vrin, 1976. P. 155-162

В этом же отрывке Макиавелли дает одну из трактовок термина фортуна. «Наидостойнейшие» обладатели нового государства получили только возможность применить свои дарования, не более того. Судьба, таким образом, не была к ним милостива, а они не оказались удачливы. Она всего лишь дала им возможность, случай, перспективу. Без них, правда, не было бы подвигов этих «наидостойнейших», но никаких подарков судьбы они не получали.

Вообще восприятие Макиавелли фортуны менялось от работы к работе и от страницы к странице. Есть точка зрения, по которой в «Государе» он признает, что она определяет по крайней мере половину половины человеческой судьбы¹. Тот факт, что в противопоставлении фортуны и *virtù* первая только предоставляет возможность для реализации доблести, родило представление о новом подходе, когда фортуна выглядит как контролируемая сила².

На деле отношение Макиавелли к фортуне всегда было очень сложным. Обратимся еще раз к его стихотворному опыту в этом отношении.

Где взять слова, какие выбрать струны,
Чтоб о Фортуне в песне рассказать,
О том, как все зависим от Фортуны

и, на себе неся ее печать,
вдруг начинаем видеть в мрачном цвете
то, что привыкли розовым считать?

---

¹ Minogue K.R. Theatricality and politics: Machiavelli's concept of Fantasia // The morality of politics. Eds. Bhikhu Parek and R.N.Berki. London: George Allen and Unwin, Ltd., 1972. P. 156

² Cioffari V. The function of fortune in Dante, Boccaccio and Machiavelli // Italica, 1947, N 24. P. 10-11

Поверь, Джован Батиста, нет на свете
Страшной ее ударов ничего, -
Запомни хорошенько строки эти.

Коварнейшее это существо
издревле сильных от природы било,
свое доказывая торжество,

и только исключительная сила
Фортуне может дать победный бой, -
Иначе будет все, как прежде было.
(пер. Е.М. Солонович)

Иными словами, здесь имеет место смешение откровенного пессимизма в отношении власти фортуны над человеком с робкой надеждой, что противостоять ей все же возможно. Правда, обладая «исключительной силой». Естественно, что последняя может принадлежать только героям. Как раз таким, о которых идет речь в данной главе «Государя». Вообще в работах Макиавелли мы находим триумф имманентной концепции фортуны. Она всегда является оппонентом, а успех — целью действий человека¹.

Моисей не убедил бы народ Израиля следовать за собой, дабы выйти из неволи, если бы не застал его в Египте в рабстве и угнетении у египтян. Ромул не стал бы царем Рима и основателем государства, если бы не был по рождению брошен на произвол судьбы и если бы Альба не оказалась для него слишком тесной. Кир не достиг бы такого величия, если бы к тому времени персы не были озлоблены господством мидян, а мидяне — расслаблены и изнежены от долгого мира.

---

¹ Flanagan Th. The concept of *fortuna* in Machiavelli. P. 145

Тезей не мог бы проявить свою доблесть, если бы не застал афинян живущими обособленно друг от друга. Итак, каждому из этих людей выпал счастливый случай, но только их выдающаяся доблесть позволила им раскрыть смысл случая, благодаря чему отечества их прославились и обрели счастье.

У Юсима этот отрывок звучит, на мой взгляд, в очередной раз более точно: «Следовательно, Моисей должен был найти народ Израиля в Египте поработанным и угнетенным египтянами, чтобы он был готов пойти за ним ради освобождения из рабства. Ромулу надо было прийти не ко двору в Альбе¹ и быть брошенным на произвол судьбы после рождения, чтобы он стал царем Рима и основателем Римского отечества. Киру необходимо было застать среди персов недовольство властью мидян, а мидян слабыми и изнеженными вследствие долговременного мира. Тезею не пришлось бы проявить свою доблесть, если бы он нашел Афины сплоченными. Случайные стечения обстоятельств оказались для этих людей счастливыми, а их необыкновенная доблесть помогла им воспользоваться случаем, что привело их отчизну к славе и процветанию».

Здесь можно задуматься над мнением, что «Макиавелли соединяет идею Ветхого Завета о коммунальном со-

---

¹ Пожалуй, следует уточнить, что упоминаемый в тексте город Альба (или Альба Лонга — Длинная Альба) находился в 25-30 километрах от Рима и был основан раньше его на несколько десятилетий (в древнеримской историографии — на несколько столетий). По легенде это сделал Асканий, сын Энея. Ромул и Рем помогли возвести на царский престол своего деда Нумитора, а затем возглавили столкнувшихся с перенаселенностью в своем городе переселенцев из числа альбанцев и латинов. И уже затем, после убийства своего брата, Ромул основал Рим. Древнеримскую версию см., например, Плутарх. Сравнительные жизнеописания в двух томах. Том первый. М.: Наука, 1994. С. 24-30

глашении и лидере-пророке с политическими аспектами мессианизма»¹. Возможно, тут что-то есть, причем если исходить из логики не только этого отрывка, но и данной главы в целом.

Отмечу, что в перечне героев для Макиавелли, возможно, на первом месте находился Моисей. В частности потому, что его деяния стали основой христианства², а в вере флорентийца сомневаться, подчеркну еще раз, не было никаких оснований.

Кто, подобно этим людям, следует путем доблести, тому трудно завоевать власть, но легко ее удержать; трудность же состоит прежде всего в том, что им приходится вводить новые постановления и порядки, без чего нельзя основать государство и обеспечить себе безопасность.

Очень интересная фраза, которая, возможно, требует особого внимания для понимания трудностей перевода текста Макиавелли. Для начала сравним варианты переводов на русский язык первой половины предложения.

В переводе под редакцией Курочкина: «Правители, которые, подобно упомянутым мною лицам, обладают выдающимися дарованиями, если и овладевают с трудом государствами (здесь и далее подчеркнуто мной — В.Р.), зато без затруднений поддерживают в них власть. В этом отношении затруднения их всего чаще происходят от новых учреждений, новых государственных форм, которые они бывают принуждены вводить, чтобы основать свое правление и обезопасить его...»

¹ Ruffo Fiore S. "Upon eagle's wings": The sacral nature of Machiavelli's new prince // Rivista di studi italiani. 1985. Т. 3. Р. 5

² Strauss L. "Machiavelli's intention. Р. 27

У Роговина: «Те, которые делаются Князьями путем доблести (подобно вышеупомянутому), с трудом приобретают княжества, но легко их удерживают: и те трудности, кои им приходится преодолевать при приобретении княжеств, объясняются отчасти новыми учреждениями и порядками...

У Фельдштейна: «Люди, подобные названным, которые становятся князьями собственной силой, добиваются власти с трудом, но удерживают ее легко. Самые трудности, с какими они добиваются власти, происходят отчасти из-за новых учреждений и порядков...».

У Юсима: «Тот, кто становится государем доблестным путем, наподобие вышеназванных лиц, тому власть достается трудно, но удержать ее легко, а трудности приобретения власти возникают отчасти из-за новых порядков и установлений, которые правители вынуждены вводить для упрочения нового устройства и собственной безопасности».

Макиавелли в своем предложении употребляет сочетания *acquistano el principato* и *acquistare el principato*. Речь идет исключительно о приобретении принципата или, при желании, приобретении единоличной власти, причем это ясно из контекста, предполагающего здесь процесс минимум в два этапа, а не одномоментное событие: сначала завоевание власти, а затем установление новых порядков и установлений (*nuovi ordini e modi*). Сказанное у Макиавелли не только прямо корреспондирует с основанием государства (*fondare lo stato loro*), но и приравнивается к нему. В данном конкретном случае, разумеется. Марк Юсим, правда, переводит концовку предложения как «упрочение нового устройства», что может привести к некоторой двусмысленности при понимании, однако в целом вполне адекватно.

Как бы то ни было, для понимания текста Макиавелли требуется определенная доля изощренности и знание ню-

ансов флорентийского диалекта того времени. В наше время политологам и переводчикам это кажется, к сожалению, часто неоправданной роскошью. В результате периодически то или иное положение в «Государе» допускает различную трактовку. Или же оказывается недооцененным.

Стоит обратить внимание на использование Макиавелли слова *ordini*. В приведенных выше переводах на русский язык оно звучит как постановления, учреждения и порядки. Во флорентийском диалекте итальянского оно означало конституционные (основные законодательные) установления. Использовалось близко к понятию законы (*leggi*), однако отличалось от него. Как синонимы этого слова Макиавелли употреблял в «Рассуждениях» термины *modi*, *istituti*, *statute*, но отдавал явное предпочтение именно *ordini*¹.

Напомню, что выше автор дважды писал о случае, который выпал на долю Моисея, Кира, Ромула и Тезея: «Вникая в их жизнь и дела, мы замечаем, что фортуна предоставила им только случай, поставивший их лицом к лицу с материей, которой они могли придать любую форму по своему усмотрению; не представься случай, доблесть духа этих людей утасла бы в неизвестности, но не будь этой доблести, случай представился бы напрасно... Случайные стечения обстоятельств оказались для этих людей счастливыми, а их необыкновенная доблесть помогла им воспользоваться случаем, что привело их отчизну к славе и процветанию». Итак, получается следующая цепочка рассуждений. Счастливый случай дал возможность проявить перечисленным основателям государств доблесть духа. Их доблесть (*virtù*) помогла воспользоваться возникшим случаем и привести их страну к славе и процветанию. Для того, чтобы добиться послед-

---

¹ Whitfield J.H. On Machiavelli's use of *ordini*. P. 23-24

него, они были вынуждены (о том, почему именно «вынуждены», разговор пойдет чуть ниже) ввести *nuovi ordini e modi*, то есть новые конституционные установления и порядки.

Сделаем отсюда несколько выводов:

— счастливое стечение случайных обстоятельств (счастливый случай) для данных правителей означает прежде всего отсутствие адекватного конституционного законодательства у соответствующих народов;

— проявление *virtù* у этих правителей выглядит как установление новых основных законодательных порядков. Исключением является Моисей, поскольку соответствующие законы были продиктованы ему Богом. Вообще же в истории западной политической мысли Макиавелли останется как мыслитель, который вернулся к идее великого законодателя, однако не в качестве представителя божественной идеи, а как человека интеллекта, благословленного представившейся ему возможностью¹;

— если бы правители не ввели новые основные законодательные установления, то есть доказали бы отсутствие у себя *virtù*, то «случай бы представился напрасно», то есть не был бы реализован;

— есть прямая связь между основанием нового государства и упрочением безопасности его правителя с одной стороны, и новыми конституционными установлениями с другой;

— больше того, без новых основных законов данные народы не достигли бы «славы и процветания».

— Макиавелли отнюдь не предстает сторонником депотизма и неограниченного единовластного правления. Скорее здесь он прежде всего реформатор.

---

¹ Wolin Sh.S. Politics and vision. P. 50

А надо знать, что нет дела, коего устройство было бы труднее, ведение опаснее, а успех сомнительнее, нежели замена старых порядков новыми. Кто ни выступал с подобным начинанием, его ожидает враждебность тех, кому выгодны старые порядки, и холодность тех, кому выгодны новые. Холодность же эта объясняется отчасти страхом перед противником, на чьей стороне — законы; отчасти недоверчивостью людей, которые на самом деле не верят в новое, пока оно не закреплено продолжительным опытом. Когда приверженцы старого видят возможность действовать, они нападают с ожесточением, тогда как сторонники нового обороняются вяло, почему, опираясь на них, подвергаешь себя опасности.

В переводе Юсима: «Следует заметить, что нет начинания, которое так же трудно задумать, с успехом провести в жизнь и безопасно осуществить, как стать во главе государственного преобразования. Враги преобразователя — все те, кто благоденствовал при прежнем режиме; а те, кому нововведения могут пойти на пользу, защищают его довольно прохладно. Это отсутствие пыла связано отчасти со страхом перед противниками, на стороне которых закон, отчасти с недоверчивостью людей, которые не верят в новшества, пока они не подкреплены опытом. Поэтому всякий раз, как противники располагают возможностью для нападения, они ее рьяно используют, защитники же рвения не проявляют, так что новые порядки оказываются под угрозой».

У Макиавелли всегда хватало оппонентов, которые готовы были отрицать не только отдельные его идеи, но и его общий вклад в политическую науку. Относительно недавно, например, высказывалась и такая точка зрения, что из-за неопределенностей и отсутствия морали в его взглядах он не был «глубоким политическим мыслите-

лем, но скорее являлся подлинно пронизательным журналистским обозревателем практической политики»¹. С этой позицией невозможно согласиться. Вообще она и ей подобные высказываются зачастую, как мне кажется, попросту из желания сделать себе имя на отрицании вклада Макиавелли в политическую науку.

Рассматривая данный отрывок «Государя», видишь за построенной сухой схемой и глубину мысли, и пронизательность, и афористичность автора. В центре внимания опять же *nuovi ordini*, новые конституционные уложения (в двух представленных здесь переводах — *порядки, преобразования*). Это — самое трудное, с чем, по мнению Макиавелли, сталкивается в своей деятельности государственный деятель. Однако в критический момент исторического развития у последнего нет иного выбора, кроме как пойти на их введение.

Ирония ситуации здесь состоит в том, что автор далее начинает убедительно доказывать, что лучше бы государю остережся от нововведений. По следующим причинам.

Во-первых, общество теряет единство, поскольку распадается на сторонников и противников преобразований.

Во-вторых, государь фактически остается изолированным от общества, потому что не может опереться на поддержку даже заинтересованных в проведении реформ политических групп.

В-третьих, государю гарантирована резкая и активная враждебность противников преобразований.

В-четвертых, опираться на тех, кто мог бы стать защитником реформ, попросту опасно для положения самого государя (в этом случае перевод Муравьевой ближе

---

¹ Sibley M.Q. Morality and politics: Machiavelli and the Renaissance // Political ideas and ideologies: A History of political thought. New York: Harper and Row, 1970. P. 310

к итальянскому тексту), хотя, рассуждая логически, угроза власти правителя означает угрозу реформам, проведение которых зависит только от него.

Естественный вывод из этих рассуждений сводится к тому, что государю придется одному и проводить изменения, и противостоять их противникам.

Обратим также внимание на необычную аргументацию отсутствия рвения у тех, кто заинтересован в преобразованиях. Оказывается, ими движет уважение к закону и собственная недоверчивость по отношению к новшествам.

Флорентиец не раз в своей книге предупреждал об опасностях реформ для государя. Последнее не означает в данном случае сугубого консерватизма автора. Просто он действует как политический аналитик или консультант, цель которого состоит в том, чтобы осведомить «клиента» об опасностях, которые ему могут угрожать.

Кроме того, на автора явно действует старая традиция, согласно которой приверженность старине должна цениться куда выше, чем преобразования вообще, и радикальные преобразования в частности. (Карамзин: «... Одна из главных причин неудовольствия россиян на нынешнее правительство есть излишняя любовь его к государственным преобразованиям, которые потрясают основу империи и коих благотворность остается доселе сомнительной»¹). Что еще важнее, так это одновременное предупреждение Макиавелли *новым* государям: проводить реформы необходимо, хотя они крайне опасны.

Чтобы основательнее разобраться в этом деле, надо начать с того, самодостаточны ли такие преобразователи или они зависят от поддержки

---

¹ Карамзин Н.М. Указ. соч. С. 407

со стороны; иначе говоря, должны ли они для успеха своего начинания упрашивать или могут применить силу. В первом случае они обречены, во втором, то есть если они могут применить силу, им редко грозит неудача.

Здесь могут быть определенные проблемы с пониманием данного отрывка. Макиавелли, видимо, хочет сказать, что существует максима, которая отчасти позволяет заранее определить вероятность успеха преобразований. С этой целью он проводит грань между реформаторами, действующими в одиночку, и реформаторами, опирающимися на сподвижников, в том числе вооруженных. В этом плане нам представляется куда более точным перевод Юсима: «Желая хорошенько вникнуть в этот предмет, следует разобрать, являются ли эти преобразователи самостоятельными или зависят от других, то есть должны ли они для достижения своих целей просить о помощи или могут прибегать к силе. В первом случае будущее им ничего не сулит, и они ничего не добиваются, но если они зависят только от себя и могут принуждать других, тогда в большинстве случаев им ничего не угрожает».

Для комментирования этой идеи необходимо помнить, что на политические рассуждения Макиавелли огромную роль оказал его личный опыт. Ему перед тем, как он занялся государственной деятельностью, пришлось столкнуться с преобразованиями, которые проводил во Флоренции Джироламо Савонарола*, монах, стремившийся реформировать церковь, общество и государство. Автор «Государя» двойственно относился к его деятельности, однако необходимость реформ в современной ему католической церкви и Италии он не отрицал. Безусловно, что Савонарола оказал сильнейшее влияние на взгляды

Макиавелли¹, доказав своим поражением необходимость насилия в политике². Отмечу также, что Бернардо Макиавелли, кому Никколо был во многом обязан тем, что получил доступ на государственную службу, не имея титула, принадлежал к антисавонароловскому кружку³.

Для понимания тезиса относительно необходимости быть готовым прибегнуть к насилию для успеха преобразований следует вспомнить, что автор «Государя» изначально отрицал возможность общественного консенсуса в поддержку реформ или хотя бы крупной политической коалиции, на которую мог бы опереться правитель. В России учет мнения правящего класса существенно сужал свободу рук даже самодержцев. Это Петр I шел напролом. А вот Екатерине II приходилось дозировать свои нововведения. Ее внук Николай I, кстати говоря, так и не смог выполнить свою давнее желание: освободить крестьян с земельными наделами⁴.

Вот почему все вооруженные пророки побеждали, а безоружные гибли.

Фразой выше автор был чуть более осторожен в отношении перспектив вооруженных пророков. Как бы то ни было, это одно из самых классических и знаменитых изречений данной книги. Кстати, высказывалось мнение, что Макиавелли все-таки представлял себе воз-

---

¹ О влиянии Савонаролы на Макиавелли см. Taylor H. Machiavelli and Guicciardini and their forerunners // Thought and expression in the Sixteenth century. New York: Frederick Ungar, 1959. P. 72-96; Guillemain B. Machiavel: L'anthropologie politique. Genève: Librairie Droz, 1977. P. 19-34

² Landi E. Machiavelli // Western political philosophers: A Background book. London: Bodley Head, 1964. P. 40

³ Bertelli S. Noterelle Machiavelliane II. Ancora su Lucrezio e Machiavelli // Rivista storica italiana. 1964. T. 76. P. 774-792

⁴ См., например, Выходчиков Л. Николай I. М.: Молодая гвардия, 2006. С. 206-226

можность чего-то вроде секретного соглашения между агрессивным государем и невооруженным пророком, что могло бы легитимизировать деятельность первого без негативных последствий для второго¹. Правда, доказать это предположение попросту невозможно. Разумеется, появилась также точка зрения, согласно которой Макиавелли под вооруженным пророком имел в виду скорее знание и интеллект, нежели оружие². Едва ли он на самом деле это имел в виду, однако, будем откровенны, вряд ли бы отказался от такой интерпретации своих слов.

Обратим внимание, что в России ситуация была в несколько иной плоскости, чем ее описывает Макиавелли. В числе пророков или тех, кто может считаться таковыми, были Сергей Радонежский, протопоп Аввакум, старцы, юродивые. Те из них, кто действовал в одной системе с государством, не пострадали. Даже Иван Грозный не карал юродивых. А вот те, кто шли против государства (Аввакум), кончали плохо.

Ибо, в добавление к сказанному, надо иметь в виду, что нрав людей непостоянен и если обратить их в свою веру легко, то удержать в ней трудно. Поэтому надо быть готовым к тому, чтобы, когда вера в народе иссякнет, заставить его поверить силой. Моисей, Кир, Ромул и Тезей, будь они безоружны, не могли бы добиться длительного соблюдения данных ими законов. Как оно и случилось в наши дни с ффра Джироламо Савонаролой: введенные им порядки рухнули, как только толпа перестала в них верить, у него же не было средств утвердить в вере

---

¹ Lukes T. To bamboozle with Goodness: The political advantages of Christianity in the thought of Machiavelli // Renaissance and Reformation. 1984. Vol. VIII. P. 266-277

² Mansfield H.C. Machiavelli's virtue. P. 4

тех, кто еще верил ему, и принудить тех, кто уже не верил.

В переводе Марка Юсима: «... Помимо всего прочего, народ обладает изменчивой природой, его легко в чем-либо убедить, но трудно удержать в этом убеждении. Поэтому нужно быть готовым силой заставить верить тех, кто потерял веру. Моисей, Кир, Тезей и Ромул недолго могли бы поддерживать соблюдение своих законов, если бы были безоружными, как показывает происшедшее в наше время с братом Джироламо Савонаролой, который претерпел крах со своими новыми порядками, как только масса перестала ему верить, а он не мог удержать тех, кто поверил ему раньше, и заставить поверить сомневающимся».

Слова «нрав людей непостоянен» — один из краеугольных камней политической концепции Макиавелли. В них можно видеть, как это уже делалось, начало «политического пессимизма», линии, включившей в себя, в частности, Гоббса и отделявшей политику от морали¹, однако на самом деле здесь речь идет скорее о куда более реалистичном понимании политического поведения масс, чем это было до работ флорентийца.

Макиавелли утверждает в этом маленьком отрывке следующее:

- необходимо учитывать возможность изменения общественного мнения и политической ситуации;
- общественное мнение изменчиво по своей природе;
- новые идеи могут быть восприняты обществом относительно легко;
- хотя новые идеи могут быть восприняты обществом относительно легко, изменчивость настроения

---

¹ Ebenstein W. Modern political thoughts: The great issues. New York: Holton, Rinehart and Winston, 1960

масс приводит к тому, что впоследствии народ отворачивается от реформаторской идеологии;

- успех реформ зависит от умения правителя предвидеть изменение политической ситуации;

- изменение политической ситуации может потребовать применение силы для завершения реформ;

- государь должен быть готовым к использованию принуждения в отношении своего народа;

- общественное мнение является ключевым в политическом процессе вообще и политическом процессе во время реформ в частности;

- общественное мнение можно и должно регулировать;

- насилие является необходимым элементом управления общественным мнением;

- Савонарола являлся пророком-реформатором (если учесть крайне негативное в то время отношение к данному монаху католической церкви, то эта мысль могла дорого обойтись Макиавелли);

- причина поражения Савонаролы состоит в невозможности использовать принуждение для регулирования общественного мнения. Поскольку сам Савонарола и его последователи насилия не чурались, можно предположить, что Макиавелли имел в виду, что для использования принуждения при регулировании общественного мнения нужен особый аппарат. Хотя, скорее всего, это была слишком смелая мысль для того времени.

На пути людей, подобных тем, что я здесь перечислил, встает множество трудностей и множество опасностей, для преодоления которых требуется великая доблесть. Но если цель достигнута, если государь заслужил признание подданных и устранил завистников, то он на долгое время обретает могущество, покой, почести и счастье.

В переводе Марка Юсима это место выглядит следующим образом: «Итак, подобные деятели сталкиваются со множеством трудностей, и все опасности, встречающиеся им на пути, они должны преодолевать своей доблестью. Но пройдя через опасности и завоевав уважение, расправившись с теми, кто должен испытывать к ним зависть, они пребывают в могуществе, почете, безопасности и довольстве».

Один из ключевых моментов книги. Для основания собственного государства и проведения там необходимых законодательных преобразований правителю требуется «великая доблесть». Без *virtù* государю в такой ситуации делать нечего.

Еще один постоянно встречающийся у Макиавелли момент (вообще ключевые тезисы у него постоянно повторяются, что было видно из предыдущего анализа и следует далее). Суть его сводится к тому, что в интересах государя обеспечить себе положение быстро и жестко (устранив «завистников»), а потом править в обстановке стабильности. Этот тезис в целом противоречит еще одной максиме автора, согласно которой необходимо учитывать постоянную смену ситуации. Впрочем, автора в данном случае надо понимать скорее ситуативно.

Вообще высказывания и понятия Макиавелли можно понять только в контексте того, о чем он рассуждает в конкретный момент¹. Здесь он подчеркивает, что успешное правление должно опираться на поддержку общественного мнения и устранение оппозиции. А дальше обещает читателю, что выполнение его советов приведет государя к полному успеху. Самореклама в собственной книге — прием обычный и эффективный. Ниже выяснится, что для того, чтобы удержаться у власти, прави-

---

¹ Pocock J.G.A. Machiavelli in the liberal cosmos // Political theory. 1985. Vol. 13. N 4. P. 559

телю потребуются еще много знаний и много различных качеств. Перечислять которые будет, разумеется, сам Макиавелли. Но это будет уже потом.

К столь высоким примерам я хотел бы присовокупить пример более скромный, однако же сопоставимый, и думаю, что его здесь достаточно. Я говорю о Гиероне Сиракузском*: из частного лица он стал царем Сиракуз, хотя судьба не подарила его ничем, кроме благоприятного случая: угнетаемые жители Сиракуз избрали его своим военачальником, он же, благодаря своим заслугам, сделался их государем. Еще до возвышения он отличался такой доблестью, что, по словам древнего автора, *nihil illi deerat ad regnandum praeter regnum*¹. Он упразднил старое ополчение и набрал новое, расторг старые союзы и заключил новые. А на таком фундаменте, как собственное войско и собственные союзники, он мог воздвигнуть любое здание. Так что ему великих трудов стоило завоевать власть и малых — ее удержать.

Чтобы мысль Макиавелли была яснее, уточню, что под «судьбой» здесь в тексте стоит *fortuna*, а под «благоприятным случаем» (у Юсима «подходящий случай») — *occasione*. Под союзниками здесь Макиавелли наверняка имел в виду внешние альянсы Гиерона, которые играли ему на руку в защите и государства, и собственной власти. Однако тут следует иметь в виду важность и внутреннего союзника сиракузского правителя — населения, поддержка которого была не менее важна, чем внешние союзы. Другое дело, что Макиавелли, скорее всего, не мог не знать адресованных Гиерону панегириков со стороны античных авторов и мне-

---

¹ «Для царствования ему недоставало только царства»

ния Полибия о том, что к власти тот пришел только благодаря своим достоинствам, а не «подарку судьбы»¹.

Принципиально важно, что в этом сравнительно коротком примере дана иллюстрация сделанных выше теоретических размышлений. В частности, следует подчеркнуть, что особое значение для Макиавелли имело вынесенное в заголовок, но не упоминаемое в главе понятие *собственное оружие* (*armis propriis*). В данном случае речь идет о собственном войске и собственных, то есть личных, союзниках. В дальнейшем автор «Государя» еще неоднократно коснется необходимости полностью контролировать вооруженные силы для того, чтобы гарантировать свою личную власть. В настоящее время это положение кажется само собой разумеющимся. Однако в Италии периода Макиавелли по ряду причин, к которым еще предстоит обратиться, столь же естественным казалось ограничиваться привлечением наемников на ограниченный срок ведения военных действий.

---

¹ Вот как, например, пишет о нем Полибий: «Гиерон сам собственными силами приобрел власть над сиракузянами и союзниками, не имея опоры ни в богатстве, ни в славе, ни в каких-либо иных дарах судьбы. Впоследствии он никого из граждан не убил, не изгнал, не обидел и стал царем сиракузян только благодаря своим достоинствам, что весьма знаменательно. Этими средствами он не только приобрел власть, но и сохранил ее за собой. В протяжении пятидесяти четырехлетнего царствования Гиерон обеспечивал мир для родного города, собственную власть оградил от покушений, избежал зависти, которая следует по стопам за всяким превосходством. Так, всякий раз, когда он хотел сложить с себя власть, его удерживали общие просьбы граждан. Весьма щедрый по отношению к эллинам и ревнивый к доброму имени, он стяжал самому себе громкую славу, а сиракузянам оставил в наследие всеобщее благорасположение. Он был постоянно окружен величайшею роскошью, негой и наслаждениями, но прожил за девяносто лет и сохранил невредимыми все способности души и все части тела — мне кажется, вернейшее свидетельство умеренности в образе жизни». — Полибий. Всеобщая история в сорока книгах. ТТ. I-III. Том II. СПб.: Наука, 2005. С. 53-54

Глава VII

О новых государствах, приобретаемых чужим оружием или милостью судьбы

Юсима заглавие выглядит следующим образом: «О новых принципатах, приобретаемых благодаря чужому оружию и счастью». Его перевод более адекватен, поскольку в итальянском тексте опять же, как и в заглавии предыдущей главы, стоит предлог *и*. Макиавелли здесь объединяет в одну группу *чужое оружие* и *фортуну*, противопоставляя их рассмотренным прежде понятиям *собственное оружие* и *virtù*. Следует также напомнить, вероятно, что здесь имеется в виду *режим личного правления*.

Данная глава также примечательна характеристиками, данными Макиавелли герцогу Чезаре Борджиа. Написанное в ней дало возможность некоторым последующим комментаторам считать, что автор видел именно в последнем едва ли не идеального государя, возможно даже для объединенной Италии¹. Есть даже точка зрения, что в «Государе» показывается, каким образом политическая судьба Италии могла бы измениться во времена Борджиа², если бы им — отцу и сыну — не пришел конец. Впрочем, куда более вероятно, как уже говорилось выше, что Чезаре был для Макиавелли преимущественно выдуманым героем, кем-то вроде литературного персонажа,

¹ König R. Niccolò Machiavelli. Zur Krisenanalyse einer Zeitwende. Erlenbach-Zürich: Eugen Renrsch, 1941. S. 200-201

² Beck H. Machiavellismus in der englischen Renaissance. Duisburg: Druck von Dietrich-Herman, 1935. S. 32

которому он приписывал свойства, необходимые для иллюстрации своих тезисов.

Тем, кто становится государем милостью судьбы, а не благодаря доблести, легко приобрести власть, но удержать ее трудно. Как бы перелетев весь путь к цели, они сталкиваются с множеством трудностей впоследствии. Я говорю о тех гражданах, которым власть досталась за деньги или была пожалована в знак милости. Такое нередко случалось в Греции в городах Ионии и Геллеспонта, куда Дарий¹ назначал правителей ради своей славы и безопасности; так нередко бывало и в Риме, где частные лица добивались провозглашения себя императорами, подкупая солдат.

По Юсиму: «Те частные лица, которые стали государями только благодаря везению, достигают этого без труда, но с трудом удерживают власть. На своем пути они не встречают преград, как бы взлетая ввысь; осложнения же начинаются, когда цель достигнута. Это бывает в случаях, если кто-то приобретает власть за деньги или по милости дарителя. Так, Дарий посадил в Греции, в городах Ионии и Геллеспонта, многих государей ради своей славы и безопасности. Таким же образом были избраны императорами частные лица, которые получили свою власть, подкупив солдат».

Под милостью судьбы и везением скрывается на деле *фортуна*, понятие в те времена, в том числе и у Никколо, почти мистическое. Правда, Макиавелли, как почти всегда лукавит. Тут довольно четко приводятся два конкретных проявлений *фортуны*: наличие денежного капитала, благодаря чему был осуществлен приход к власти путем подкупа

---

¹ Персидскую державу возглавляли в общей сложности три человека с именем Дарий. Невозможно определить, которого из них в данном случае имеет в виду Макиавелли

преторианцев или армии в целом, и присутствие политического капитала, который позволял обратить на себя внимание внешнего владыки. Все исключительно рационально, никакой мистики. В обоих случаях, как легко понять, новоявленные правители естественным образом оказывались марионетками тех сил, которые привели их к власти.

Макиавелли здесь следует своему прежнему приему, доводя противопоставление до логической крайности. В предыдущей главе обладателю *virtù* было трудно придти к власти, но легко ее удерживать. В текущих размышлениях автор книги исходит из того, что тот, кому помогает *фортуна*, сталкивается с противоположной ситуацией. Никакого благоговения перед *фортуной*. Скорее, жесткое к ней отношение.

Следует отметить также, что в данном случае Макиавелли не мог не понимать, что кое-кто мог бы счесть, что он переходит границы: в 1512 г. Медичи вернулись во Флоренцию волей Священной лиги (антифранцузской коалиции большинства итальянских государств и Испании) и под угрозой дальнейшего наступления испанской армии. Данную ситуацию можно было интерпретировать как приход к власти в результате *милости судьбы, т.е. фортуны*. Едва ли автор «Государя» не осознавал двусмысленность своего тезиса. Отсюда, возможно, оговорки относительно тех, кто становится правителем «милостью судьбы, а не благодаря доблести».

Макиавелли не мог не осознавать, что «поздние» Медичи восторжествовали над республиканской Флоренцией не потому, что кого-то подкупали, или кто-то оказывал им милость. Основная проблема была скорее в правительстве Содерини, которое совершило крупнейшую ошибку, оставшись в решающий момент традиционно для себя нерешительным, почему оно до конца противилось присоединению к победоносной Священной лиге. В глазах Макиавелли Содерини был государем-неудачником из-за

отсутствия *virtù*, что очень повлияло на его точку зрения относительно эффективного лидерства в республиках, как это и было представлено в «Государе»¹.

Впрочем, легко предположить, что Макиавелли был готов идти на риск. Имеющий *истинную доблесть* правитель не нуждался в услугах советника. Пришедший к власти благодаря *фортуны* государь должен был опасаться изменчивости судьбы. Именно ему был нужен очень хороший помощник, каким теоретически и мог бы стать автор «Государя».

В сказанном есть одно огромное противоречие. Такие размышления и такая логика была бы свойственна человеку книжному. Далекому от реальной политики, в которой очень многое определяется сиюминутными изменениями ситуации. Макиавелли прежде — согласно его биографии — был человеком дела, а не книги. Спрашивается, как он мог совершить такую ошибку в отношении Медичи?

Ответ на этот вопрос может быть один. Макиавелли только хотел быть человеком дела. На практике же его сущность всегда была — человек книги. Отсюда все его ошибки в практической политике и жизни. Он никогда бы не стал великим дипломатом и великим советником государя. Ему было суждено просто по его врожденным качествам стать великим политологом.

В этих случаях государи всецело зависят от воли и фортуны тех, кому обязаны властью, то есть от двух сил, крайне непостоянных и прихотливых; удержаться же у власти они не могут и не умеют.

Итак, Макиавелли объявляет *волю и фортуны* (*voluntà e fortuna*) покровителей государей обстоятельством край-

---

¹ Cooper R.P. Machiavelli, Pier Soderini and *il principe* // Altro polo. 1982. P. 140-144

не непостоянным и прихотливым. Совершенно очевидно, что противопоставив *virtù* и *собственное оружие*, с одной стороны, и *фортуна* и *чужое оружие*, с другой, автор психологически делает выбор в пользу первой «пары», считая ее более надежно обеспечивающей интересы государя. Это — основная максима, во имя которой Никколо идет даже на некоторые издержки в аргументации. Скажем, он не мог не понимать, что выбор Дарием своих «назначенцев» почти всегда не был случаен (хотя ошибки временами происходили). Наверняка царем оценивалась возможность удержать власть в конкретном городе, опираясь не только и не столько на помощь персидских солдат, сколько на свое умение создавать политические коалиции и при необходимости подавлять возмущение сограждан грубой силой или хитростью. Кроме того, чтобы нажить богатство, требуется очень серьезное умение и даже доблесть в макиавеллиевском понимании; впрочем, конечно, исключением остается капитал, полученный в наследство, хотя сохранить его и, тем более приумножить, тоже бывает непросто.

Не умеют оттого, что человеку без особых дарований и доблести, прожившему всю жизнь в скромном звании, негде научиться повелевать; не могут оттого, что не имеют союзников и надежной опоры. Эти неведь откуда взявшиеся властители, как все в природе, что нарождается и растет слишком скоро, не успевают пустить ни корней, ни ответвлений, почему и гибнут от первой же непогоды. Только тот, кто обладает истинной доблестью, при внезапном возвышении сумеет не упустить того, что фортуна сама вложила ему в руки, то есть сумеет, став государем, положить те основания, которые другие закладывали до того, как достигнуть власти.

В переводе Юсима: «... Не умеют, потому что частное лицо, если оно не выделяется особым умом и доблестью, навряд ли научится повелевать, а не могут, потому что за ними не стоят надежные и преданные им силы. Затем, новоиспеченные государства, как и все скороспелые порождения природы, не располагают корнями и разветвлениями, которые спасли бы их от первой непогоды. Если только лица, неожиданно сделавшиеся государями, как мы уже сказали, не обладают такой доблестью, которая позволила бы им сохранить полученное по милости фортуны и построить для этого тот фундамент, на который другие опираются еще до прихода к власти». Отметим, что в тексте Макиавелли во втором предложении данного отрывка действительно стоит, как это у Юсима, не «властители», а *государства, stati*.

Здесь Макиавелли, видимо, поставил перед собой две основные цели. Первая состоит в том, чтобы отмежеваться от подозрений, что данная часть книги имеет в виду клан Медичи, который в 1512 г. действительно пришел к власти во Флоренции благодаря стечению обстоятельств и чужой армии. Отсюда, возможно, четкое размежевание между теми, кому благоволит *фортуна*, с откровенным намеком на то, что новые правители родного города автора «Государя» относятся к той группе, которой не грозит опасность.

Вторая цель заключается в рассмотрении конкретной ситуации. Здесь можно выделить несколько моментов, в том числе

— те, кто пришел к власти благодаря *фортуне*¹ и *чужому оружию*, особо уязвимы;

— Макиавелли в очередной раз прибегает к дихотомии как стилистическому и логическому приему. На этот раз: у власти такие люди сохраниться «не умеют» и «не могут»;

---

¹ Еще раз о фортуне у Макиавелли см. опять же хотя бы Santoro M. Machiavelli e il tema della "fortuna" // Fortuna, ragione e prudenza nella civiltà letteraria del Cinquecento. Naples: Liquori, 1967. P. 179-231

— быстрота прихода к власти может стать причиной уязвимости *нового* государя;

— принципиально подчеркивается, что для выполнения роли правителя нужен соответствующий политический опыт. Исключением к этому правилу является наличие *virtù* и ума. Хотя, видимо, не так уж плохо добавить эти качества к политическому опыту;

— выделяется необходимость опираться на надежную опору. Пожалуй, добавление Муравьевой термина «союзники» в данном случае является оправданным, хотя и отсутствующим в оригинальном итальянском тексте;

— несмотря на то, что в данной главе рассматривается приход к власти в результате помощи со стороны *фортуны* и *чужого оружия*, здесь Макиавелли подчеркивает решающую роль *virtù* для сохранения у власти.

Отдельно следует сказать относительно различий в переводах Муравьевой и Юсима. Во втором случае он, возможно, слишком буквалистский. По контексту видно, что тут речь идет о правителях. Макиавелли, скорее всего, был здесь в очередной раз просто небрежен в выборе термина, что, конечно, не означает, что при переводе его следует поправлять. Можно, разумеется, при большом желании интерпретировать текст таким образом, что станет оправданным появление понятия *государства*. Как бы то ни было, читатель должен иметь в виду, что автор написал чрезвычайно сложное предложение, в котором в итальянском оригинале девять запятых и две точки с запятой. Так что Муравьева и Юсим вполне оправданно разбили его на две части. Чтобы понять запутанность, которую допустил Макиавелли, приведем перевод Фельдштейна: «Кроме того, государства, образующиеся внезапно, как все другие создания природы, которые сразу появляются и развиваются, не могут иметь таких корней и опор, чтобы их не унесла первая буря, разве только, как уже сказано, люди,

неожиданно ставшие властителями, настолько искусны, что умеют сейчас же приготовиться сохранить дарованное им судьбой и позже заложить те основы, которые другие заложили, еще не сделавшись князьями».

Обратим внимание, что Макиавелли здесь, как, впрочем, и в некоторых других местах своей книги, воздерживается от примеров из текущей итальянской истории, но он и вообще старался в своих сочинениях по возможности не затрагивать личности живущих¹. Не знаю, было ли это благоразумной осторожностью или же проявлением этического подхода; важно, однако, что это было характерной чертой его трудов.

Обе эти возможности возвыситься — благодаря доблести или милости судьбы — я покажу на двух примерах, равно мне памятных: я имею в виду Франческо Сфорца и Чезаре Борджа. Франческо стал Миланским герцогом должным образом, выказав великую доблесть, и без труда удержал власть, доставшуюся ему ценой многих усилий. Чезаре Борджа, простонародьем называемый герцог Валентино, приобрел власть благодаря фортуне, высоко вознесшей его отца, но лишившись отца, он лишился и власти, несмотря на то, что, как человек умный и доблестный, приложил все усилия и старания, какие были возможны, к тому, чтобы пустить корни в государствах, добытых для него чужим оружием и чужой фортуной. Ибо, как я уже говорил, если основания не заложены заранее, то при великой доблести это можно сделать и впоследствии, хотя бы ценой многих усилий зодчего и с опасностью для всего здания.

---

¹ Эта же линия проведена в записке «О том, как поступать с восставшими жителями Валькидианы», написанной в 1502 г. и касавшегося современной Макиавелли политике.

В переводе Юсима: «Франческо из частного лица сделался герцогом Миланским, употребляя должные средства и пользуясь своей великой доблестью; приобретенное бесчисленными трудами он с легкостью сохранил за собой. В свою очередь, Чезаре Борджиа, которого в народе звали герцогом Валентино, получил власть вместе с возвышением своего отца, и когда фортуна от того отвернулась, потерял ее, невзирая на все его старания и усилия, как подобает благоразумному и доблестному правителю, пустить корни в тех владениях, которые достались ему благодаря оружию и везению других. Ибо, как мы уже говорили выше, кто не заложит фундамент вначале, располагая великой доблестью, может построить его потом, хотя бы это и шло вразрез с замыслом архитектора и угрожало целостности самого здания».

Здесь мы видим обычный для Макиавелли прием лобового противопоставления. На этот раз — *virtù* Сфорца, который шел к герцогству долгие годы, против *фортуны* Борджиа, который получил власть благодаря отцу очень быстро и должен был заботиться о том, чтобы ее расширить и закрепить. Может даже показаться, что симпатии автора находятся на стороне герцога Миланского. Правда, затем основная часть главы будет посвящена все же Борджиа, которого Макиавелли знал лично. Высказывалось мнение, что, рисуя портрет Чезаре, Макиавелли представляет двусмысленную модель идеального государя. В соответствии с этой точкой зрения, картина, представленная автором, должна была разрушить миф о человеке *virtù*, поскольку даже такой выдающийся политический деятель оказался подвержен власти *фортуны*¹.

По поводу реплики о том, что Чезаре Борджиа лишился власти после смерти отца, следует вспомнить, что Алек-

---

¹ Stern T.N. Machiavelli's lie: Amoral realism or moral Satire? // International review of history and political science. 1972. Vol. 9. P. 16-17

сандр VI и его сын в 1503 г. одновременно жестоко заболели. Поговаривали, что они пытались на пиру у кардинала Ор-сини дать хозяину яд, однако по ошибке или из-за измены виночерпия выпили его сами¹. Как бы то ни было, болезнь Чезаре совпала со смертью отца, но не привела к полной утрате власти. Более того, Чезаре принял активное участие в избрании нового папы, взявшего себе имя Пий III. Однако новый понтификат длился менее месяца, после чего понтификом стал Юлий II*, такой же коварный, как Борджиа. Чезаре потерял Романью, пережил затем несколько приключений, бежал в Неаполь, находившийся под властью Испании. Был арестован и выслан в Испанию, где заключен в тюрьму. Бежал в 1506 г. в Наварру, где стал кондотьером у своего шурина, брата жены. Погиб при осаде замка Виене. Смысл сказанного стоит в том, что даже после смерти Александра VI Чезаре имел шансы успешно продолжить свою политическую карьеру, однако не смог ими воспользоваться.

Рассмотрев образ действий герцога, нетрудно убедиться в том, что он подвел прочное основание под будущее могущество, и я считаю не лишним это обсудить, ибо не мыслю лучшего наставления новому государю. И если все же распорядительность герцога не спасла его от крушения, то в этом повинен не он, а поистине необычайное коварство фортуны.

У Марка Юсима: «Я считаю нелишним обсудить это, потому что не могу дать лучших предписаний новому государю, чем следовать примеру герцога, и если его поступки не принесли ему пользы, то винить его не в чем,

---

¹ Впрочем, есть большая вероятность того, что причина смерти папы и болезни его сына — сочетание распространившейся тогда эпидемии малярии с несварением от плохо приготовленных блюд (Клула И. Борджиа. Ростов-на Дону: Феникс, 1997. С. 393).

ибо он пострадал из-за чрезвычайной и необыкновенной враждебности фортуны».

Здесь и далее Макиавелли явно преувеличивает способности Чезаре Борджиа, что неоднократно было отмечено в литературе¹. Повторю еще раз, что Никколо в его рассуждениях нужен был герой, который хотя бы теоретически мог бы освободить и, быть может, объединить под своей властью Италию². Как уже говорилось выше, «литературный герой», если угодно. Причем именно в тот временной промежуток, когда жил Макиавелли. Можно, разумеется, снова и снова ссылаться на неожиданную болезнь герцога, помешавшую ему решительно действовать сразу после смерти отца. Но даже если бы он был здоров, то выполнить ту задачу, которую мысленно, возможно, ставил ему флорентийский политолог, едва ли смог бы. Основная проблема состояла в том, что в тот период это было недостижимо — ни политически, ни экономически, ни с военной точки зрения.

Впрочем, есть большие сомнения в том, что Чезаре смог бы вообще удержаться у власти в Романье сколько-нибудь долгое время. Значительная часть его влияния действительно держалась на могуществе его отца — папы Александра VI. И Макиавелли здесь явно преувеличивает влияние его болезни на развитие событий: самые жестокие удары Чезаре получил тогда, когда уже полностью выздоровел. У него начисто отсутствовали союзники — он умудрился прежде предавать практически всех, с кем вступал в альянс, в том числе французов — так что изо-

---

¹ См., например, Moska G., "Il principe di Machiavelli" // *Saggi di storia della scienza politica*. Roma, 1927, p.67ff.

² Есть, правда, и другая точка зрения, согласно которой Борджиа не был героем для Макиавелли; последний только видел в нем тип характера, пригодного для выполнения главной цели — объединения Италии. — Morley J. Machiavelli // Dunn J. and Harris I (eds.). *Machiavelli*. Cheltenham; Lyme: Edward Elgar Publishing, Inc., 1999. P.90

ляция и поражение было закономерным. Более того, Чезаре Борджиа столкнулся с поистине макиавеллиевским обманом со стороны нового понтифика Юлия II, после чего уже не мог восстановить свое прежнее влияние.

Здесь следует обратить внимание на вроде бы явное противоречие в двух утверждениях Макиавелли. С одной стороны, его тезис заключается в том, что только *фортуна* позволила Чезаре Борджиа возвыситься, и он закономерно потерял все, что имел, когда она от него отвернулась. С другой стороны, флорентиец настаивает на том, что новый государь должен безусловно следовать примеру герцога, который потерял власть только из-за «чрезвычайной и необыкновенной враждебности» все той же *фортуны*. Скорее всего, никакого противоречия здесь нет.

Александр VI желал возвысить герцога, своего сына, но предвидел тому немало препятствий и в настоящем, и в будущем. Прежде всего, он знал, что располагает лишь теми владениями, которые подвластны Церкви, но всякой попытке отдать одно из них герцогу воспротивились бы как герцог Миланский, так и венецианцы, которые уже взяли под свое покровительство Фаэнцу и Римини.

По Юсиму: «Перед папой Александром VI, который замыслил возвысить герцога, своего сына, встало множество действительных и ожидаемых препятствий. Во-первых, папа мог его поставить только во главе государства, выкроенного из церковных владений, а посягать на них он опасался, зная, что герцог Миланский и венецианцы будут против этого, ведь Фаэнца и Римини уже находились под покровительством венецианцев».

Здесь Макиавелли начинает обрисовывать расклад сил, который сложился к моменту начала политического

возвышения Чезаре Борджиа. Римские папы постоянно сталкивались с тем обстоятельством, что не имели возможности действительно править в собственных владениях. Во многом отсюда военная активность с их стороны, особенно в случаях с современниками Макиавелли Александром VI и Юлием II. Но если первый доверял военное дело своим командующим (самым талантливым из них был как раз Чезаре Борджиа), то второй неожиданно для священника оказался преисполнен воинственным духом и сам участвовал в походах своей армии.

Кроме того, войска в Италии, особенно те, к чьим услугам можно было прибегнуть, сосредоточились в руках людей, опасавшихся усиления папы, то есть Орсини*, Колонна* и их приспешников.

Очень интересный момент — Макиавелли знает, в чем можно было бы упрекнуть последующую политику Чезаре Борджиа, поэтому фактически уже с самого начала анализа объясняет сложность положения, в котором тот оказался. Речь идет о нехватке военных отрядов, которые можно было бы нанять для своих целей. Отсюда последующая зависимость герцога от кондотьеров. Постоянно враждовавшие римские княжеские роды Орсини и Колонна фактически контролировали центр папских владений — Кампанию, Маритиму и Патримоний. Кроме того, их влияние распространялось и на другие территории. Об истории этого противостояния длинной в несколько столетий можно писать книги, но здесь для этого нет места¹.

Таким образом, прежде всего надлежало расстроить сложившийся порядок и посеять смуту среди

---

¹ Из последних работ о данных семьях см., например, Rendina, C. Le grandi famiglie di Roma. Rome: Newton Compton, 2004

государств, дабы беспрепятственно овладеть некоторыми из них. Сделать это оказалось легко благодаря тому, что венецианцы, в собственных интересах, призвали в Италию французов, чему папа не только не помешал, но даже содействовал, расторгнув прежний брак короля Людовика.

Фактически Макиавелли говорит здесь о том, что *фортуна* была благосклонной к Цезаре уже в самом начале его политического предприятия. Кроме того, в этом отрывке легко заметен обычный для автора антивенецианский настрой. Характеристика Макиавелли действий венецианцев отражает, на мой взгляд, прежде всего давние противоречия между Светлейшей и Флоренцией. Иными словами, в своих антивенецианских пассажах автор выступает главным образом как флорентиец. В конкретном случае можно согласиться с тезисом о том, что писать о Макиавелли нужно как о флорентийском политике¹. Данной идее в современной литературе посвящено довольно много места.² Одновременно, если брать книгу в целом, можно и нужно поддержать большинство современных авторов, который считают Макиавелли в первую очередь итальянским политиком (хотя его флорентийский патриотизм был неоспорим). Но итальянским не тогда, когда он пишет о Венеции. Он, например, даже не принимает в расчет участие Венеции в первый период «итальянских войн» в антифранцузской Лиге, в которую вошли, кроме нее, Лодовико Моро, Александр VI, германский император и Испания.

К тому же реплика Макиавелли о «призвании» венецианцами французов в Италию почти наверняка была

¹ Юсим М.А. Этика Макиавелли. С. 29.

² См., например, Rubinstein N. Machiavelli and the world of Florentine politics // Gilmore P. (ed.). Studies on Machiavelli. Firenze: Sansoni, 1972. P. 3-28

сделана под влиянием событий 1513 г., т.е. года, когда и был в основном написан «Государь». В это время анти-венецианская коалиция (папа, Франция, Испания, Империя) уже распалась, потеснив позиции венецианцев и резко усилив могущество папы. В этих условиях Венеция действительно заключает союз с уже практически вытесненной за пределы Апеннин Францией в противовес влиянию блока папа — Испания. При этом папой в этот момент был Лев X, Джованни Медичи из Флоренции.

Резюмируем, что Макиавелли не любил Венецию. Но его антивенецианские пассажи связаны не только с этим. Не забудем, что книга была обращена к Медичи, которые не любили Венецию, видимо, еще больше.

С появлением французов в Италии все было, разумеется, куда сложнее, чем пишет автор. Впрочем, Макиавелли в этом случае увязывает одностороннюю критику давнего соперника Флоренции с обоснованием одного из важнейших для себя политических постулатов: крайней опасности втягивания в конфликты могущественной внешней силы, которая впоследствии могла бы доминировать в данном геополитическом пространстве.

Отметим также, что в данном случае речь идет о начале второго этапа «итальянских войн». Между тем, еще в январе 1492 г. Милан и Венеция заключили союз с французским королем Карлом VIII, который собирался в поход на Неаполь. Даже папа Александр VI в октябре 1493 г. разрешил французским войскам проход через свои владения и инвестиру. Этому «тройственному союзу» профранцузской ориентации противостоял альянс Неаполя и Флоренции, которые в то время придерживались происпанской линии. Правда, в реальность французского похода в Италию сначала практически никто не верил. Буквально накануне похода венецианский посол во Франции доносил Сенату Светлейшей, что эта держава не может начать поход в бли-

жайшее время из-за бездарности ее короля, ничтожности его советников, внутренних неурядиц и внешних осложнений. Тем не менее, французам сначала сопутствовал быстрый успех, однако объединение против них почти всей Италии, как уже отмечалось выше, заставило Карла довольно быстро вернуться на родину со всей своей армией.

Обратим внимание, что Макиавелли в своей книге упорно воздерживается от упоминания первого этапа «итальянских войн», хотя без него трудно понять развитие ситуации впоследствии. Наиболее логичное объяснение этой неувязки состоит в том, что он писал книгу о **государе**, а не историю страны соответствующего периода. Впрочем, учитывая отношение автора к историческим примерам, можно не сомневаться, что он и здесь бы нашел что сказать, причем почти наверняка сомнительное с точки зрения реальной ситуации.

Что касается второго этапа «итальянских войн», то он связан с именем преемника Карла VIII, Людовика XII¹. Перед началом военных действий Венеция действительно была заинтересована во французском вторжении, поскольку считала Францию естественным союзником в борьбе против экспансии империи. Однако не следует все же забывать, что Людовика XII поддерживали также папа и Флоренция. Примечательно, что его войска состояли отчасти из итальянских наемников.

Итак, король вступил в Италию с помощью венецианцев и с согласия Александра и, едва достигнув Милана, тотчас выслал папе отряд, с помощью которого тот захватил Романью, что сошло ему с рук только потому, что за ним стоял король.

---

¹ Последняя к моменту написания этой книги монография о нем: Baumgartner, F. J. Louis XII, New York: St. Martin's Press, 1994.

Юсим переводит этот отрывок следующим образом: «Король вошел в Италию с помощью венецианцев и с согласия Александра, который получил от короля людей для захвата Романьи, едва тот прибыл в Милан. Благодаря авторитету короля это предприятие удалось...»

Пора сказать для ясности несколько слов о политическом положении уже упоминавшейся несколько раз в этой книге Романьи. Во время войн между гвельфами и гибеллинами и авиньонского пленения пап большая часть городов папской области была захвачена авантюристами, которые обычно получали от Империи инвеституру на свои новые владения. Когда же Германия перестала решающим образом влиять на итальянскую ситуацию, а папы снова окрепли, эти новые мелкие князья обратились уже к Риму. Тот взамен за формальное подчинение предоставлял им инвеституры и титулы герцогов и графов. Они стали называться «викариями церкви». В большинстве случаев это были типичные мелкие тираны¹.

Александр VI заявил, что они нарушили условия инвеституры и потому лишаются своих владений, которые возвращаются святому престолу. Для того, чтобы его слова были убедительнее, он назначил своего сына Чезаре Борджиа главнокомандующим папскими войсками. Территория Романьи формально действительно принадлежала Ватикану. Папа Александр VI хотел создать здесь герцогство для Чезаре Борджиа. Но Милан и Венеция также претендовали на эти земли. В результате данное пространство оказалось «горячей точкой» Италии.

Таким образом Романья оказалась под властью герцога, а партии Колонна было нанесено поражение, но

---

¹ Викариями церкви в данный период были Малатеста в Римини, Сфорца в Пезаро, Манфреди в Фаэнце, Риарио в Имоле и Форли, Монтефельтро в Урбино и Каэтано в Сармонете

пока что герцог не мог следовать дальше, ибо оставалось два препятствия: во-первых, войско, казавшееся ему ненадежным, во-вторых, намерения Франции. Иначе говоря, он опасался, что войско Орсини, которое он взял на службу, выбьет у него почву из-под ног, то есть либо покинет его, либо, того хуже, отнимет завоеванное; и что точно так же поступит король. В солдатах Орсини он усомнился после того, как, взяв Фаэнцу, двинул их на Болонью и заметил, что они вяло наступают; что же касается короля, то он понял его намерения, когда после взятия Урбино двинулся к Тоскане, и тот вынудил его отступить. Поэтому герцог решил более не рассчитывать ни на чужое оружие, ни на чье-либо покровительство.

В переводе Юсима: «... После завоевания Романьи и разгрома приверженцев рода Колонна дальнейшему продвижению герцога мешали две вещи: ненадежность его собственного войска и нерасположение Франции. Отряды Орсини, которыми воспользовался герцог, могли отказать ему в повиновении и не то что помешать новым приобретениям, но и отнять завоеванное, а от короля можно было ожидать подобных же действий. В ненадежности Орсини герцог убедился, когда после взятия Фаэнцы напал на Болонью и увидел, сколь неохотно они отправляются в поход. Что касается короля, то его намерения проявились после занятия герцогства Урбинского, когда Валентино вступил в Тоскану; король заставил его отказаться от этого предприятия. После этого герцог пожелал стать независимым от чужого веления и от чужого войска».

В этом отрывке есть несколько принципиальных моментов, в том числе

— констатация того, что после первых успехов Чезаре столкнулся с нарушением баланса сил между враждую-

щими семействами Колонна и Орсини. И сразу же гонфалоньер оказался перед угрозой со стороны недавнего союзника — Орсини. Это один из любимых тезисов Макиавелли: надо постоянно наблюдать за соотношением сил и не давать возможности какой-либо стороне чрезмерно усилиться. Достоинство Борджиа в данном случае, по мнению автора «Государя», заключается в том, что он внимательно следил за изменением ситуации;

— здесь начинает затрагиваться одна из излюбленных для флорентийца тем, а именно негативное значение военного *наемничества* для Италии;

— следует особо обратить внимание на последнюю фразу, которая должна подкрепить высказанные прежде в начале этой главы тезисы о ненадежности власти, которая была приобретена «за деньги или была пожалована в знак милости». Добавим к этому, правда, что Чезаре наверняка рассчитывал на помощь со стороны своего отца, так что на покровительство со стороны он по-прежнему полагался. В данном случае опять наличествует одна из основных максим Никколо: государь должен быть независим, ему не следует полагаться на чужую милость и *чужое оружие*;

— в данном отрывке явно видно, что Макиавелли не столько анализирует действия Борджиа, сколько делает его проводником своих собственных идей. В самом деле, мысли Чезаре автору были неведомы, поэтому замечание, что гонфалоньер церкви все понял в отношении Орсини и Людовика, выглядит необоснованным. Есть точка зрения, согласно которой Макиавелли не может быть назван историком, поскольку он представлял аудитории вместо истории свободную выдумку, в которой отсутствовали подтвержденные факты¹. В данном случае,

---

¹ Schevill F. Niccolò Machiavelli: Political philosopher // Six historians. Chicago: University of Chicago press, 1956. P. 61

однако, мы имеем дело не с описанием исторического эпизода, а с устоявшимся специфическим приемом флорентийца: он высказывает тезис и подбирает под него иллюстрацию, причем, чтобы она выглядела убедительной, считает себя вправе слегка (а временами и радикально) ее подрисовать. Кстати говоря, основной тезис у него был, как мне кажется, совершенно верным.

Первым делом он ослабил партии Орсини и Колонна в Риме: всех нобилей, державших их сторону, переманил к себе на службу, определив им высокие жалованья, и, соответственно достоинствам, раздал места в войске и управлении, так что в несколько месяцев они отстали от своих партий и обратились в приверженцев герцога.

Борджиа здесь в описании Макиавелли действует по классической для таких случаев схеме. Она была известна, естественно, еще до него, и первым подметил ее отнюдь не автор «Государя». Здесь примечательно, на мой взгляд, то, как именно в этой ситуации действует Никколо. Обратите внимание на изложение событий. Макиавелли здесь явно, будучи от природы драматургом, начинает нагнетать напряжение. Дальше он это сделает с еще большим успехом.

Если говорить об описанном политическом приеме, то в России он применялся все же намного реже, нежели в Италии или в Европе. Дело в том, что политические традиции нашей страны способствовали приверженности родов существующему лидеру. Тем более — князю или царю. Переходы на другую сторону, в отличие от Италии, случались относительно редко. Впрочем, в Смутное время были и исключения. Известен пример действий Лжедмитрия I, который до предела насытил Боярскую Думу своими ставленниками¹.

---

¹ Скрынников Р. Г. Три Лжедмитрия. М: АСТ, 2004. С.229

И еще, если говорить о нашей стране, заслуживает упоминания оригинальный прием недооцененного нашими историками Бориса Годунова, которому Боярская Дума в первое время после его избрания на царство отказывала в праве короноваться. Правитель в этой ситуации действовал нестандартно для России. Располагавшая прекрасной разведкой в Крыму Москва вдруг стала распространять слухи о предстоящем вторжении татар, хотя ей было прекрасно известно, что хан на самом деле готовил поход в Венгрию. Годунов лично возглавил собранное русское войско, а боярам предоставил высшие должности в армии. Они были вынуждены согласиться на это, поскольку в противном случае могли быть обвинены в государственной измене. Во время похода армия дошла только до Серпухова, из-за чего поход прозвали «серпуховским». Сражений, естественно, не было (более того, крымский хан официально признал за Годуновым царский титул). Годунову удалось привлечь на свою сторону сначала провинциальное, а потом и столичное дворянство. В результате сопротивление оппозиции, в том числе и боярской, было сломлено.¹

После этого он стал выжидать возможности разделиться с главарями партии Орсини, еще раньше покончив с Колонна. Случай представился хороший, а воспользовался он им и того лучше. Орсини, спохватившиеся, что усиление Церкви грозит им гибелью, собрались на совет в Маджоне, близ Перуджи. Этот совет имел множество грозных последствий для герцога, — прежде всего, бунт в Урбино и возмущение в Романье, с которыми он, однако, справился благодаря помощи французов.

---

¹ Скрынников Р.Г. Борис Годунов. М.: Наука, 1978. С. 122-124

По Юсиму: «Расправившись с домом Колонна, герцог собирался свести счеты и с Орсини; он очень хорошо воспользовался представившимся случаем, когда Орсини, слишком поздно распознавшие угрозу для себя в возвышении герцога и Церкви, собрали свой съезд в Маджоне, близ Перуджи. Он послужил причиной к восстанию в Урбино, к волнениям в Романье и навлек на герцога несметное множество бед, с которыми тот справился с помощью французов».

Макиавелли здесь продолжает нагнетать напряжение в описании действий Борджиа. Даже складывается мнение, что речь идет не о трактате, а о современном триллере.

Уточню, что под Церковью здесь в данном конкретном случае имеется в виду прежде всего ее политическое (в тот период и в понимании Макиавелли) воплощение в лице папы Александра VI, который поддерживал своего сына Чезаре Борджиа не только авторитетом подвластного ему института, но и всем остальным, чем только мог. При этом, правда, следует иметь в виду, что речь шла и идет о папских владениях, в которых Чезаре формально был гонфалоньером.

Восстановив прежнее влияние, герцог решил не доверять более ни Франции, ни другой внешней силе, чтобы впредь не подвергать себя опасности, и прибег к обману. Он так отвел глаза Орсини, что те сначала примирились с ним через посредство синьора Паоло — которого герцог принял со всевозможными изъявлениями учтивости и одарил одеждой, лошадьми и деньгами, — а потом в Синигалии сами простодушно отдались ему в руки¹. Так, разделившись с главарями партий и переманив к себе их приверженцев, герцог заложил весьма прочное осно-

---

¹ Эта история впоследствии восхитила Адольфа Гитлера. Впрочем, судя по тому, как он ее описывал, Макиавелли он не читал. См. Фест И. Гитлер. Биография. Триумф и падение в бездну. М.: Вече, 2007. С. 132-133.

вание своего могущества: под его властью находилась вся Романья с герцогством Урбино и, что особенно важно, он был уверен в приязни к нему народа, испытавшего благодетель его правления.

Отрывок начинается с повтора прежнего тезиса, Впрочем, как мы уже видели и увидим впоследствии, для флорентийца это было обычным приемом. А вообще создается впечатление, что Макиавелли здесь пишет учебник интриги и коварства. На мой взгляд, впечатление неверное, если не быть предубежденным к автору «Государя». Стоит обратить особое внимание, что на первое место автор «Государя» ставит приязнь народа. Снова и снова он повторяет необходимость для правителя пользоваться авторитетом у населения. И будет это делать, кстати говоря, до конца своего труда. Иногда это покажется даже занудным, если только не иметь в виду намерений автора.

Возвращаясь к искусству интриги и коварства, констатируем, что в России таких мастеров как Чезаре Борджиа было мало. Разве что Сталин заслуживает внимания, когда он сначала объединился с Николаем Бухариным ради того, чтобы выступить единым фронтом против «левых» (Троцкий, Каменев, Зиновьев), а потом разгромил «правых» (Бухарин, Рыков и Томский)¹. Очень большим мастером подобных дел был в свое время Мао Цзэдун, неоднократно демонстрировавший подобные приемы.²

Эта часть действий герцога достойна внимания и подражания, почему я желал бы остановиться

¹ См. Такер Р. Сталин. История и личность: Путь к власти. 1879-1929; У власти. 1928-1941. М.: Весь Мир, 2006. С. 264-280

² См., например, Чжан Ю., Холлидей Дж. Неизвестный Мао. М.: Центрполиграф, 2007. В какой-то степени эта работа выглядит как своеобразный учебник политических интриг

на ней особо. До завоевания Романья находилась под властью ничтожных правителей, которые не столько пеклись о своих подданных, сколько обирали их и направляли не к согласию, а к раздорам, так что весь край изнемогал от грабежей, усабиц и беззаконий. Завоевав Романью, герцог решил отдать ее в надежные руки, дабы умиротворить и подчинить верховной власти, и с тем вручил всю полноту власти мессеру Рамиро де Орко, человеку нрава резкого и крутого. Тот в короткое время умиротворил Романью, пресек распри и навел трепет на всю округу.

У Юсима: «Так как эта сторона деятельности герцога заслуживает внимания и подражания, я хочу остановиться на ней. Заняв Романью, герцог увидел, что она находилась в руках нерадивых правителей, которые занимались больше грабежом, нежели исправлением своих подданных, и не столько объединяли их, сколько сеяли семена раздора, так что вся провинция закоснела в распрах, разбоях и прочих бесчинствах, поэтому герцог, чтобы умиротворить ее и привести к повиновению властям, счел нужным ввести там надежное правление. Во главе области он поставил мессера Рамиро де Орко, человека решительного и жестокого, наделив его всей полнотой власти. Наместник за короткое время восстановил мир и единство, приобретя огромное влияние».

Здесь Макиавелли прямо противопоставляет поведение правителей Романьи и герцога. Причем открыто одобряет поведение последнего¹, который смог навести по-

---

¹ Одобрение действий Чезаре Борджиа, повторю еще раз, даже привело некоторых исследователей к мысли о том, что «Государь» — это политическая сатира (Mattingly G. Op. cit. P. 483). Не хотели они верить тому, что Макиавелли действительно искренне восхищался жестокой и коварной политикой герцога.

рядок на данной территории, пусть и жестоким образом. Впрочем, учебник интриги по Чезаре Борджиа на этом еще не исчерпывается... Здесь шаг за шагом разбираются действия Чезаре Борджиа в Романье. Сначала там наводится порядок, пусть даже и крайне жесткой, если не жестокой рукой. Затем — это будет описано в следующем отрывке — герцог переходит к популизму, стараясь завоевать любовь населения. Вот эта последовательность и это сочетание и восхищали Макиавелли, так что он счел необходимым подтвердить, что полагает их достойными «внимания и подражания».

Обратим также внимание на совет Макиавелли следовать примеру Чезаре. Правда, говоря о значимости «плохих примеров» для последователей исторических персонажей, Фридрих вспомнил «Карла XII, который с молодых ногтей ставил себе в пример жизнь Александра Великого. Те, кто хорошо знал этого северного Александра, удостоверяют, что причиною опустошения Польши был Квинт Курций и что сражение под Арбелою явилось причиной поражения под Полтавой». Причем, пожалуй, Фридрих был здесь прав. Квинт Курций Руф, на которого он здесь, видимо, ссылается, был автором знаменитого жизнеописания Александра Македонского¹, опустошение Польши шведами стало результатом Северной войны. Упоминаемое здесь сражение под Арбелой ни что иное как известное сражение под Гавгамелами, когда Александр наголову разбил Дария.

Тогда герцог рассудил, что чрезмерное сосредоточение власти больше не нужно, ибо может озлобить подданных, и учредил, под председательством почетного лица, гражданский суд, в котором каждый

---

¹ Квинт Курций Руф, История Александра Македонского. М.: МГУ, 1993

город был представлен защитником. Но зная, что минувшие строгости все-таки настроили против него народ, он решил обелить себя и расположить к себе подданных, показав им, что если и были жестокости, то в них повинен не он, а его суровый наместник. И вот однажды утром на площади Чезене по его приказу положили разрубленное пополам тело мессера Рамиро де Орко рядом с колодой и окровавленным мечом. Свирепость этого зрелища одновременно удовлетворила и ошеломила народ.

Данный отрывок невольно наводит на мысли об аналогичных действиях Сталина, который сначала развязал «большой террор» с помощью Николая Ежова, а потом велел того арестовать, судить и расстрелять. Неоднократно высказывалось предположение, что Сталин хотел внушить народу, будто подлинным организатором террора был именно Николай Ежов¹. А вот Гитлер расправился с Рэмом без всяких популистских ходов. Кто из двух диктаторов был эффективнее в политическом плане — судить читателю. А может быть, лучше от этого воздержаться по понятным причинам.

Во-первых, выделяю, что Чезаре у Макиавелли выглядит моделью истинного государя. Люди любят и уважают его, он обращает внимание на желания подчиненных, великодушен и либерален. Эти качества явно рассматриваются автором как присущие хорошему правителю. Хотя, надо сказать, позже он несколько изменит свою точку зрения².

Из приведенного выше отрывка явствует, что сосредоточение власти в новых государствах мыслилось Макиавелли только в руках принцепса, т.е. единоличного

---

¹ Такер Р. Сталин. История и личность: Путь к власти. 1879-1929; У власти. 1928-1941. М.: Весь Мир, 2006 С. 810-811

² Gilbert A. Op. cit. P. 42

правителя. Авторская интерпретация показательной казни де Орко была тому достаточным примером. Отметим также, что отношение герцога к своему подчиненному (используя современную терминологию, назовем другой термин: использование Рамиро де Орко) не встречает осуждения со стороны автора «Государя». Больше того, похоже, что он рекомендует данный случай как показательный прием успешного государя. Было ли это искренне или же стало примером своеобразного черного юмора? На этот вопрос сейчас никто не ответит.

Во-вторых, следует подчеркнуть, что, согласно Макиавелли, после наведения порядка в Романье Чезаре Борджиа сразу же переходит к другой политике. Быстрота появления новых идей и новых политических шагов вызвала у автора «Государя» искреннее восхищение (кстати говоря, это восхищение было ему свойственно и в случае с очень быстрыми и разнообразными действиями Фердинанда Арагонского). И это у автора, который в данной работе часто выступал с тезисом о необходимости консерватизма в политике для обеспечения власти государя.

В-третьих, следует обратить внимание, что казнь Рамиро де Орко выглядит в изложении флорентийца типичным популистским жестом. Макиавелли и в этом случае старается обратить внимание читателя на необходимость государю заручиться поддержкой своих подданных.

В-четвертых, Никколо погрешил против исторической истины в описании этого эпизода. Впрочем, не в первый и не в последний раз. Зато приведенный им пример оказался весьма впечатляющим.

Нет оснований считать Макиавелли автором, который проповедует насилие и коварство. Например, в данном случае он действует явно как типичный политический аналитик. Он демонстрирует прием, подчеркивает его эффективность и воздерживается от его этической

оценки. Циничная и отстраненная оценка циничного поведения Чезаре Борджиа.

Наконец, следует особо выделить и этнический аспект казни де Орко. Тот был испанцем. Можно было бы предположить, что Макиавелли, который на словах ненавидел чужеземцев, оккупировавших часть Италии, использует это обстоятельство для очередного обличения. Но этого не произошло. Больше того, надо напомнить, что Чезаре Борджиа также был по этническому происхождению испанцем. Это не помешало флорентийцу сделать его одним из героев «Государя».

Если же обратиться к мнению молодого Фридриха об этом отрывке, то оно будет выглядеть следующим образом: «... Цезарь Борджиа никого не наказывал иначе, чем как лютый тиран. Именно он повелел бесчеловечно-го д'Орко, столь ревностно проводившего его политику, изрубить в куски, чтобы благодаря этому понравиться народу. В нем он наказал орудие своих собственных злодеяний. Тягость бесчеловечности наиболее несносна тогда, когда тиран желает облечь ее в невинность и когда угнетение осуществляется под видом закона»¹. Эта точка зрения тоже имеет право на существование.

Но вернемся к тому, от чего мы отклонились. Итак, герцог обрел собственных солдат и разгромил добрую часть тех войск, которые в силу соседства представляли для него угрозу, чем утвердил свое могущество и отчасти обеспечил себе безопасность; теперь на его пути стоял только король Франции: с опозданием заметив свою оплошность, король не потерпел бы дальнейших завоеваний. Поэтому герцог стал высматривать новых союзников и уклончиво

---

¹ Фридрих Великий. Указ. соч. С. 320-321

вести себя по отношению к Франции — как раз тогда, когда французы предприняли поход на Неаполь против испанцев, осаждавших Гаету. Он задумывал развязаться с Францией, и ему бы это весьма скоро удалось, если бы дольше прожил папа Александр.

Мы имеем здесь дело с тем, что правильнее всего было бы назвать **предусмотрительностью** государя. Другое дело, что последняя была связана с крайним цинизмом со стороны Борджиа. Правда, Никколо на это ответил бы, что в тех условиях действовать иначе было бы невозможно. Возможно, что из-за видимого одобрения подобного поведения Макиавелли даже у видных ученых XX века имел репутацию «учителя зла»¹. Впрочем, эта точка зрения немедленно получила своих оппонентов².

Попробуем коротко описать действия Чезаре Борджиа, какими они представлялись Макиавелли. Итак, герцог начинает с того, что заключает союз с Орсини и привлекает их на свою сторону для того, чтобы нанести удар по Колонна и мелким властителям в Романье. Успех приводит к нарушению баланса сил между Орсини и Колонна, что становится опасным для Борджиа. Поскольку Чезаре был заинтересован в создании собственных владений, он не стал поддерживать Колонну для восстановления равновесия между двумя влиятельнейшими семьями. Он попросту нанес сокрушающий удар по Орсини и создал собственную армию. Для того, чтобы добиться если не любви, то уважения со стороны своих новых подданных, он прибегнул к жестокому наведению порядка и популистским мерам. После того, как он укрепил свою власть, ему уже не был нужен союзник в лице

---

¹ Strauss L. Thoughts on Machiavelli. P. 9-14

² Germino D. Second thoughts on Leo Strauss's Machiavelli // Journal of politics. 1966. Vol. 28. P. 794-817

Франции. Однако для того, чтобы разорвать прежний альянс, ему нужен был новый союзник, который мог бы противостоять французской армии.

Как мы видим, Макиавелли ставит здесь во главу угла соотношение сил и постоянный учет этого фактора. В его изложении герцог кажется выдающимся государственным деятелем, поскольку не только принимает во внимание постоянную смену ситуации, но и сам активно влияет на нее. Есть, правда, и другая сторона вопроса, которую, возможно, сознательно не принимал во внимание автор «Государя». Речь идет о том, что по своей самонадеянности и складу характера и, возможно, по другим причинам Чезаре Борджиа органически не был способен иметь постоянных союзников (выше об этом уже говорилось). В период его активной политической и военной деятельности он имел только одну непререкаемую поддержку — со стороны своего отца. Он не мог постоянно опираться на армию, потому что она состояла либо из разноплеменных наемников, среди которых превалировали выходцы из Романьи, либо вообще почти целиком состояла из французских подданных; он не мог полностью полагаться на население, поскольку был пришельцем, инородным телом в Романье; он не имел ни одного постоянного альянса с другими государями (за исключением того же Александра VI, который был его отцом и покровителем), которых периодически предавал и которым систематически изменял. Впрочем, Макиавелли, как уже говорилось выше, никогда не претендовал на лавры историографа. В данном случае он писал пособие для государя, дорисовывая иллюстрацию к историческим событиям так, как это было ему выгодно.

Таковы были действия герцога, касавшиеся настоящего. Что же до будущего, то главную угрозу для него представлял возможный преемник Александра, кото-

рый мог бы не только проявить недружественность, но и отнять все то, что герцогу дал Александр. Во избежание этого он задумал четыре меры предосторожности: во-первых, истребить разоренных им правителей вместе с семействами, чтобы не дать новому папе повода выступить в их защиту; во-вторых, расположить к себе римских нобилей, чтобы с их помощью держать в узде будущего преемника Александра; в-третьих, иметь в Коллегии кардиналов как можно больше своих людей; в-четвертых, успеть до смерти папы Александра расширить свои владения настолько, чтобы самостоятельно выдержать первый натиск извне. Когда Александр умер, у герцога было исполнено три части замысла, а четвертая была близка к исполнению. Из разоренных им правителей он умертвил всех, до кого мог добраться, и лишь немногим удалось спастись; римских нобилей он склонил в свою пользу; в Коллегии заручился поддержкой большей части кардиналов. Что же до расширения владений, то, задумав стать властителем Тосканы, он успел захватить Перуджу и Пьомбино и взять под свое покровительство Пизу. К этому времени он мог уже не опасаться Франции — после того, как испанцы окончательно вытеснили французов из Неаполитанского королевства, тем и другим приходилось покупать дружбу герцога, так что еще шаг — и он завладел бы Пизой. После чего тут же сдались бы Сиена и Лукка, отчасти из страха, отчасти назло флорентийцам; и сами флорентийцы оказались бы в безвыходном положении. И все это могло бы произойти еще до конца того года, в который умер папа Александр, и если бы произошло, то герцог обрел бы такое могущество и влияние, что не нуждался бы в ничьем покровительстве и не зависел

бы ни от чужого оружия, ни от чужой фортуны, но всецело от собственной доблести и силы. Однако герцог впервые обнажил меч всего за пять лет до смерти отца. И успел упрочить власть лишь над одним государством — Романьей, оставшись на полпути к обладанию другими, зажатый между двумя грозными неприятельскими армиями и смертельно больной.

Скорее всего, речь здесь идет не столько об анализе, сколько о чуть ли не первой в истории политической науки попытке создания политического сценария возможного будущего, пусть и сделанного задним числом. Правда, в этом сценарии видны некоторые разночтения. Плюс к этому, отмечу, что сам Макиавелли опровергает свои комплименты герцогу словами, что его непредусмотрительность, или недальновидность, или же указанные несколько выше причины привели к тому, что он со своими силами оказался зажат между «двумя грозными неприятельскими армиями» (видимо, автор имел в виду французскую и испанскую). Наверное, в связи с этим еще раз можно напомнить точку зрения, согласно которой интерес к личности Чезаре Борджиа был для Макиавелли преимущественно теоретическим. Великим человеком автор «Государя» герцога Валентино не считал¹. На деле подлинным героем Макиавелли, как считают некоторые исследователи, был Каструччо Кастракани из Луки². Тоже, кстати говоря, практически полностью выдуманный автором «Государя» «литературный» герой³. Получается, что речь идет о двух придуманных персонажах, существующих только для того, чтобы укрепить аргументацию политолога.

---

¹ См., например, Freyer H. Machiavelli. Leipzig: Bibliographisches Institut, 1938. S. 39-49

² Bondanella P. E. Castruccio Castracani: Machiavelli's archetypal prince // Italica. 1972. Vol. 49. P. 302-314

³ Whitfield J. Machiavelli and Castruccio // Italian studies. 1953. Vol. 8. P. 1-28

Отмечу также, что *могущество* (в переводе Юсима — *собственная мощь*) и *влияние* (у Юсима — *доблесть*) у Макиавелли звучит как *forze* и *reputazione*. В последнем случае мы сталкиваемся с еще одним характерным для автора «Государя» термином. О многом говорит тот факт, что в этом произведении Макиавелли употребляет термин *reputazione* и другие производные от глагола *reputare* тридцать один раз¹. В целом *reputazione* у автора имеет только положительное значение и ассоциируется с военными и дипломатическими победами. *Reputazione* крайне желательна для обеспечения захвата власти.

Но столько было в герцоге яростной отваги и доблести, так хорошо умел он привлекать и устранять людей, так прочны были основания его власти, заложенные им в столь краткое время, что он превозмог бы любые трудности — если бы его не теснили с двух сторон враждебные армии или не донимала болезнь. Что власть его покоилась на прочном фундаменте, в этом мы убедились: Романья дождалась его больше месяца; в Риме, находясь при смерти, он, однако, пребывал в безопасности: Бальони*, Орсини и Вителли*, явившиеся туда, так никого и не увлекли за собой; ему удалось добиться того, чтобы папой избрали если не того, кого он желал, то по крайней мере не того, кого он не желал. Не окажись герцог при смерти тогда же, когда умер папа Александр, он с легкостью одолел бы любое препятствие. В дни избрания Юлия II он говорил мне, что все предусмотрел на случай смерти отца, для всякого положения нашел выход, одного лишь не угадал — что и сам окажется близок к смерти.

---

¹ Perez T. *Reputazione* in Machiavelli's thought // Machiavelli: figure-reputation. Amsterdam-Atlanta: Rodopi B.V., 1996. P. 165

Начало отрывка относится к сценарию, который предложил Макиавелли несколько ранее. В последнем предложении откровенно видна одна из особенностей государя по Макиавелли: он должен быть предусмотрителен. И это, конечно, очень украшает книгу, которая была задумана как рекомендация для правителя. Кроме того, на подходе Макиавелли к личности герцога Чезаре безусловно сказалась растущая зависимость Италии от индивидуальных политических решений¹.

Есть точка зрения, согласно которой в случае с Борджиа *фортуна* уже не может рассматриваться как явление, которое может быть объяснено логикой, она становится «*фортуной* зловредной», почти непобедимым оппонентом героя в чрезвычайной ситуации². Впрочем, автор этого почти поэтического сравнения тоже считает, что герцог Валентино был для Макиавелли не реальным, а литературным героем.

В целом же выясняется, что Никколо полагал, что *фортуна* Борджиа подкреплялась его *virtù*. Возможно, что в этом одна из причин столь большого внимания Макиавелли к герцогу Чезаре. Еще одна версия сводится к тому, что здесь сыграл фактор личного знакомства. Персональным встречам Макиавелли с Чезаре Борджиа и воздействию последнего на автора «Государя» посвящено много работ³. Впрочем, может быть верно и то, что флорентиец преувеличивал не столько подлинные достоинства Чезаре, сколько те, которые сам выдумал. Одна из загадок «Государя» связана с тем, что книга отзывается если не на все исследовательские гипотезы, то на большинство их.

---

¹ Chabod F. Machiavelli and the Renaissance. P. 41-61

² Weckert M. Die literarische Form von Machiavellis Principe. Eine morphologische Untersuchung. Würzburg: Konrad Triltsch, 1937. S. 76

³ См., например, Marcu V. Accent on power: The life and times of Machiavelli. New York: Farrar and Rinehart, 1939. P. 113-143

Словом, одна из загадок Макиавелли, которая делает его творчество неисчерпаемым для комментаторов.

Обозревая действия герцога, я не нахожу, в чем можно было бы его упрекнуть; более того, мне представляется, что он может послужить образцом всем тем, кому доставляет власть милость судьбы или чужое оружие. Ибо, имея великий замысел и высокую цель, он не мог действовать иначе: лишь преждевременная смерть Александра и собственная его болезнь¹ помешали ему осуществить намерение. Таким образом, тем, кому необходимо в новом государстве обезопасить себя от врагов, приобрести друзей, побеждать силой или хитростью, внушать страх и любовь народу, а солдатам — послушание и уважение, иметь преданное и надежное войско, устранять людей, которые могут или должны навредить, обновлять старые порядки, избавляться от ненадежного войска и создавать свое, являть суровость и милость, великодушие и щедрость и, наконец, вести дружбу с правителями и королями, так чтобы они либо с учтивостью оказывали услуги, либо воздерживались от нападений, — всем им не найти для себя примера более наглядного, нежели деяния герцога.

В более точном переводе Марка Юсима можно найти несколько важных нюансов: «Итак, обозревая все поступки герцога, я не нахожу, в чем его можно было бы упрекнуть. Напротив, мне кажется, что он должен служить образцом для подражания, как он здесь и выставлен, для всех, кто восходит на трон благодаря оружию и удаче дру-

---

¹ Это замечание побудило исследователей сделать вывод о том, что у Макиавелли *фортуна* и *virtù* исключают друг друга. — McCanless M. The discourse of "Il Principe". Malibu, Calif.: Undena publications, 1983. P. 84

гих. Великий дух и высокие намерения герцога не позволяли ему поступать иначе, и его планы не осуществились только из-за преждевременной кончины Александра и его собственной болезни. Новый государь, считающий нужным защищаться от врагов, приобретать друзей, убеждать силой или хитростью, внушать любовь и страх народам, преданность и уважение солдатам, избавляться от тех, кто может и должен принести ему вред, изменять нововведениями старые обычаи, быть суровым и милостивым, великодушным и щедрым, упразднить ненадежное войско и набрать новое, хранить дружбу королей и прочих государей, дабы они должны были помогать ему от всего сердца или вредить с оглядкой, — такой государь не найдет более близкого образца, чем деяния герцога».

В этом отрывке можно найти несколько интересных моментов, в том числе

— правители, получившие власть под влиянием главным образом *фортуны* или в результате иностранной помощи, вызывали у Макиавелли отторжение. Он считал их изначально слабыми и фактически обреченными на падение. Чезаре Борджиа исключением был только отчасти. Для автора «Государя» он все же придуманный персонаж;

— тезис о том, что он не находит, в чем можно было бы упрекнуть Борджиа, опровергается автором уже в следующем после этого отрывка предложении;

— важная ремарка Макиавелли состоит в том, что Чезаре должен восприниматься как образец для подражания государям, которые приходят к власти *милостью судьбы* или *чужим оружием*. Фактически это замечание еще раз подрывает точку зрения о том, что именно Борджиа был для флорентийца образцом государя;

— представляется весьма характерным, что выше в этой книге Макиавелли сопоставляет Франческо Сфорца и Чезаре Борджиа, причем отдает предпочтение первому

из-за того, что он пришел к власти благодаря преимущественно своему *virtù*. А вот сын Александра VI оказался на гребне политики в результате *фортуны*, и как только она от него отвернулась, то карьера его моментально закончилась. Не помогли даже его блестящие достоинства — таков на деле вывод Макиавелли;

— в данном отрывке флорентинец действует не только как политический аналитик, но и как литератор, поставив перед собой задачу внушить аудитории: возможно все, надо только уметь и хотеть;

— Довольно любопытна точка зрения, согласно которой Макиавелли своим «Государем» на деле возвысил Чезаре Борджиа, о котором через некоторое время стали забывать, и способствовал его популярности в истории¹.

В одном лишь можно его обвинить — в избрании Юлия главой Церкви. Тут он ошибся в расчете, ибо если он не мог провести удобного ему человека, он мог, как уже говорилось, отвести неудобного, а раз так, то ни в коем случае не следовало допускать к папской власти тех кардиналов, которые были им обижены в прошлом или, в случае избрания, могли бы бояться его в будущем.

Юлий II после избрания вел себя так, будто изучил политическую карьеру Чезаре и даже еще не написанного «Государя». Он дал гарантии герцогу, а потом от них отказался и велел арестовать его². Вполне в духе советов Макиавелли в отношении того, как должны правители держать свое слово. Отвоевывает Романью. Вообще, как уже говорилось выше, проявляет себя как очень незаурядный в политическом плане человек. Здесь Макиа-

¹ Dionosotti C. Machiavelli, Cesare Borgia e don Michelotto // Rivista storica italiana. 1967. Vol. 79. P. 960-975

² Клула И. Указ. соч. С. 406-410

велли вступает в откровенную полемику с действиями герцога Чезаре. Появилось даже мнение, что, указывая на основную политическую ошибку Чезаре Борджиа, Макиавелли тем самым демифологизирует своего героя¹.

Ибо люди мстят либо из страха, либо из ненависти.

В переводе Юсима: «Причинять вред заставляет людей страх или ненависть...» Типичная для Макиавелли афористичность, которая гораздо лучше заметна в переводе Муравьевой, чем, собственно говоря, во многом и объясняется популярность ее работы. Вообще тема афоризмов Никколо требует отдельного исследования, которое пока отсутствует. Многие сравнения и метафоры таковы по качеству, что существенно повлияли на восприятие «Государя» как литературной классики.

Среди обиженных им были Сан-Пьетро из Винкула, Колонна, Сан-Джорджа, Асканио; все остальные, взойдя на престол, имели бы причины его бояться. Исключение составляли испанцы и кардинал Руанский, те — в силу родственных уз и обязательств, этот — благодаря могуществу стоявшего за ним французского королевства. Поэтому в первую очередь надо было позаботиться об избрании кого-нибудь из испанцев, а в случае невозможности — кардинала Руанского, но уж никак не Сан-Пьетро ин Винкула.

Речь идет об избрании папы Юлия II, ярого противника семьи Борджиа. Разумеется, Чезаре не был всесилен и не в его власти было определять, кто будет, а кто не будет избран очередным папой. Здесь Макиавелли явно преуве-

---

¹ Sasso G. Coerenza o incoerenza del XII capitolo del *Principe*? P. 25

личивал. Тем более что француз кардинал Руанский после эпопеи с Авиньонским пленением пап на самом деле не имел шансов на поддержку итальянских кардиналов, которые были в большинстве в конклаве. Испанцы тоже не могли победить после понтификата Борджиа. Почти наверняка Макиавелли прекрасно это понимал. Однако можно понять и причины тезиса о «единственной» ошибке герцога Чезаре: если уж творить миф, то надо быть последовательным.

Снова в центре внимания автора «Государя» находится то, что сейчас принято называть соотношением сил. Еще больший акцент нужно в очередной раз сделать на том, что у Чезаре вообще не было союзников, что еще раз подтверждает наши сделанные выше догадки. Макиавелли едва ли не понимал значение отсутствия альянсов. Но ему хотелось создать образ *государя*, что он и сделал. Вместе с тем, следует уточнить, что в то время в Италии образ **постоянного** союзника был чем-то нереальным. Что и отразилось в тексте книги Макиавелли.

Возникает вопрос: почему главным героем для Макиавелли стал Борджиа, а не Франческо Сфорца, который, честно говоря, больше заслуживал этого. Возможных объяснений несколько:

— конечно, Чезаре находился хронологически ближе по времени к моменту создания книги, что имело огромное значение для автора;

— разумеется, личные впечатления от встреч с Чезаре придавали книге куда большее значение, чем исторические, а потому отчасти абстрактные размышления о личности основателя династии Сфорца;

— о Борджиа было легче создать миф, чем о Сфорца. Опытный литератор Макиавелли чувствовал это, что называется, кончиками пальцев;

— Чезаре был лучше знаком главным читателям (с точки зрения Макиавелли) «Государя». Он был их про-

тивником и соратником одновременно, в отличие от Франческо, который к моменту написания книги уже стал легендой;

— Макиавелли явно хотелось в данном случае шокировать читателя;

— возможно, немаловажную роль в этом выборе сыграла знатность героя. В конце концов, Сфорца был из крестьянской семьи, в отличие от Борджиа;

— наконец, свою роль могло сыграть желание Макиавелли противопоставить *virtù* Сфорца сочетанию *фортуны* и *virtù* Чезаре.

Заблуждается тот, кто думает, что новые благоденствия могут заставить великих мира сего позабыть о старых обидах. Так что герцог совершил оплошность, которая в конце концов и привела его к гибели.

Обратим внимание на чеканную афористичную формулу в первом предложении. В данном случае принято считать, что Макиавелли отчасти заимствовал эту идею у Тацита («... Всегда легче воздать за зло, чем за добро; люди тяготятся необходимостью проявлять благодарность, но с радостью ищут случая отомстить»¹). Возможно, что это и верно. Другое дело, что данная сентенция прекрасно вписывается в общий тон рассуждений Никколо. Еще больше эта максима ложится на тогдашний дух итальянской политики. А вообще в этой фразе весь Макиавелли как теоретик политики. Необходимость постоянной настороженности государя — одна из основных идей его книги.

---

¹ Тацит К. «История» // Тацит К. Анналы. Малые произведения. История. М., 2001. С. 689

Глава VIII

О тех, кто приобретает власть злодеяниями

Эта глава также посвящена *новому* государю. Однако, в отличие от предыдущих частей, здесь Макиавелли еще больше отклоняется от привычной для его времени традиции. Речь идет о государе, склонном к злодеяниям — вещь в христианском мире средневековья вполне частая, однако крайне мало обсуждаемая в литературе. В этом случае Макиавелли выступал в качестве родоначальника и предшественника многих — за что впоследствии и был критикуем долго и зачастую злобно.

Так, Фридрих II в своей книге выдал в адрес флорентийца следующую сентенцию, взяв в качестве отправной точки название главы: «... Что можно еще о нем сказать худшего, кроме того, что он предписывает правила тем, кто с помощью своих пороков стал государем? Об этом говорит само название данной главы. Если бы Макиавелли был назначен учить в школе бездельников порокам или в университете учить изменников толковать о неверности, тогда не следовало бы удивляться тому, что он нам предлагает такое учение; но он обращается к человеческому роду, имея при всем том дело с людьми, которые по положению своему должны были бы стать самыми добродетельными, с теми, кто должен управлять другими. Что может быть порочнее и бесстыднее, чем давать им наставление о неверности и убийстве?»¹

Впрочем, сам Макиавелли не был проповедником злодеяний, как о нем было принято одно время думать.

---

¹ Фридрих. Указ. соч. С.322-323

В «Рассуждениях» он исходит из того, что человеческая природа отрицает неизбежность доброты или зла: «... Людям не дано достичь совершенства в доброте и последовательности в злодействе, а если дурной поступок требует величия и некоторого благородства, они не могут на него решиться».¹ Выбор темы для главы был продиктован, во-первых, актуальностью проблемы для тогдашней Италии, во-вторых, научной смелостью Макиавелли, в-третьих, очевидным желанием шокировать аудиторию.

Данная глава получила также известность в последующих комментариях исследователей за обращение флорентийца к проблеме предвидения, предсказания, если угодно — провидчества со стороны государя. Хотя, нужно еще раз отметить в этом комментарии, у Макиавелли эти качества были аналогом способности просчитывать свои и чужие действия. Только государь, который умеет предвидеть или считать ходы в политической шахматной партии, может рассчитывать на успех. Тема эта крайне важна для успешного государственного деятеля, что неоднократно было доказано прежде и впоследствии в мировой истории. Обратим в этой связи, например, внимание на точное предсказание Бисмарка еще в годы Севастопольской (Восточной) войны, что впереди неизбежно сближение Франции и России, которое приведет к заключению между ними альянса. Он говорил своему королю, что Пруссия должна ассоциироваться с этим новым центром силы, дабы подчинить себе Австрию и находящиеся под ее влиянием южногерманские государства.²

Надо еще и еще раз обратить внимание, что в некоторых местах то, что комментаторы обычно принимают за предвидение, у Макиавелли выглядит скорее как расчет, анализ, выверенная и просчитанная политика. Отметим,

---

¹ Макиавелли Н. Рассуждения. С. 71

² Палмер А. Бисмарк. Смоленск: Русич, 1997, с. 101

наконец, очевидное влияние на данную главу мнения Аристотеля относительно тиранов в его «Политике».

Основной герой данной главы — сицилиец Агафокл. Макиавелли представляет его как политика, который пришел к власти не благодаря *virtù* или *фортуне*, но в результате совершенных преступлений. В литературе есть две разные интерпретации причин такого подхода. Первая группа авторов полагает, что автор «Государя» испытывал определенный дискомфорт в отношении своего понятия *virtù*¹ и пытался в определенной степени «подстраховаться». Другая часть исследователей исходит из того, что Макиавелли видел в истории Агафокла пример эффективной жестокости².

Есть также точка зрения, согласно которой Макиавелли специально обратился к истории Агафокла после анализа действий Чезаре в предыдущей, седьмой главе «Государя», чтобы дать понять, что *virtù* вовсе не равнозначно жестокости³. Сам тезис абсолютно верен. Однако следует упомянуть, что под сомнением находится пример, поскольку автор в той же седьмой главе ассоциирует Борджиа с *фортуной*, а не с *virtù*.

Но есть еще два способа сделаться государем — не сводимые ни к милости судьбы, ни к доблести, и опустить их, как я полагаю, не стоит, хотя об одном из них уместнее рассуждать там, где речь идет о республиках. Я разумею случаи, когда частный человек достигает верховной власти путем преступлений либо в силу благоволения к нему сограждан. Говоря о первом способе, я сошлюсь на два случая — один из

¹ См., например, Whitfield J.H. Machiavelli. Oxford: Basil Blackwell, Ltd, 1947. P. 80

² Pocock G.A. The Machiavellian moment. Princeton, N.J.: Princeton university press, 1975. P. 152, 167

³ Kahn V. Op. cit. P. 68

древности, другой из современной жизни — и тем ограничусь, ибо полагаю, что и этих двух достаточно для тех, кто ищет примера.

В переводе Юсима: «Частное лицо может сделаться государем еще двумя способами, каждый из которых нельзя отнести целиком за счет удачи или доблести, поэтому я не хотел бы умалчивать о них, хотя об одном из этих способов следовало бы подробнее поговорить там, где речь идет о республиках. В первом случае подразумевается, что некто восходит на трон по пути, усеянному преступлениями и злодействами, во втором — что один из граждан с помощью прочих становится государем своей отчизны».

Ключевое предложение в отрывке, разумеется, второе. На первый взгляд, довольно неожиданно, что Макиавелли здесь сводит в один тезис приход к власти либо путем преступлений, либо используя поддержку сограждан. Объяснение этого парадокса, возможно, в противопоставлении в «Государе» удачи и доблести: злодеяния и народный выбор являются другим пластом, который не вмещается целиком в эту дихотомию. Кстати, ничего нового в науке на тему прихода к власти путем преступлений с тех пор так и не было создано¹. Макиавелли здесь действовал с позиций исследователя, который разбирает ту проблему, которую видит.

Сицилиец Агафокл* стал царем Сиракуз, хотя вышел не только из простого, но из низкого и презренного звания.

В переводе Юсима: «Сицилиец Агафокл стал царем Сиракуз, будучи не только частным лицом, но и происходя из самого низкого и презренного сословия».

---

¹ Gilbert A. Op. cit. P. 51

Макиавелли здесь начинает ссылаться на несколько исторических примеров того, как злодеяния приводят к власти. Примеры не всегда бесспорные с исторической точки зрения, однако довольно четко иллюстрирующие точку зрения автора. Кстати, Фридрих в своей книге выступил ярким противником приведения «плохих» «образцов», на которые обращал внимание Макиавелли, замечив, что в результате существует опасность «заразиться» злом. По его мнению, следовало бы желать, чтобы об этих случаях вообще ничего не было бы известно. Правда, при этом он отмечает, что жизнь Агафокла «находит отклик в том человеке, который внутренне готов к злодеяниям еще до того, как он откроет в себе это опасное начало».¹

Он родился в семье горшечника и вел жизнь бесчестную, но смолоду отличался такой силой духа и телесной доблестью, что, вступив в войско, постепенно выслужился до претора Сиракуз. Утвердясь в этой должности, он задумал сделаться властителем Сиракуз и таким образом присвоить себе то, что было ему вверено по доброй воле. Посвятив в этот замысел Гамилькара Карфагенского*, находившегося в то время в Сицилии, он созвал однажды утром народ и сенат Сиракуз, якобы для решения дел, касающихся республики; и когда все собрались, то солдаты его по условленному знаку перебили всех сенаторов и богатейших людей из народа.

Следует уточнить, что Макиавелли, судя по определениям в адрес происхождения и сословия Агафокла, разделял — во всяком случае на словах — предубеждения своей эпохи. Еще важнее для автора было «державное» предубеждение того, кому был адресован «Государь».

---

¹ Фридрих. Указ. соч. С.323

В действительности описанный случай не был первой попыткой Агафокла захватить власть. Предшествующие неудачи даже привели к двум изгнаниям его из города. Он пошел этим в своего отца, который оказался на Сицилии также в результате изгнания из родного Региума, города на берегу Сицилийского пролива в Бруттии. Как бы то ни было, Агафокл действительно в результате описываемых событий пришел к власти и удерживал ее до самой смерти. Макиавелли здесь вполне очевидно видит пример решительности в злодеянии: один удар — и власть полностью в руках нового государя.

Ссылка на предварительное соглашение Агафокла с Гамилькаром означает принципиальную важность опоры на союзников в политической борьбе. Не менее характерно, что Макиавелли ниже показал, что в этом случае карфагеняне рассматривались как временный союзник, а потому отношение к ним было с самого начала крайне циничным. Впрочем, тему внешнеполитических альянсов автор «Государя» разовьет подробно в отдельной главе.

Обратим также внимание на то, что Макиавелли в очередной раз советует государям расправляться со своими противниками быстро и сразу со всеми. Он сам прекрасно понимал, что это безнравственно. Однако это поведение, по мнению автора, должно быть поставлено в контекст переживаемой ситуации¹.

После такой расправы Агафокл стал властвовать, не встречая ни малейшего сопротивления со стороны граждан. И хотя он был дважды разбит карфагенянами и даже осажден их войском, он не только не сдал город, но, оставив часть людей защищать его, с другой — вторгся в Африку; в короткое время освобо-

---

¹ Gilbert A.H. Op. cit. P. 51

дил Сиракузы от осады и довел карфагенян до крайности, так что они вынуждены были заключить с ним договор, по которому ограничивались владениями в Африке и уступали Агафоклу Сицилию.

Макиавелли здесь имеет в виду, что Агафокл правил без внутренней оппозиции, что и предопределило его успехи в борьбе с Карфагеном. В принципе, это одна из максим, которые автор «Государя» настойчиво внушал своим читателям. Быстрая, пусть и жестокая, расправа с противниками, а затем переход к популистской политике — вот, с его точки зрения, одна из наилучших стратегий для правителя (вторая подразумевает проведение реформ после прихода к власти; теоретически возможно также, что он подразумевал совмещение двух стратегий, хотя это и не следует из текста данной книги). Именно так, по мнению флорентийца, действовал Цезаре Борджиа. Хотя, как мне кажется, скорее это модель, умозрительно созданная самим автором «Государя».

Вдумавшись, мы не найдем в жизни и делах Агафокла ничего или почти ничего, что бы досталось ему милостью судьбы, ибо, как уже говорилось, он достиг власти не чьим-либо покровительством, но службой в войске, сопряженной с множеством опасностей и невзгод, и удержал власть смелыми действиями, проявив решительность и отвагу.

Юсим переводит этот отрывок следующим образом: «Таким образом, если рассмотреть поступки и доблесть Агафокла, незаметно, чтобы он был многим обязан фортуне. Ведь мы уже говорили выше, что он сделался государем не по чьей-то милости, но совершил восхождение по ступеням военной службы, каждый шаг по которым совершался среди бесчисленных опасностей и лишений;

для охраны же своей власти ему пришлось прибегнуть ко множеству смелых и отчаянных решений».

Милость судьбы здесь — *фортуна*. Обычно у Макиавелли ей противопоставляется *virtù*. Но не в этом случае — Макиавелли тут пытается найти нечто, отличающееся от двух свойств, столь сильно влияющих на судьбу государственного лидера. И оказывается в плену противоречивости своей схемы. Борджиа также совершал тяжкие преступления, однако к нему автор «Государя» отнесся вроде бы куда более снисходительно. Утверждается, что Борджиа от Агафокла отличает «клиническая эффективность»¹. Разумеется, это неверно.

Однако же нельзя назвать и доблестью убийство сограждан, предательство, вероломство, жестокость и нечестивость: всем этим можно стяжать власть, но не славу.

В «Рассуждениях» Макиавелли высказывает несколько другую точку зрения. Он приводит пример с поездкой Папы Юлия II в Болонью с целью изгнать оттуда Джанпаоло Бальони*, представителя клана, правившего городом около ста лет. Делалось это в рамках расширения церковных земель. При этом папа не стал дожидаться своей армии и безрассудно вступил в город лишь со своей свитой. Макиавелли, присутствовавший при этом в качестве посланника от Флоренции, назвал поведение Джованпаоло, оставившего Юлия II на свободе, трусостью: «... Трудно было понять, почему он не расправился одним ударом со своим врагом, что принесло бы ему вечную славу и заодно обогатило бы, ибо при папе находились все кардиналы с

---

¹ Baker-Smith D. The serpent and the dove: Political counsel in Machiavelli and Erasmus // Machiavelli: figure-reputation. Amsterdam-Atlanta: Rodopi B.V., 1996. P. 9

их сокровищами».¹ Иными словами, в другом своем центральном произведении флорентиец все же полагает, что вероломство и жестокость все же могут принести и славу.

Этот отрывок вроде бы противоречит общему течению рассуждений автора «Государя». На деле это верно только отчасти. Соглашаясь с тем, что у политики существуют свои собственные законы, Макиавелли был далек от полного отказа от требований морали.

Основное значение в данном случае имеет, возможно, то, что Макиавелли по тактическим соображениям стремится вывести Агафокла из своего противопоставления *virtù* и *фортуны*. Ему для логики книги нужен другой пример — и он старательно подчеркивает жестокость сицилийского правителя для того, чтобы отделить его от тех, кто пришел к власти преимущественно с помощью своей доблести или *фортуны*. Уже обращалось внимание, что Макиавелли артикулирует взаимосвязь между *virtù*, «силой личности», *ordini*, «властью институтов и права» и *materia*, «характерным политическим поведением населения и нобилитета, их обычаев и ценностей». Дискурс Макиавелли сыграл решающую роль «в поисках идеального баланса сил в государстве»².

Отметим также, что в этом случае Макиавелли, видимо, имел в виду политическую славу Агафокла, а не его военное *virtù*³. Дело в том, что понятие слава (*gloria*) обычно ассоциируется у автора с политическим *virtù*. Это — одно из возможных решений очередной загадки, которую ставит перед читателями автор «Государя». Виктор Санти провел интересное исследование этого понятия (*gloria*) у Макиавелли, придя к мнению, что это динамичная сила, которая держит под

¹ Макиавелли Н. Рассуждения. С. 71

² D'Amico J. Three forms of character: *virtù*, *ordini* and *materia* in Machiavelli's *Discorsi* // Italian quarterly. 1981. Vol. 85. P. 5

³ Russel P. The theme of Gloria in Machiavelli // Renaissance quarterly. 1977. Vol. 30. P. 628

контролем опасные, асоциальные тенденции и стимулирует позитивное выражение амбиций человека и государства¹.

Следует обратить особое внимание на точку зрения, что появление темы *слава* в данной главе означает определенный перелом в аргументации Макиавелли. Прежние части книги были посвящены во многом необходимому насилию в завоевании власти. А вот пример Агафокла говорит уже о желательности позитивного имиджа правителя в глазах общества.

Так что, если судить о нем по той доблести, с какой он шел навстречу опасности, по той силе духа, с какой он переносил невзгоды, то едва ли он уступит любому прославленному военачальнику, но, памятуя его жестокость и бесчеловечность и все совершенные им преступления, мы не можем приравнять его к величайшим людям. Следовательно, нельзя приписать ни милости судьбы, ни доблести то, что было добыто без того и другого.

В переводе Юсима: «Однако, рассмотрев доблесть Агафокла в рискованных и опасных делах и величие его духа, претерпевшего и преодолевшего столько невзгод, мы не заметим ничего, что позволило бы поставить его ниже любого самого выдающегося полководца. И все же его зверская жестокость и бесчеловечность вместе с бесчисленными злодеяниями не позволяют причислить его к сонму замечательных людей. Итак, его возвышение, которым он не был обязан ни везению, ни доблести, нельзя приписывать ни тому, ни другому».

Иными словами, «величайший человек» в данной трактовке Макиавелли не может прибегать к убийствам

---

¹ Santi V.A. La 'gloria' nel pensiero di Machiavelli. Ravenna: Longo editore, 1979

сограждан, предательству и вероломству, быть жестоким и нечестивым. Здесь, однако, есть проблема, которая должна быть рассмотрена хотя бы вкратце: Чезаре Борджиа рассматривался автором вроде бы как пример для подражания государям, однако ему были свойственны все те пороки, которые флорентиец перечисляет в адрес Агафокла. Отчасти разгадка этого противоречия приводится ниже. Автор «Государя» вовсе не считал Цезаря Борджиа «величайшим». Да, действовал тот действительно эффективно, да, умел бороться за власть, да, больше других подходил под роль политика, на основе действий которого можно было создать миф об идеальном кандидате в государи объединенной Италии тех времен. Но не больше того. Правда, и не меньше.

В этом отрывке дважды упоминается *virtù*. Сидни Англо отметил, что в этом случае оно привело Макиавелли к «диалектической катастрофе»¹. Пожалуй, он был прав — противоречие в употреблении данного термина в двух предложениях бросается в глаза: то у Агафокла *virtù* есть, то его просто не может быть. На данное противоречие обращали внимание многие².

Можно еще, конечно, выделить, что данный отрывок противоречит репутации Макиавелли как вроде бы поклонника тех, кто в политике привык действовать любой ценой. Но акцентировать на этом внимание означало бы терять время — автор «Государя» никогда не был искренним сторонником злодейств или жестокости. Он просто считал, что при известных обстоятельствах данные моменты поведения могут оказаться необходимыми правителю, который борется за власть. Он верил, что политика имеет только одну цель — успех и прежде всего успех.

---

¹ Anglo S. Machiavelli: A dissection. P. 231

² Mansfield H.C. Machiavelli's virtue. P. 6

Действительно, существенной посылкой «Государя» была идея, что благосостояние государства оправдывает любые действия. Политика требует, чтобы необходимость была выше этики и, соответственно, моральные стандарты в публичной жизни должны быть другими, нежели в жизни частной¹. Макиавелли не только оправдывает жестокость и бесчеловечность государя в борьбе за власть, он даже призывает к ним, когда этого требует политика. Однако это не означает, что он восторгается этими качествами.

Уже в наше время, при папе Александре, произошел другой случай. Оливеротто из Фермо, в младенчестве осиротевший, вырос в доме дяди с материнской стороны по имени Джованни Фольяни; еще в юных летах он вступил в военную службу под начало Паоло Вителли* с тем, чтобы, освоившись с военной наукой, занять почетное место в войске. По смерти Паоло он перешел под начало брата его Вителлоццо и весьма скоро, как человек сообразительный, сильный и храбрый, стал первым лицом в войске. Однако, полагая унижительным подчиняться другим, он задумал овладеть Фермо — с благословения Вителли и при пособничестве нескольких сограждан, которым рабство отечества было милее его свободы. В письме к Джованни Фольяни он объявил, что желал бы после многолетнего отсутствия навестить дядю и родные места, а заодно определить размеры наследства; что в трудах своих он не помышляет ни о чем, кроме славы, и, желая доказать согражданам, что не впустую растратил время, испрашивает позволения въехать

---

¹ Downs R. The realities of politics: Niccolò Machiavelli's *Il principe* (*The prince*) 1532 // *Molders of the modern mind: One hundred and eleven books that shaped Western civilization*. New York: Barnes and Noble, 1961. P. 20-23

с почетом — со свитой из ста всадников, его друзей и слуг, — пусть, мол, жители Фермо тоже не откажут ему в почетном приеме, что было бы лестно не только ему, но и дяде его, заменившему ему отца. Джованни Фольяни исполнил все, как просил племянник, и позаботился о том, чтобы горожане встретили его с почестями. Тот, поселившись в собственном доме, выждал несколько дней, пока закончатся приготовления к задуманному злодейству, и устроил торжественный пир, на который пригласил Джованни Фольяни и всех именитых людей Ферма. После того как покончили с угощениями и с принятыми в таких случаях увеселениями, Оливеротто с умыслом повел опасные речи о предприятиях и величии папы Александра и сына его Цезаре. Но когда Джованни и другие стали ему отвечать, он вдруг поднялся и, заявив, что подобные разговоры лучше продолжить в укромном месте, удалился внутрь покоев, куда за ним последовал дядя и другие именитые гости. Не успели они, однако, сесть, как из засады выскочили солдаты и перебили всех, кто там находился. После этой резни Оливеротто верхом промчался через город и осадил во дворце высший магистрат; тот из страха повиновался и учредил новое правление, а Оливеротто провозгласил властителем города.

Макиавелли в своей книге коснулся практики современного ему государства. Примеров подобного Оливеретто поведения множество. Некоторые из них анекдотичны. Скажем, когда папа Александр VI прятался в Умбрии в 1495 году от французского короля Карла VIII, он решил разом избавиться от своих противников Бальони, господствовавших в Перуджи (о членах этой семьи говорили, что они родились с мечами у пояса). Поэтому

он предложил одному из двух руководителей правящего дома, Гвидо, устроить турнир. Задумка состояла в том, чтобы захватить таким образом врасплох всех членов этого клана вместе. В ответ Гвидо заявил, что «прекраснейшее зрелище, какое он может устроить, это собрать всех граждан Перуджи, носящих оружие».¹ Подумав, папа отказался от своего замысла.

Плюс к этому, разумеется, Макиавелли как человек, который профессионально занимался политикой, был ориентирован на эффективность политических приемов. Устранив разом всех своих противников, государь добивается максимального политического преимущества — это было понятно. Отсюда в очередной раз и циничная демонстрация достоинств этого приема.

Довольно интересно, что хронологически первое упоминание читателями «Государя» связано как раз с оценкой действий упомянутого Оливеротто. Она принадлежит Никколо Гвиччардини, племяннику друга Макиавелли. В 1517 г. в письме своему отцу Луиджи Гвиччардини², в то время комиссару республики в Ареццо, юный Никколо (ему исполнилось только 16 лет) фактически рекомендовал ему данный прием в борьбе с наступавшими испанцами. Похоже, что Никколо был впечатлен «методом Макиавелли». Автор «Государя» видел в этом приеме способ завоевания власти, а племянник Франческо Гвиччардини — способ ее удержания. Тем самым мы видим, что легенда об аморальности Макиавелли начинала свое существование уже в то время³.

В средневековой России подобные жестокости в политике встречались крайне редко. Впрочем, в дохристиан-

---

¹ Цит. по: Буркгардт Я. Указ. соч. С. 35

² Брат Франческо Гвиччардини. Макиавелли посвятил ему одну из своих поэм

³ Stephens J.N., Butter H.C. Op. cit. P. 61-62

скую пору был один пример, который потрясает и цинизмом, и жестокостью. Связан он с княгиней Ольгой. После убийства своего мужа Игоря древлянами, она получила от них предложение выйти замуж за их князя. О дальнейшем — лучше по «Повести временных лет» в переводе Дмитрия Лихачева.

«И поведали Ольге, что пришли древляне, и призвала их Ольга к себе, и сказала им: „Гости добрые пришли“. И ответили древляне: „Пришли, княгиня“. И сказала им Ольга: „Так говорите же, зачем пришли сюда?“. Ответили же древляне: „Послала нас Деревская земля с такими словами: „Мужа твоего мы убили, так как муж твой, как волк, расхищал и грабил, а наши князья хорошие, потому что берегут Деревскую землю, — пойди замуж за князя нашего за Мала“⁴⁴. Было ведь имя ему Мал, князю древлянскому. Сказала же им Ольга: „Любезна мне речь ваша, — мужа моего мне уже не воскресить; но хочу воздать вам завтра честь перед людьми своими; ныне же идите к своей ладье и ложитесь в ладью, величаясь, а утром я пошлю за вами, а вы говорите: „Не едем на конях, ни пеши не пойдем, но понесите нас в ладье“, — и вознесут вас в ладье“, и отпустила их к ладье. Ольга же приказала выкопать яму великую и глубокую на теремном дворе, вне града, На следующее утро, сидя в тереме, послала Ольга за гостями, и пришли к ним, и сказали: „Зовет вас Ольга для чести великой“. Они же ответили: „Не едем ни на конях, ни на возах и пеши не идем, но понесите нас в ладье“. И ответили киевляне: „Нам неволя; князь наш убит, а княгиня наша хочет за вашего князя“, — и понесли их в ладье. Они же сидели, величаясь, избоченившись и в великих нагрудных бляхах. И принесли их на двор к Ольге, и как несли, так и сбросили их вместе с ладьей в яму. И, склонившись к яме, спросила их Ольга: „Хороша ли вам честь?“. Они же ответили: „Горше нам Игоревой смерти“. И повелела засыпать их живыми; и засыпали их.

И послала Ольга к древлянам, и сказала им: „Если вправду меня просите, то пришлите лучших мужей, чтобы с великой честью пойти за вашего князя, иначе не поустят меня киевские люди“. Услышав об этом, древляне избрали лучших мужей, управлявших Деревскою землею, и прислали за ней. Когда же древляне пришли, Ольга приказала приготовить баню, говоря им так: „Вымывшись, придите ко мне“. И натопили баню, и вошли в нее древляне, и стали мыться; и заперли за ними баню, и повелела Ольга зажечь ее от дверей, и тут сгорели все.

И послала к древлянам со словами: „Вот уже иду к вам, приготовьте меды многие в городе, где убили мужа моего, да поплачусь на могиле его и сотворю тризну по своему муже“. Они же, услышав об этом, свезли множество меда и заварили его. Ольга же, взяв с собою небольшую дружину, отправилась налегке, пришла к могиле своего мужа и оплакала его. И повелела людям своим насыпать высокий холм могильный, и, когда насыпали, приказала совершать тризну.

После того сели древляне пить, и приказала Ольга отрокам своим прислуживать им. И сказали древляне Ольге: „Где дружина наша, которую послали за тобой?“. Она же ответила: „Идут за мною с дружиною мужа моего“. И когда опьянели древляне, велела отрокам своим пить в их честь, а сама отошла недалеко и приказала дружине рубить древлян, и иссекли их 5000. А Ольга вернулась в Киев и собрала войско на оставшихся». ¹

Думаю, что Макиавелли был бы в восторге, если бы узнал эту историю. Правда, есть все основания полагать, что она является во многом вымыслом. Не думаю, однако, что это смутило бы автора «Государя» — он и сам допускал преувеличения в своих работах.

---

¹ Повесть временных лет. М. — Augsburg: Im Werden Verlag, 2003. С. 15-16

Истребив тех, кто по недовольству мог ему повредить, Оливеротто укрепил свою власть новым военным и гражданским устройством и с той поры не только пребывал в безопасности внутри Ферма, но и стал грозой всех соседей. Выбить его из города было бы так же трудно, как Агафокла, если бы его не перехитрил Чезаре Борджа, который в Синигалии, как уже рассказывалось, заманил в ловушку главарей Орсини и Вителли; Оливеротто приехал туда вместе с Вителлоццо, своим наставником в доблести и в злодействах, и там вместе с ним был удушен, что произошло через год после описанного отцеубийства.

Такова была повседневная итальянская действительность, от которой Макиавелли и отталкивался в «Государе». В этом плане он может показаться попросту летописцем современных ему событий, хотя на деле был скорее их комментатором. Было принято осуждать подобное коварство, а флорентиец его бесстрастно регистрировал, анализировал и давал свои советы. Исследователи в этой связи неоднократно указывали, что политическая теория Макиавелли прямо связана с условиями, которые преобладали в Италии в его время¹.

Обратим особо внимание на то, что Оливеротто, по словам Макиавелли, после прихода к власти прибегнул к реформам, создав новое военное и гражданское устройство — прием, который Никколо считал хотя и опасным, но необходимым для упрочения положения правителя. Можно сказать, что Макиавелли считал Оливеротто новым государем². Правда, флорентиец об этом нигде не писал.

¹ Schmolz F.-M. Machiavelli. Die Trennung von Ethik und Politik // Zeitschrift für Politik. 1963, T. 10. S. 131-144

² Baron H. Machiavelli: The republican citizen and the author of "The prince". P. 227

Кого-то могло бы озадачить, почему Агафоклу и ему подобным удавалось, проложив себе путь жестокостью и предательством, долго и благополучно жить в своем отечестве, защищать себя от внешних врагов и не стать жертвой заговора со стороны сограждан, тогда как многим другим не удавалось сохранить власть жестокостью даже в мирное, а не то что в смутное военное время. Думаю, дело в том, что жестокость жестокости рознь. Жестокость применена хорошо в тех случаях — если позволительно дурное называть хорошим, — когда ее проявляют сразу и по соображениям безопасности, не упорствуют в ней и по возможности обращают на благо подданных; и плохо применена в тех случаях, когда поначалу расправы совершаются редко, но со временем учащаются, а не становятся реже. Действуя первым способом, можно, подобно Агафоклу, с божьей и людской помощью удерживать власть; действуя вторым — невозможно.

Здесь, видимо, находится отчасти разгадка того противоречия в отношении жестокости «величайшего человека», о чем шла речь несколько выше: он должен, по мнению автора, прибегать к насилию в тех случаях, о которых пишет последний, и тогда, несмотря на этическую оценку «дурное», она оказывается оправданной политическими соображениями. Обратим также внимание на опять же внешне бесстрастный тон, к которому прибегает Макиавелли: политика насыщена жестокостью, которая поэтому является неизбежным злом; коли так, то можно и нужно ее классифицировать с точки зрения интересов правителя и даже населения (обратим здесь особое внимание на тезис о том, что даже жестокость можно обернуть на благо сограждан).

Впрочем, мировая история знает имена тиранов, которые не действовали по рецепту Макиавелли и большую

часть своего правления прибегали к жестокости. В России такими были Иван Грозный и Иосиф Сталин. Далеко не всегда проводимые ими репрессии были сколько-нибудь серьезно мотивированы политически. И уж тем более смешно говорить о том, что они пытались их обернуть во благо населения. Тем не менее, оба тирана прожили долгую жизнь и сохраняли власть до самой своей смерти, в обоих случаях наступившей естественным путем.

Обратим внимание на тираду в отношении жестокости. В переводе Марка Юсима это выглядит следующим образом: «Я думаю, что дело в различии жестокостей хорошо употребленных и употребленных дурно. Хорошо употребленными жестокостями (если дурное дозволено назвать хорошим) являются те, к которым прибегают один раз, когда к этому понуждают интересы безопасности, а затем не упорствуют в них, но обращают, насколько это возможно, на благо подданных. Дурно употребленные жестокости — это те, которые поначалу могут быть незначительными, но с течением времени не прекращаются, а наоборот, начинают множиться».

Если проанализировать данный отрывок, то можно, вероятно, прийти к следующим выводам:

— Макиавелли здесь старательно боится от упреков современников (еще раз повторю, что он наверняка не задумывался о том, что его книгу будут изучать спустя столетия) в цинизме и проповедовании жестокости в борьбе за власть. В дальнейшем мы еще неоднократно столкнемся с подобной осторожностью. Одновременно с этим он не собирается жертвовать своим подходом к политике;

— в своем отношении к жестокости автор «Государя» исходит исключительно из политических соображений. Он действует как типичный современный политконсультант, который обсуждает возможные методы действий своего клиента, выделяя их позитивные и негативные стороны;

— одновременно видно, что классификация политической жестокости подчинена политической необходимости;

— отдельно следует выделить, что Макиавелли не рекомендует постепенное нарастание жестокостей со стороны государя. Гитлер, Сталин и Мао были с ним не согласны в этом вопросе;

— Макиавелли прагматичен до предела. Жестокость, по его мнению, хороша или дурна не с этической точки зрения, но с позиции интересов государя. Новшество Макиавелли состояло в том, что общий совет его государю выглядел следующим образом: необходимо создать новый подход к политике и морали для того, чтобы облегчить свой приход к власти и сохранение ее.¹

Тот факт, что «злые» преуспевают, или что аморальное поведение оказывается выгодным, всегда был хорошо известен людям. Библия, произведения Геродота, Фукидида, Платона, Аристотеля — если ограничиться лишь некоторыми фундаментальными творениями западной культуры, — характеры Иакова, Иисуса Навина и Давида, наставление Самуила Саулу, диалог с мелосцами у Фукидида или хотя бы его рассказ об одном жестоком, но отмененном приговоре афинян, философия Фрасимаха и Калликла, советы Аристотеля тиранам в «Политике», речи Карнеада, обращенные к римскому сенату, описанные Цицероном, взгляд Августина на светское государство, с одной стороны, и Марсилио Падуанского, с другой, — все это пролило достаточно света на политические реалии, чтобы выбить доверчивость из некритичного идеализма².

Отсюда следует, что тот, кто овладевает государством, должен предусмотреть все обиды, что-

---

¹ См. по этому поводу Mansfield H.C. Machiavelli's political science // The American political science review. 1981. Vol. 75. P. 296

² Berlin I. The originality of Machiavelli. P. 26

бы покончить с ними разом, а не возобновлять изо дня в день; тогда люди понемногу успокоятся, и государь сможет, делая им добро, постепенно завоевать их расположение.

Судя по репликам читателей на полях рукописных копий книги, данная идея привлекла в то время особое внимание¹.

Большинство комментаторов обращают в этом отрывке внимание на необходимость предвидения или предвосхищения — один из ключевых аспектов политической науки, который в качестве такового начал существовать именно с Макиавелли. Впрочем, повторюсь, с моей точки зрения, автор «Государя» больше полагался на расчет, нежели предвидение. Об этом говорит, например, рассматриваемая фраза. Не менее показательно и замечание из главы XXI («Не стоит ... надеяться на то, что можно принять безошибочное решение, наоборот, следует заранее примириться с тем, что всякое решение сомнительно, ибо это в порядке вещей»). Почему-то данная реплика считается обращением к предвидению. Все-таки, как мне представляется, у Макиавелли здесь речь идет скорее о расчете, причем холодном расчете.

Здесь мы можем снова вернуться к фразе в отношении «величайшего человека» и его связи с жестокостями и репрессиями. Противоречие во взглядах Макиавелли, о чем шла речь выше, может быть отчасти разрешено следующим образом. Придя к власти, исходя из его логики, государь может, а возможно и должен уничтожить оппозицию, в том числе потенциальную, одним ударом. Несмотря на допущенные жестокости, он все-таки останется величайшим лидером, если только окажется достаточно предусмотрительным и расчетливым, чтобы покончить с ней навсегда и больше не возвращаться к репрессиям. Тем более, что последние будут

---

¹ Richardson B. Op. cit. P. 19-20

настраивать против него население, тем самым подрывая его власть. В конце концов, Макиавелли, как уже отмечалось исследователями, действительно верил, что возникающие политические ситуации и условия не могут контролироваться и управляться без применения силы и угрозы насилием¹.

Кто поступит иначе, из робости или по дурному умыслу, тот никогда уже не вложит меч в ножны и никогда не сможет опереться на своих подданных, не знающих покоя от новых и непрестанных обид. Так что обиды нужно наносить разом: чем меньше их распробуют, тем меньше от них вреда; благоденствия же полезно оказывать мало-помалу, чтобы их распробовали как можно лучше.

И опять подчеркивание необходимости даже авторитарному государю опираться на подданных. Кроме того, здесь виден уже неоднократно отмеченный выше специфический для Макиавелли прием, который уже встречался в этой книге и будет встречаться впоследствии. Речь идет о сознательном повторе. Он, как мне кажется, снова и снова использовался автором «Государя» для убеждения читателя в тезисах, которые тот мог бы счесть спорными.

В своей очередной реплике относительно того, что «обиды нужно наносить разом», Макиавелли, возможно, полемизирует с известным утверждением Аристотеля, что «если монарх решит лишить значения того или иного человека, то делать это нужно постепенно и не сразу отнимать у него всю власть».² Автору «Государя» же вполне очевидно казалось более логичным отношение к данному вопросу Ринальдо Альбицци* во время противоборства с Козимо Медичи Старшим и его партией. Синьория 3 ок-

¹ Wolin Sh.S. Politics and vision. P. 198

² Аристотель. Политика. В кн. Аристотель. Соч. в четырех томах. Том 4. М., 1983. С. 564

тября 1433 года приняла решение отправить последнего в изгнание. На это Ринальдо Альбицци, как пишет Макиавелли в своей «Истории Флоренции», собрал у себя своих сторонников и сказал, что теперь дело их проиграно: «... они сами навлекли на себя грядущую гибель, поддавшись на мольбы, слезы и деньги своих врагов и не уразумев, что им самим вскоре придется умолять и плакать, но тщетно — их слушать не станут, слезы их не вызовут жалости, деньги же, ими полученные, им придется вернуть полностью, да еще заплатить ростовщические проценты пытками, казнями и ссылками. Лучше им всем было терпеть и молчать, чем оставить Козимо в живых, а его сторонников в стенах Флоренции, ибо больших людей либо совсем не надо трогать, либо уж по-настоящему кончать с ними».¹ Скорее всего, это была точка зрения самого Макиавелли².

Самое же главное для государя — вести себя с подданными так, чтобы никакое событие — ни дурное, ни хорошее — не заставляло его изменить своего обращения с ними, так как, случись тяжелое время, зло делать поздно, а добро бесполезно, ибо его сочтут вынужденным и не воздадут за него благодарностью.

В российской истории так вели себя все государи. Они были уверены, что данный стиль поведения оправдан их божественными правами на престол. Иван III, Иван Грозный, Петр I, Екатерина II... список можно продолжить. Впро-

---

¹ Макиавелли Н. История Флоренции. С. 175

² Отметим здесь, что современниками флорентийца этот вопрос вообще не обсуждался, а несколько позднее преимущество, видимо, имела точка зрения Аристотеля. См., например, Fiugliucci F. De la politica overo scienza civile secondo la dottrina d'Aristotile. Venice, 1583. Впрочем, еще позднее к Аристотелю в подобных вопросах уже мало кто обращался — безусловно во всеобщем внимании превалировал Макиавелли.

чем — и это имеет принципиальное значение в данном случае — они себя вели вовсе не «по Макиавелли», но именно в силу ощущения сакральности своего места в России.

В определенной мере аналогичную линию поведения предложит и Иосиф Сталин. Правда, у него был период определенного отступления от прежней линии: начало Отечественной войны. Но изменения не носили принципиального характера. Определенным исключением стала лишь политика в отношении Русской православной церкви, хотя это утверждение многие, наверное, все же постараются отвергнуть просто из принципиальных соображений.

Наибольшие политические зигзаги претерпела политика Николая II, хотя и он был уверен в сакральности своей власти. Результат такой убежденности известен.

В определенной мере тезис Макиавелли может распространяться и на международную политику. После франко-прусской войны Бисмарк жестко заявил французским представителям, вызывавшим к его лучшим чувствам: «Чаще всего не следует полагаться на благодарность кого бы то ни было, и уж ни в коем случае на благодарность целого народа. Мы должны иметь земли, крепости и границы, чтобы навсегда защититься от посягательств врага»¹. До предела цинично и, вместе с тем, совершенно верно, если иметь в виду нежелание канцлера полагаться в политике на человеческую благодарность. Другое дело, что оккупация Эльзаса и Лотарингии в перспективе оказалась огромной политической ошибкой.

Впрочем, нельзя не отметить, что для нашего времени идея Макиавелли не кажется современной. В моде куда большая гибкость, постоянный учет настроения общества и соотношения сил внутри страны и на международной арене. Правда, таких государей, к которым обращался автор «Государя», сейчас очень мало.

---

¹ Цит. по: Палмер А. Указ. соч., 272-273

Глава IX

О гражданском единовластии

В этой главе Макиавелли, как считает ряд исследователей, во многом исходит в своих тезисах из пятой книги «Политики» Аристотеля¹, то развивая ее мысли, то исподволь полемизируя с ней. Едва ли это было так — Никколо не имел привычки с кем-то публично полемизировать. Как бы то ни было, древнегреческий философ в этой части своего труда особое внимание уделил, в частности, государственным переворотам в различных системах, существовавших в то время в Элладе. В данной главе «Государя» же сделан акцент на взаимоотношения между знатью и народными массами. Впрочем, по моему мнению, прямых соотнесений с точкой зрения Аристотеля у Макиавелли отыскать здесь можно очень мало. С чем, однако, можно согласиться, так это с тем, что подходы двух авторов в обоих случаях в целом совпадают.

Перейду теперь к тем случаям, когда человек делается государем своего отечества не путем злодеяний и беззаконий, но в силу благоволения сограждан — для чего требуется не собственно доблесть или удача, но скорее удачливая хитрость. Надобно сказать, что такого рода единовластие — его можно назвать гражданским — учреждается по требованию либо знати, либо народа.

В переводе Юсима: «Обратившись к другому случаю, когда частное лицо становится государем своей отчизны

---

¹ Gilbert A. Op. cit. P. 56

вследствие благосклонности своих сограждан, а не путем злодеяния или другого недопустимого насилия¹, — такой род правления можно назвать гражданским принципатом (и достижение его не зависит целиком от доблести или удачи, а скорее от некоего удачливого лукавства), я скажу, что эта власть достается либо с помощью народа, либо с помощью грандов».

Отметим здесь несколько моментов.

Во-первых, «удачливая хитрость» или «удачливое лукавство» у Макиавелли вовсе не означают популизма.

Во-вторых, интересно некоторое противопоставление факторов, приводящих к власти при гражданском правлении, доблести и удаче. Последние не отрицаются совершенно, однако в данном случае уступают по значимости «удачливой хитрости» правителя.

В-третьих, в противопоставлении знати и народа Макиавелли идет вслед за своими любимыми древними авторами. Интересно, что он не рассматривает случаи, когда между двумя этими группами был достигнут консенсус. Впрочем, и в этом он лишь повторял своих обожаемых римских историков.

В-четвертых, в «Государе» есть восемь ссылок на термин *отечество*. В одном случае имеется в виду Италия, в остальных — города-государства. Отсюда, как считают некоторые авторы, видно противоречие между итальянским и флорентийским патриотизмом Макиавелли². Это, разумеется, неверно. В то время понятия *итальянский патриотизм* не было вовсе.

В случае с Россией в числе тех немногих людей, кто пришел к власти одним из указанных Макиавелли путей, был Василий Шуйский (отметим, правда, что в главе VIII фло-

---

¹ В оригинале — *intollerabile violenza*. Перевод Марка Юсима, как почти всегда, более адекватен

² Strauss L. "Machiavelli's intention. P. 37

рентиец указал, что об этом способе «уместнее рассуждать там, где речь идет о республиках»; это действительно верно, однако сам автор, судя по тексту, предположил и наличие исключений). На протяжении политической карьеры Василий IV демонстрировал и хитрость, и лукавство, которые, однако, далеко не всегда были удачливыми — недаром пришлось побывать в ссылке за намерение развести царя Федора Ивановича с бездетной Ириной, а при самозванце вообще был приговорен к смертной казни. Безусловно удачливым он оказался в качестве одного из лидеров заговора против Лжедмитрия I. Обстоятельства этого эпизода по своему острозакрученному сюжету ничуть не уступали итальянским авантюрам, о которых пишет Макиавелли. Продолжая параллели с идеями «Государя», отмечу, что Шуйский для воцарения сделал ставку не на широкие слои нетитулованных москвичей, которые поддерживали убитого самозванца, а на высшую знать. В этом его радикальное отличие от Бориса Годунова, с огромным трудом добившегося относительного консенсуса русского общества, и Лжедмитрия I, который был ставленником не только внешней силы, но и русских низов, буквально заставивших бояр согласиться с его возведением на престол. Вообще Василий IV при восхождении на престол опирался на очень узкий слой русского общества, что не было характерно для того времени в России¹.

Ибо нет города, где не обособились бы два этих начала: знать желает подчинять и угнетать народ,

---

¹ Сергей Соловьев: «... Шуйский был не скажем избран, но выкрикнут царем. Он сделался царем точно также... как был свергнут, погублен Лжедмитрий, скотом, заговором, не только без согласия всей земли, но даже без согласия всех жителей Москвы; умеренная, спокойная, охранительная масса народонаселения не была довольна в обоих случаях, не сказала своего «да»: гибельное предзнаменование для нового царя, потому что когда усердие клевретов его охладеет, то кто поддержит его?» — Соловьев С. Указ. соч. Кн. IV. С. 611

народ не желает находиться в подчинении и угнетении; столкновение же этих начал разрешается трояко: либо единовластием, либо безначалием, либо свободой.

По Юсиму: «Ведь в любом городе существуют два течения, порождаемые тем, что народ старается избежать произвола и притеснений со стороны грандов, а гранды желают повелевать и подавлять народ. Борьба этих двух стремлений приводит в республиках к одному из трех результатов: возникновению принципата, режиму свободы или произволу».

Здесь надо иметь в виду тесно связанную с только что сказанным предыдущую ремарку о том, что единовластие учреждается по требованию либо знати, либо народа. Соответственно, государь может выглядеть в этом контексте как ставленник одной из двух противоборствующих сил. Возможно, Макиавелли был в этом случае строгим политическим аналитиком. Быть может, он хотел напомнить правителю, что он не может действовать в отрыве от основных политических течений.

Продолжая параллель с Василием Шуйским, отмечу, что после его воцарения ситуация была сложнее описанной автором «Государя». Во всяком случае, значительная часть российского населения, причем не только низы, но и существенное число служивых детей боярских и казаков, не желали подчиняться даже новому царю, не говоря уже о знати, чьим представителем был новый государь. Московские низы, уже привыкшие к бунтам и неповиновению, были готовы восстать при появлении первого же серьезного предлога.

Единовластие учреждается либо знатью, либо народом, в зависимости от того, кому первому представится удобный случай. Знать, видя, что она не может противостоять народу, возвышает ко-

го-нибудь из своих и провозглашает его государем, чтобы за его спиной утолить свои вожделения. Так же и народ, видя, что не может сопротивляться знати, возвышает кого-либо одного, чтобы в его власти обрести для себя защиту.

Макиавелли продолжает ориентироваться на теорию вопроса, причем заимствует ее у античных авторов. Во всяком случае, описание расклада сил выглядит типичным именно для них. Вообще есть точка зрения, согласно которой пример триумфа или падения в античном мире, красочно описанный каким-нибудь древним автором, имеет в глазах автора «Государя» больший вес, чем тот почти уже общепринятый в его время исторический анализ, мастером которого был Гвиччардини¹. На мой взгляд, это неточно.

В интерпретации флорентийца ситуация выглядит следующим образом. Государя в республиках выдвигает одно из двух основных политических течений, когда между ними нарушается привычное соотношение сил. Причем инициатором бывает сторона, которая чувствует для себя политическую опасность со стороны противников. Мера эта — защитная.

Классические иллюстрации первого тезиса в истории России — приход к власти Василия IV Шуйского и Михаила Романова. В первом случае получилось так, что не то, чтобы Шуйского выдвинули, сколько он сам себя возвысил, причем вовсе не с полного согласия всех элитных родов. Правда, налицо был момент, описанный Макиавелли: знать действительно не могла противостоять воинственно настроенным москвичам и проотрепьевским региональным формированиям, а потому предпочла бы-

---

¹ Berlin I. Op. cit. P. 41

стро согласиться на «самовыдвижение» Шуйского, дабы получить шанс наконец-то перейти к стабильности.

Во втором случае вокруг Михаила Романова сложился своеобразный консенсус и различных групп элиты, и столичных жителей, и провинции. Больше того, Руслан Скрынников даже доказывает, что Романов стал кандидатом не от знати, а от низов, включавших в себя казаков и «московских простых людей». Больше того, якобы именно угроза мятежа заставила бояр согласиться на избрание Романова. Другое дело, конечно, что знать была уверена, что имеет дело с компромиссной фигурой, неспособной править, а потому удобной для сохранения власти высшей аристократии¹. Иными словами, Михаил в 1613 г. устраивал практически всех.

С этой точкой зрения можно соглашаться или нет, однако очевидно, что первый Романов в царском роду был введен на престол в результате хрупкого консенсуса между основными политическими группами тогдашней России.

В отношении «чистого» выдвижения государя или кандидата в государи от народа в русской истории ситуация явно сложнее. Причина, на мой взгляд, кроется прежде всего в такой застарелой политической болезни, как традиционно низкий уровень политической организованности и политической структурированности.

Тому, кто приходит к власти с помощью знати, труднее удержать власть, чем тому, кого привел к власти народ, так как если государь окружен знатью, которая почитает себя ему равной, он не может ни приказывать, ни иметь независимый образ действий.

Макиавелли здесь вроде бы предстает в качестве холодного аналитика. Наверное, это не так. Здесь скорее

---

¹ Скрынников Р.Г. Михаил Романов. М.: АСТ:Ермак, 2005. С. 161-168

видны его политические взгляды, которые он навязывает своему читателю, будь то государь или просто интересующийся политикой человек.

И снова о Василии Шуйском. Уже сами обстоятельства его прихода к власти вроде бы подтверждают правильность тезиса Макиавелли о том, что приведенный знатню к власти государь может оказаться в положении зависимого правителя. Этот тезис подтверждается ссылками на крестоцеловальную запись Шуйского от 19 мая 1606 г., где он отказался от права бессудной царской опалы и поклялся, что никого не казнит, «не осудя истинным судом с бояры своими». Без боярского суда он не мог отбирать имущество у родственников опальных. Правда, «черных торговых людей» можно было казнить без бояр, однако опять же «по суду и розыску». Плюс к этому была запрещена конфискация имущества у родственников осужденных. Огромное значение имело обязательство Шуйского отказаться от мести за старые обиды¹.

---

¹ В крестоцеловальной записи значилось: «И ныне мы, великий государь, будучи на престоле российского царства, хотим того, чтобы православное христианство было нашим доброопасным правительством в тишине, и в покое, и в благоденстве, и поволил я, царь и великий князь всея Руси, целовать крест на том: что мне, великому государю, всякого человека, не осудя истинным судом с боярами своими, смерти не предать, вотчин, дворов и животов у братьи его, у жен и детей не отнимать, если они с ним в мысли не были; также у гостей и торговых людей, хотя который по суду и сыску дойдет и до смертной вины, и после их у жен и детей дворов, лавок и животов не отнимать, если они с ними в этой вине невинны. Да и доводов ложных мне, великому государю, не слушать, а сыскивать всякими сысками накрепко и ставить с очей на очи, чтобы в том православное христианство невинно не гибло; а кто на кого солжет, то, сыскав, казнить его, смотря по вине, которую взвел напрасно. На том на всем, что в сей записи писано, я, царь и великий князь Василий Иванович всея Руси, целую крест всем православным христианам, что мне, их жалую, судить истинным, праведным судом и без вины ни на кого опалы своей не класть, и недругам никого в неправде не подавать, и от всякого насильства оберегать». (Цит. по: Соловьев С.М. Указ. соч. Кн. IV. С.613-614)

Традиционно принято считать, что именно крестоцеловальная запись ограничила политические возможности Шуйского¹. Однако отметим, что Василий IV по собственному желанию настоял на необходимости своей клятвы. И это притом, что он столкнулся с настойчивыми пожеланиями не совершать этого необычного поступка. Фактически мы имеем дело чуть ли не с хронологически первой в истории нашей страны попыткой государя ограничить собственную власть. Неудивительно, что ей пытались найти чисто политические объяснения². Но в данном случае неважно, было ли это решение Шуйского политическим или нравственным. Главное здесь, что с самого начала Василий IV оказался стеснен в своей власти и крайне зависим от поддержки бояр.

Тогда как тот, кого привел к власти народ, правит один, и вокруг него нет никого или почти никого, кто не желал бы ему повиноваться.

А вот в этом случае мы сталкиваемся с проблемой почти полного отсутствия в России эпизодов, которые бы могли подтвердить или опровергнуть тезис Макиавелли. Основная причина опять же иная политическая культура страны. Конечно, можно сослаться на воцарение Лжедмитрия I, поскольку именно стойкая и массовая поддержка низов стала основным фактором его победы. Многократно битый царскими воеводами, он, однако, сумел захватить власть, причем с помощью не столько иностранных наемников, сколько русского народа. И внешне действительно казалось, что вокруг него нет никого, кто не желал бы ему повиноваться. Разве что Василий Шуйский с братьями впал было в фрон-

---

¹ См. Скрынников Р.Г. Василий Шуйский. С. 147-148

² См., например, Ключевский В.О. Сочинения. Том III. С. 35-36

ду и начал распространять слухи о том, что царь на деле является самозванцем, однако быстро был арестован и даже приговорен к смертной казни. Правда, Лжедмитрий помиловал его. Учитывая, что именно Шуйский был душой заговора против монарха, легко предположить, что именно написал бы по этому поводу Макиавелли.

Очевидно, что российская политическая культура того времени не предполагала политической конструкции, описанной выше автором «Государя». Народ мог привести к власти авантюриста, как это было в Италии, однако тот должен был прикрываться личиной «подлинного царя», как это было с Лжедмитрием, а потому сразу же попадал, нисколько этому не противясь, в структуру существовавших властных отношений и оказывался ее заложником. Тот же Отрепьев, например, оказался под контролем бояр, которые сопровождали его даже при переходах из одного дворцового помещения в другое¹.

Кроме того, нельзя честно, не ущемляя других, удовлетворить притязания знати, но можно — требования народа, так как у народа более честная цель, чем у знати: знать желает угнетать народ, а народ не желает быть угнетенным.

Опять примечательная поддержка опоры на народ, внешне удивительная в устах человека, который советует тогдашнему государю. Макиавелли буквально вдальблывает в голову своему читателю, будь то правитель или «просто» член политического сообщества, что низы с политической точки зрения значимы куда более, чем «верхи», и что надо ориентироваться именно на них. Вообще есть точка зрения, согласно которой данная книга являлась советом не госуда-

---

¹ Скрынников Р.Г. Три Лжедмитрия. М.: АСТ, 2004. С. 257

рю, а государству¹. Возможно, причина именно в этом, хотя объяснение представляется мне слишком мудреным. Впрочем, Макиавелли писал так, будто заранее смеялся над всеми своими комментаторами. Надо мной, видимо, тоже.

Обратим внимание, что в «Государе» Макиавелли дает на удивление высокую позитивную оценку роли масс в политике, в то время как в «Рассуждениях» и «Истории Флоренции» встречаются негативные точки зрения на ту же проблему.

Продолжая тему Лжедмитрия I, нужно отметить, что после воцарения он сделал много для того, чтобы укрепить свой авторитет среди простого населения². Одновременно он вел себя так же и в отношении служивого дворянства и бояр. Фактически самозванец проводил чрезвычайно популистскую политику, пытаясь угодить всем. И, надо признать, многого добился в этом отношении. Во всяком случае, угнетенным себя народ при Лжедмитрии I явно не чувствовал. Более того, «простые» москвичи были одной из

---

¹ Bronowski J. and Mazlish B. The Western intellectual tradition: From Leonardo to Hegel. New York: Harper and Brothers, 1960. P. 485

² Руслан Скрынников пишет следующее: «Добрый» царь желал внушить подданным, что его правление будет временем торжества правды и посрамления зла, когда бы оно не было совершено. Вновь назначенные чиновники должны были по царскому повелению собирать у населения все жалобы на прежних воевод «в насильствах, и в продажах, и в посулах или в каких обидах», чтобы «безволокидно» дать населению суд и управу на неправедных чиновников. Манифесты Лжедмитрия способствовали формированию в народе образа «доброго царя». Действия самозванца по отношению к московскому населению производили не меньшее впечатление. По всей столице, записал К.Буссов, было объявлено, что великий государь и самодержец будет два раза в неделю — по средам и субботам — принимать жалобы у населения на Красном крыльце в Кремле, чтобы все обиженные могли без всякой волокиты добиться справедливости. Даже непримиримый противник Отрепьева И.Масса признавал, что установленные им законы в государстве были безупречны и хороши». — Скрынников Р.Г. Самозванцы в России. С. 158-159

сил, которые его явно поддерживали. Другое дело, что они терпеть не могли польских наемников, которые охраняли Отрепьева и вели себя в Москве как в завоеванном городе.

Одновременно следует отметить, что самозванец не предпринимал каких-то радикальных реформ. Усилия были сосредоточены на придании государственному аппарату большей эффективности. Очень строго преследовалось мздоимство. Вот в этом плане Отрепьев пытался сделать немало хорошего для населения. Правда, энтузиазм его натолкнулся на косное нежелание чиновников «работать по-новому». К тому же, к сожалению, уже в то время взяточничество было частью нашей национальной культуры. Впрочем, не только нашей.

Сверх того, с враждебным народом ничего нельзя поделать, ибо он многочислен, а со знатью — можно, ибо она малочисленна. Народ, на худой конец, отвернется от государя, тогда как от враждебной знати можно ждать не только того, что она отвернется от государя, но даже пойдет против него, ибо она дальновидней, хитрее, загодя ищет путей к спасению и заискивает перед тем, кто сильнее. И еще добавлю, что государь не волен выбирать народ, но волен выбирать знать, ибо его право карать и миловать, приближать или подвергать опале.

Сначала в очередной раз отметим приверженность Макиавелли народу. Затем следует выделить, что **знать** здесь показывается более умной и способной, нежели **народ**; другой вопрос, что, возможно, по мнению автора, чем умнее и способнее сегмент общества, тем больше можно ждать от него неприятностей (если эта точка зрения верна, то здесь у флорентийца в очередной раз на первое место выступает аналитик и политтехнолог). Со-

ответственно получается, что верхушка общества оказывается самым опасным звеном в правлении государя. Здесь не миновать определенных реминисценций с политикой Сталина. Впрочем, последний не щадил никого.

Продолжая параллели с Отрепьевым, отмечу, что он на престоле действовал совершенно не по-макиавеллиевски. Знал, что значительная часть бояр относится к нему негативно, знал даже о заговоре против себя, однако не арестовывал заговорщиков. Никколо на нем места живого не оставил бы своей критикой, если бы знал его историю.

Эту последнюю часть разъясню подробнее. С людьми знатными надлежит поступать так, как поступают они. С их же стороны возможны два образа действий: либо они показывают, что готовы разделить судьбу государя, либо нет. Первых, если они не корыстны, надо почитать и ласкать, что до вторых, то здесь следует различать два рода побуждений. Если эти люди ведут себя таким образом по малодушию и природному отсутствию решимости, ими следует воспользоваться, в особенности теми, кто сведущ в каком-либо деле. Если же они ведут себя так умышленно, из честолюбия, то это означает, что они думают о себе больше, нежели о государе. И тогда их надо остерегаться и бояться не меньше, чем явных противников, ибо в трудное время они всегда помогут погубить государя¹.

---

¹ Своеобразным дополнением к этой мысли могла бы быть идея Гвичардини: «Обезопасить себя по-настоящему от человека, в котором ты сомневаешься, можно лишь при таком положении вещей, чтобы он не мог тебе вредить, если бы даже и хотел; обманчива безопасность, которая зиждется на воле других, и это свидетельствует о том, как мало доброты и верности в людях». (Гвичардини Ф. Заметки о делах политических и гражданских. С. 119). Хотя Макиавелли никогда и не делал подобных заявлений, адекватная направленность его мыслей в данном вопросе очевидна.

В переводе Марка Юсима этот отрывок звучит следующим образом: «Чтобы лучше разъяснить это обстоятельство, скажу, что грандов следует рассматривать в основном двояким образом. Либо они ведут себя так, что целиком полагаются на твою удачу, либо нет. Если первые не отличаются алчностью, их нужно поощрять и приближать к себе; о вторых можно судить двояко: возможно, они не полагаются на тебя из трусости и вследствие прирожденной слабости духа; в этом случае ты должен пользоваться преимущественно тем, кто способен дать хороший совет, ибо в счастье это послужит твоему успеху, а в несчастье тебе нечего их бояться».

Может показаться с первого взгляда, что Макиавелли здесь выступает в качестве адепта реактивной политики, когда государь всего лишь реагирует на действия знати и подчиняет свои действия тому отношению, с которым сталкивается со стороны аристократии. Но это внешние признаки. На деле флорентиец здесь куда больший Макиавелли, чем это представляется из текста, если принять во внимание другие пассажи данной книги. Рекомендуемая им стратегия подразумевает прежде всего раскол элиты. Очень интересный совет. Именно так начал действовать после воцарения Борис Годунов¹.

Так что если государь пришел к власти с помощью народа, он должен стараться удержать его дружбу, что совсем не трудно, ибо народ требует только, чтобы его не угнетали. Но если государя привела к власти знать наперекор народу, то первый его долг — заручиться дружбой народа, что опять-таки нетрудно сделать, если взять народ под свою защиту.

Откровенный «макиавеллизм», причем именно в той форме, которую принято считать наиболее характерной для

---

¹ Скрынников Р.Г. Борис Годунов. С.131-136

учения флорентийца. Знать приводит государя к власти, несмотря на сопротивление низов, а потом государь неожиданно меняет всю расстановку политических сил в стране, начиная отстаивать интересы народа перед лицом знати. Честности и добродетели здесь нет места: значение имеют только интересы. Вообще в конфликте Макиавелли, возможно, видел циничный инструмент абсолютного правления¹.

В России подобная ситуация была с уже упоминавшимся Василием Шуйским. И он как раз сделал ошибку, о которой пишет Макиавелли — откровенно стал на сторону знати, презрев интересы народа. Правда, он старательно опирался на поддержку посадских крупнейших городов страны, что одно время помогло ему выстоять против восставшей провинции. Результат получился точно по раскладу Макиавелли: царь потерял поддержку столичного населения и бояр². Все закончилось низложением.

Люди же таковы, что, видя добро со стороны тех, от кого ждали зла, особенно привязываются к благодетелям, поэтому народ еще больше расположится к государю, чем если бы сам привел его к власти. Заручиться же поддержкой народа можно разными способами, которых я обсуждать не стану, так как они меняются от случая к случаю и не могут быть подведены под какое-либо определенное правило.

Здесь тройная рекомендация, являющаяся в основном повтором уже сказанного выше. Во-первых, еще раз говорится о необходимости гибкости в политике. Во-вторых, опять же еще раз утверждается, что для государя важнейшее — привлечь на свою сторону народ. При

¹ Bonadeo A. Corruption, conflict and power in the works and times of Niccolò Machiavelli. Berkeley: University of California press, 1973. P. 69

² См. по этому поводу Скрынников Р.Г. Василий Шуйский. С. 311

этом Макиавелли расширяет количество аргументов в пользу альянса правителя с основной массой населения. В-третьих, автор снова настаивает на том, что очень многое должно зависеть от конкретной ситуации, в соответствии с которой и должны приниматься решения.

Скажу лишь в заключение, что государю надлежит быть в дружбе с народом, иначе в трудное время он будет свергнут.

У Юсима эта фраза звучит так: «В заключение отмечу только, что государь должен жить в дружбе с народом, иначе в беде для него не будет спасения». Этот перевод более точен, причем не только по букве, но и по духу максимы Макиавелли. Причем пусть читателя не смущает, что в переводе Муравьевой это предложение начинает абзац, а у Юсима — заканчивает. На деле это, видимо, техническая погрешность первого издания перевода Муравьевой, которая затем стала мультиплицироваться в последующих публикациях. Во всяком случае, в подлиннике это последнее предложение абзаца.

Набид*, правитель Спарты, выдержал осаду со стороны всей Греции и победоносного римского войска и отстоял власть и отечество; между тем с приближением опасности ему пришлось устранить всего нескольких лиц, тогда как если бы он враждовал со всем народом, он не мог бы ограничиться столь малым.

Очередной пример того, как Макиавелли использует исторические примеры в своих интересах. В частности, справедливости ради следует сказать, что устранением «всего нескольких лиц» Набид не ограничился. Их было гораздо больше. Впрочем, его поддержка широкими слоями спартанского общества действительно была высо-

ка, хотя войну с римлянами он и проиграл¹ (не утратив, правда, личной власти в Спарте)².

И пусть мне не возражают на это расхожей поговоркой, что, мол, на народ надеяться — что на песке строить. Поговорка верна, когда речь идет о простом гражданине, который, опираясь на народ, тешит себя надеждой, что народ его вызволит, если он попадет в руки врагов или магистрата. Тут и в самом деле можно обмануться, как обманулись Гракхи в Риме или мессер Джорджо Скали во Флоренции. Но если в народе ищет опоры государь, который не просит, а приказывает, к тому же бесстрашен, не падает духом в несчастье, не упускает нужных приготовлений для обороны и умеет распоряжениями своими и мужеством вселить бодрость в тех, кто его окружает, он никогда не обманется в народе и убедится в прочности подобной опоры.

Основная мысль Макиавелли здесь предельно ясна: участники внутривластной борьбы не должны надеяться на то, что популистский курс приведет к стабильной поддержке со стороны масс. А дальше Никколо рисует яркий образ авторитарного правителя, который имеет все шансы пользоваться поддержкой со стороны народа. Отметим здесь комплиментарность облика государя, что явно было сделано с целью использовать еще один аргумент в пользу ориентации государя на основную часть населения.

С другой стороны, можно обратить внимание и на противопоставление правителя — выходца из «простого народа» и правителя — представителя знати. Оно в этом отрыв-

---

¹ Набиду для заключения мира пришлось отказаться от приморских прибрежных городов

² Ливий Т. Указ. соч. Т.2. С.631-633

ке просто бросается в глаза. Первому нечего рассчитывать на безусловную поддержку народа. Второй — может приказывать и рассчитывать на помощь. Здесь, конечно, заметно противоречие между некоторыми предыдущими (и последующими) тезисами Макиавелли и сказанным только что. Можно даже вспомнить тех критиков, которые утверждали, что Макиавелли никогда не был последователем¹. Впрочем, оппоненты в данном конкретном случае должны иметь в виду, что автор «Государя» временами откровенно льстил клану Медичи. Почему бы не предположить, что косвенным образом он делал это и в этом случае?

Обычно в таких случаях власть государя оказывается под угрозой при переходе от гражданского строя к абсолютному — так как государи правят либо посредством магистрата, либо единолично. В первом случае положение государя слабее и уязвимее, ибо он всецело зависит от воли граждан, из которых состоит магистрат, они же могут лишить его власти в любое, а тем более в трудное, время, то есть могут либо выступить против него, либо уклониться от выполнения его распоряжений. И тут, перед лицом опасности, поздно присваивать себе абсолютную власть, так как граждане и подданные, привыкнув исполнять распоряжения магистрата, не станут в трудных обстоятельствах подчиняться приказаниям государя.

В переводе Юсима: «Подобные государства находятся под угрозой, когда им предстоит переход от гражданского правления к абсолютному, и судьба их зависит от того, управляют ли государи сами или посредством чиновников;

---

¹ Baron H. Machiavelli: The republican citizen and the author of "The prince"// English historical review. 1961. Vol. 76. P. 226

во втором случае их положение более шаткое и ненадежное, ибо они целиком зависят от произвола тех граждан, которые занимают должности и без труда могут лишить государя власти, особенно в неблагоприятных для него обстоятельствах, выступив против него или отказавшись подчиниться».

В России в силу ряда причин перехода от «гражданского строя» или «гражданского правления» к абсолютному попросту не было за отсутствием первого. Можно при желании считать Новгородскую и Псковскую республики находящимися под гражданским правлением, однако они были позже захвачены Москвой, так что сопоставление не работает. В других аспектах политики дело обстояло таким же образом. Скажем, ни Иван III, ни его сын не обращались к обществу за поддержкой своей политики усиления централизации; еще менее к этому был склонен Иван Грозный. Усиление единоличной власти великого государя шло путем подавления не «магистрата», а прав и свобод аристократии. Общий итог выглядел следующим образом: страна была спасена от развала, взамен чего получила деспотизм и холопство¹. Комментарии по поводу этой ситуации должны быть сделаны, наверное, в другой работе.

Оттого-то в тяжелое время у государя всегда будет недостаток в надежных людях, ибо нельзя верить тому, что видишь в спокойное время, когда граждане нуждаются в государстве: тут каждый спешит с посулами, каждый, благо смерть далеко, изъявляет готовность пожертвовать жизнью за

---

¹ О холопстве на разных уровнях см., например, Борисов Н. Иван III. С. 570-576. Соответствующие отрывки из воспоминаний иностранцев, побывавших в России, хорошо известны. К сожалению, их мнения не следует считать исключительно результатом антирусской настроенности.

государя, но когда государство в трудное время испытывает нужду в своих гражданах, их объявляется немного. И подобная проверка тем опасней, что она бывает всего однажды. Поэтому мудрому государю надлежит принять меры к тому, чтобы граждане всегда и при любых обстоятельствах имели потребность в государе и в государстве, — только тогда он сможет положиться на их верность.

Если ограничиться только этой главой, то, следуя Макиавелли, государь должен полагаться на народ, а не на знать, по следующим причинам:

— государя к власти приводит либо знать, либо народ. В его интересах избавиться от зависимости от поддерживавшей его силы и не быть чьим-то ставленником. В случае с опорой на знать это невозможно. С опорой на народ — да;

— если государь опирается на народ, он фактически гарантирован от открытой внутренней оппозиции;

— от народных масс нет защиты, от знати защититься относительно легко;

— народ не будет выступать против опирающегося на него государя. Худшее, что может случиться — массы от него отвернутся. Однако политическая изоляция государя лучше открытой и враждебной оппозиции;

— добиться поддержки народа легко, поскольку для этого правителю следует вести справедливую политику и не допускать притеснений низов со стороны знати;

— народ легко идет на альянс с государем;

— дружба с народом — гарантия его поддержки в чрезвычайных ситуациях. Важное дополнительное обстоятельство — чтобы быть поддержанным народом в сложные политические моменты, государь должен обладать соответствующими качествами.

Глава X

Как следует измерять силы всех государств

В данной главе Макиавелли в основном ведет речь о *новом* государе, хотя его советы могут быть применены при защите любого правительства. Следует также выделить то обстоятельство, что флорентиец здесь, возможно, гораздо больше зависит от предыдущих авторов, исследовавших проблему государства и управления им, чем в других частях своего исследования¹.

Обратим внимание на тот элемент, который, кажется, остался незамеченным в предыдущих комментариях к «Государю»²: Никколо в этой главе книги ведет речь исключительно об оборонительной политике. Это придает материалу известную своеобразность, поскольку прежде (впрочем, и далее) в работе Макиавелли откровенно делал ставку на наступательную тактику.

Откуда такой переход в книге — остается только гадать. Возможное объяснение связано с тем, что идея этого труда по мере его написания начала эволюционировать. Косвенным доказательством гипотетической правоты этого предположения служит и то, что структура книги где-то с ее середины начала меняться. Она становится все более аморфной по сравнению с первыми частями; выбор тем все больше выглядит скорее дополняющим, нежели логически вытекающим одно из другого. Впрочем, у этого мнения есть и откровенные противники, утверждающие противное.

¹ Gilbert A.H. Op.cit. P. 58

² Впрочем, литература о «Государе» настолько велика, что у меня нет полной уверенности в справедливости этого предположения.

Изучая свойства государств, следует принять в соображение и такую сторону дела: может ли государь в случае надобности отстоять себя собственными силами или он нуждается в защите со стороны. Поясню, что способными отстоять себя я называю тех государей, которые, имея в достатке людей или денег, могут собрать требуемых размеров войско и выдержать сражение с любым неприятелем; нуждающимися в помощи я называю тех, кто не может выйти против неприятеля в поле и вынужден обороняться под прикрытием городских стен.

Вот, что писал о данной его идее Фридрих: «Макиавелли думает, что государь, обладающий огромными областями, изобилующими деньгами и народом, может собственной своей силой, без всякой помощи союзников, защитить себя от неприятельских нападений. Но я с ним не согласен и утверждаю, что, как бы ни был силен государь, при этом он не может противостоять многим сильным неприятелям и для него необходимо иметь помощь союзников. Когда даже богатейший и могущественнейший в Европе государь, Людовик XIV, оказался замешанным в наследственную испанскую войну¹ и когда он из-за отсутствия союзников и угроз со стороны многих королей и принцев, готовых притеснить его самого, не мог больше вести эту войну, то разве возможно государю, который слабее его, отважиться на то, чтобы одному устоять без сильных союзников?»²

Разумеется, во времена расцвета своего могущества древний Рим на отдельных участках своей экспансии периодически обходился без альянсов с местными государствами. Однако, если внимательно посмотреть историю этого могу-

---

¹ Имеется в виду Война за испанское наследство* (1701-1714 гг.)

² Фридрих Великий. Указ. Соч., стр. 331

щественнейшего государства в истории Европы, то выяснится, что подобное поведение было почти всегда исключением. И даже всемогущие вроде бы Соединенные Штаты в современное время предпочитают выступать в качестве инициатора альянсов, вместо того, чтобы стать страной, которая единолично навязывает свою волю во всех регионах мира.

Впрочем, Макиавелли почти наверняка не имел в виду, что сильный государь может не иметь союзников. Основная идея отрывка все-таки состоит в делении правителей и государств на две основные части. Принципиальное значение для данной главы по воле флорентийца имеют государи, которые не обладают достаточной силой для того, чтобы сразиться с неприятелем в поле. Именно этой категории и адресованы в данном случае максимы Никколо.

Что касается российского опыта, то буквальное следование известной максиме Александра III («У России есть только два союзника: армия и флот»), которую, к сожалению, в последнее время стали повторять все чаще, ведет к консервации отсталости и политическому самоубийству. Отсутствие союзников в свое время привело к постоянным поражениям в попытке добиться выхода к Балтийскому морю и к потерям в очень сложных взаимоотношениях с Польско-Литовским государством. И это притом, что Московское государство старательно искало союзников в Европе.

Ситуация изменилась только при Петре I, что привело к радикальному изменению расклада сил — если бы Карл XII не застрял со своей армией в Европе, воюя с союзниками России, то царь не стал бы ни Великим, ни императором (разумеется, российский опыт не является непременным для всех частей мира. Китай, скажем, прекрасно чувствовал и чувствует себя и без военных альянсов).

Что делать в первом случае — о том речь впереди, хотя кое-что уже сказано выше. Что же до второго

случая, то тут ничего не скажешь, кроме того, что государю надлежит укреплять и снаряжать всем необходимым город, не принимая в расчет прилегающую округу. Если государь хорошо укрепит город и будет обращаться с подданными так, как описано выше и будет добавлено ниже, то соседи остерегутся на него нападать. Ибо люди — враги всяких затруднительных предприятий, а кому же покажется легким нападение на государя, чей город хорошо укреплен, а народ не озлоблен.

Города Германии, одни из самых свободных, имеют небольшие округи, повинуются императору, когда сами того желают, и не боятся ни его, ни кого-либо другого из сильных соседей, так как достаточно укреплены для того, чтобы захват их всякому показался трудным и изнурительным делом. Они обведены добротными стенами и рвами, имеют артиллерию сколько нужно и на общественных складах держат годовой запас продовольствия, питья и топлива; кроме того, чтобы прокормить простой народ, не истощая казны, они заготавливают на год работы в тех отраслях, которыми живет город, и в тех ремеслах, которыми кормится простолюдинье. Военное искусство у них в чести, и они поощряют его разными мерами.

Естественно, хотя Макиавелли и был в Германии, он не занимался сколько-нибудь подробным изучением тамошних городов, а если бы даже кто-нибудь ему предложил приступить к этому, то с насмешкой отказался бы. Главное было обосновать тезис о необходимости укрепления городов, что здесь и было сделано. Тем более, что у флорентийца были предшественники, также ссылавшиеся на германский опыт¹.

---

¹ См. по этому поводу Gilbert A.H. Op.cit. P. 58

Макиавелли в данном случае имеет в виду необходимость хорошей оборонной политики. Эта проблема решается, по его мнению, двумя способами: подготовкой города к возможному нападению неприятеля и установлением позитивных отношений государя с народом. Обратим также внимание на чисто итальянскую тогдашнюю специфику, состоящую в относительной кратковременности боевых действий и особенно осад городов. Именно поэтому хорошие городские стены вместе с достаточным запасом продовольствия и оружия, а также высоким боевым духом населения представлялись в то время достаточной гарантией от враждебных действий соседей.

Таким образом, государь, чей город хорошо укреплен, а народ не озлоблен, не может подвергнуться нападению. Но если это и случится, неприятель принужден будет с позором ретироваться, ибо все в мире меняется с такой быстротой, что едва ли кто-нибудь сможет год продержаться войско в праздности, осаждая город. Мне возразят, что если народ увидит, как за городом горят его поля и жилища, он не выдержит долгой осады, ибо собственные заботы возьмут верх над верностью государю. На это я отвечаю, что государь сильный и смелый одолеет все трудности, то внушая подданным надежду на скорое окончание бедствий, то напоминая им о том, что враг беспощаден, то осаживая излишне строптивых. Кроме того, неприятель обычно сжигает и опустошает поля при подходе к городу, когда люди еще разгорячены и полны решимости не сдаваться; когда же через несколько дней пыл поостынет, то урон уже будет нанесен и зло содеяно. А тогда людям ничего не останется, как держаться своего государя, и сами они будут ожидать от него благодарности за то, что, защищая его, позволили сжечь свои дома и разграбить

имуущество. Люди же по натуре своей таковы, что не меньше привязываются к тем, кому сделали добро сами, чем к тем, кто сделал добро им. Так, по рассмотрении всех обстоятельств, скажу, что разумный государь без труда найдет способы укрепить дух горожан во все время осады, при условии, что у него хватит чем прокормить и оборонить город.

В переводе Юсима начало отрывка звучит следующим образом: «Итак, государь, который укрепил свой город и не внушает ненависти, может не опасаться нападения, а если кто-то и нападет на него, то удалится несолоно хлебавши, ибо превратности мирских дел таковы, что навряд ли этот противник сможет праздно простоять целый год в осаде».

В целом вся эта часть основана на военно-политическом опыте современной Макиавелли Италии, где в армиях почти всегда использовались наемники. Стоили последние очень дорого, соответственно затяжка с ведением осады ложилась тяжким бременем не только на защищавшихся, но и на нападавшую сторону. Хотя тогдашняя история и знала примеры долговременных осад, их все же было очень мало. Так что Никколо был прав в своих предположениях при условии, разумеется, что государь у осажденных был действительно сильным и смелым. Другое дело, что стойкости у защищающейся стороны почти всегда не хватало и дело обычно заканчивалось либо победой нападавших иностранных профессионалов, либо попросту капитуляцией. Последнее в годы жизни Макиавелли случилось и с Флоренцией и привело, помимо прочего, к окончанию его политической карьеры.

Что касается России, то ее история знала немало самоотверженности при защите хорошо укрепленных твердынь. Примеры хорошо известны. Правда, одной самоотверженности и готовности жертвовать своим добром

зачастую оказывалось мало, поскольку действительно хорошо укрепленных городов на ее территории было до недопустимости мало. Особенно до середины прошлого тысячелетия. Причем все началось с Киевской Руси. Причин тому было несколько, в том числе

- для борьбы с кочевниками было достаточно деревянных стен. Не случайно половцы не взяли ни одного русского города;

- межкняжеские «выяснения отношений» на Руси не предполагали долгих осад. Такова была военно-политическая культура страны в то время;

- деревянные стены было сложить куда проще, нежели каменные;

- после поражения на Калке среди русских князей не нашлось предусмотрительных государей.

В результате до XIII века только стены Пскова и Ладоги были каменными. В отношении Новгорода этот вопрос до сих пор дебатруется в отечественной литературе.

Отметим здесь, что данных два (или три) случая относятся к западному аспекту военно-политической ситуации на Руси. Проще говоря, каменные стены строились только там, где была такая необходимость.

После нашествия Батыя каменное строительство на Руси было остановлено. Общий результат — серьезное отставание от европейской модели защиты городов.

Сказанное все же не означает, что позднее московские государи не уделяли серьезного внимания защитным линиям. Скажем, при правительстве Годунова по его личному распоряжению была выстроена мощная каменная крепость в Астрахани, острог на Тереке и крепость на переполоке между Доном и Волгой, названная в честь Ирины Годуновой, супруги Федора Ивановича, Царицын.

Глава XI

О церковных государствах

Как легко заметить, в этой посвященной политике книге мысли Макиавелли крайне редко обращались к Богу и Церкви. О необычности этой позиции можно судить хотя бы по сравнению с уже упоминавшейся выше умнейшей книгой Филиппа де Комнина, которая была написана чуть раньше «Государя» (восьмая книга — в 1497-1498 гг.), а в свет вышла в 1524 г.

Отметим, что Никколо в данном случае находился в труднейшей ситуации. Он был очень критично настроен в отношении пап и папского государства. В «Рассуждениях» он писал следующее: «... Дурные примеры курии искоренили в нашей стране всякую набожность и всякое благочестие, что влечет за собой бесчисленные беды и неустойчивость; ведь там, где существует религиозное благочестие, можно всегда ожидать хорошего, но там, где оно отсутствует, следует ожидать обратного. Первое, за что мы должны благодарить Церковь и попов, это за то, что итальянцы потеряли всякое уважение к религии и стали дурными, но они в ответе еще за нечто большее, в чем вторая причина нашей гибели — дело в том, что Церковь держала и продолжает держать страну разобщенной. А единство и благополучие невозможны, если страна не подчиняется одной республике или одному государю, как во Франции и в Испании. В Италии же этого не произошло, правление одной республики или одного государя не установилось только из-за Церкви: находясь здесь и имея в ней светские владения, она не обладала такой мощью и доблестью, чтобы установить свою

тиранию и стать во главе Италии, но и не была столь слаба, чтобы, из страха потерять светские владения, не призывать для себя защитников против тех, кто слишком возвысился в Италии»¹. В своей «Истории Флоренции» Макиавелли указывает, что папы беспрерывно призывали в Италию иностранные армии и затевали войны.²

В то время было бы предельно безрассудно отважиться на публичное и откровенное высказывание своих взглядов по этому вопросу. Тем более в книге, которую, как он надеялся, прочтет римский папа. Разумнее всего, возможно, было бы вообще уклониться от темы церковного государства, чтобы не кривить душой. Однако Макиавелли, видимо, не мог это сделать. Во-первых, потому что это нарушило бы принцип классификации государств и вызвало бы естественные вопросы читателей. А о своем реноме в глазах аудитории он очень заботился. Во-вторых, поскольку флорентиец, напомним в очередной раз, хотел передать свой труд Льву X и даже, как уже упоминалось, пытался это сделать через своего друга Веттори. Папа в то время являлся лидером клана Медичи, фактически правил Флоренцией из Рима и мог бы очень помочь бывшему секретарю в трудоустройстве. В этом плане соответствующая глава в книге выглядела не только вполне уместной, но и попросту необходимой.

Из связанных с данной проблемой трудностей (написать про церковное государство, но не изменять своим взглядам) автор «Государя» вышел с помощью любопытного приема, о котором речь пойдет несколько ниже.

Нам остается рассмотреть церковные государства, о которых можно сказать, что овладеть ими труд-

---

¹ Макиавелли Н. Рассуждения. С. 45

² Макиавелли Н. История Флоренции С. 34

но, ибо для этого требуется доблесть или милость судьбы, а удержать легко, ибо для этого не требуется ни того, ни другого. Государства эти опираются на освященные религией устои, столь мощные, что они поддерживают государей у власти, независимо от того, как те живут и поступают. Только там государи имеют власть, но ее не отстаивают, имеют подданных, но ими не управляют; и, однако же, на власть их никто не покушается, а подданные их не тяготятся своим положением и не хотят, да и не могут от них отпасть. Так что лишь эти государи неизменно пребывают в благополучии и счастье.

Это все внешне выглядит как откровенные комплименты, адресованные Льву X. В очередной раз повторю, что Макиавелли очень нужна была работа. Кроме того, вступать в интеллектуальную полемику с Папским государством всегда было небезопасно. Только этим вроде бы можно объяснить фактические и сознательные недомолвки и передергивания, сделанные в этой главе.

И все же дело не так просто. Обратим внимание на следующие моменты в данном отрывке:

— церковные государи для удержания власти не нуждаются ни в *virtù*, ни в *фортуне* — двух излюбленных Макиавелли политических понятий;

— церковные государи властны жить и поступать так, как им хочется (возможно, намек на недостойное поведение князей Церкви в ту эпоху, но это не обязательно);

— церковные государи не отстаивают власть и не управляют подданными, т.е. не занимаются политикой.

Общий вывод: Макиавелли дает понять, что описанные им обязательные законы политики не касаются Ватикана, который, таким образом, не должен быть шокирован политическими открытиями флорентийца. Одновременно Ник-

коло косвенным образом негативно высказался в адрес стиля правления современных ему пап. Следует напомнить, что Макиавелли считал, что даже наследственный государь имеет мало шансов достигнуть величия, потому что слава правителя более возможна, если власть была захвачена, а не унаследована¹. Ну, а если на этом фоне коснуться перечисленных автором «Государя» проблем с церковным управлением, то становится ясным его личное отношение к качеству политики правителей Ватикана.

Действительность, конечно, радикально отличалась от той картины, которую здесь нарисовал автор «Государя».

Можно высказать предположение, что в данной главе Макиавелли сознательно отказался от исторического обзора, который часто сопутствовал его тезисам, и имел в виду исключительно современное ему положение церковного государства. Абзацем ниже идет характерное противопоставление этого современного положения той ситуации, которая была прежде, когда «с ее светской властью не считались даже мелкие владетели и бароны, не говоря уже о крупных государствах Италии». Так что автор, скорее всего, конъюнктурно изменил «правила игры» и продемонстрировал иной подход, нежели в основной части своей книги. Ему случилось в этой работе прибегать к такого рода приемам.

Но так как государства эти направляемы причинами высшего порядка, до которых ум человеческий не достигает, то говорить о них я не буду; лишь самонадеянный и дерзкий человек мог бы взяться рассуждать о том, что возвеличено и хранимо Богом. Однако же меня могут спросить, каким образом Церковь достигла такого могущества, что ее боится король Франции, что ей удалось изгнать его из Италии и разгромить венеци-

---

¹ Wolin Sh.S. Politics and vision. P. 179-180

анцев, тогда как раньше с ее светской властью не считались даже мелкие владельцы и бароны, не говоря уж о крупных государствах Италии. Если меня спросят об этом, то, хотя все эти события хорошо известны, я сочту нелишним напомнить, как было дело.

Здесь мы имеем дело с использованным Макиавелли приемом, который позволил ему воздержаться от анализа правления в церковных государствах. Автор попросту отказался судить о внутренней политике пап, поскольку якобы не считает себя способным рассуждать о том, что «возвеличено и хранимо Богом». Прием эффективный и снимающий в этом вопросе церковные претензии к Макиавелли. Фактически это принцип «либо хорошо, либо ничего». И сразу же Никколо переходит к другому приему, начиная вроде бы только пересказывать хорошо известные события, а на деле придавая им то содержание, которое подкрепило бы его уже высказанные тезисы.

Перед тем как Карл, французский король, вторгся в Италию, господство над ней было поделено между папой, венецианцами, королем Неаполитанским, герцогом Миланским и флорентийцами. У этих властителей было две главных заботы: во-первых, не допустить вторжения в Италию чужеземцев, во-вторых, удержать друг друга в прежних границах. Наибольшие подозрения внушали венецианцы и папа. Против венецианцев прочие образовали союз, как это было при защите Феррары; против папы использовались римские бароны. Разделенные на две партии — Колонна и Орсини, — бароны постоянно затевали свары и, потрясая оружием на виду у главы Церкви, способствовали слабости и неустойчивости папства. Хотя кое-кто из пап обладал мужеством,

как, например, Сикст, никому из них при всей опытности и благоприятных обстоятельствах не удавалось избавиться от этой напасти. Виною тому — краткость их правления, ибо за те десять лет, что в среднем проходили от избрания папы до его смерти, ему насилу удавалось разгромить лишь одну из враждующих партий. И если папа успевал, скажем, почти разгромить приверженцев Колонна, то преемник его, будучи сам врагом Орсини, давал возродиться партии Колонна и уже не имел времени разгромить Орсини. По этой самой причине в Италии невысоко ставили светскую власть папы.

Когда речь идет о «подозрениях», наверняка имеется в виду альянс с Карлом. Под «защитой Феррары» подразумевается война 1482 г., о которой уже было сказано. В очередной раз отметим неприязнь Макиавелли к венецианцам. В целом же мы имеем дело с коротким и убедительным анализом политической ситуации в Италии. С ним можно не соглашаться, как это делал в свое время Гвиччардини, однако внимания он заслуживает.

Но когда на папский престол взошел Александр VI, он куда более всех своих предшественников сумел показать, чего может добиться глава Церкви, действуя деньгами и силой. Воспользовавшись приходом французов, он совершил посредством герцога Валентино все то, о чем я рассказывал выше — там, где речь шла о герцоге. Правда, труды его были направлены на возвеличение не Церкви, а герцога, однако же они обернулись величием Церкви, которая унаследовала плоды его трудов после смерти Александра и устранения герцога. Папа Юлий застал по восшествии могучую Церковь: она владела Романьей, смирила римских ба-

ронов, чьи партии распались под ударами Александра, и, сверх того, открыла новый источник пополнения казны, которым не пользовался никто до Александра.

Макиавелли как-то откровенно написал, что ему было очень трудно работать над «Историей Флоренции», поскольку он был вынужден хвалить клан заказчиков — семью Медичи. Полагаю, что приведенные только что строчки из «Государя» также дались ему нелегко. В конце концов, это именно Александр VI Борджиа открыл дорогу очередной волне экспансии Франции в Италию, он же был прославлен многочисленными преступлениями, хотя, нужно признать, часть из них, как сейчас считается, была приписана ему его многочисленными недругами. Правда, у Борджиа-старшего было два существенных достоинства, которые автор «Государя» не мог не оценить:

— в течение его понтификата католическая церковь значительно укрепила свое политическое влияние, несмотря на неоднозначность морали и поведения ее высшего руководства, в том числе самого Александра VI. Можно даже сказать, что последний оказался весьма неплохим церковным государем, если иметь в виду политические результаты его деятельности и действительно имевшее место укрепление политических позиций церкви в ходе его понтификата;

— второе достоинство Александра VI — это, с точки зрения Макиавелли, конечно же его сын Чезаре Борджиа, образцы деятельности которого политолог описывал как показательные для государя нового типа.

На это можно было бы возразить, что деятельность данного папы способствовала продолжению глубочайшего кризиса католичества. Безусловно, Макиавелли знал об этом, однако предпочитал рассматривать ситуацию исключительно в той плоскости, которую выбрал с самого начала. Его интересует прежде всего политика и

достижения в этой области. В конце концов, уже было отмечено, что в «Государе» Макиавелли шокирует читателя своей бескомпромиссностью в советах, как обеспечить власть действующему правителю¹.

Все это Юлий не только продолжил, но и придал делу больший размах. Он задумал присоединить Болонью, сокрушить Венецию и прогнать французов и осуществил этот замысел, к тем большей своей славе, что радел о величии Церкви, а не частных лиц. Кроме того, он удержал партии Орсини и Колонна в тех пределах, в каких застал их; и хотя кое-кто из главарей готов был посеять смуту, но их удерживало, во-первых, могущество Церкви, а во-вторых — отсутствие в их рядах кардиналов, всегда бывавших зачинщиками раздоров. Никогда между этими партиями не будет мира, если у них будут свои кардиналы: разжигая в Риме и вне его вражду партий, кардиналы втягивают в нее баронов, и так из властолюбия прелатов рождаются распри и усобицы среди баронов.

Его святейшество папа Лев воспринял, таким образом, могучую Церковь; и если его предшественники возвеличили папство силой оружия, то нынешний глава Церкви внушает нам надежду на то, что возвеличит и прославит его еще больше своей добротой, доблестью и многообразными талантами.

Макиавелли мог бы добавить, что Юлий II вел себя в политике не менее цинично, нежели рекомендовал в своей книге Никколо. Так, в первый период своего понти-

---

¹ Wagner H.L. Machiavelli: Renaissance political analyst and author. London: Chelsea house publishers, 2006. P. 2

фиката папа сначала использовал обман и коварство для того, чтобы использовать Чезаре Борджиа в своих интересах, а затем велел его арестовать и заточить¹. Кампания была у того отобрана. Впрочем, напоминание об этих способностях папы едва ли были бы уместны в главе, посвященной церковному государству.

Видимо, следует также обратить внимание на то обстоятельство, что автор «Государя» прямо связывает деятельность Александра VI сначала с папой Юлием, а затем и с папой Львом, представителем семейства Медичи. Тем самым Макиавелли, на мой взгляд, решает сразу несколько вопросов:

— оправдывает свое позитивное отношение к Чезаре Борджиа. Восхваления поступков герцога становятся вроде бы объяснимы, поскольку тот действовал не только в свою пользу, но и косвенным образом в интересах человека, на чье покровительство хотел бы надеяться Макиавелли, т.е. папы Льва X;

— восстанавливает историческую справедливость, причем как раз в плоскости политического анализа. Борджиа, ненавидимые при вершине своего могущества и критикуемые после конца политической карьеры семьи в Италии (испанская ветвь сохранилась), действительно, как уже отмечалось выше, сделали немало для восстановления политического могущества католической церкви, хотя и существенно подорвали ее идейный престиж. Для Макиавелли значение в данном случае имел, как всегда, только первый фактор.

В целом же в данной главе автор «Государя» смог выйти из труднейшего положения с наименьшими потерями: и римского папу не обидел, и полноту классификации государств завершил.

---

¹ Клула И. Указ. соч. С. 406-441

Впрочем, была и еще одна сторона вопроса, касающаяся церковного государства, о которой пока ничего не было сказано. Дело в том, что освободить и объединить Италию — главная цель Макиавелли — было в то время невозможно без использования морального авторитета католической церкви. Полагаю, что Никколо прекрасно это понимал. Соответственно, при всем своем хорошо известном критическом настрое в отношении папского государства, он должен был иметь еще и эту причину воздерживаться от язвительных замечаний в адрес политики Ватикана и морального упадка Италии, за который тот был во многом ответственен.

Глава XII

О том, сколько бывает видов войск, и о наемных солдатах

С этой главы Макиавелли начинает ту часть книги, которая посвящена государю и его врагам (до главы XIV)¹. Он также совершает резкий поворот от проблем государя и государств к болезненной проблеме *наемничества* в вооруженных силах. Отправная точка предельно ясна: поскольку освободить и объединить Италию можно было только с помощью военной силы, то военный вопрос неизбежно оказывался одним из самых животрепещущих. Не случайно автор «Государя» посвятил военной проблеме отдельный трактат «О военном искусстве», который сразу же создал ему славу военного эксперта². Актуальность этой проблемы в те времена была ясна до предела: по Италии постоянно двигались сонмы наемников (первоначально преимущественно иностранных, затем среди них оказалось немало итальянцев³), служащих то одному, то другому государю. Так называемая «опора на собственные силы», точнее на своих подданных, на практике была крайне редка.

Вообще проблема военного *наемничества* при Макиавелли обсуждалась довольно часто и заявлять о том, что флорентиец был родоначальником дискуссии о ней, было

¹ Strauss L. Machiavelli's intention. P. 13-14

² Anglo S. Machiavelli — The first century. P. 30-41

³ Начало этому процессу положил кондотьер Альберико да Барбиано, который создал отряд, состоящий исключительно из итальянцев, жителей Романьи.

бы откровенной ошибкой. Правда и то, однако, что он пошел в этом вопросе дальше своих предшественников.

До предела ясно он высказался в отношении своего идеала в «Рассуждениях»: «Не иметь солдат для обороны и нападения позорно для современных государей и республик; ... этот недостаток вытекает не из отсутствия людей, годных к ополчению, а из неумения самих правителей воспитать в подданных воинский дух... Ведь самая справедливая истина гласит, что если у государя есть подданные, но нет солдат, то это вина его, а не природы или местоположения. Приведу на этот счет свежайший пример. Всякий знает, что недавно английский король напал на Францию и использовал при этом в качестве солдат только своих подданных¹; поскольку Англия до этого 30 лет не воевала, там не было ни опытных солдат, ни военачальников, однако король бестрепетно выступил с ними против царства, изобилующего хорошими войсками и полководцами, непрерывно упражнявшимися во время итальянских войн. Все дело в том, что этот правитель отличается благоразумием, а его королевство — правильным устройством, и в мирное время он не оставляет попечения о войне»².

И здесь мы касаемся одной из важнейших проблем как для Макиавелли, так и для его исследователей. Речь идет о том, что именно автор «Государя» был инициатором создания во Флоренции народного ополчения — революционная вещь для того времени. Гонфалоньер Пьеро Содерини долгое время отказывал Макиавелли в реализации его идеи, однако в конце концов дал свое согласие. С начала 1506 г. начинание Макиавелли стало реализовываться на практике³.

¹ Речь идет о нападении английского и испанского монархов Генриха VII и Фердинанда Католического на Францию в 1513 г.

² Макиавелли Н. Рассуждения. С.. 63

³ Bayley C.C. War and society in Renaissance Florence: The *De militia* of Leonardo Bruni. Toronto: University of Toronto press, 1961. P. 240-267

В то время вооруженные силы в Италии состояли преимущественно из иностранных (итальянских и неитальянских) наемников, которые были объединены в отряды, и заключали временные соглашения то с одним, то с другим властителем или республикой. Постоянных армий, основанных на принципах призыва или найма собственных граждан, не существовало. В случае войны в действие могло вступить городское ополчение. В основном оно использовалось для защиты города при осаде. Макиавелли же считал, что ополчение должно использоваться максимально широко, для чего соответствующие отряды должны быть хорошо обучены. Поскольку ополченцы будут воевать за своего государя и свою страну, то, с его точки зрения, воинский дух их будет в теории выше, чем у иностранных наемников.

Выше мы подробно обсудили разновидности государств, названные мною в начале; отчасти рассмотрели причины благоденствия и крушения государей; выяснили, какими способами действовали те, кто желал завоевать и удержать власть. Теперь рассмотрим, какими средствами нападения и защиты располагает любое из государств, перечисленных выше. Ранее уже говорилось о том, что власть государя должна покоиться на крепкой основе, иначе она рухнет. Основой же власти во всех государствах — как унаследованных, так смешанных и новых — служат хорошие законы и хорошее войско. Но хороших законов не бывает там, где нет хорошего войска, и наоборот, где есть хорошее войско, там хороши и законы, поэтому, минуя законы, я перехожу прямо к войску.

Здесь Макиавелли обращается к одному из своих любимых тезисов, который встречается во многих его

произведениях. Скажем, в «Рассуждениях» он писал следующее: «Не стану отрицать, что своими владениями Рим обязан фортуне и хорошему войску, но те, кто сводит дело к этим двум причинам, не замечают, что хорошее войско немислимо без добрых порядков, а уж за этим следует обычно и удача»¹. Понятно, что под «добрыми порядками» флорентиец имел в виду прежде всего законодательство.

Макиавелли на этот раз опустил тезис о важном значении поддержки народа как одной из основ поддержки власти. Следует обратить внимание на максимум, сообразно которой без хороших законов нет хорошего войска, а без хорошего войска нет хороших законов. Утверждение, которое, учитывая приведенное только что высказывание из «Рассуждений», следует, возможно, трактовать как взаимозависимость двух указанных факторов.

Одновременно нужно учесть особенность отношения Макиавелли к оценивающим терминам в «Государе». Выше, кстати говоря, уже говорилось, что комментируемая книга в определенной мере является примером обращения политконсультанта к своему заказчику. Подсчеты это подтверждают. В целом по работе есть 6 раз, когда «хорошо» или «плохо» адресовано интересам народа, и 41 раз — государя. Соответственно, у нас есть все основания предположить, что в данном случае («хорошее войско» и «хорошие законы») обращено опять же к государю².

Что касается соотношения хороших законов и хорошего войска, то здесь, возможно, следовало бы обратиться к соответствующему пассажи из «Политики» Юрия Крижанича: «Сила состоит не столь в обширности державы и в неприступности крепостей, сколько в хороших законах. При жестоких порядках наилучшая земля остается пустой

---

¹ Макиавелли Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. С. 20

² Hexter J.H. *Il Principe and lo stato*. P. 129

и редко населенной. При размеренных порядках и плохая земля бывает многолюдной и густо населенной»¹. К сожалению, эта максима редко принималась в расчет в России.

Начну с того, что войско, которым государь защищает свою страну, бывает либо собственным, либо союзническим, либо наемным, либо смешанным. Наемные и союзнические войска бесполезны и опасны, никогда не будет ни прочной, ни долговечной та власть, которая опирается на наемное войско, ибо наемники честолюбивы, распущенны, склонны к раздорам, задиристы с друзьями и трусливы с врагом, вероломны и нечестивы; поражение их отсрочено лишь настолько, насколько отсрочен решительный приступ; в мирное же время они разорят тебя не хуже, чем в военное — неприятель.

Нелицеприятная характеристика наемников впоследствии получила подтверждение у Фридриха II, который в целом разделял точку зрения Макиавелли. Впрочем, будущий прусский монарх нашел методы успешной борьбы с этими пороками: железная дисциплина, постоянная муштра и сведение до минимума свободного времени у своих солдат. Остается только хмыкнуть при мысли, что те же правила господствуют и в современных армиях.

Другое дело, что в «Государе» отсутствует такая очевидная на сегодняшний день идея как создание наемной армии из собственных граждан. Причем совершенно сознательно².

---

¹ Крижанич Ю. Политика. М., Новый Свет, 1997, с. 22

² В своем трактате «О военном искусстве» он писал следующее: «Государства, если только они благоустроены, никогда не позволят какому бы то ни было своему гражданину или подданному заниматься войной как ремеслом, и ни один достойный человек никогда ремеслом своим войну не сделает. Никогда не сочтут достойным человека, вы-

В свою очередь, тот же Фридрих Великий был также весьма скептического мнения о достоинствах своих сограждан, нанимавшихся в войско. По его мнению, достойные люди должны заниматься своим гражданским трудом, а не воевать. А в солдаты нанимается «небольшое количество жителей страны, а именно — ленивцы, склонные больше к праздности, чем к труду, расточители, ожидающие от солдатской службы большой вольности, но малого наказания, своевольные юнцы, не повинующиеся своим родителям, которые из легкомыслия идут в солдаты»¹.

Как бы то ни было, проблема военного *наемничества*, безусловно, имеет историческую составляющую. То, что было верно в один исторический период и при одних конкретных условиях, выглядит весьма спорным в другой период и при других условиях. Идея ополчения могла показаться только смешной, например, в годы Тридцатилетней войны. А Ганнибал, на мой взгляд, пришел бы в ужас от необходимости целиком положиться на ополчение карфагян. По-своему он был бы, кстати говоря, полностью прав. Между прочим, привлечение ограниченного числа иностранцев на военную службу во многом оправдало себя даже в современной Франции с ее Иностранным легионом.

бравшего себе занятие, которое может приносить ему выгоду, если он превратится в хищника, обманщика и насильника и разовьет в себе качества, которые необходимо должны сделать его дурным. Люди, большие или ничтожные, занимающиеся войной как ремеслом, могут быть только дурными, так как ремесло это в мирное время прокормить их не может. Поэтому они вынуждены или стремиться к тому, чтобы мира не было, или так нажиться во время войны, чтобы они могли быть сыты, когда наступит мир. Ни та, ни другая мысль не может зародиться в душе достойного человека: ведь, если хотеть жить войной, надо грабить, насильничать, убивать одинаково друзей и врагов, как это и делают такого рода солдаты». — Макиавелли Н. О военном искусстве // Макиавелли Н. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. О военном искусстве. М.: Мысль, 1997. С. 410

¹ Фридрих Великий. Указ. соч., с. 343

Объясняется это тем, что не страсть и не какое-либо другое побуждение удерживает их в бою, а только скудное жалованье, что, конечно, недостаточно для того, чтобы им захотелось пожертвовать за тебя жизнью. Им весьма по душе служить тебе в мирное время, но стоит начаться войне, как они показывают тыл и бегут.

Здесь Макиавелли проявил себя больше полемистом, нежели беспристрастным аналитиком. Кондотьеры¹ действительно не желали понапрасну жертвовать своими жизнями, им больше по душе было получать деньги за свое знание воинского ремесла (Сэр Джон Хоквуд, известнейший кондотьер, о котором подробнее речь пойдет немного ниже, как-то сказал: «Воюют для того, чтобы жить, а не для того, чтобы умирать»). Но когда было необходимо, они, как подлинно профессиональные военные, были готовы погибнуть. Пусть не за родину, а только за деньги. К тому же, если они относились к нанимателям с достаточно цинизмом, то и те отвечали им тем же самым².

---

¹ Здесь и в дальнейшем в комментариях материалы о кондотьерах изложены преимущественно по Grant R.G. Battaglie. *I conflitti, i grandi condottieri, le armi, i campi de battaglia in cinque millenni di storia*. Milano: Mondadori Electa, 2006; Frediani A. *I grandi condottieri che hanno cambiato la storia*. Roma: Newton Compton, 2005; Nepote C. *Vite dei massimi condottieri*. Milano: Univ. Rizzoli, 1986.

² «Если и между ними были крутые люди... то условия войны и отношения хозяев, нанимавших кондотьеров, к ним объясняют это. Когда папа Сикст IV узнал, что нанятый им кондотьер Роберт Малатеста одержал полную победу, он распорядился его умертвить. Такие отношения, конечно, вызывали во время операций у кондотьера мысль — не только разбить противника, но и охранить интересы свои и армии со стороны нанявшей их власти. Макиавелли и другие патриоты обвиняли кондотьеров в том, что они, чтобы не остаться без работы, затягивали войну, как недобросовестный адвокат затягивает судебный процесс, что они стремились к фокусничеству, что бои их между собой оставались бескровными, а победы имели

Привлечение иностранных наемников (большинство из них было, однако, итальянцами) на воинскую службу имело в ту пору, конечно, множество недостатков. Однако правда состоит и в том, что превалирование «неграждан» (итальянцев или нет — другое дело), действовавших в составе наемных отрядов на территории Италии, было вынужденным и объясняется, в частности, следующими причинами:

— правители итальянских государств откровенно боялись давать оружие в руки собственным гражданам, принадлежащим к низам или середине общества. Иностранный наемник, работавший на основе временного контракта, был для них лучшим выходом из положения;

— разбогатевшие купцы, добившиеся власти в итальянских государствах, меньше всего желали брать в руки оружие, предпочитая вместо этого нанимать профессионалов;

— власти не были заинтересованы в том, чтобы пополнять ряды профессиональных войск за счет собственных

призрачный характер. Несомненно, известное стремление к виртуозности, к искусству для искусства, характерно для кондотьеров». (Свечин А. Эволюция военного искусства. Том I. — М.-Л.: Воениз, 1928. С. 109). Подозрительность и зачастую недобросовестность в отношении нанимателей к кондотьерам проявлялась и после смерти последних. Скажем, Бартоломео Коллеони, будучи бездетным, завещал свое состояние Венеции с условием, что после смерти ему установят памятник на площади Сан-Марко, в то время как существовал запрет на памятники на главной площади города. Чтобы получить его большое состояние, венецианцы поставили ему монумент на площади перед Скуолой Сан-Марко, рядом с церковью Санти-Джовани-э-Паоло. Взаимоотношения кондотьеров с нанимателями ехидно описаны в старом итальянском анекдоте. У жителей города был полководец, освободивший их от вражеского угнетения; они каждый день совещались, как им вознаградить его, и решили, что никакое вознаграждение, бывшее в их силах, не будет достаточным, даже и в том случае, если они сделают его властителем города. Тогда, наконец, поднялся один из них и сказал: «Давайте убьем его и будем поклоняться ему как святому». Так с ним и поступили.

граждан. Сказанное, разумеется, не означало отсутствия в итальянских государствах городских ополчений. Те были еще приемлемы в случае осады, однако выводить их в поле для битвы было в то время весьма экстравагантным поступком;

— если говорить об иностранцах (то есть «неитальянцах»), то швейцарцы, французы, испанцы, немцы были гораздо лучшими солдатами, нежели итальянцы¹. Это доказал весь опыт военных действий на территории Италии. Александр Свечин писал в этой связи: «Армии кондотьеров безусловно доказали свое превосходство над феодальными ополчениями. Виллани*, описывая столкновение наемников с неаполитанским рыцарством², еще в 1349 г., утверждает, что не было даже боя, а происходила просто ловля баронов и богатых рыцарей, за которых можно было получить хороший выкуп»³;

— ротация наемных отрядов позволяла правителям отчасти избежать зависимости от них;

— обращение к наемникам позволяло сэкономить финансовые средства, поскольку наем воинов в большинстве случаев практиковался только в преддверии боевых действий или во время них. Кстати говоря, чем короче был контракт, тем выше месячная оплата.

Учтем также, что единственное серьезное испытание созданного Макиавелли флорентийского территориального ополчения кончилось полнейшим провалом. Дело было в 1512 г., когда армия испанского вице-короля осадила Прадо, город под Флоренцией. Исход противо-

---

¹ См., например, отзывы Филиппа де Коммина о флорентийцах, которые «долгое время жили, не зная ни войн, ни опасностей» и вообще «понятия не имели, что такое война». — Коммин Ф. Указ. соч. С.305, 361

² В данном случае имеется в виду месть короля Людвига Венгерского Джованне Неаполитанской, по приказу которой прямо в постели был убит ее муж, брат венгерского суверена

³ Свечин А.А. Указ. соч. С. 110

стояния решал судьбу конфликта. Оборону держали ополченцы. Хватило одного выстрела из пушки и одного небольшого пролома в стене, чтобы испанцы проникли в город. Ополчение немедленно разбежалось. Город был разграблен, погибло 5600 жителей.

В России имелся неоднозначный и зачастую негативный опыт опоры на соединения, состоявшие из иностранных наемников. Во время Смутного времени Василий Шуйский заключил союз со шведами против поляков и обязался оплатить услуги целой армии союзников. Кстати, среди последних были не только шведы, но и представители других наций. Когда возникли задержки с оплатой со стороны Москвы, возник мятеж и 80 англичан перешли на сторону поляков. Только после применения крайних мер со стороны фельдмаршала Эверта Горна недовольство временно улеглось. Однако оно вновь вспыхнуло, уже в другом отряде, когда командующий полуторатысячным отрядом Делагарди задержал полученные из Москвы средства на оплату солдат до битвы с поляками, вполне очевидно собираясь присвоить себе ту часть, которая пришла бы на долю погибших наемников¹.

Надо ли доказывать то, что и так ясно: чем иным вызвано крушение Италии, как не тем, что она долгие годы довольствовалась наемным оружием? Кое для кого наемники действовали с успехом и не раз красовались отвагой друг перед другом, но когда вторгся чужеземный враг, мы увидели, чего они стоят на деле. Так что Карлу, королю Франции, и впрямь удалось захватить Италию с помощью куска мела².

¹ Скрынников Р.Г. Борис Шуйский. С. 302-303

² По Филиппу де Коммину, это выражение принадлежит папе Александру VI. Французские квартирьеры отмечали мелом дома, отведенные под постой воинам наступающей армии.

А кто говорил, что мы терпим за грехи наши, сказал правду, только это не те грехи, какие он думал, а те, которые я перечислил. И так как это были грехи государей, то и расплачиваться пришлось им же.

В своей критике наемников Макиавелли шел вслед за Петраркой, который винил иноземных солдат во многих бедах Италии. Замечу также, что после итальянских войн иностранное военное наемничество как явление практически исчезло на территории данной страны. Испания захватила Неаполитанское королевство и Миланское герцогство и стала подлинным хозяином Италии. Независимость государств на Апеннинском полуострове стала носить призрачный характер, так что нужды в наемниках практически не стало.

Я хотел бы объяснить подробнее, в чем беда наемного войска. Кондотьеры по-разному владеют своим ремеслом: одни — превосходно, другие — посредственно. Первым нельзя довериться потому, что они будут сами домогаться власти и ради нее свергнут либо тебя, их хозяина, либо другого, но не справившись о твоих намерениях. Вторым нельзя довериться потому, что они проиграют сражение.

Действительно, немало кондотьеров добились власти в итальянских городах. Самым известным из них был уже упоминавшийся здесь несколько раз Франческо Сфорца, основавший новый княжеский род в Милане. Правда, в подавляющем большинстве случаев главы военных отрядов не метили столь высоко. Их основной целью были преимущественно деньги. Если же они и получали титулы и власть, то в основном как признание своих заслуг со стороны нанимателей.

Мне скажут, что того же можно ждать от всякого, у кого в руках оружие, наемник он или нет. На это я отвечу: войско состоит в ведении либо государя, либо республики; в первом случае государь должен лично возглавить войско, приняв на себя обязанности военачальника; во втором случае республика должна поставить во главе войска одного из граждан, и если он окажется плох — сместить его, в противном случае — ограничить законами, дабы не преступал меры. Мы знаем по опыту, что только государи-полководцы и вооруженные республики добивались величайших успехов, тогда как наемники приносили один вред.

Рим и Спарта много веков простояли вооруженные и свободные. Швейцарцы лучшие всех вооружены и более всех свободны. В древности наемников призывал Карфаген, каковой чуть не был ими захвачен после окончания первой войны с Римом, хотя карфагеняне поставили во главе войска своих же граждан. После смерти Эпаминонда фиванцы пригласили Филиппа Македонского¹ возглавить их войско, и тот, вернувшись победителем, отнял у Фив свободу. Миланцы по смерти герцога Филиппа призвали на службу Франческо Сфорца, и тот, разбив венецианцев при Караваджо, соединился с неприятелем против миланцев, своих хозяев. Сфорца, его отец, состоя на службе у Джованны, королевы Неаполитанской, внезапно оставил ее безоружной, так что, спасая королевство, она бросилась искать заступничества у короля Арагонского.

Приводимые исторические примеры, честно говоря, не впечатляют. По поводу Карфагена речь идет о событиях, которые произошли после первой Пунической войны. Вzbунтовавшиеся иностранные наемники на время

---

¹ Филипп V Македонский

поставили под вопрос само существование государства. Правда, у них была уважительная причина, поскольку наниматель отказывался им платить. Восстание было жестоко подавлено. Филипп II Македонский после победы повел себя как будто вполне в соответствии с рекомендациями Макиавелли, использовав свое доминирующее положение в Элладе для вмешательства в дела древнегреческих государств. Наемники тут совершенно не при чем.

В случае с двумя Сфорца все опять же было сложнее, чем это выглядит у Макиавелли. Муцио действительно находился на службе у Джованни II, которую называли «новой Семирамидой», и привлек ее внимание своей физической статью. В результате по требованию Пандульфо Алопо, любовника королевы, он оказался в заключении, затем был выпущен по настоянию того же Алопо, обеспокоенного заговором среди дворян и его возможными последствиями. А потом Джованна вышла замуж за Жака де ла Марка, Алопо был обезглавлен, сам Сфорца арестован и подвергнут пытке. Выпущен он был только в обмен на заложников-неаполитанцев, захваченных его сестрой Маргаритой¹. Запутанная история, не так ли? История с Франческо Сфорца также далеко неоднозначна.

В случае с двумя примерами из истории семьи Сфорца Макиавелли хочет доказать: правила игры в тогдашней Италии не подразумевали пожизненный наем кондотьеров. Однако в этом были заинтересованы обе стороны, причем наниматель больше нанимаемого, поскольку это позволяло ему экономить деньги и избавляло от шантажа и вообще опасности со стороны наемников.

Действительно кошмарной социальной проблемой, связанной с наемничеством, были последствия демобилиза-

---

¹ Коллинсон-Морлей Л. История династии Сфорца. С.-Пб.: Евразия, 2005. С. 27-30

ции. Кампания закончена, новых сражений не предвидится, держать вооруженные отряды в мирное время слишком дорого. В результате они распускаются. Тысячи мужчин, умеющих только воевать, оказываются в чужой стране (или, в случае с наемниками-итальянцами — в чужой стороне) без работы и зачастую без средств к существованию. Самые благоразумные со скопленными деньгами отправлялись на родину, но были и другие... В результате основная часть Европы в те времена была наполнена шайками грабителей, которые жили за счет грабежа мирных жителей.

Что касается мер предосторожности против удачливых полководцев, то здесь Россия дает мало примеров, соответствующих итальянскому опыту. Просто обычно московские государи чувствовали себя настолько выше своих подданных, что не могли вообразить, что те способны представлять собой какую-то опасность для власти. Одним из немногих исключений был победоносный Михаил Скопин-Шуйский, но и то, поскольку был племянником государя, а сам царь Василий III Шуйский был бездетным. Есть очень большие основания предполагать, что полководец был отравлен. Некоторые русские источники указывают, что это было совершено дочерью Малюты Скуратова Екатериной (с ведома, если не по наущению, Шуйских), которая преподнесла князю Михаилу кубок вина с ядом «на перепивание» (сейчас это называется «отвальной») на крестинах сына Воротынского. По другой версии яд поднесла жена князя Дмитрия Шуйского, брата царя, страшно ревновавшего Скопина к его славе и опасавшегося, что именно он займет трон Василия III после его смерти.

Мне скажут, что венецианцы и флорентийцы не раз утверждали свое владычество, пользуясь наемным войском, и, однако, кондотьеры их не стали государями и честно защищали хозяев. На это я отвечу, что

флорентийцам попросту везло: из тех доблестных кондотьеров, которых стоило бы опасаться, одним не пришлось одержать победу, другие имели соперников, третьи домогались власти, но в другом месте. Как мы можем судить о верности Джованни Аукута*, если за ним не числится ни одной победы, но всякий согласится, что, вернись он с победой, флорентийцы оказались бы в полной его власти. Сфорца и Браччо* как соперники не спускали друг с друга глаз, поэтому Франческо перенес свои домогательства в Ломбардию, а Браччо — в папские владения и в Неаполитанское королевство. А как обстояло дело недавно? Флорентийцы пригласили на службу Паоло Вителли*, человека умнейшего и пользовавшегося огромным влиянием еще в частной жизни. Если бы он взял Пизу, разве не очевидно, что флорентийцам бы от него не отделаться? Ибо, перейди он на службу к неприятелю, им пришлось бы сдаться; останься он у них, им пришлось бы ему подчиниться.

Макиавелли, повторю еще раз, был крайне пристрастен к кондотьерам. Его «История Флоренции» допускает откровенные неточности, когда речь идет о наемниках и их заслугах. Скажем, примеры в этой книге о фактически бескровных сражениях между кондотьерами опровергаются тогдашними итальянскими хронистами. Вообще это была проблема, при освещении которой автор «Государя» постоянно передергивал факты и допускал те или иные неточности. Иногда даже кажется, что, будь у него такая возможность, он последовал бы примеру венецианского хрониста Энрико Дандоло¹. Поневоле возникает ощущение, что он испытывал к ним по какой-то

---

¹ После того, как он закончил свою «Chronica di Venexia», Дандоло сжег все предшествующие источники, поскольку те, как, видимо, он искренне считал, могли вызвать у читателя лишь скуку и недоверие

причине личную ненависть, хотя у нас нет ни одного доказательства этого утверждения. Приходится, поэтому, удовлетвориться чисто политическими причинами, среди которых можно назвать

— наемники действительно не смогли защитить страну от вторжения французов и испанцев;

— идея создания городского ополчения в противовес наемным отрядам была крупнейшей инициативой Макиавелли в области практической политики. Причем она была даже реализована. Ее провал заставил флорентийца постоянно доказывать, что он был все же абсолютно прав. А для этого требовалось очернить институт наемников. Макиавелли в силу понятных соображений мог делать это только в письменных трудах;

— будучи республиканцем, Никколо хотел, чтобы народ имел в своих руках оружие;

— идея не просто иностранного, но *неитальянского наемничества* была неприемлема Макиавелли как патриоту своей страны;

— преклонение флорентийца перед классическими древнеримскими образцами привело к дополнительному отторжению института кондотьеров.

Указанные выше строчки в «Государе» полны удивительными даже для Макиавелли искажениями. Достаточно будет сослаться на пример Джованни Аукуты¹, как его звали в Италии, подлинное имя — сэр Джон Хоквуд*. У него была удивительная история. Макиавелли почему-то забыл, что кондотьер воевал за Флоренцию рекордно долгое время — с 1377 по 1394 год, только его заслугами государство могло сохранять военный паритет с Миланом — вещь, абсолютно невозможная впоследствии. По-

---

¹ Balestracci D. Le armi, I cavalla, l'oro. Giovanni Acuto e I condottieri nell'Italia del Trecento. Laterza, 2003

сле его смерти благодарный город заказал для Хоквуда пышное надгробие и огромную фреску во флорентийском соборе Санта Мария дель Фиоре (левая стена во втором пролете), выполненную самим Уччелло (впоследствии она стала образцом для скульптора Донателло, который использовал позу для статуи другого кондотьера, Гаттамелаты).

Очень все непросто и в случае с Паоло Вителли. Пиза, которую он нанялся взять, принадлежала Флоренции с начала XV века. Войска кондотьера по непонятным для настоящего времени причинам проявляли чрезвычайную пассивность. Совет десяти рукою своего секретаря Макиавелли повелевает ему идти на штурм, но Вителли отказывается. Он даже отводит от стен города свои отряды, в которых свирепствует малярия. В результате кондотьер был обманом захвачен, подвергнут пыткам и казнен. Так что Флоренция на деле была все же заинтересована в победе Вителли.

Что же касается венецианцев, то блестящие и прочные победы они одерживали лишь до тех пор, пока воевали своими силами, то есть до того, как приступили к завоеваниям на материке. Аристократия и вооруженное простонародье Венеции не раз являли образцы воинской доблести, воюя на море, но стоило им перейти на сушу, как они переняли военный обычай всей Италии. Когда их завоевания на суше были невелики и держава их стояла твердо, у них не было поводов опасаться своих кондотьеров, но когда владения их разрослись — а было это при Карманьоле*, — то они осознали свою оплошность. Карманьола был известен им как блестящий полководец — под его началом они разбили Миланского герцога, — но, видя, что он тянет время, а не воюет, они рассудили, что победы он не

одержит, ибо к ней не стремится, уволить же они сами его не посмеют, ибо побоятся утратить то, что завоевали; вынужденные обезопасить себя каким-либо способом, они его умертвили. Позднее они нанимали Бартоломео да Бергамо¹, Роберта да Сан-Северино*, графа ди Питильяно* и им подобных, которые внушали опасение не тем, что выиграют, а тем, что проиграют сражение. Как оно и случилось при Вайла, где венецианцы за один день потеряли все то, что с таким трудом собирали восемь столетий. Ибо наемники славятся тем, что медлительно и вяло наступают, зато с замечательной быстротой отступают. И раз уж я обратился за примером к Италии, где долгие годы хозяйничают наемные войска, то для пользы дела хотел бы вернуться вспять, чтобы выяснить, откуда они пошли и каким образом набрали такую силу.

Опять же явная пристрастность с целью оправдать свои взгляды на принципы формирования армии в современной ему Италии. Венецианцы долгое время избегали участвовать в военных действиях на суше, ограничиваясь финансированием союзников и стравливанием других государств. Однако наемники в Венеции появились прежде, чем пишет Макиавелли. Первым их призвал для охраны герцогского дворца Пьетро IV Кандиано, венецианский дож, еще в X веке, причем потому, что не доверял своим подданным². Следует также подчеркнуть, что как раз у Венеции взаимоотношения с наемниками обстояли куда стабильнее, чем у многих других итальянских государств. Причина тому — жесткий контроль над

---

¹ Бартоломео Коллеони из Бергамо

² Оке Ж.-К. Средневековая Венеция. М.: Вече, 2006. С. 57

кондотьерами, откровенная подозрительность и не менее откровенная и постоянная скупость в оплате их труда. Кстати говоря, специалисты категорически не согласны с точкой зрения Макиавелли, что упадок Венеции объяснялся использованием наемников флотом, который прежде был укомплектован венецианскими гражданами¹.

Что касается Карманьолы, то здесь тоже все куда сложнее, чем написано Макиавелли. Несколько лет этот кондотьер находился на службе миланского герцога, когда же по ряду причин был вынужден наняться в Венецию, то столкнулся с некоторыми трудностями. Венецианцы сразу же поставили его в жесткие условия и до крайности ограничили денежное довольствие. В Милане фактически в заложниках осталась его семья (жена и дочери). Герцог также не забывал своего бывшего кондотьера и даже отправил к нему убийц, которых, к счастью, перехватила венецианская контрразведка. Во время войны с Миланом действительно вел себя пассивно, чему есть несколько возможных объяснений².

Надо знать, что в недавнее время, когда империя ослабла, а светская власть папы окрепла, Италия распалась на несколько государств. Многие крупные города восстали против угнетавших их нобилей, которым покровительствовал император, тогда как городам покровительствовала Церковь в интересах своей светской власти; во многих других городах их собственные граждане возвысились до положения государей. Так Италия почти целиком оказалась под властью папы и нескольких республик. Однако вставшие у власти прелаты и граждане не привык-

---

¹ Ady C. The invasions of Italy // The New Cambridge modern history. Vol. I. The Renaissance, 1493-1520. Cambridge: The Cambridge university press, 1957. P. 348

² Более подробно см. соответствующий материал в Приложении

ли иметь дело с оружием, поэтому они стали приглашать на службу наемников. Альберико да Конио¹*, уроженец Романьи, первым создал славу наемному оружию. Его выученики Браччо и Сфорца в свое время держали в руках всю Италию. За ними пошли все те, под чьим началом наемные войска состоят по сей день. Доблесть их привела к тому, что Италию из конца в конец прошел Карл, разорил Людовик, попрали Фердинанд и предали поруганию швейцарцы.

Начали они с того, что, возвышая себя, повсеместно унизили пехоту. Это нужно было им затем, что, живя ремеслом и не имея владений, они не могли бы прокормить большого пешего войска, а малое не создало бы им славы. Тогда как, ограничившись кавалерией, они при небольшой численности обеспечили себе и сытость, и почет. Дошло до того, что в двадцатитысячном войске не насчитывалось и двух тысяч пехоты. В дальнейшем они проявили необычайную изворотливость для того, чтобы избавить себя и солдат от опасностей и тягот военной жизни: в стычках они не убивают друг друга, а берут в плен и не требуют выкупа, при осаде ночью не идут на приступ; обороняя город, не делают вылазок к палаткам; не окружают лагерь частоколом и рвом, не ведут кампаний в зимнее время. И все это дозволяется их военным уставом и придумано ими нарочно для того, чтобы, как сказано, избежать опасностей и тягот военной жизни: так они довели Италию до позора и рабства.

Первое предложение второго абзаца из этого отрывка Юсим переводит более точно: «Обычай, которого при-

---

¹ Подлинное имя — Альберико да Барбиано

держивались все наемники, желая придать себе больший вес, состоял в том, чтобы принизить роль пехоты». В противном случае получается, что речь здесь идет не о наемниках, а о швейцарцах.

В том, что касается тезиса Макиавелли, что именно наемники привели Италию к военно-политическому поражению, то здесь он в какой-то степени противоречит сам себе. Вообще существует мнение, что Никколо был не реалистом, а сюрреалистом, который видел мир через призму собственной субъективности¹. Тем не менее, совокупность политических причин бедствий Италии, которую он указывает в разных главах «Государя», выглядит вполне убедительно. А вот в отношении кондотьеров следует иметь в виду следующие обстоятельства.

Во-первых, традиционные военные действия в Италии в ту эпоху, предшествовавшую «итальянским войнам», действительно имели свою специфику, кардинально отличающую их от французской и испанской манеры вести войны. Скажем, расчетливая жестокость считалась этически неприемлемой. Именно потому население было абсолютно шокировано и чрезвычайно запугано способами ведения войны вторгшихся на Апеннины иностранных армий. А уж когда речь шла о мусульманских подразделениях испанских войск, то они попросту вызывали ужас. Во время «итальянских войн» бывали случаи, когда вырезалось население целых городов. Для Италии это было шоком.

Во-вторых, как уже указывалось выше, иностранцы в то время воевали гораздо лучше итальянцев.

В-третьих, Италия в то время была практически незнакома с артиллерией. Филипп Коммин пишет об этом довольно красноречиво².

---

¹ McIntosh D. The modernity of Machiavelli // Political theory. 1984. Vol. 12. P. 200

² Коммин Ф. Указ. соч. С.355, 359

Отмечу также, что на деле соотношение между конницей и пехотой в ту эпоху все время менялось, причем не в пользу конницы. Если уж говорить о Сфорца и Браччо, то они сформировали две военные школы, которые впоследствии были развиты их последователями. Если Браччо ориентировался в первую очередь на тяжелую кавалерию, неожиданность маневра и ввел использование чередующих волн в кавалерийских атаках, то Сфорца активно использовал пехоту, причем большими массами. Во всяком случае, оба были незаурядными полководцами.

Глава XIII

О войсках союзнических, смешанных и собственных

Союзнические войска — еще одна разновидность бесполезных войск — это войска сильного государя, которые призываются для помощи и защиты. Таковыми войсками воспользовался недавно папа Юлий: в военных действиях против Феррары¹ он увидел, чего стоят его наемники, и сговорился с Фердинандом, королем Испанским², что тот окажет ему помощь кавалерией и пехотой. Сами по себе такие войска могут отлично и с пользой послужить своему государю, но для того, кто их призывает на помощь, они почти всегда опасны, ибо поражение их грозит государю гибелью, а победа — зависимостью.

Ключевое предложение в абзаце — третье. В переводе Марка Юсима оно выглядит следующим образом: «Такие войска могут быть хороши и надежны сами по себе, но для призвавшего их почти всегда опасны, ибо в случае неудачи ты терпишь поражение, а вследствие победы оказываешься в их власти». Здесь, возможно, следует выделить следующие моменты:

— Макиавелли продолжает тотальную критику современной ему политики итальянских государей в военном вопросе, причем делает это сознательно шокирующим образом;

---

¹ В данном случае имеется в виду поход Юлия II на Феррару против Альфонсо д'Эсте в августе 1510 г.

² Фердинанд Католик

- в подходе уже с самого начала заметна полемичность;
- очевидна связь тезиса с предыдущими утверждениями о вреде *наемничества*;
- под *союзническими войсками* следует понимать подразделения иностранных армий, которые обычно с легкостью преодолевали сопротивление итальянцев;
- если в первом предложении Макиавелли пишет о «бесполезности» *союзнических войск*, то в дальнейшем начинает доказывать, что на деле они попросту вредны и даже очень опасны.

Несмотря на то, что исторические сочинения содержат множество подобных примеров, я хотел бы сослаться на тот же пример папы Юлия. С его стороны это был крайне опрометчивый шаг — довериться чужеземному государю ради того, чтобы захватить Феррару. И он был бы наказан за свою опрометчивость, если бы, на его счастье, судьба не рассудила иначе: союзническое войско его было разбито при Равенне, но благодаря тому, что внезапно появились швейцарцы и неожиданно для всех прогнали победителей, папа не попал в зависимость ни к неприятелю, ибо тот бежал, ни к союзникам, ибо победа была добыта не их оружием.

Речь идет о сражении между войсками Священной лиги, включавшей в себя Испанию, папское государство и Венецию, против французов. Франция 11 апреля 1512 г. под Равенной наголову разбивает противников, однако теряет своего замечательного, если не гениального полководца Гастона де Фуа, убитого в сражении. Макиавелли все же был пристрастен в оценке ситуации: победу Лиге принесла союзническая армия швейцарцев, которая довольно быстро очистила Италию от французов. Сейм в

Мантуе постановляет восстановить Сфорца в Милане и Медичи во Флоренции. В результате швейцарцы устанавливают власть в Милане герцога Массимилиано Сфорца. Немногим позже разгром и погром в Прато¹, городке miles в десяти от Флоренции, вынуждает власти открыть ворота перед Медичи. Иными словами, стратегическая ставка Юлия II на союзников в краткосрочном плане в этом случае полностью оправдалась. Впрочем, для Макиавелли данная тема была откровенно больной, учитывая его роль в неудачной организации обороны Прато.

Макиавелли здесь использует свой излюбленный прием, подкрепляя историческим примером свои тезисы: нельзя доверять могущественному государю, пусть он и состоит с вами в альянсе, нельзя полагаться на союзнические силы, особенно иностранные. Папа Юлий вроде бы все сделал неправильно с политической точки зрения и должен был быть наказан за это. Однако ему очень повезло, что, как утверждает автор, лишний раз доказывает правильность его максим.

Флорентийцы, не имея войска, двинули против Пизы десять тысяч французов — что едва не обернулось для них худшим бедствием, чем все, какие случались с ними в прошлом. Император Константинополя, воюя с соседями, призвал в Грецию десять тысяч турок, каковые по окончании войны не пожелали уйти, с чего и началось порабощение Греции неверными.

Говоря о решении флорентийцев, следует отметить, что у них в ту пору попросту не было другого выхода. Возвращение Пизы было больной темой для города, так

---

¹ О разгроме флорентийского ополчения см., например, Bayley C.C. Op. cit. P. 268-284

что руководство его было готово воспользоваться помощью временных союзников. Что касается последнего упомянутого Макиавелли случая, то речь идет о привычной для Византии стратегии использовать в своих интересах пограничных «варваров». Долгое время она имела успех. Так, в 1090-1091 гг. печенеги дошли до стен Константинополя. Одновременно с юга столице Византии стал угрожать турецкий пират Чаха, который в молодости провел годы при дворе Никифора Ватаниата и даже был пожалован чином. Чаха вошел в союз с печенегами и малоазиатскими сельджуками. В этот момент правивший тогда в Византии Алексей Комнин заключил альянс с половецкими ханами. В результате 29 апреля 1091 года печенеги были разгромлены и истреблены. А ханы Боняк и Туторкан стали спасителями Византийской империи. В целом же эта линия имела определенный успех, когда Константинополь еще сохранял политическое и экономическое могущество; по мере ослабления государства ставка на временных союзников себя исчерпала, что и видно в данном примере.

Итак, пусть союзническое войско призывает тот, кто не дорожит победой, ибо оно куда опасней наемного. Союзническое войско — это верная гибель тому, кто его призывает: оно действует как один человек и безраздельно повинуется своему государю; наемному же войску после победы нужно и больше времени, и более удобные обстоятельства, чтобы тебе повредить; в нем меньше единства, оно собрано и оплачиваемо тобой, и тот, кого ты поставил во главе его, не может сразу войти в такую силу, чтобы стать для тебя опасным соперником. Короле говоря, в наемном войске опаснее нерадивость, в союзническом — доблесть.

В данном случае Макиавелли имеет в виду, разумеется, практику «итальянских войн», когда союзниками тех или иных местных государей выступали Франция и Испания, желавшие закрепиться на итальянской территории. Действительно, каждый успех таких союзников приводил к упрочению их военно-политических позиций в Италии. В целом же автор хочет подчеркнуть следующие обстоятельства:

- нельзя доверять никому, кроме себя самого;
- опираться надо преимущественно на собственные силы;
- закрепить военный успех может только тот, кто гораздо сильнее своих союзников;
- призыв на помощь сильных союзников приведет к их доминированию после совместной победы;
- армия союзников повинуетя только своему государю, поэтому она опаснее, нежели разрозненные наемники;
- исходить надо из того, что опасна любая сила, которая не подчиняется тебе безраздельно. Исходя именно из этого тезиса, представляют опасность и союзники, и наемники;
- сравнительно большая опасность со стороны союзников заключается, в частности, в их потенциальной возможности быстро обратиться против тех, с кем совместно они только что воевали против одного врага. Макиавелли вообще очень ценил способность действовать быстро.

Поэтому мудрые государи всегда предпочитали иметь дело с собственным войском. Лучше, полагали они, проиграть со своими, чем выиграть с чужими, ибо не истинна та победа, которая добыта чужим оружием.

Снова как заклинание повторение прежних тезисов. Однако следует обратить внимание, что Макиавелли

даже повторы обращает в свою пользу, выдавая афоризм за афоризмом.

Без колебаний сошлюсь опять на пример Чезаре Борджа. Поначалу, когда герцог только вступил в Романью, у него была французская конница, с помощью которой он захватил Имолу и Форли. Позже он понял ненадежность союзнического войска и, сочтя, что наемники менее для него опасны, воспользовался услугами Орсини и Вителли. Но, увидев, что те в деле нестойки и могут ему изменить, он избавился от них и набрал собственное войско. Какова разница между всеми этими видами войск, нетрудно понять, если посмотреть, как изменялось отношение к герцогу, когда у него были только французы, потом — наемное войско Орсини и Вителли и, наконец — собственное войско. Мы заметим, что, хотя уважение к герцогу постоянно росло, в полной мере с ним стали считаться только после того, как все увидели, что он располагает собственными солдатами.

Собственные солдаты Борджиа были, разумеется, наемниками. Принципиальное отличие, которое Макиавелли имеет здесь в виду, состоит в том, что кондотьеры Орсини и Вителли сами вербовали себе подчиненных и с ними являлись на службу к очередному нанимателю. А в последнем случае Чезаре Борджиа лично возглавил нанятых им солдат. Кроме того, на Никколо произвел неизгладимое впечатление смотр, который Чезаре Борджиа устроил в его присутствии своим рекрутам-ополченцам. Их было целых 6 тысяч человек. Здесь, правда, есть нюанс, который меняет очень многое: Чезаре действительно призвал на парад с каждого дома по одному человеку, однако это происходило в Романье, которая традиционно

поставляла кондотьерам своих лучших мужчин. Поэтому под главенством Борджиа оказались преимущественно ветераны многих сражений и войн, люди, которых не нужно было учить владению оружием.

Я намеревался не отступать от тех событий, которые происходили в Италии в недавнее время, но сошлюсь еще на пример Гиерона Сиракузского, так как упоминал о нем выше. Став, как сказано, волею сограждан военачальником Сиракуз, он скоро понял, что от наемного войска мало толку, ибо тогдашние кондотьеры были сродни теперешним. И так как он заключил, что их нельзя ни прогнать, ни оставить, то приказал их изрубить и с тех пор опирался только на свое, а не на чужое войско.

Считается, что в данном случае Макиавелли опирается на Полибия¹. И тут возникает новая загадка. Автор «Государя», насколько известно, пользовался только печатными изданиями. Но до нашего времени не сохранилось ни одного издания шестой главы Полибия, которые были бы напечатаны до смерти Макиавелли. Только первые пять. Публикация шестой главы появилась только в 1549 г., намного позже смерти Никколо²

Макиавелли здесь ссылается на следующий исторический эпизод. Избранный правителем Сиракуз во время II Пунической войны Гиерон не хотел вести разорительную войну против господствовавшего в Средиземном море Карфагена, но добился с ним мира. Затем он выступил против мамертинцев в Мессане, которые угрожали Си-

¹ Hexter J.H. Seyssel, Machiavelli, and Polibius VI: The mystery of the missing translation // Studies in the Remnaissance. 1956. Vol. III. P. 76

² Сомнения по этому поводу см. Whitfield J.H. Discourses on Machiavelli. VII. Gilbert, Hexter and Baron // Italian studies. 1958. Vol. 13. P. 31-32

ракузам и их союзникам. Первый поход Гиерона с наемниками и ополчением в 271 г. закончился поражением на реке Киамосор. Однако ему удалось спасти ополченцев, сознательно пожертвовав наемниками, за что население Сиракуз простило ему проигрыш битвы. Именно этот случай, наверное, и имеет в виду Макиавелли. Однако в дальнейшем военном противостоянии с мамертинцами правитель все же использовал наемников¹. Вообще Макиавелли как-то называли артистом, который, на свой лад, использовал примеры, которые «были прекрасными, но без того, чтобы быть правдивыми»².

Приходит на память и рассказ из Ветхого Завета, весьма тут уместный. Когда Давид вызвал на бой Голиафа, единоборца из стана филистимлян, то Саул, дабы поддержать дух в Давиде, облачил его в свои доспехи, но тот отверг их, сказав, что ему не по себе в чужом вооружении и что лучше он пойдет на врага с собственной пращой и ножом. Так всегда и бывает, что чужие доспехи либо широки, либо тесны, либо слишком громоздки.

Карл VII, отец короля Людовика XI, благодаря фортуне и доблести освободив Францию от англичан, понял, как необходимо быть вооруженным своим оружием, и приказал образовать постоянную конницу и пехоту. Позже король Людовик, его сын, распустил пехоту и стал брать на службу швейцарцев; эту ошибку еще усугубили его преемники, и теперь она дорого обходится французскому королевству. Ибо, предпочтя швейцарцев, Франция подорвала дух своего войска: после упразднения пе-

---

¹ Полибий. Указ.соч. Т.I. С. 152

² Strauss L. Thoughts on Machiavelli. P. 45

хоты кавалерия, приданная наемному войску, уже не надеется выиграть сражение своими силами. Так и получается, что воевать против швейцарцев французы не могут, а без швейцарцев против других — не смеют. Войско Франции, стало быть, смешанное: частью собственное, частью наемное, и в таком виде намного превосходит целиком союзническое или целиком наемное войско, но намного уступает войску, целиком составленному из своих солдат. Ограничусь уже известным примером: Франция была бы непобедима, если бы усовершенствовала или хотя бы сохранила устройство войска, введенное Карлом. Но неразумие людей таково, что они часто не замечают яда внутри того, что хорошо с виду, как я уже говорил выше по поводу чахоточной лихорадки.

Последняя фраза в переводе Юсима звучит следующим образом: «Но люди по своему неблагоприятию пускаются в заманчивые поначалу предприятия, не замечая яда, кроющегося под внешней оболочкой, как я говорил выше о чахоточной лихорадке».

Довольно типичный для Макиавелли прием с публицистическим использованием исторических примеров для подтверждения своих максим. Повторы тезисов, как это часто бывает у этого автора, сдабриваются афористичностью. Что касается сути дела, то швейцарцы и немцы считались в свое время лучшими пехотинцами в Европе. С военной точки зрения они выглядели значительно эффективнее французских наемников.

Обратим также особо внимание на выделенное флорентийцем утверждение о необходимости для государя предвидеть или просчитать стратегические последствия принимаемых решений.

Поэтому государь, который проглядел зарождающийся недуг, не обладает истинной мудростью, — но вовремя распознать его дано немногим. И если мы задумаемся об упадке Римской империи, то увидим, что он начался с того, что римляне стали брать на службу наемников — готов. От этого и пошло истощение сил империи, причем сколько силы отнималось у римлян, столько прибавлялось готам. В заключение же повторяю, что без собственного войска государство непрочно — более того, оно всецело зависит от прихотей фортуны, ибо доблесть не служит ему верной защитой в трудное время. По мнению и приговору мудрых людей: «*Quod nihil sit tam infirmum aut instabile, quam fama potentiae non sua vi nixa*»¹. Собственные войска суть те, которые состояются из подданных, граждан или преданных тебе людей, всякие же другие относятся либо к союзническим, либо к наемным. А какое им дать устройство, нетрудно заключить, если обдумать действия четырех названных мною лиц и рассмотреть, как устраивали и вооружали свои армии Филипп, отец Александра Македонского, и многие другие республики и государи, чьему примеру я всецеловеряюсь.

Последнее предложением переводится Юсимом следующим образом: «Способ же учредить собственное войско нетрудно отыскать, вникая в установления четырех деятелей, названных мною выше, и рассмотрев, каких правил придерживались в отношении войска Филипп, отец Александра Великого, а также многие другие государи и республики; каковым правилам я и препоручаю себя всецело».

---

¹ «Среди дел человеческих нет ничего более шаткого и преходящего, чем обаяние не опирающегося на собственную силу могущества». Тацит. Анналы. С. 300

В целом здесь можно выделить следующие моменты:

- государям необходимы, в частности, проницательность, предусмотрительность и умение предвидеть;

- надо уметь разглядеть начало негативных политических изменений и соответствующим образом отреагировать на него;

- это умение дано немногим политическим лидерам;

- римляне недооценили рост могущества принимаемых на военную службу готов и не были готовы бороться с последствиями изменившейся ситуации;

- впоследствии превалирование «варваров» в римской армии привело к жестокому кризису и падению Римской империи;

- ни в коем случае нельзя полагаться только на *форту*ну;

- сочетание *подданных, граждан или преданных тебе людей* (в переводе Юсима «подданных, сограждан или ставленников») следует, вероятно, понимать как зависимость статуса принцепса от формы правления: в первом случае — монархия, во втором — республика; третий предполагает, очевидно, ситуацию, когда политический лидер только идет к единоличной власти, как это было в глазах Макиавелли с Цезаре Борджиа;

- четверо «названных» лиц, это, видимо, Цезаре Борджиа, Гиерон Сиракузский, Карл VII и Людовик XI.

Глава XIV

Как государь должен поступать касательно военного дела

Заключительная глава их тех, которые были посвящены военному делу. Фактически является продолжением предыдущей. Есть, правда, другая точка зрения, согласно которой первые тринадцать глав «Государя» были посвящены последовательно попытке создать науку о политике, в то время как вторая половина объясняла, почему эта попытка оказалась неудачной¹.

Таким образом, государь не должен иметь ни других помыслов, ни других забот, ни другого дела, кроме войны, военных установлений и военной науки, ибо война есть единственная обязанность, которую правитель не может возложить на другого. Военное искусство наделено такой силой, что позволяет не только удержать власть тому, кто рожден государем, но и достичь власти тому, кто родился простым смертным. И наоборот, когда государи помышляли больше об удовольствиях, чем о военных упражнениях, они теряли и ту власть, что имели. Небрежение этим искусством является главной причиной утраты власти, как владение им является главной причиной обретения власти.

В переводе Юсима последняя фраза звучит следующим образом: «Главной же причиной подобных утрат

---

¹ McCanless M. Op. cit. P. XII

является пренебрежение названным искусством, в то время как поводом к приобретению власти бывает накопленная в нем опытность».

Во многом этот отрывок — естественное утверждение для своего времени, хотя даже тогда оно выглядело гипертрофированным и, кстати говоря, противоречащим другим тезисам автора «Государя». Вообще для гражданского лица, тем более наделенного такими способностями, как Макиавелли, столь преувеличенное внимание к военному делу выглядит несколько курьезно. Наиболее язвительно об этом увлечении Никколо отозвался будущий великий полководец Фридрих II: «Макиавелли своим энтузиазмом подвергает своего государя опасности стать посмешищем в глазах света. Уделяя чересчур большое внимание военному делу, он требует, чтобы государь был только солдатом. Таким образом он превращает того в Дон Кихота, воображение которого наполнено одними только ратными подвигами, крепостями, укреплениями, атаками, линиями и нападениями. Государь исполняет свой долг лишь наполовину, если он помышляет только об одной войне. Несправедливо суждение, что государю никем другим не надлежит быть, кроме как солдатом».¹

Выдергивание цитат из труда Макиавелли было популярным еще в XVI веке. Такой путь исследования творчества автора «Государя» на деле ведет в никуда². Впрочем, не будем преувеличивать: Макиавелли не был таким наивным, как это может следовать из приведенного выше отрывка. В конце концов, он писал для государей своего времени, большинство которых искренне рассматривало войну как подлинно аристократическое занятие³. Если

¹ Фридрих Великий. Указ. соч. С. 351

² Anglo S. Machiavelli — The first century. P. 8

³ Baker-Smith D. Op. cit. P. 5

уж даже папа Юлий лично руководил войсками во время сражений, то что уж говорить о светских правителях...

С другой стороны, можно даже во времена средневековой Флоренции сослаться на примеры, которые ставят под вопрос истинность максимы Макиавелли в отношении примата военного дела для подлинного государя. Вероятно, лучший пример — Козимо Медичи, который лично мне представляется куда более значимой политической фигурой, нежели его знаменитый преемник Лоренцо Великолепный.

Обратим, однако, внимание, что Макиавелли все же не противопоставляет военное искусство искусству управления государством. Линия противопоставления здесь между погоней за удовольствиями, которая нередко была распространена в тогдашней Италии, да и не только в ней, и военным делом.

В России государей, которые бы пренебрегали проблемами обороны, никогда не было. Причина проста: особенности истории и геополитики страны не позволяли ни одному правителю пренебрегать воинским делом. Не было и обратных случаев, т.е. дословного следования максимам Макиавелли. Правда, Петр I в юности слишком увлекался потешными полками, но чрезмерность этого увлечения быстро прошла, к тому же за государственными делами в это время внимательно наблюдали бояре. Впоследствии царь, а потом император совмещал внимание к Северной войне с глубокими реформами в России. Наконец, ссылки на Павла I, который тоже вроде бы чрезмерно занимался армией, вызывают усмешку любого историка, поскольку лихорадочная увлеченность военным делом соседствовала у него с такой же увлеченностью прочими преобразованиями.

Франческо Сфорца, умея воевать, из частного лица стал Миланским герцогом, дети его, уклоняясь от

тягот войны, из герцогов стали частными лицами. Тот, кто не владеет военным ремеслом, навлекает на себя много бед, и, в частности, презрение окружающих, а этого надо всемерно остерегаться, как о том будет сказано ниже.

Согласно Юсиму, последняя фраза в данном отрывке звучит следующим образом: «Ведь оставаясь безоружным¹, наряду с другими бедствиями ты подвергаешься опасности быть презираемым, а это одна из тех позорных вещей, которых государь, как будет сказано ниже, должен остерегаться». В любом случае речь идет о презрении в отношении государя. «Быть безоружным» в любом мире и в любое время означает быть плохим государем. И здесь было бы более верно, возможно, толковать тезисы Макиавелли более расширительно, чем он сам имел в виду, поскольку термин *оружие* давно уже перестали понимать только буквально.

Ибо вооруженный несопоставим с безоружным и никогда вооруженный не подчинится безоружному по доброй воле, а безоружный никогда не почувствует себя в безопасности среди вооруженных слуг. Как могут двое поладить, если один подозревает другого, а тот, в свою очередь, его презирает? Так и государь, не сведущий в военном деле, терпит много бед, и одна из них та, что он не пользуется уважением войска и, в свою очередь, не может на него положиться.

Соответствующий перевод Марка Юсима: «Между человеком вооруженным и невооруженным нет никакого сравнения, и противно доводам разума, чтобы первый подчинялся второму, как и то, чтобы безоружный был в

---

¹ Что более точно (*essere disarmato*, как в тексте у Муравьевой)

безопасности среди вооруженных слуг. Пренебрежение в одном и подозрения в другом не позволят им действовать согласно. Так что государь, не понимающий в военном деле, кроме других несчастий, как мы сказали, не сможет вызвать уважение у своих солдат и доверять им».

Макиавелли здесь продолжает настаивать на том, что государь должен быть защищен с военной точки зрения. Этот тезис можно сравнить с пассажем в главе VI относительно пророков «вооруженных» и «невооруженных». В целом сказанное в двух отрывках можно попробовать систематизировать следующим образом.

Во-первых, государь должен быть сильным. Умение защитить себя — одна из главных добродетелей правителя. Отсутствие этого качества приводит к негативному отношению со стороны общественного мнения.

Во-вторых, сильный презирает слабого, а последний подозревает первого в намерении отнять у него власть.

В-третьих, слабый не может быть в безопасности даже когда окружен сильными сторонниками.

В-четвертых, государь должен знать военное дело, поскольку иначе он не будет пользоваться уважением своей армии и не станет доверять ей.

В-пятых, данные отрывки показывают, что недаром неоднократно отмечалась близость тезисов Макиавелли к французской концепции *raisons d'état*¹.

В России, как и в Византии, был иной менталитет. Власть государя казалась дарованной Богом и потому неоспорима вне зависимости от того, возглавлял ли князь, царь или император свои войска лично или делал это через своих полководцев. Даже поражения не вызывали падения первых лиц государства. Знаменитый Дмитрий Донской бежал от Тохта-

---

¹ Gooch G.P. Politics and morals // Studies in diplomacy and statecraft. London: Longmans, Green and Company, 1942. P. 312-313

мышья из Москвы в Кострому, однако его имиджу в народе (да и в истории) это не повредило. Василий II Темный опять же бежал от татар из своей столицы летом 1451 г. Его сын Иван III предпочитал руководить войсками в лучшем случае из расположенной в глубоком тылу ставки, а Угринское стояние, приведшее к окончательному отказу от регулярной дани Большой орде, было заслугой прежде всего прекрасного полководца князя Даниила Холмского.

В России было множество государей, которые не владели военным искусством, однако пользовались огромным почетом в стране и уважением за рубежом. Этого уважения к ним добивались их полководцы. Классический пример — Екатерина II, которая не стремилась лично поучаствовать в военных делах, причем не только потому, что была женщиной.

Поэтому государь должен даже в мыслях не оставлять военных упражнений и в мирное время предаваться им еще больше, чем в военное. Заключаются же они, во-первых, в делах, во-вторых — в размышлениях. Что касается дел, то государю следует не только следить за порядком и учениями в войске, но и самому почаще выезжать на охоту, чтобы закалить тело и одновременно изучить местность, а именно: где и какие есть возвышенности, куда выходят долины, насколько простираются равнины, каковы особенности рек и болот. Такое изучение вдвойне полезно. Прежде всего, благодаря ему лучше узнаешь собственную страну и можешь вернее определить способы ее защиты; кроме того, зная в подробностях устройство одной местности, легко понимаешь особенности другой, попадая туда впервые, ибо склоны, долины, равнины, болота и реки, предположим, в Тоскане имеют определенное сход-

ство с тем, что мы видим в других краях, отчего тот, кто изучил одну местность, быстро осваивается и во всех прочих. Если государь не выработал в себе этих навыков, то он лишен первого качества военачальника, ибо именно они позволяют сохранять преимущество, определяя местоположение неприятеля, располагаясь лагерем, идя на сближение с противником, вступая в бой и осаждая крепости.

В данном отрывке есть две стороны, и коснуться стоит обеих. По поводу пристрастия к охоте как панацеи от военных бед, есть мнение Фридриха II: «Каких только доводов он (Макиавелли — В.Р.) не использует для восхваления охоты! Он думает, что государи таким образом могут узнать многое об управлении своим государством. Итак, если бы французский король или другой какой государь захотел узнать свои земли, то ему надлежало бы все время заниматься охотой»¹. И далее следует такое детальное развенчание мнения Макиавелли насчет пользы охоты для государя, что я приглашаю желающих самим бросить взгляд на эти строки.²

Не знаю, что побудило флорентийца воспевать преимущества охоты, однако он был очень точен в подчеркивании необходимости изучения топографии местности, где могут начаться боевые действия с неприятелем. Это мнение настолько справедливо, что с ним невозможно спорить. (В конце концов, у него охота для изучения топографии, а не наоборот). Очень интересно, что Фридрих этого и не делает. Практически весь его анализ данной главы у Макиавелли посвящен критике охоты вообще и отношения к ней Никколо в частности. Пристрастность тогдашнего принца Пруссии очевидна и не требует особых доказательств.

---

¹ Фридрих Великий. Указ. соч. С. 350

² Там же. С. 350-355

Филопемени*, главе ахейского союза, античные авторы расточают множество похвал, и, в частности, за то, что он и в мирное время ни о чем не помышлял, кроме военного дела. Когда он прогуливался с друзьями за городом, то часто останавливался и спрашивал: если неприятель займет тот холм, а наше войско будет стоять здесь, на чьей стороне будет преимущество? как наступать в этих условиях, сохраняя боевые порядки? как отступать, если нас вынудят к отступлению? как преследовать противника, если тот обратится в бегство? И так, продвигаясь вперед, предлагал все новые и новые обстоятельства из тех, какие случаются на войне; и после того как выслушивал мнения друзей, высказывал свое и приводил доводы в его пользу. Так постоянными размышлениями он добился того, что во время войны никакая случайность не могла бы застигнуть его врасплох.

Типичное для Макиавелли публицистическое подтверждение своих тезисов историческим примером. Однако Филопемени был все же стратегом, а не правителем. Кроме того, на деле, если верить античной историографии, он действовал отнюдь не так, как описал Макиавелли¹.

Что же до умственных упражнений, то государь должен читать исторические труды, при этом особо изучать действия выдающихся полководцев, разбирать, какими способами они вели войну, что определяло их победы и что — поражения, с тем, чтобы одерживать первые и избегать последних. Самое же главное — уподобившись многим великим людям прошлого, принять за образец кого-либо из

---

¹ См. Примечание, Филопемени

прославленных и чтимых людей древности и постоянно держать в памяти его подвиги и деяния.

Практически здесь речь идет о подражании — одном из главных принципов гуманизма и Возрождения¹. Макиавелли действительно был сторонником образования, полученного путем изучения примеров из прошлого. При этом он делал упор не на абстрактные принципы, а на конкретные примеры. Что касается важности чтения государями исторических трудов, то это мнение было широко распространено в ту эпоху². Кстати говоря, оно имеет резон и в наше время.

Так, по рассказам, Александр Великий подражал Ахиллу, Цезарь — Александру, Сципион* — Киру*. Всякий, кто прочтет жизнеописание Кира, составленное Ксенофонтом*, согласится, что, уподобляясь Киру, Сципион весьма способствовал своей славе и что в целомудрии, обходительности, человечности и щедрости Сципион следовал Киру, как тот описан нам Ксенофонтом.

А вот тут уже речь идет о подражании подражанию: государя призывают подражать тем, кто подражал другим. Как к этому относился Фридрих, можно видеть несколько раньше. Между тем, сам принцип, подчеркну еще раз, являлся вполне гуманистическим³. Стоит также обратить внимание, что несколькими главами позже Макиавелли поставит под сомнение политическую значимость «обходительности» и «человечности» древнеримского полководца.

¹ См по этому поводу, например, Huling M. Op. cit. P. 130-167; Pitkin H. Fortune is a woman. Berkeley: Berkeley university press, 1983. P. 268

² См., например, Коммин Ф. Указ. соч. С. 119-120

³ Kahn V. Op. cit. P. 64

Мудрый государь должен соблюдать все описанные правила, никогда не предаваться в мирное время праздности, ибо все его труды окупятся, когда наступят тяжелые времена, и тогда, если судьба захочет его сокрушить, он сумеет выстоять под ее напором.

У Юсима это предложение переводится следующим образом: «Мудрый государь должен поступать подобным образом и в спокойное время никогда не предаваться праздности, а тратить его на приобретение навыков, которыми можно будет воспользоваться при благоприятных обстоятельствах, с тем, чтобы быть готовым противостоять капризам судьбы».

Видимо, это ключевая фраза в данном абзаце, да и вообще в главе. Суть ее в следующем.

Первое. Государь должен следовать указаниям Макиавелли.

Второе. Государь должен учитывать фактор изменчивости ситуации. Наилучшая политика — постоянно готовиться к худшему.

Третье. Государь должен быть готов к тому, что, рано или поздно, *фортуна* изменит свое отношение к нему. Если он заблаговременно выстроит свои укрепления против ее очередного каприза, то у него, возможно, будет шанс ему противостоять.

Обратим особое внимание на последнее утверждение. Оно имеет одно из центральных постулатов в мировоззрении Макиавелли. Как жалко, что нельзя спросить Никколо, пришел ли он к этому положению умозрительно или вывел его исходя из сделанных им самим жизненных ошибок. Пожалуй, и то и другое.

Глава XV

За что людей, в особенности государей, восхваляют или порицают

Некотрые исследователи полагают XV главу чуть ли не ключевой в творчестве Макиавелли, поскольку видят в ней набросок главных черт его работ¹. Кроме того, с этой главы начинается текст, посвященный государю и субъектам его политики или же друзьям (до главы XXIII)².

С пятнадцатой по девятнадцатую главы видно, что Макиавелли все же имел этическую систему, которая была развита строго в соответствующих терминах. Этика «Государя» — героическое правление и управление основателя или завоевателя государства. Именно поэтому она базируется на агонии и борьбе, даже раздоре³. Схожая точка зрения состоит в том, что главы с пятнадцатой по семнадцатую определяют «моральные основы для обществ», основанные, в частности, на справедливости как неограниченной и равной возможности⁴. Есть также мнение, что начиная с этой главы по двадцать первую Макиавелли первым формулирует то, что известно сегодня как доктрина военного сдерживания, которая зависит не столько от военных возможностей и готовности

¹ Юсим М.А. Истина у Макьявелли и у гуманистов. С. 77.

² Strauss L. Machiavelli's intention. P. 14

³ Barberi Squarotti G. Il "sistema" del Machiavelli // Studi in onore di Alberto Chiari. Vol. I. Brescia: Paidella editrice, 1973. P. 109-119

⁴ Orwin C. Machiavelli's unchristian charity // American political science review. 1978. Vol. 72. P. 1217-1228

использовать их, сколько от обмена посланиями о таких возможностях и готовностях¹.

Позиции разные, однако в любом случае видно, что XV глава, по мнению политологов, занимает одно из основных, если не ключевое место в этой книге

В XV главе Макиавелли добавляет к концепции национального интереса теорию *необходимости* (*necessità*), заменяя моральное право эмпирической необходимостью, т.е. относительными ценностными стандартами. В своих максимах он не видел противоречия, поскольку *необходимость* была для него единым причинным механизмом как для морального поведения, так и для аморальных методов в политике².

В пятнадцатой главе политика становится двусмысленной категорией, одновременно морально несостоятельной и необходимой для выживания. В конце концов она возникает как автономный феномен, который находится вне морали³. Не случайно указывалось, что в «Государе» политическая власть содержит свое собственное отрицание⁴.

Стоит отметить, что эта глава была изъята из работы Нифо. Скорее всего, астролога и комментатора Аристотеля смутило то, что Никколо делал здесь упор на разрыв между тогдашней политической теорией и политической практикой. История рассудила, кто из двух авторов был прав.

Глава начинается с ряда противопоставлений, которые имеют для Макиавелли особый смысл.

---

¹ McCanless M. Machiavelli and the paradoxes of deterrence // *Dialectics*. 1984. Vol. 14. P. 12

² Meinecke F. Op. cit. P. 40-45

³ Zeppi S. Studi sul Machiavelli pensatore. Milan: Cesviet, 1978. P. 59-60

⁴ McCanless M. Machiavelli's *Principe* and the textualization of history // *Modern language notes*. 1984. Vol. 97. P. 18

Теперь остается рассмотреть, как государь должен вести себя по отношению к подданным и союзникам. Зная, что об этом писали многие, я опасаясь, как бы меня не сочли самонадеянным за то, что, избрав тот же предмет, в толковании его я более всего расхожусь с другими. Но, имея намерение написать нечто полезное для людей понимающих, я предпочел следовать правде не воображаемой, а действительной — в отличие от тех многих, кто изобразил республики и государства, каких в действительности не знал и не видывал.

Отметим сначала, что перевод концовки данного отрывка выглядит более адекватным у Юсима: «Многие воображали себе республики и княжества на деле невиданные и неслыханные...» Что касается отмеченных выше противопоставлений, то первое из них — себя и «многих» других авторов — основано на двух основных моментах, причем второе дополняет первое.

Во-первых, Макиавелли противопоставляет себя тем, кто следует «воображаемой правде». Он имеет в виду максимы книги, которые противостояли тем, что основывались на узком политическом идеализме и предполагали существование политического строя, который никогда не существовал¹. Замечание при большом желании можно посчитать как направленное в адрес Платона с его «Государством», однако Никколо почти наверняка имел в виду своих куда более современных коллег. Эта реплика имеет целый ряд аспектов, в том числе

— речь идет едва ли не о ключевом моменте в научном познании, причем во всех дисциплинах;

— флорентиец здесь очень четко проводит грань между своими предшественниками и собственным трудом. Факти-

---

¹ Baker-Smith D. Op. cit. P. 2

чески он отметаает идеи своих предшественников как истекающие из неверных посылок и провозглашает себя родоначальником нового направления в науке и политике;

— Макиавелли в данном случае использовал беспроигрышный ход в заочной полемике с конкурентами, полемически обвинив их в незнании предмета, о котором они пишут;

— поскольку эти «сомнительные» авторы пишут о государствах на деле «невиданных и неслыханных», то читатель автоматически приходит к уверенности, что уж в книге Макиавелли этого нет, что тот четко знает свой предмет и конкретно рассказывает о конкретных государственных делах.

Во-вторых, противопоставление идет конкретно с теми, кто поддерживает распространенное мнение о том, что, говоря современным языком, политика должна делаться чистыми руками, отвечать требованиям морали и быть безукоризненной в этическом отношении. Марк Юсим считает высказывание относительно правды «не воображаемой, а действительной» едва ли не ключевым в творчестве Макиавелли. Комментируя Карла Маркса, заявившего, что, «начиная с Макиавелли, Гоббса, Спинозы и т.д. в новейшее время, не говоря уже о более ранних авторах, сила изображается как основа права; благодаря этому теоретическое рассмотрение политики освободилось от морали и был выставлен постулат самостоятельного подхода к политике»¹, он высказывает мнение, что освобождение теоретического анализа политики от морали не значит, что оно «вообще исключило мораль, а тем более оценочные суждения людей из поля зрения науки». ² Еще одна точка зрения: цель Макиавелли в его

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е издание. Т. 3. С. 314.

² Юсим М.А. Этика Макиавелли. С. 14.

рассуждениях — «подлинная правда». Из рассуждений итальянского мыслителя видно, что «он не столько разделил политику и мораль, сколько взглянул со стороны на ценностные ориентиры, которыми проникнута вся политическая жизнь»¹.

Мнений множество, часть из них можно как-то соединить если не в единое целое, то в единую общность, а вот часть высказываний откровенно противоречат друг другу. Читатель этой книги, вероятно, уже привык к данной ситуации. Противоречив был не только Никколо, к единой точке зрения не могли прийти и его комментаторы.

В частности, выглядит вроде бы неоспоримой мысль, что Макиавелли был не моралистом или философом, а политическим мыслителем². Скептик мог бы сказать — как бы ни так, он не был ни первым, ни вторым, ни третьим. Оптимист сказал бы, что автор «Государя» совмещал в своем подходе все три названных свойства. Супероптимист (автор данных комментариев) добавил бы к этому перечню еще и качества политического аналитика и политконсультанта. Интересно, что все были бы одновременно правы и неправы. Представляю, как бы хохотал над этими мнениями легкомысленный Никколо...

Ибо расстояние между тем, как люди живут и как должны бы жить, столь велико, что тот, кто отвергает действительное ради должного, действует скорее во вред себе, нежели на благо, так как, желая исповедовать добро во всех случаях жизни, он неминуемо погибнет, сталкиваясь с множеством людей, чуждых добру. Из чего следует, что государь, если он хочет сохранить власть, должен приобрести

---

¹ Там же. С. 15.

² Matteucci N. Ancora sul naturalismo del Machiavelli // Revista critica della storia della filosofia. 1962, T. 17. P. 75-84

умение отступать от добра и пользоваться этим умением смотря по надобности.

В переводе Юсима: «Многие воображали себе республики и княжества на деле невиданные и неслыханные, ведь между тем, как люди живут, и тем, как они должны были бы жить, огромная разница, и кто оставляет то, что делается, ради того, что должно делаться, скорее готовит себе гибель, чем спасение, потому что человек, желающий творить одно только добро, неминуемо погибнет среди стольких чуждых добру. Поэтому государю, желающему сохранить свою власть, нужно научиться быть не добрым и пользоваться этим умением в случае необходимости».

Здесь мы сталкиваемся со вторым противопоставлением, которое Макиавелли вводит в этой части книги: есть действительное и есть должное. Второе, судя по контексту, заслуживает всяческого уважения. Однако отрыв от действительности в пользу идеальных схем государственной политики приводит к крушению власти и режима.

Отметим здесь крайнюю осторожность, с которой Никколо проводит свои тезисы. В «Государе» действительно сочетаются традиционное внешнее обрамление и революционная сущность¹. Правитель не виноват, что практическая политика заставляет его в случае необходимости отказываться от добра — мир полон людей, чуждых этому качеству, и конкурировать с ними на равных придерживаясь идеальных этических норм, невозможно.

Если же говорить не о вымышленных, а об истинных свойствах государей, то надо сказать, что во всех людях, а особенно в государях, стоящих выше прочих людей, замечают те или иные качества, за-

---

¹ Strauss L. "Machiavelli's intention. P. 19

служивающие похвалы или порицания. А именно: говорят, что один щедр, другой скуп — если взять тосканское слово, ибо жадный на нашем наречии — это еще и тот, кто хочет отнять чужое, а скупым мы называем того, кто слишком держится за свое — один расточителен, другой алчен; один жесток, другой сострадателен; один честен, другой вероломен; один изнежен и малодушен, другой тверд духом и смел; этот снисходителен, тот надменен; этот распутен, тот целомудрен; этот лукав, тот прямодушен; этот упрям, тот покладист; этот легкомыслен, тот степенен; этот набожен, тот нечестив и так далее. Что может быть похвальнее для государя, нежели соединять в себе все лучшие из перечисленных качеств? Но раз в силу своей природы человек не может ни иметь одни добродетели, ни неуклонно им следовать, то благоразумному государю следует избегать тех пороков, которые могут лишить его государства, от остальных же — воздерживаться по мере сил, но не более.

Последняя фраза в переводе Юсима выглядит следующим образом: «И я знаю, каждый объявит, что для государя самое похвальное — придерживаться вышеописанных качеств, то есть тех, которые почитаются хорошими, но поскольку невозможно ни иметь, ни соблюдать их полностью, ибо этого не позволяют условия человеческого существования, ему следует быть достаточно благоразумным, чтобы избежать дурной славы тех пороков, которые могут отнять у него государство, и остерегаться тех, которые не так опасны, если это возможно».

Речь здесь идет о политической рациональности в борьбе за сохранение власти. Причем говорится уже не о том, что нельзя быть добрым в мире злых; Макиавелли здесь ут-

верждает, что государь не может не иметь пороков, для него самое важное избегать тех, которые лишили бы его места правителя. Причем, судя по перечисленным качествам руководителей государства, в данном тезисе говорится не о пороках, но о недостатках, не более того. Эта идея не была понята в прежнее время. Справедливо утверждают, что Макиавелли стал жертвой своего времени, тогда еще не готового заменить христианский трансцендентализм на понимание значения человеческого фактора¹. А вот каким видеть этот человеческий фактор — дело другое, здесь с автором книги можно и поспорить. Только он все равно не услышит.

И даже пусть государи не боятся навлечь на себя обвинения в тех пороках, без которых трудно удержаться у власти, ибо, вдумавшись, мы найдем немало такого, что на первый взгляд кажется добродетелью, а в действительности пагубно для государя, и наоборот: выглядит как порок, а на деле доставляет государю благополучие и безопасность.

А вот здесь Макиавелли приводит к яркому финалу свое предыдущее рассуждение. Причем он выступает здесь не только как философ, но и как политический консультант, предлагающий государю свои советы. Главная цель — сохранение власти. Остальное — вторично.

Есть точка зрения, согласно которой «Государь» — это аморальный труд, чьей основной идеей является «цель оправдывает средства». Это работа якобы не может даже считаться патриотической, поскольку проповедует насилие². Да, «Государь» и в самом деле был вроде бы пря-

¹ Janoska-Bendl J. Niccolò Machiavelli: Politik ohne Ideologie // Archiv für Kulturgeschichte. 1958. T. 40. S. 340

² Tredici G. Niccolò Machiavelli, maestro di politica ai giovani d'Italia // Saggi filosofici ed altri scritti. Brescia: Morcelliana, 1958. PP. 159-170

мым оправданием концепции власти как манипуляции, контроля и господства¹. Бенедетто Кроче как-то отметил, что в творчестве Макиавелли отражается расколота душа и расколотое сознание из-за утверждения, что во имя спасения государства государь должен быть готов не только потерять репутацию, но и отказаться от спасения души². Пожалуй, он был прав.

Но в этических вопросах, связанных с государством, Макиавелли интересуют только интересы государя³ и государства. Макиавелли действовал как ученый, который изучает живой организм для того, чтобы поставить диагноз и установить то, что с ним в действительности происходит. Чтобы вылечить болезнь, временами требуется горькое лекарство, но в этом и состоит ответственность целителя, что он готов его применить⁴. Проблема в том, что мы никогда не сможем с уверенностью сказать, был ли Никколо готов в полной мере взять на себя роль целителя в этой ситуации не в теории, а на практике. Кому тут больше повезло — неизвестно.

---

¹ Skolimowski Power: Myth and reality //

² Croce B. Machiavelli and Vico — politics and ethics // Politics and morals. London: George Allen and Unwin, Ltd., 1946. P. 250-256

³ Hexter J.H. The loom of language and the fabric of imperative. P. 958

⁴ Secchi-Tarugi G. La 'realta' effettuale' in Niccolò Machiavelli // Machiavelli attuale/ Machiavel actuel. Ravenna: Longo, 1982. P. 65-73

Глава XVI

О щедрости и бережливости

В этой главе Макиавелли вполне закономерно для себя обрушился на те средневековые представления, которые ему казались неподходящими современному государю. Не случайно автора этой книги называли безоружным капитаном, лидером, ведущим духовную войну¹. Впрочем, свои идеи он проводит здесь вполне осторожно, как обычно ему и свойственно.

Начну с первого из упомянутых качеств и скажу, что хорошо иметь славу щедрого государя.

Речь здесь идет об одном из основных понятий рыцарства, воспетого во многих балладах и считавшемся неотъемлемой частью поведения уважаемого государя. Бросается в глаза, что автор начинает свои размышления с полного одобрения *щедрости*. Разумеется, только для того, чтобы потом выступить против нее.

В отличие от Европы, для России это явление — *щедрость* государя — было крайне редким. Это легко объяснить, потому что большая часть истории страны прошла в условиях крайней ограниченности материальных и финансовых ресурсов. Кроме того, здесь не были знакомы, а потому не прижились европейские средневековые понятия, связанные с рыцарством. Определенную сдер-

---

¹ Strauss L. Thoughts on Machiavelli. P. 154, 172

живающую роль в начальные периоды истории страны сыграло и православие, призывавшее к милосердию в отношении обездоленных, а не проявлениям мотовства, каковым часто казалось щедрое поведение князей в отношении своего окружения. Наконец, не следует забывать и о том, что несколько столетий Русь платила изрядную дань своим восточным соседям. Так что настоящая щедрость встречается у нас преимущественно в былинах, особенно посвященных Владимиру Красное Солнышко.

Тем не менее, тот, кто проявляет щедрость, чтобы слыть щедрым, вредит самому себе. Ибо если проявлять ее разумно и должным образом, о ней не узнают, а тебя все равно обвинят в скупости, поэтому, чтобы распространить среди людей славу о своей щедрости, ты должен будешь изощряться в великоленных затеях, но, поступая таким образом, ты истощишь казну, после чего, не желая расставаться со славой щедрого правителя, вынужден будешь сверх меры обременить народ податями и прибегнуть к неблагоприятным способам изыскания денег. Всем этим ты постепенно возбудишь ненависть подданных, а со временем, когда обеднеешь, — то и презрение. И после того как многих разоришь своей щедростью и немногих облагодетельствуешь, первое же затруднение обернется для тебя бедствием, первая же опасность — крушением. Но если ты вовремя одумаешься и захочешь поправить дело, тебя тотчас же обвинят в скупости.

Согласно переводу Юсима, данный отрывок выглядит следующим образом: «Итак, начиная с первого из вышеназванных качеств, скажу, что было бы очень хорошо считаться щедрым, однако прилагаемые для этого усилия

принесут тебе вред, ибо употребленная с достоинством, как и должно, щедрость останется никому не известной, и ты не избежишь при этом нареканий в скупости. Если же ты хочешь сохранить среди людей звание щедрого, то не следует пренебрегать ни одним из видов излишеств, так что поступающий подобным образом государь истратит на такие предприятия все свое достояние и в конце концов будет вынужден, желая сохранить за собой имя щедрого, чрезмерно обременять своих подданных и обложить их тяжкими налогами, прибегая ко всем ухищрениям, чтобы получить деньги. Это вызовет к нему ненависть в народе, а бедность — пренебрежение окружающих, так что наградив своей щедростью немногих и раздражив из-за нее большинство, этот государь дорого заплатит за первые же трудности и будет смертельно рисковать при первой же опасности. Но если, предвидя это, он захочет повернуть вспять, его тотчас же обвинят в скупости».

Фактически в этом отрывке Макиавелли выступает против одного из основных постулатов тогдашней европейской политики, доказывая, что невозможно быть средневековому **щедрым** и, одновременно, **успешным** государем. Возможно, это как раз тот случай, когда справедливо мнение, что советы Макиавелли государю в этой книге аналогичны отношениям между преподавателями и студентами¹.

В целом же автор «Государя» здесь утверждает следующее:

— *щедрость* — вещь хорошая. Скорее всего, в этом случае Макиавелли применяет обычный прием, делая с самого начала уступку общественному мнению, чтобы затем опровергнуть устоявшуюся точку зрения;

---

¹ Johnston W. Machiavelli on the teacher as diplomat // Journal of general education. 1967. Vol. 18. P. 251-256

— действия, которые принесли бы государю славу *щедрого*, принесут ему на деле политический вред.

Дальше следуют доказательства последнего утверждения. Суть их в том, что последствия *щедрости* вызовут к правителю ненависть или презрение общества. Причем, по мнению Макиавелли, особенность этой политики такова, что не допускает исправления сделанных ошибок. Легко заметить, что автор, как обычно, делает упор на отношение к государю его подданных, видя в этом моменте одну из основных составляющих его личной власти.

Итак, раз государь не может без ущерба для себя проявлять щедрость так, чтобы ее признали, то не будет ли для него благоразумнее примириться со славой скупого правителя? Ибо со временем, когда люди увидят, что благодаря бережливости он удовлетворяется своими доходами и ведет военные кампании, не обременяя народ дополнительными налогами, за ним утвердится слава щедрого правителя. И он действительно окажется щедрым по отношению ко всем тем, у кого ничего не отнял, а таких большая часть, и скупым по отношению ко всем тем, кого мог бы обогатить, а таких единицы.

Говоря современным языком, речь здесь идет не столько о *щедрости*, сколько об имидже государя. В Италии забота о том, как правитель выглядит в глазах подданных, была обязательным элементом политики. У Макиавелли и раньше звучало, что для государя в этом отношении важнее **казаться**, чем **быть**. В принципе, к чему ведут сделанные выше замечания? Во-первых, государь должен проявлять *щедрость* так, чтобы она была позитивно оценена гражданами. К тому же он обязан сделать это без ущерба для своей власти. Во-вторых, если сказанное только что не-

возможно, то надо смириться с ситуацией и быть готовым к имиджу *скупого*. Положительная сторона данного подхода состоит в том, что, в конце концов, подданные увидят в своем правителе человека *щедрого*. Просто потому, что он ничего ни у кого не отнимет для удовлетворения своего честолюбия и исполнения своих обязанностей. В-третьих, подобная политика приведет к нему сердца подавляющего большинства граждан. Недовольными же окажутся только единицы. Баланс — в пользу такого подхода.

В наши дни лишь те совершили великие дела, кто прослыл скупым, остальные сошли неприметно. Папа Юлий желал слыть щедрым лишь до тех пор, пока не достиг папской власти, после чего, готовясь к войне, думать забыл о щедрости. Нынешний король Франции¹ провел несколько войн без введения чрезвычайных налогов только потому, что, предвидя дополнительные расходы, проявлял упорную бережливость. Нынешний король Испании² не принял бы и не выиграл стольких кампаний, если бы дорожил славой щедрого государя.

Здесь Макиавелли иллюстрирует свои тезисы близкими ему по времени примерами. Относительно большая сосредоточенность Макиавелли в этом случае на современных ему эпизодах, нежели на античных, объясняется, в частности, тем, что первые больше подталкивали к действиям в тогдашней Италии³.

Как бы то ни было, три наиболее влиятельных в тогдашней Италии государя — папа и сюзерены Франции и Испании — своим поведением подкрепляли его точку

---

¹ Людовик XII

² Фердинанд Католический

³ Strauss L. "Machiavelli's intention. P. 20

зрения. Это было для флорентийца неперенным условием — ведь он в данном случае выступил против устоявшейся в политической культуре Европы традиции считать *щедрость* государя позитивным явлением.

Итак, ради того чтобы не обирать подданных, иметь средства для обороны, не обеднеть, не вызывать презрения и не стать поневоле алчным, государь должен пренебречь славой скупого правителя, ибо скупость — это один из тех пороков, которые позволяют ему править.

В переводе Юсима: «Поэтому государь, не желающий грабить своих подчиненных, быть беззащитным, стать нищим и презираемым, быть принужденным к хищничеству, не должен тяготиться прозванием скупого, ибо это один из тех пороков, которые позволяют ему править».

Обратим внимание, что здесь Макиавелли прямо называет *скупость* пороком. Одновременно он утверждает, что именно это качество (т.е. «скупость») позволяет государю успешно править. Учитывая подход флорентийца к данному произведению, легко сделать вывод, что термин «порок» в этом случае не имел общепризнанного значения. Речь может идти только о необходимом жесте в отношении публики. На деле автор «Государя» считает «скупость» достоинством.

Революция, которую произвели тезисы Макиавелли в «Государе», была слишком жесткой и неожиданной для его современников. Временами, как в этом случае, кажется, что сам автор вроде бы стесняется своих воззрений. На первый взгляд, было бы естественным, чтобы он заявил, что *бережливость* и даже *скупость* не являются пороками для государей; однако флорентиец по-прежнему использует этот термин в отношении рекомендуемой им линии поведения. Вывод отсюда, на мой взгляд, следую-

щий: автор внешне побаивается слишком решительно рвать с предрассудками не только своей эпохи, но и прошедших столетий, а потому соблюдает осторожность и делает демонстративные уступки своему читателю.

Если мне скажут, что Цезарь проложил себе путь щедростью и что многие другие, благодаря тому, что были и слыли щедрыми, достигали самых высоких степеней, я отвечу: либо ты достиг власти, либо ты еще на пути к ней. В первом случае щедрость вредна, во втором — необходима. Цезарь был на пути к абсолютной власти над Римом, поэтому щедрость не могла ему повредить, но владычеству его пришел бы конец, если бы он, достигнув власти, прожил дольше и не умерил расходов. А если мне возразят, что многие уже были государями и совершали во главе войска великие дела, однако же слыли щедрейшими, я отвечу, что тратить можно либо свое, либо чужое. В первом случае полезна бережливость, во втором — как можно большая щедрость.

Если не брать во внимание пример с Чезаре, то получается, что максима Макиавелли в этом случае выглядит следующим образом: *щедрость* нужна на пути к власти, поскольку соответствует улучшению имиджа честолюбивого претендента, а затем она становится опасной для государя, поскольку разоряет его казну, а заодно и страну. Правда, несколько выше флорентиец очень тонко дал понять, что правитель может быть бережливым, но **казаться** щедрым; очевидно, что нужно эти тезисы иметь в виду как связанные друг с другом. Хороший имидж нужен всегда, просто желаемый облик политика достигается различными способами в зависимости от того, какие непосредственные задачи ему предстоит решать.

Некоторая непоследовательность Макиавелли здесь связана, на мой взгляд, с уже указанным выше обстоятельством: он чувствует, что критикует одну из важнейших черт политических представлений того времени, и пытается не идти напролом, а, вместо этого, делать оговорки. Это не понял Фридрих II, подвергший эту главу, по своему обыкновению, полному разгрому¹. Правда, наследный принц и в этом случае оказался слишком пристрастен. Например, он утверждает, что Макиавелли в данной главе «не отличает щедрости от расточительства»², но это мнение очень напоминает старинный прием приписать своему оппоненту какое-нибудь воззрение, а потом критиковать его за якобы допущенную ошибку. На деле флорентиец в полемических целях сознательно смешивает *щедрость* и *расточительство* государя, пытаясь тем самым подорвать один из основных постулатов этики европейского Средневековья.

Если ты ведешь войско, которое кормится добычей, грабежом, поборами и чужим добром, тебе необходимо быть щедрым, иначе за тобой не пойдут солдаты. И всегда имуществу, которое не принадлежит тебе или твоим подданным, можешь раздаривать щедрой рукой, как это делали Кир, Цезарь и Александр, ибо, расточая чужое, ты прибавляешь себе славы, тогда как расточая свое — ты только себе вредишь.

Снова автор оговаривается, не отказываясь, впрочем, от своей максимы. *Щедрым* государь может быть, когда ведет за собой войско, занимающееся грабежами. Звучит вроде бы шокирующее. На деле это не так. Армию, жи-

---

¹ Фридрих Великий. Указ. соч. С. 356-359

² Там же. С. 358

вущую за счет добычи на чужой территории, остановить от грабежей в то время было невозможно. Эта тенденция продлится на столетия. Поэтому речь идет не о намеренной *щедрости*, но о признании реалий.

Макиавелли в данном случае отражает предубеждения своего времени, считая нормальным, что армия живет за счет населения страны, где ведется война. Это было распространено еще с древности. Скажем, диадорхи Александра Македонского во время междоусобных войн пытались облегчить положение населения на территориях, которые считали своими. Зато в захваченных странах грабежам и насилию не было предела. Абсолютно так же действовали и перечисленные автором «Государя» полководцы. Для сегодняшнего дня это выглядит неприемлемым (хотя периодически случается).

Ничто другое не истощает себя так, как щедрость: выказывая ее, одновременно теряешь самую возможность ее выказывать и либо впадаешь в бедность, возбуждающую презрение, либо, желая избежать бедности, разоряешь других, чем навлекаешь на себя ненависть. Между тем презрение и ненависть подданных — это то самое, чего государь должен более всего опасаться, щедрость же ведет к тому и другому. Поэтому больше мудрости в том, чтобы, сльвя скупым, стяжать худую славу без ненависти, чем в том, чтобы, желая прослыть щедрым и оттого поневоле разоряя других, стяжать худую славу и ненависть разом.

В переводе Юсима этот отрывок выглядит следующим образом: «Нет ничего более расточительного, чем щедрость, ведь, прибегая к ней, ты все более теряешь эту способность и становишься либо бедным, либо презираемым, либо, при попытке избежать нищеты, алчным и

всем ненавистным. А среди того, чего должен остерегаться государь, находятся ненависть и презрение; щедрость же приводит и к тому и к другому. Таким образом, более мудро довольствоваться званием скупого, которое влечет за собой дурную славу, но не ненависть, чем для прославления собственной щедрости быть вынужденным прослыть хищником, что навлечет на тебя и порицание, и ненависть».

Макиавелли в этом пассаже прибегает к сразу нескольким афоризмам, отчего его доводы становятся все более убедительными. Для закрепления эффекта он в очередной раз обращается к повторам. Обратим также внимание, что центральный тезис соответствует общему подходу к анализу соотношения добродетелей и пороков: лучше иметь порок, который сохранит за государем его власть, нежели лишиться власти из-за того, что считается добродетелью.

Сказанное выше можно прокомментировать следующим образом:

— Макиавелли предлагает все новые аргументы для опровержения одной из догм Средневековья;

— *щедрость* противопоказана государю потому, что лишает его возможности проявить *щедрость*;

— бедность государя из-за показной *щедрости* вызывает презрение и даже ненависть общества, чего правитель должен опасаться в первую очередь;

— *скупость* не ведет к ненависти подданных.

Глава XVII

О жестокости и милосердии и о том, что лучше внушать: любовь или страх

Типично макиавеллиевская постановка вопроса. Причем легко догадаться, в чью пользу будет сделан выбор автора. И сколько бы ни писали, что философия Макиавелли была одновременно пессимистической и прагматической, ведомой высокими этическими стандартами¹, все равно заметно, что флорентиец сознательно пытается шокировать читателя уже одним названием своей главы.

Переходя к другим из упомянутых выше свойств, скажу, что каждый государь желал бы прослыть милосердным, а не жестоким, однако следует остерегаться злоупотребить милосердием. Чезаре Борджа многие называли жестоким, но жестокостью этой он навел порядок в Романье, объединил ее, умиротворил и привел к повиновению. И, если вдуматься, проявил тем самым больше милосердия, чем флорентийский народ, который, боясь обвинений в жестокости, позволил разрушить Пистойю.

В куда более точном переводе Юсима это звучит так: «Переходя, далее, к другим из вышеназванных качеств, скажу, что всякий государь должен стремиться к тому, чтобы его считали милосердным, а не жестоким, тем не

---

¹ Barrichelli G.P. Rereading *The Prince*: Philosophical themes in Machiavelli // Italian quarterly. 1970. P. 43-62

менее он должен остерегаться, как бы не употребить это добронравие во зло. Чезаре Борджиа считали жестоким, однако эта его жестокость восстановила порядок в Романье, объединила ее, возвратила ей мир и согласие. И если хорошенько подумать, то он поступил гораздо милосерднее, чем флорентийский народ, который предоставил раздираемую смутой Пистойю¹ собственной участи ради того, чтобы избежать подозрения в жестокости».

Начало главы кажется буквальной калькой начала главы XV, поскольку речь идет о критике «многих», которые писали то, что решил опровергнуть Макиавелли. Кроме того, это начало повторяет тезисы и подходы предыдущей главы.

В подтверждение этого вывода отмечу следующие моменты:

- идет противопоставление «мнимо плохого», названного «пороком», «мнимо хорошему». В конечном результате этические оценки меняются местами;

- подтверждается максима, что стремиться *казаться*, а не *быть* в деятельности государя имеет первостепенное значение;

- в управлении государством считающиеся позитивными интенции могут оказаться ошибкой;

- сохраняется афористичность утверждений Макиавелли;

- флорентиец по-прежнему опирается на внешние парадоксы в примерах для подтверждения своей точки зрения (жестокость Борджиа в Романье более милосердна, чем попытка изначально быть милосердным, что ведет впоследствии к куда большей жестокости).

Как считали многие исследователи, Макиавелли шокировал читателей не столько подобными заявлениями,

---

¹ Принадлежавший Флоренции город

сколько нежеланием связывать свои советы с христианским гуманистическим идеализмом. Вместо этого, он настаивал, что государь действует в мире, где нет predetermined мнений, где государственный порядок является прежде всего продуктом человеческих действий, где надо признавать реальность или даже правду власти¹.

Добавлю также, что еще одним повторяющимся в сравнении уже с более ранними тезисами книги моментом является утверждение, что кратковременное зло, за которым следует стабильность, куда лучше добра, за которым идет дестабилизация. В «Рассуждениях» Макиавелли дает свою оценку того, «как воссоединить разделившийся город», еще раз повторяя, что жесткий удар по очагу сопротивления — лучший выход из положения. В сущности, выбор, по его мнению, выглядит следующим образом: во-первых, можно казнить зачинщиков смуты, во-вторых, можно удалить их из города, в-третьих, можно «примирить их между собой, связав обязательствами не нападать друг на друга. Из этих трех возможных способов последний самый опасный, наиболее сомнительный и бесполезный»². Вообще

---

¹ Kahn V. Op. cit. P. 63

² В этой же книге Макиавелли дает свою оценку упоминавшимся только что в «Государе» событиям в Пистойе: «Пятнадцать лет назад, как и сегодня, в этом городе было две партии: Панчатики и Канцельери, но сегодня они ведут себя мирно, а тогда были вооружены. После долгих пререканий дело между ними дошло до кровопролития, грабежей, поджогов и всех прочих враждебных действий. Флорентийцы, которым следовало успокоить пистойцев, использовали для этого всегда третий из указанных способов, приводивший в дальнейшем к еще большим беспорядкам и еще большим смутам. В конце концов нашим правителям это надоело, и они прибегли ко второму способу, который состоит в удалении вождей из обоих лагерей; одних заключили в тюрьму, других выслали в разные места, после этого воцарилось согласие, сохраняющееся до наших дней. Однако вне всякого сомнения самым надежным способом был бы первый». — Макиавелли Н. Рассуждения. С. 312

Макиавелли писал не о лучших, а о наиболее эффективных путях управления¹.

Поэтому государь, если он желает удержать в повиновении подданных, не должен считаться с обвинениями в жестокости. Учинив несколько расправ, он проявит больше милосердия, чем те, кто по избытку его потворствуют беспорядку. Ибо от беспорядка, который порождает грабежи и убийства, страдает все население, тогда как от кар, налагаемых государем, страдают лишь отдельные лица.

У Юсима последнее предложение звучит следующим образом: «Ведь смута наносит ущерб всему обществу, а выносимые государем приговоры направлены против отдельных лиц».

Суть сказанного можно выразить в нескольких максимах:

— главное для государя — удержать власть. Для выполнения этой цели он не должен обращать внимание на этические нормы. Вообще политическая техника у Макиавелли состоит в выборе меньшего зла в действиях, направленных на то, чтобы выжить в политике²;

— временная жестокость со стороны государя более этична, нежели бездействие, способствующее отсутствию стабильности и провоцирующее беспорядки в обществе;

— отсутствие стабильности, вызывающее грабежи и убийства, наносит ущерб всему обществу. Жесткость и даже жестокость государя касается отдельных персон. Эти ценности несопоставимы. Речь опять же идет о «меньшем зле».

---

¹ Peltier M. *Defense de Machiavell* // *Écrits de Paris*. 1978. V. 380. P. 55-60

² Abbagnano N. *Machiavelli politico* // *Rivista di filosofia*. 1969. T. 60. P. 20

Именно таким образом, порой с чрезмерной жестокостью, оправдываемой разве что временем и ситуацией, вел себя в своих расширяющихся владениях Иван Калита. Для начала он провел реформу правовых норм, изъяв серьезные уголовные дела из рук вотчинников, которые зачастую либо не могли, либо боялись жестко пресекать грабежи и разбой; нередко случалось, что они попросту отпускали преступников, получив за это соответствующую мзду. Наместники князя действовали куда более эффективно, если судить по свидетельствам очевидцев. Не менее жестоко Калита пресекал воровство представителей местной знати. В результате Московское княжество стало островком относительного спокойствия в тогдашней Руси¹. Парадокс в том, что князь Иван имел два прозвища: Калита и Добрый. Впрочем, может быть, это отнюдь не парадокс. Во всяком случае, если исходить из максим Макиавелли.

*Новый государь еще меньше, чем всякий другой,
может избежать упрека в жестокости, ибо новой
власти угрожает множество опасностей. Виргилий
говорит устами Дидоны:*

*Res dura, et regni novitas me talia cogunt
Moliri, et late fines custode tueri².*

*Однако новый государь не должен быть легковерен,
мнителен и скор на расправу, во всех своих дей-
ствиях он должен быть сдержан, осмотрителен и
милостив, так чтобы излишняя доверчивость не*

---

¹ Борисов Н. Иван Калита. М.: Молодая гвардия, 2005, с. 175

² Молодо царство у нас, велика опасность; лишь это
Бдительно так рубежи охранять меня заставляет.
(Виргилий. Энеида. Кн. I, 563-564. М.: Художественная литература,
1971)

обернулась неосторожностью, а излишняя недоверчивость не озлобила подданных.

По Юсиму последнее предложение выглядит следующим образом: «Тем не менее такой государь не должен быть легковверен и скор на поступки, и так как у страха глаза велики, ему следует действовать умеренно, сохраняя благоразумие и человечность, чтобы излишняя подозрительность не сделала его правление невыносимым». По Роговину же все это звучит так: «Однако Князь не должен быть легковверен и скор на крутые меры и не должен сам создавать себе страхов; ему следует умерять свой образ действий благоразумием и человечностью, чтобы излишняя доверчивость не сделала его неосторожным, а излишняя недоверчивость — невыносимым». Пожалуй, к этим тезисам должно относиться замечание, что Макиавелли все-таки оставил идеалы морали нетронутыми, поскольку не был ими озабочен¹. Наверное, было бы точнее сказать, что он внешне не был напрямую ими заинтересован².

Попробуем выделить в этом коротком отрывке некоторые представляющие интерес моменты:

— здесь идет возвращение к теме *нового* государя, что принципиально важно, учитывая область рассуждений автора. Скажем, тема *щедрости* и *скупости* адресована всем государям, так как, видимо, она представлялась Макиавелли не столь опасной;

— именно *новому* государю скорее простится обвинение в жестокости, поскольку его положение выглядит неустойчивым. Автор здесь фактически не столько оправдывает необходимость применения насилия, сколько оправдывается сам в том, что затронул эту тему в своей книге;

---

¹ Chabod F. Machiavelli and the Renaissance. P. 142

² Plamenatz J. Op. cit. P. 175

— в данном случае Макиавелли хочет выглядеть хотя бы относительно умеренным, выбирая «золотую середину» в своих максимах для государя (не обрушиваться с репрессиями по первому наговору). Видимо, он должен был проявлять особую осторожность в рекомендациях, поскольку опять же речь шла о насилии как части деятельности первого лица государства;

— в последней максиме звучит примечательное предостережение для нового государя: не озлоблять подданных, не стать невыносимым для них.

По этому поводу может возникнуть спор, что лучше: чтобы государя любили или чтобы его боялись. Говорят, что лучше всего, когда боятся и любят одновременно; однако любовь плохо уживается со страхом, поэтому, если уж приходится выбирать, то надежнее выбрать страх. Ибо о людях в целом можно сказать, что они неблагодарны и непостоянны, склонны к лицемерию и обману, что их отпугивает опасность и влечет нажива: пока ты делаешь им добро, они твои всей душой, обещают ничего для тебя не щадить: ни крови, ни жизни, ни детей, ни имущества, но когда у тебя явится в них нужда, они тотчас от тебя отвернутся.

У Юсима: «Тут возникает спорный вопрос: что предпочтительнее, быть любимым или внушать страх. Ответ таков, что желательно и то и другое, но поскольку трудно соединять в себе оба эти свойства, гораздо надежнее внушать страх, чем любовь, если уж приходится выбирать одно из них. Ведь о людях вообще можно сказать, что они притворщики, бегут от опасности, жадны до наживы. Когда делаешь им добро, они навек твои, они готовы пожертвовать для тебя жизнью, имуществом и детьми —

если, как уже сказано, надобности в этом не предвидится. При первом же ее появлении их как не бывало».

Внешне может показаться, что речь идет об очередном наборе афоризмов Макиавелли. На деле это очень емкий и значимый отрывок, неоднократно обращавший на себя внимание комментаторов. В принципе это внимание легко объяснено именно отношением Макиавелли к человеку как субъекту политики. Для своего времени высказанные идеи были революционными. Для нынешнего, возможно, тоже — лицемерия сейчас в политической науке и в политике вполне хватает.

Обратим все же внимание, что здесь речь не идет о том, что господство должно основываться на страхе, поскольку нет надежды, что люди обязательно добром воздадут за оказанное им добро. У Макиавелли все сложнее. Его тезисы тут являются прежде всего обоснованием неизбежности сочетания *милосердия* и *жестокости* в политике, причем в противовес общепринятому (и очень лицемерному) тогдашнему мнению автор отстаивает непереносимость второй составляющей. В равной степени в данном случае флорентинец говорит опять же о желательности сочетания двух качеств государя. А вот если надо будет делать выбор между ними, то для сохранения власти надежнее выбрать страх своих подданных. Поскольку же этически эта посылка выглядела и выглядит совершенно непривлекательной, то Макиавелли пускается в полемическое доказательство неблагоприятной природы человека. Именно в полемическое, поскольку в его время были замечательные примеры того, как подданные из любви к своему государю (в сочетании с любовью к собственным интересам, разумеется) героически обороняли свой город против самого Чезаре Борджиа.

И худо придется тому государю, который, доверяясь их посулам, не примет никаких мер на случай

опасности. Ибо дружбу, которая дается за деньги, а не приобретается величием и благородством души, можно купить, но нельзя удержать, чтобы воспользоваться ею в трудное время. Кроме того, люди меньше остерегаются обидеть того, кто внушает им любовь, нежели того, кто внушает им страх, ибо любовь поддерживается благодарностью, которой люди, будучи дурны, могут пренебречь ради своей выгоды, тогда как страх поддерживается угрозой наказания, которой пренебречь невозможно.

Имеет смысл ради интереса дать этот отрывок в нескольких переводах на русский язык.

Во втором издании: «Государь, слишком доверяющий подобным обещаниям и не принимающий никаких мер для своей личной безопасности, обыкновенно погибает; потому что привязанность подданных, купленная подачками, а не величием и благородством души, хотя и легко приобретается, но обладание ею не прочно и, в минуту необходимости, на нее нельзя положиться. Кроме того, люди скорее бывают готовы оскорблять тех, кого любят, чем тех, кого боятся; любовь обычно держится на весьма тонкой основе благодарности и люди, вообще злые, пользуются первым предложением, чтобы в видах личного интереса изменить ей; боязнь же основывается на страхе наказания, никогда не оставляющем человека».

У Роговина: «И тот князь, который всецело положился на их слова и потому не принял никаких других мер, гибнет, ибо дружба, которая приобретается материальными средствами, а не величием и благородством души, окупается, но ее не удержишь в руках и невозможно воспользоваться ею в нужную минуту. И люди с меньшей опаской оскорбляют того, кто внушил им любовь, нежели внушившего страх, ибо любовь поддерживается лишь от-

ношением обязанности, которое порывается вследствие порочности людей при всяком столкновении с личным интересом, страх же держится боязнью наказания, которая никогда не прекращает своего действия».

По Фельдштейну: «Князь, который всецело положится на их слова, находя ненужными другие меры, погибнет. Дело в том, что дружба, приобретаемая деньгами, а не величием и благородством души, хотя и покупается, но в действительности ее нет, и когда настанет время, на нее невозможно рассчитывать; при этом люди меньше боятся обидеть человека, который внушал любовь, чем того, кто действовал страхом. Ведь любовь держится узами благодарности, но так как люди дурны, то эти узы рвутся при всяком выгодном для них случае. Страх же основан на боязни, которая не покидает тебя никогда».

Наконец, согласно Юсиму: «И государь, который целиком основывается на людских обещаниях и не ищет себе другой опоры, гибнет, ибо друзья, которых можно приобрести за плату, легко покупаются, но на них нельзя положиться, и в нужное время они ничего не стоят. Людям легче нанести обиду тому, кто действует добром, чем тому, кто внушает опасение, ибо любовь поддерживает узами благодарности, которые люди, вследствие своих дурных наклонностей, разрывают при первом выгодном для себя случае. Страх же заключается в боязни наказания, которая тебя никогда не покидает».

На этом фоне интересно замечание, что флорентийские политические принципы не включали в себя метафизические и этические основы и игнорировали правду и справедливость. Поэтому они неприемлемы для общего человеческого блага¹. Крайне спорное мнение.

---

¹ De Rovasenda E. Attualità e decline di Machiavelli // Idea. 1969. Т. 24. P. 65-67

Как бы то ни было, обратим внимание на следующее.

Во-первых, государь должен постоянно быть предусмотрительным. Нет смысла верить обещаниям людей.

Во-вторых, расположенность подданных должна быть дополнена другим базисом могущества государя — страхом перед его могуществом.

В-третьих, человек по своей природе имеет дурные наклонности, а потому может пренебречь благодарностью, которую испытывает к своему государю, но постоянно будет испытывать страх перед наказанием.

Однако государь должен внушать страх таким образом, чтобы, если не приобрести любви, то хотя бы избежать ненависти, ибо вполне возможно внушать страх без ненависти. Чтобы избежать ненависти, государю необходимо воздерживаться от посягательств на имущество граждан и подданных и на их женщин. Даже когда государь считает нужным лишить кого-либо жизни, он может сделать это, если налицо подходящее обоснование и очевидная причина, но он должен остерегаться посягать на чужое добро, ибо люди скорее простят смерть отца, чем потерю имущества. Тем более что причин для изъятия имущества всегда достаточно и если начать жить хищничеством, то всегда найдется повод присвоить чужое, тогда как оснований для лишения кого-либо жизни гораздо меньше и повод для этого приискать труднее.

В принципе данное замечание носит технический характер. Основной постулат, пусть бесспорный на практике, но мало кем признаваемый тогда в теории — необходимость жестокости для государя — утверждается у Макиавелли в целом четырьмя техническими приемами:

— логическими выкладками («учинив несколько расправ, он проявит больше милосердия, чем те, кто по избытку его потворствуют беспорядку»);

— историческими примерами (жестокость Борджиа в Романье);

— полемическими рассуждениями (характеристика человеческой сущности в политике). Вообще Макиавелли не был абстрактным теоретиком. Он был политиком и человеком страсти¹;

— советами государю, сделанными так, будто спорный тезис уже является доказанным. В какой-то мере данный прием отчасти совпадает с тем, который впоследствии использовал в своих художественных произведениях Даниэль Дефо, который уснащал свое произведение подробностями (хотя бы как сделать глиняный горшок — и это притом, что сам писатель никогда гончарством не занимался), дабы заставить читателя поверить в написанное. Так и Макиавелли, осторожно введя свой постулат о необходимости жестокости, вроде бы между делом переходит к практическим выводам для государя, каким образом сделать эту черту правителя менее опасной для его правления.

В данном отрывке мы имеем дело как раз с четвертым приемом. Автор придает своему основному тезису практическое начало, советуя, что именно нужно сделать для того, чтобы избежать ненависти со стороны подданных и тем самым сохранить свою власть.

Исходная мысль Макиавелли в комментируемой сейчас части его работы была, между тем, абсолютно неприменима для российской политической культуры. Государь просто не мог внушать ненависть обществу — это было исключено. Ни Иван III, ни Иван Грозный, ни Петр I, ни даже Сталин не вызвали у масс такого чувства.

---

¹ Chabod F. Machiavelli and the Renaissance. P. 41, 117

Страх — да, ненависти не было. Причины этого явления должны исследоваться особо и не в этой книге.

Но когда государь ведет многотысячное войско, он тем более должен пренебречь тем, что может прослыть жестоким, ибо, не прославив жестоким, нельзя поддержать единства и боеспособности войска. Среди удивительных деяний Ганнибала* упоминают и следующее: отправившись воевать в чужие земли, он удержал от мятежа и распри огромное и разноплеменное войско как в дни побед, так и в дни поражений. Что можно объяснить только его нечеловеческой жестокостью, которая вкупе с доблестью и талантами внушала войску благоговение и ужас; не будь в нем жестокости, другие его качества не возымели бы такого действия. Между тем авторы исторических трудов, с одной стороны, превозносят сам подвиг, с другой — необдуманно порицают главную его причину.

По Юсиму: «Но когда государь занят войском и управляет множеством солдат, необходимо совершенно не обращать внимания на упреки в жестокости, без которых никогда не удавалось поддерживать в войске единство и боеспособность. К удивительным деяниям Ганнибала причисляют следующее: в его огромном войске, состоявшем из разноплеменного множества людей и вступившем в чужие земли, никогда не возникало междоусобных беспорядков или мятежей, как в благоприятных, так и в бедственных обстоятельствах. И это можно приписать только его бесчеловечной жестокости, которая, в сочетании с другими доблестными качествами, всегда заставляла солдат уважать и бояться его, а не будь он жестоким, всех его достоинств для этого было бы недостаточно. Но

недальновидные писатели, восторгаясь вышеназванной дисциплиной, порицают главную ее причину».

Здесь Макиавелли прибегает к историческому обоснованию действенности жестокости у государя. Пример выбран не совсем удачно, поскольку Ганнибал никогда не был государем, и нет ни одного достоверного примера его «бесчеловечной» жестокости, обращенной к своим войнам. Хотя дисциплина в его войске действительно была жесточайшая, полководец сочетал ее с дипломатическими шагами, завоевывая на свою сторону преданность армии.

Обратим также внимание, что под «недальновидными писателями» почти наверняка имеются в виду древнеримские авторы. Если это так, то Макиавелли впервые вступает с ними в прямую полемику.

Насколько верно утверждение, что полководцу мало обладать доблестью и талантом, показывает пример Сципиона — человека необычайного не только среди его современников, но и среди всех людей. Его войска взбунтовались в Испании вследствие того, что по своему чрезмерному мягкосердечию он предоставил солдатам большую свободу, чем это дозволяется воинской дисциплиной. Что и вменил ему в вину Фабий Максим, назвавший его перед Сенатом развратителем римского воинства. По тому же недостатку твердости Сципион не вступился за локров, узнав, что их разоряет один из его легатов, и не покарал легата за дерзость. Недаром кто-то в Сенате, желая его оправдать, сказал, что он относится к той породе людей, которым легче избегать ошибок самим, чем наказывать за ошибки других. Со временем от этой черты Сципиона пострадало бы и его доброе имя, и слава — если бы он распоряжался единолично, но он состоял под властью Сената, и потому это свой-

ство его характера не только не имело вредных последствий, но и послужило к вящей его славе.

Отмечу, что «локры» — это, конечно, «локрыне», жители города Локры. Либо неточность в переводе, либо ошибка при печатании.

Сплошь полемический отрывок, плюс мы видим здесь прием отвлечения внимания аудитории от обоснования основного тезиса. Публий Корнелий Сципион — опять же не государь, у него не хватает жестокости, более того — он якобы «мягкосердечен», однако Макиавелли все равно ссылается на его опыт для подтверждения своего основного тезиса данной главы. Но поскольку читатель уже принял или не принял его аргументацию, то ссылка на римского полководца, победившего самого Ганнибала, ничего не меняет, так как в большинстве случаев она лишь подтверждает убеждение, к которому еще до этого пришла аудитория. Правда, впрочем, состоит в том, что Сципион был жесток в соответствии с нравами своего времени. В целом же эта характеристика — не самая достоверная иллюстрация своих тезисов со стороны Макиавелли, в чем легко убедиться по древним источникам. К тому же Никколо упустил из виду, что в данном случае противоречит собственному мнению о качествах древнеримского полководца, высказанному в XIV главе.

Итак, возвращаясь к спору о том, что лучше: чтобы государя любили или чтобы его боялись, скажу, что любят государей по собственному усмотрению, а боятся — по усмотрению государей, поэтому мудрому правителю лучше рассчитывать на то, что зависит от него, а не от кого-то другого; важно лишь ни в коем случае не навлекать на себя ненависти подданных, как о том сказано выше.

В переводе Юсима: «Итак, возвращаясь к вопросу о любви и страхе, я заключаю, что поскольку испытываемая людьми любовь зависит от них самих, а страх — от государя, мудрый же правитель должен опираться на то, что в его власти, а не во власти других, то ему следует лишь прилагать усилия, дабы избежать ненависти, как было сказано выше». Честно говоря, в данном случае трудно ухватить смысл перевода Марка Юсима. Хотя нельзя не признать, что свою лепту в трудности с пониманием предложения внес и сам Макиавелли.

Никколо здесь как опытный ритор (следует предупредить, что анализ приемов и взглядов Макиавелли в данной области не входит в цели автора данной книги¹) возвращается к двум основным тезисам своей главы и еще раз повторяет их. Видимо, основная цель этого приема — убрать оттенок спорности вокруг своей неоднозначной для своего времени идеи и закрепить ее в умах читателей.

Между тем, в этом абзаце есть противоречие с одной из сквозных идей Макиавелли в данной книге: выше он практически везде доказывает, что путем использования различных приемов, то есть технически, можно вызвать к государю то или иное чувство, а в конце данной главы говорит, что любовь подданных к государю от последнего не зависит. Едва ли он сам в это верил. Наверное, правильнее было бы трактовать этот отрывок как утверждение, что государю лучше рассчитывать на то, чтобы его боялись, а не любили, причем для достижения данной цели можно и даже нужно прибегать к жестокости. Одновременно принципиально важно, чтобы жестокость и страх не привели к ненависти, которая могла бы поставить под вопрос прочность правления государя.

---

¹ Интересующимся советую обратиться к очень интересному обзору англоязычной литературы в этой области: Hörnqvist M. Machiavelli and empire. Cambridge: Cambridge university press, 2004. P. 1-37

Глава XVIII

О том, как государи должны держать слово

В данном случае мы имеем продолжение тех глав, тезисы которых сделали возможным появление понятия «макиавеллизм». К обозначенной в заглавии главы проблеме флорентиец обращался еще и в «Рассуждениях». Причем сказанное им в этом сочинении в определенной степени отличается от тезисов в «Государе»: «... В несоблюдении обещаний, к которым ты был вынужден силой, нет бесчестия, и обещания, данные в публичных делах под давлением силы, никогда не будут соблюдаться, если это давление ослабнет, причем нарушителей нельзя будет посчитать бесчестными. Во всех историях можно прочесть о многих подобных случаях; наблюдаются они всякий день и в наше время. Государи не только не соблюдают вынужденные обещания, когда побудившие к этому силы перестают действовать, но нарушают и все прочие обещания, если у них нет больше причины соблюдать их»¹. Как видим, Макиавелли и здесь является противником средневековых представлений об имидже и действиях государя.

В XVIII главе Макиавелли отмечает, что некоторые государи совершили великие дела, не храня верность своему слову. При этом он ссылается на современную ему историю, чтобы оправдать свой тезис. Удивительно, что он не включил в свой перечень действия французов в Италии. И Венеция, и Флоренция потерпели поражения, поскольку слишком полагались на свои альянсы с Фран-

---

¹ Макиавелли Н. Рассуждения. С. 344-345

цией¹. Отмечу также мнение, что в данной главе «Государя» показана вера Макиавелли в примитивную и спонтанную артикуляцию справедливости, а также чувство достоинства, которое побуждает граждан к восстанию².

Излишне говорить, сколь похвальна в государе верность данному слову, прямодушие и неуклонная честность.

Макиавелли в соответствии с уже использованным подходом начинает размышления с формальной поддержки общепринятых принципов политической морали: верность своему слову, прямодушие и честность похвальны для государя. Абсолютно так же, как он оправдывал сначала щедрость и милосердие в противовес бережливости и жестокости. А затем опроверг эту точку зрения. Предваряя дальнейшие построения, можно заранее сказать, что в данной главе он поступит таким же образом.

Принцип верности данному слову в сочетании с прямодушием и великодушием отражен в одном из Кентерберийских рассказов Чосера. Некая дама в отсутствии любимого мужа обещала влюбленному в нее пажу отдать ему, если он сможет выполнить ее заведомо невыполнимое желание — очистить побережье Британии от подводных скал. Паж, однако, смог сделать это с помощью чародея, который получил за свои услуги 1000 фунтов золотом. Обещание надо было выполнять, что признал даже вернувшийся муж. Однако тронутый жертвой со стороны супругов паж вернул даме назад ее слово. Наконец, чаро-

¹ Bertelli S. La politica estera fiorentina e quella veneziana nella crisi rinascimentale // Florence and Venice: Comparisons and relations, Vol. I. Florence: La nuova Italia editrice, 1979. P. 119-147

² Campbell W.R. Machiavelli's anthropology of obligation: The politics of morality // Polity. 1972. Vol. 4. P. 449-478

дей, узнав о случившемся, отказался брать деньги за выполненную услугу. Вот на каких образцах пытались воспитать европейское общество. В чем-то, кстати говоря, вполне успешно. Не пытаясь анализировать данную ситуацию с точки зрения общественной морали, отмечу только, что в политике такие взгляды были неприемлемы.

Христианская средневековая литература в основном превозносит в государственных деятелях честность и прямоту. Но действительность показывает, что политика всегда оставалась политикой, и ловкий обман встречался в эту эпоху в Европе ничуть не реже, чем на Востоке, традиционно возводившем хитрость в разряд государственных добродетелей. Перечень подобных уловок, встречавшихся в действительности, может быть довольно велик. Но, наверное, еще лучше обратиться к классической «Песне о моем Сиде». Причем мы имеем в виду, разумеется, не уловку в отношении евреев-ростовщиков Рахилия и Иуды, которая с позиций тех времен может быть объяснена религиозными предрассудками. Хитрости, направленные против евреев, оправдывались ранним средневековым христианским сознанием, причем делалось это даже в ту пору, когда массового антисемитизма еще практически не было.¹ Нет, речь в данном случае идет о том, как Сид с помощью продуманной хитрости шаг за шагом расправился с обидчиками своих дочерей и не только обрек их на смерть, но и вытянул у них назад приданное и подарки, которыми раньше одарил.

Иными словами, в европейском средневековом обществе (как, впрочем, и во всех остальных) существовали некие идеалы, на которые следовало равняться. И еще существовала реальная жизнь, включавшая в себя данные идеалы, однако бывшая куда шире их. Та же ситуация была

---

¹ Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников (Exempla XIII века). М.: Искусство, 1989. С. 302-305.

и в эпоху Возрождения. Соответственно, полное право на существование должна иметь версия, согласно которой Макиавелли действительно преклонялся перед честностью, способностью держать слово и прямодушием, однако столь же искренне считал полное следование этим принципам в жизни не всегда возможным, а для государственных деятелей далеко не всегда желательным. Тем не менее, он декларировал, что «прибегать к обману всегда предосудительно», хотя во время войны без хитростей не обойтись.¹

Применительно к Макиавелли и его взглядам историк средневековья имел бы полное право сказать, что речь здесь идет не только об этических нормах. Проблема, возможно, зиждилась еще и в интеллектуальном упадке Средневековья, когда простодушие было возведено в добродетель. Упрощение, причем сознательное упрощение, на Западе было не только следствием огрубления нравов, но и выбранной тактикой, которую проводили избранные и высокие умы: лучше огрублять язык и чувства, чем не быть понятым массами. Один из характерных примеров представляет собой подход Цезаря Арелатского, оправдывавшего свое использование грубых деревенских выражений желанием сделать свои произведения доступными публике. Св. Фома Аквинский в XIII веке сказал, что мало того, что автор хотел написать. Важнее то, что он написал, и что из этого было понято читателями². Пожалуй, над этой мыслью стоит задуматься всерьез.

---

¹ Макиавелли Н. Рассуждения..., с.342

² Учитывая интеллектуальное огрубление, в средние века изменилось даже понимание христианства. Жак Ле Гофф пишет по этому поводу: «Источниками христианской мысли в средние века стали такие второстепенные и третьестепенные трактаты и поэмы как «История против язычников» ученика и друга св. Августина Орозия, превратившего историю в вульгарную апологетику, или «Психомеханя» Пруденция, низведшего моральную жизнь до борьбы пороков и добродетелей, или «Трактат о созерцательной жизни» Юлиана Поме-

Трудно сказать, в какой мере Макиавелли считался с этим положением. Сам он откровенно гордился своим интеллектом. Возрождение, безусловно, добавило изощренности общественной мысли в области политики. Но все же стандарты Средневековья пока еще преобладали. Отсюда, видимо, и внешняя осторожность автора «Государя» в развитии своих максим.

Однако мы знаем по опыту, что в наше время великие дела удавались лишь тем, кто не старался сдерживать данное слово и умел, кого нужно, обвести вокруг пальца; такие государи в конечном счете преуспели куда больше, чем те, кто ставил на честность.

У Юсима: «Тем не менее опыт нашего времени показывает, что свершили великие дела те государи, которые мало заботились о том, чтобы держать слово, и умели дурачить людей своими уловками. В конце концов они одерживали верх над теми, кто уповал на честность». В переводе Роговина последний тезис звучит аналогично: «... и таким образом в конце концов взяли верх над теми, которые полагались на порядочность». А вот в первом переводе «Государя» эта идея подана совершенно так же, как и у Муравьевой: «Случалось даже, что подобные государи выигрывали более, нежели те, которые основывали свои действия на правке и справедливости». Обратившись к первоисточнику, можно обнаружить, что в случае с расхождением между текстами более точен перевод Роговина и Юсима. Иными словами, государи в духе Макиавелли одерживали верх непосредственно над теми, что делали ставку на порядочность и держали свое слово.

рия, наставлявшего в презрении к миру и мирской деятельности». (Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М.: Издательская группа Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. С. 192)

Мы опять же видим здесь типичную для Макиавелли и уже апробированную в предыдущих главах схему, когда автор, начав с общепринятого утверждения, тут же ставит его под сомнение. Причем обратим внимание на то, как флорентиец подает свою позицию: он очень тонко пишет о тех, кто свершал великие дела. С одной стороны, психологически это оправданно, поскольку позволяет привлечь на свою сторону читателя. С другой стороны, автор «Государя» был заинтересован в первую очередь в привлечении на свою сторону именно тех, кто способен на очень многое, ведь ставкой в конечном счете было изгнание из страны чужеземных войск.

Здесь также следует обратить внимание на переключку мнения Макиавелли в данной книге с «Рассуждениями», где он следующим образом характеризует ситуацию: «...Римляне в своих первых предприятиях не чурались *etiam*¹ обмана, каковой всегда был необходим для желающих перейти от скромных начинаний к великим свершениям и тем меньше подвергался порицанию, чем более был скрытным, как у римлян»².

Что касается, например, Московской Руси, то здесь ситуация была совершенно такой же, как и в Италии времен Макиавелли. Клятвопреступление считалось грехом и этически неприемлемым поступком. Однако у политиков (да и не только у них) в ходу была двойная мораль. Примеров тому множество³. И побеждали во взаимных дуэлях как правило те, кто не чурался лжи и клятвопреступлений. Однако, далеко не всегда — достаточно в этом плане вспомнить итоги противостояния Юрия Звенигородского с Василием II. Правда, после смерти своего

---

¹ также и

² Рассуждения. С. 174

³ О двойной морали, например, Василия II в отношении своих прежних союзников см. Борисов Н. Иван III. С. 148-149

соперника Василий со временем все-таки утвердился на великокняжеском престоле, преодолев множество трудностей, в том числе и связанных с его ослеплением.

Надо знать, что с врагом можно бороться двумя способами: во-первых, законами, во-вторых, силой. Первый способ присущ человеку, второй — зверю; но так как первого часто недостаточно, то приходится прибегать и ко второму. Отсюда следует, что государь должен усвоить то, что заключено в природе и человека, и зверя. Не это ли иносказательно внушают нам античные авторы, повествуя о том, как Ахилла и прочих героев древности отдавали на воспитание кентавру Хирону, дабы они приобщились к его мудрости? Какой иной смысл имеет выбор в наставники получеловека-полузверя, как не тот, что государь должен совместить в себе обе эти природы, ибо одна без другой не имеет достаточной силы?

Согласно переводу Юсима, этот отрывок звучит следующим образом: «Итак, вам следует знать, что можно вести борьбу двумя способами: опираясь на закон или с помощью насилия. Первый способ применяется людьми, а второй — дикими животными, но поскольку первого часто бывает недостаточно, требуется прибегать ко второму. Поэтому государь должен уметь подражать и зверю, и человеку. Этот совет в иносказании давали государям древние писатели, которые сообщают, что Ахилл и многие другие из старинных властителей были отданы на выучку кентавру Хирону, который должен был их растить и воспитывать. А иметь наставником полузверя и получеловека означает для государя не что иное как необходимость пользоваться природой и того и другого, ибо с помощью одной из них долго не продержаться».

Отметим сначала, что даже символике образа кентавра Хирона в «Государе» оказалась посвящена отдельная статья¹ — настолько плотно разбирают исследователи комментируемое произведение. Что касается идеи противопоставления способов ведения борьбы, то едва ли можно сомневаться в том, что Макиавелли здесь обратился к художественному образу, чтобы проиллюстрировать свою позицию. Хотя как у современников, так и у последующих поколений читателей уподобление государя зверю временами вызывало резкое неприятие. Правда, Френсис Бэкон, который выступил против республиканизма автора «Государя» в «Рассуждениях», принимал и поддерживал его методы захвата и удержания власти и соглашался с тем, что правитель должен использовать «зверя» в своей натуре².

Итак, из всех зверей пусть государь уподобится двум: льву и лисе. Лев боится капканов, а лиса — волков, следовательно, надо быть подобным лисе, чтобы уметь обойти капканы, и льву, чтобы отпугнуть волков. Тот, кто всегда подобен льву, может не заметить капкана.

В переводе Юсима: «И раз государю необходимо владеть искусством подражания зверям, он должен избрать из них льва и лисицу, потому что лев не защищен от капканов, а лиса — от волков. Следовательно, нужно быть лисой, чтобы избежать ловушек, и львом, чтобы напугать волков. Те, кто выбирает одного льва, этого не понимают. Данные рассуждения вполне соотносятся с мнением, изложенным Макиавелли в другой своей знаменитой книге: «Я почитаю за несомненную истину, что людям малоиз-

¹ Arieti, J.A. The Machiavellian Chiron : Appearance and reality in "The prince". // Clio. — Fort Wayne, 1995. — Vol. 24, N 4. P. 381-397

² Orsini N. Bacone e Machiavelli. Genoa: Emiliano degli Orfini, 1936. P. 85-95

вестным невозможно достичь высших ступеней, не прибегая к силе или хитрости, если только они не получают новые звания от других в пожалование или по наследству. Думаю также, что одной силы здесь бывает недостаточно, а вот одной хитростью можно обойтись».¹

В этом отрывке флорентиец конкретизирует свою идею, при этом подчеркивая, что силу и благородство надо обязательно объединять с хитростью. Вообще же в «Рассуждениях» данная идея звучит более четко, нежели в «Государе». Как бы то ни было, параллели со львом и лисицей выглядят своеобразным приемом, сознательно отвлекающим читателя от главного: задачи автора доказать, что при необходимости несоблюдение своего слова является естественной чертой правящего политика.

Лев здесь соотносится с *virtù*, властью доминировать над случайностями, а лисица — с осторожностью, властью манипулировать ими².

Из чего следует, что разумный правитель не может и не должен оставаться верным своему обещанию, если это вредит его интересам и если отпали причины, побудившие его дать обещание.

Одно из краеугольных положений Макиавелли, вызывавших на его голову немало проклятий и оскорблений. И это притом, что автор всего лишь описывал общепринятую практику, пусть даже она далеко не всегда была общим правилом. Обратим внимание, что Ришелье возносил панегирики Людовику XIII за то, что в трудную минуту он как раз не нарушал данное им слово³. Едва ли это было бы сделано, если бы жесткое выполнение своих обязательств было бы общепринятым явлением.

¹ Макиавелли Н. Рассуждения. С. 173

² Pocock J.G.A. Machiavelli in the liberal cosmos. P. 562

³ Ришелье. Указ. соч.. С. 61-62

И опять же продолжим параллели с «Рассуждениями»: «Ксенофонт в биографии Кира показывает необходимость обмана, изображая первый же поход, снаряженный им против царя Армении, сплошной цепью хитростей, в результате которых Кир захватил его царство. Вывод Ксенофонта состоит в том, что государь, желающий вершить великие дела, должен научиться обманывать. Кроме того, советник неоднократно наущал Кира обманывать царя мидян, Киассара, брата своей матери; Ксенофонт доказывает, что без этого Кир не смог бы достичь будущего величия».¹

Итак, на первом месте интересы правителя и государства. Для Макиавелли государство — самоценно, власть правителя — также, а потому меры для защиты порядка не нуждаются в оправдании². Подчеркнем при этом, что в книге нет объяснения отношения государя к государству. Его и не может быть, поскольку государство, *lo stato*, у Макиавелли есть смешение ценностей, политики, инструмента эксплуатации, механизма, который позволяет правителю добиться того, что он хочет³. Государство превыше всего, а потому правитель, если потребуется, должен во имя его интересов быть готовым нарушить свое слово.

В Московской Руси ситуация в отношении того, как держать свое слово в важных условиях, обстояла абсолютно таким же образом. Едва ли был хотя бы один князь, который бы избежал клятвопреступления. Чаще всего — во имя государственных и собственных политических интересов. Скажем, Василий II пообещал боярину Ивану Всеволожскому (фактически возведшему его на великокня-

---

¹ Макиавелли Н. Рассуждения..., с. 173

² Friedrich C.J. Constitutional reason of State. Providence: Brown university press, 1957. P. 26-27

³ Hexter J.H. *Il Principe and lo stato* P. 134

жеский престол удачной дипломатией в Орде) жениться на его дочери, однако предпочел более выгодный брак с княжной из знатнейшего рода Кошкиных. В тот момент казалось, что Всеволожский уже не был и не будет нужен. И такие примеры можно множить и множить.

Такой совет был бы недостойным, если бы люди честно держали слово, но люди, будучи дурны, слова не держат, поэтому и ты должен поступать с ними так же.

У Юсима: «Если бы все люди были добры, это был бы дурной совет, но так как они наклонны ко злу и не будут верны тебе, ты не обязан быть верен им».

Интереса ради обратим внимание на различные аргументы, которые Макиавелли использует для доказательства того, что государь может и должен не держать свое слово. Сначала флорентиец пишет о том, что этого требуют великие дела. Затем прибегает к образному доказательству, что правитель должен уподобляться не только льву, но и лисе. Затем обращается к природе человека — люди по своей природе дурны, а потому с ними следует вести себя таким же образом.

Одна из интерпретаций данных рассуждений и рекомендаций Макиавелли, сводится к следующему. Если вы сочетаете в себе качества льва и лисицы, то можете позволить себе добродетель — целомудрие, сострадание, гуманность, терпимость, благородство — как это позволяли себе Агесилай и Тимолеон, Камилл, Сципион и Марк Аврелий. Но если обстоятельства неблагоприятны, если вас окружает измена, что вам остается еще делать, кроме как подражать Филиппу, Ганнибалу и Северу?¹

---

¹ Berlin I. Op. cit. P. 51-52

А благовидный предлог нарушить обещание всегда найдется. Примеров тому множество: сколько мирных договоров, сколько соглашений не вступило в силу или пошло прахом из-за того, что государи нарушали свое слово, и всегда в выигрыше оказывался тот, кто имел лисью натуру. Однако натуру эту надо еще уметь прикрыть, надо быть изрядным обманщиком и лицемером, люди же так простодушны и так поглощены ближайшими нуждами, что обманывающий всегда найдет того, кто даст себя одурачить.

В переводе Юсима: «До сих пор у всех государей было в избытке законных поводов, чтобы оправдать нарушение обещания. Можно было бы привести бесчисленные современные примеры и показать, сколько мирных договоров, сколько обязательств было нарушено и обесценено из-за неверности государей, — кто из них лучше использовал лисью натуру, тому всегда больше везло. Но нужно хорошенько прикрывать подобные поступки и быть великим притворщиком и лицедеем. Люди же так простодушны и столь поглощены насущными заботами, что обманщик всегда найдет того, кто даст себя обмануть».

В целом же сказанное в данном абзаце сводится к следующему:

— государь обязан сочетать в себе силу и хитрость, льва и лисицу. Ибо тот, кто ориентируется только на силу, может не заметить хитрости противника;

— из логики изложения подразумевается, что хитрость противника может состоять в умении поймать государя на слове и использовать это в своих интересах;

— а потому государь не может и не должен держать свое слово, когда это противоречит его интересам и если исчезли причины, приведшие его к данному им обещанию;

— этот совет следует из природы человека. Люди не склонны выполнять свои обещания. Соответственно, нарушая свое слово, когда это требуют его интересы, государь всего лишь ограждает себя от своих врагов. Здесь явно подразумевается, что если он не сделает это, то это сделают его противники;

— государь может минимизировать свои имиджевые потери, найдя благовидный предлог для нарушения слова;

— в выигрыше от такого поведения всегда оказывается тот, кто отказывается от обещаний для защиты своих интересов;

— государь должен не только быть, но и казаться. В данном случае: казаться прямодушным, вполне соответствуя имиджу хорошего и честного правителя, вынужденного даже не обещание нарушить, а вести себя не так как было обещано;

— в силу особенностей человеческой природы обманщик всегда восторжествует.

Есть периодически повторяющаяся точка зрения, что отношение Макиавелли к политической лжи часто принимается слишком буквально, и в нем надо видеть прежде всего политическую сатиру¹. Интересное мнение, однако едва ли справедливое. Во всяком случае, сказанное здесь скорее похоже на тезис о примате политических интересов, нежели на желание саркастически изобразить тогдашнюю итальянскую (впрочем, не только тогдашнюю и не только итальянскую) действительность.

Из близких по времени примеров не могу умолчать об одном. Александр VI всю жизнь изощрялся в обманах, но каждый раз находились люди, готовые ему верить. Во всем свете не было человека, который бы

---

¹ Stern T.N. Machiavelli's lie: Amoral realism or moral Satire? P. 4-6

так клятвенно уверял, так убедительно обещал и так мало заботился об исполнении своих обещаний. Тем не менее, обманы всегда удавались ему, как он желал, ибо он знал толк в этом деле. Отсюда следует, что государю нет необходимости обладать всеми названными добродетелями, но есть прямая необходимость выглядеть обладающим ими.

У Юсима перевод концовки отрывка выглядит следующим образом: «Таким образом, государю нет нужды обладать всеми вышеописанными качествами, надо только, чтобы казалось, что они у него есть». Последнее предложение принципиально для Макиавелли, как мы уже несколько раз видели выше. Здесь флорентиец добавляет очень важный нюанс в свои формулировки. Суть того, что он излагает, выглядит следующим образом: поскольку общество предубеждено против обманщиков, государь обязательно должен казаться честным и прямодушным. А вот быть таковым в действительности у него нет необходимости. Словом, еще раз — важнее казаться, а не быть.

Стоит отметить, что впервые (и в последний раз) в этой главе Макиавелли говорит не просто о нежелательности обязательно выполнять свое обещание, но об обмане. (В этой связи можно вспомнить замечание Александра Керенского, что он считает необходимым «говорить правду и только правду, однако — не всю»¹).

Дерзну прибавить, что обладать этими добродетелями и неуклонно им следовать вредно, тогда как выглядеть обладающим ими — полезно. Иначе гово-

---

¹ Цит. по: Гурко В. Война и революция в России. Мемуары командующего Западным фронтом. 1914-1917. М.: Центрполиграф, 2007. С. 359

ря, надо являться в глазах людей сострадательным, верным слову, милостивым, искренним, благочестивым — и быть таковым в самом деле, но внутренне надо сохранять готовность проявить и противоположные качества, если это окажется необходимо.

По Юсиму: «Я решусь сказать даже, что при постоянном их наличии и соблюдении они становятся вредны, а когда кажется, что они есть, — полезны. Так, нужно казаться милосердным, верным, человечным, набожным, прямодушным — и быть, но следует подготовить свой дух к тому, чтобы при необходимости ты мог и умел стать противоположным».

На первый взгляд, может показаться, что эти два предложения Макиавелли противоречат друг другу; на деле на первый план выходит момент подчеркивания важности того, что государь должен главным образом казаться. Как сказали бы по секрету (прежде они говорили это и публично) современные российские специалисты PR: имидж — все, подлинные побуждения же надо держать в тайне.

Еще один примечательный момент данного отрывка состоит в утверждении, что государь действительно должен быть преисполнен добродетельных черт характера, однако ему нужно быть готовым сознательно отказываться следовать им и даже проявлять противоположные стороны своей натуры. Приемлемое объяснение здесь выглядит как естественное противоречие между истинными человеческими качествами и искусственными свойствами политика. Судя по работам биографов, таким государственным деятелем был Авраам Линкольн.

Следует понимать, что государь, особенно новый, не может исполнять все то, за что людей почитают хорошими, так как ради сохранения государства он часто бывает вынужден идти против

своего слова, против милосердия, доброты и благочестия. Поэтому в душе он всегда должен быть готов к тому, чтобы переменить направление, если события примут другой оборот или в другую сторону задует ветер фортуны, то есть, как было сказано, по возможности не удаляться от добра, но при надобности не чураться и зла.

Одна из самых противоречивых и сложных максим флорентийца. У Юсима перевод следующий: «И надо понять, что государь, особенно новый, не может соблюдать всего, за что людей почитают хорошими, и бывает часто вынужден во имя спасения государства действовать против веры, против милосердия, против человечности, против религии. Однако его помыслы должны повиноваться воле переменного ветра судьбы и, как я сказал выше, не отклоняться от блага, но уметь приступить к необходимому злу».

Попробую рассмотреть данный отрывок подробнее.

Во-первых, Макиавелли снова утверждает, что есть большая разница между новым и старым государем.

Во-вторых, идея состоит в том, что есть большая разница между государем и «просто» людьми. В частности потому, что первый ответственен за государство.

В-третьих, ради сохранения государства государь должен быть готовым нарушать общепринятые этические нормы. Есть известная фраза: «цель оправдывает средства», которая якобы принадлежит иезуитам. Исследователи уже обращали внимание на то, что у Макиавелли это будет выглядеть как «результат оправдывает средства»¹.

В-четвертых, государь должен быть готов быстро изменить свою тактику.

---

¹ Trevor-Roper H. Niccolò Machiavelli // Men and events: Historical essay. New York: Harper and Brothers, 1957. P. 65

В-пятых, правитель обязан следовать общепринятым этическим нормам, но уметь в случае необходимости быстро от них отказаться ради сохранения власти и государственных интересов. Возможно, заслуживает внимание мнение, что Макиавелли развил идею национального интереса с наивностью, свойственной Древнему миру, и не сочетал ее со средневековой христианской этикой. Суть национального интереса в его понимании состояла в новой натуралистической этике, чья реализация зависела от двух типов *virtù* — республиканского и монархического¹.

В этом плане очень интересно объяснение Татьяны Таировой-Яковлевой решения Ивана Мазепы изменить России во время вторжения шведской армии: «Если в эти трудные дни Мазепа перечитывал своего любимого Макиавелли, то ему должны были броситься в глаза следующие слова: государю «ради сохранения государства часто приходится нарушать свои обещания. Так что в душе он всегда должен быть готов к тому, чтобы изменить направление, если изменятся обстоятельства или ветер удачи начнет дуть в другую сторону». После рокового совета в Жолтве² Мазепа был внутренне готов «изменить направление». Другого пути для сохранения своего государства он уже не видел. В 68 лет начинать жизнь заново, согласиться, не просто, равно как бросаться с головой в омут. Это было очень тяжелое решение и еще пока отнюдь не окончательное».³

В данном случае имеет место откровенная попытка воспользоваться авторитетом Макиавелли для того, чтобы оправдать предательство (а это было именно так) Мазепы. Начнем с того, что ни у кого нет доказательств, что

¹ Meinecke F. Machiavellism: The doctrine of Raison d'État and its place in modern history. London: Routledge and Kegan Paul, 1957. P. 25-38

² Военный совет с участием Мазепы, когда было принято решение максимально растянуть коммуникации вторгшегося Карла XII

³ Таирова-Яковлева Т. Указ. соч. С. 190

«Государь» и вообще сочинения флорентийца действительно были любимым чтением украинца. Во-вторых, цитата явно сокращена, причем за счет тех эмоциональных моментов, которые могли бы бросить тень на решение Мазепы. В-третьих, «нарушение слова» по своему смысловому понятию, скажем мягко, несколько отличается от термина «измена» (против использования которого в отношении данного гетмана на протяжении всей книги выступает Таирова-Яковлева). В-четвертых, Мазепа никоим образом не мог считаться государем Украины. Это был вассал России, что бы там ни считала современная украинская историография. В-пятых, Таирова-Яковлева противоречит сама себе, когда то пишет, что Мазепа не видел возможности для спасения Украины без измены России и Петру I, то утверждает, что это «очень тяжелое решение» еще не было окончательным. В-шестых, крайне трудно согласиться с тезисом о том, что сохранение Украины было невозможно без измены со стороны Мазепы. Ход Северной войны все расставил по своим местам. Несмотря на уступку Польше части Украины, последняя сохранила себя и как страну, и как государственное образование.

Итак, государь должен бдительно следить за тем, чтобы с языка его не сорвалось слова, не исполненного пяти названных добродетелей. Пусть тем, кто видит его и слышит, он предстанет как само милосердие, верность, прямодушие, человечность и благочестие, особенно благочестие. Ибо люди большей частью судят по виду, так как увидеть дано всем, а потрогать руками — немногим. Каждый знает, каков ты с виду, немногим известно, каков ты на самом деле, и эти последние не посмеют оспорить мнение большинства, за спиной которого стоит государство.

Квинтэссенция взглядов Макиавелли на имидж государя. Особых комментариев здесь не требуется — они были даны выше. Заодно следует еще раз обратить внимание на подчеркивание стереотипов населения в устойчивости образа государственного деятеля. А также на многозначительное указание, что мнение большинства населения о своем государе поддерживает государство. Разумеется, здесь имелись в виду карательные органы.

В этом плане, возможно, следует напомнить, что некогда кардинал Гаспаро Контарини напомнил папе Клименту VII об обязанностях главы Католической церкви. И услышал в ответ: «Вы правы... Но я вижу — мир пришел в такое состояние, что кто более лукав и более изворотливо обделяет свои дела, того больше хвалят, считают более достойным человеком и больше прославляют, а кто поступает наоборот, про того говорят, что хотя он человек хороший, а цена ему грош»¹.

О действиях всех людей, а особенно государей, с которых в суде не спросишь, заключают по результату, поэтому пусть государи стараются сохранить власть и одержать победу. Какие бы средства для этого ни употребить, их всегда сочтут достойными и одобрят, ибо чернь прельщается видимостью и успехом, в мире же нет ничего, кроме черни, и меньшинству в нем не остается места, когда за большинством стоит государство. Один из нынешних государей, которого воздержусь называть², только и делает, что проповедует мир и верность, на деле же тому и другому злейший враг; но если бы

¹ Цит. По: Дживелегов А.К. Франческо Гвиччардини // Гвиччардини Ф. Сочинения. М.: Academia, 1934. С. 55

² По общему мнению комментаторов текста речь идет о Фердинанде Католическом

он последовал тому, что проповедует, то давно лишился бы либо могущества, либо государства.

В переводе Юсима: «Пусть государь победит и сохранит государство: средства будут всегда сочтены достойными, и всякий станет их хвалить, потому что толпа поглощена видимостью и исходом событий, а на свете всюду одна лишь толпа, и мнение немногих имеет вес, когда большинству не на что опереться. Один из государей нашего времени, которого неудобно называть, только и проповедует, что верность и мир, хотя сам он заклятый враг и того и другого. И если бы он соблюдал свои призывы, то давно бы лишился и своего влияния, и владений». Здесь мы видим одно принципиальное различие в очень интересном моменте: в переводе Муравьевой меньшинству вообще нет места при господстве черни, а Юсим дает иную версию.

Средства для государя не имеют значение — главное успех, мерилom которого является сохранение власти. Таков был общий подход Макиавелли. А дальше следует вроде бы циничное, хотя на самом деле очень горькое замечание в отношении черни или толпы со стороны бывшего государственного деятеля и политика, привыкшего не только действовать и исполнять, но и размышлять, причем по большинству параметров он должен был относить себя к народу.

Что касается намекa на короля Испании, то отношение Макиавелли к последнему двойственно. С одной стороны, видно, что ложь и вероломство Фердинанда явно антипатичны автору книги, с другой — он их откровенно оправдывает интересами государя и государства.

Глава XIX

О том, каким образом избегать ненависти и презрения

В этой главе Макиавелли продолжает тему имиджевых или репутационных проблем государя. В ней флорентиец занят не столько анализом, сколько, как сказали бы сейчас, консультационным теоретизированием. Отсюда, возможно, несколько повторов в тексте. Лео Штраус считает главу центральной в структуре книги¹.

Наиважнейшие из упомянутых качеств мы рассмотрели; что же касается прочих, то о них я скажу кратко, предварив рассуждение одним общим правилом. Государь, как отчасти сказано выше, должен следить за тем, чтобы не совершить ничего, что могло бы вызвать ненависть или презрение подданных. Если в этом он преуспеет, то свое дело он сделал, и прочие его пороки не представляют для него никакой опасности. Ненависть государи возбуждают хищничеством и посягательством на добро и женщин своих подданных. Ибо большая часть людей довольна жизнью, пока не задеты их честь или имущество; так что недовольным может оказаться лишь небольшое число честолюбцев, на которых нетрудно найти управу.

В данном отрывке Макиавелли обращается преимущественно к современной ему итальянской политической практике. Основной тезис: государь прежде всего должен

---

¹ Strauss L. "Machiavelli's intention. P. 17-18

следить за тем, чтобы не вызвать отторжения со стороны общественного мнения. Это — главное, остальные недостатки правителя представляются автору не столь существенными. Затем начинается перечень (он будет продолжен ниже) моментов, которые вызывают особо негативную реакцию со стороны граждан. Обратим внимание на разделение общества на большую и меньшую часть с явно скептическим и циничным отношением к потребностям большинства. Совершенно очевидно, что самому Макиавелли было бы мало того, чтобы власть не покушалась на его честь или имущество. Ему требовалось больше. Однако и в данном случае он выступает как своеобразный политконсультант, исходящий прежде всего из реалий тогдашней (а может и сегодняшней) жизни. Столь же скептичен автор и в отношении возможностей меньшинства честолюбцев, которые легко преодолеваются силовыми методами.

Нас, впрочем, может тут заинтересовать сравнение с российской действительностью, близкой по времени к написанию «Государя». В XV-XVII вв. Московская Русь была населена обычными людьми, которым были свойственны те же пороки и страсти, что бушевали в Италии. Скажем, Иван Грозный на упрек Андрея Курбского в безнравственности ответил: «А с женою моею зачем вы меня разлучили? Не отняли бы вы у меня моей юной жены, не было бы и Кроновых жертв¹. А если скажешь, что я после

---

¹ Крон — отец Зевса. В комментарии к этому моменту по поводу переписки царя с эмигрировавшим боярином Я.С.Лурье пишет следующее: «О «Кроновых жертвах» при дворе Грозного писал Курбский в своем Первом послании. Грозный отвергал это обвинение как «неподобное»... Не совсем понятно, в каком смысле царь связывал во Втором послании смерть своей первой жены Анастасии Романовны с «Кроновыми жертвами». Едва ли это прямой намек на его отношения с Ф.Басмановым как следствие вдовства. Скорее он имел в виду казни бояр как отмщение за ее гибель». — Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л.: Наука, 1979. С. 406

этого не стерпел и не соблюл чистоты — так ведь все мы люди»¹. Однако покушения великих князей, а потом царей на жен своих высокопоставленных подданных летописи не регистрировали (исключением стал Лжедмитрий I). Разумеется, речь здесь идет о наиболее видных подданных, однако в средневековой Италии настоящая охота некоторых государей и их ближайших родственников на красивых женщин шла без ограничений, связанных с знатностью мужей последних. Скандалов было много.

Другое дело — имущество подданных на Руси. Здесь великие князья, а потом цари периодически прибегали к конфискациям, хотя нельзя сказать, что они использовали эту меру исключительно для личного обогащения, как это зачастую бывало в итальянских государствах. Особого ропота среди подданных по данному поводу также не было. Так что здесь советы Макиавелли оказались неприменимыми к российским условиям.

Презрение государи возбуждают непостоянством, легкомыслием, изнеженностью, малодушием и нерешительностью. Этих качеств надо остерегаться как огня, стараясь, напротив, в каждом действии являть великодушие, бесстрашие, основательность и твердость.

Продолжается перечень качеств государя, неприемлемых общественному мнению. Второе предложение касается главным образом имиджевых черт правителя. В очередной раз: сначала — казаться, потом — быть.

Как ни странно, большинство перечисленных недостатков было неведомо московским государям. Здесь, как мне кажется, многое объясняется православным воспитанием.

---

¹ Там же. С. 166

Нельзя сказать, что среди московских князей и царей было много выдающихся личностей. Однако правда и то, что непостоянство, легкомыслие, изнеженность, малодушие и нерешительность встречались у них гораздо меньше, чем у итальянских государей. Еще раз повторю, что, на мой взгляд, православная вера и православное воспитание делали из посредственностей (а ими было, к сожалению, подавляющее большинство московских государей) вполне предсказуемых и уверенных в себе правителей. Чувствовавших свое предназначение в ответственности за Русь. Впрочем, предвижу, что это мнение обязательно будет оспорено, и неоднократно.

Решения государя касательно частных дел подданных должны быть бесповоротными, и мнение о нем должно быть таково, чтобы никому не могло прийти в голову, что можно обмануть или перехитрить государя.

Согласно переводу Юсима, данный отрывок выглядит следующим образом: «... своих решений по частным делам подданных придерживаться неукоснительно и так себя поставить, чтобы никто и не помышлял обмануть его или сбить с толку». Видимо, здесь идет речь о разбирательствах государя по поводу частных споров его подданных — чисто феодальный обычай. Поскольку имидж правителя в обществе очень зависел от его поведения, Макиавелли подчеркивает крайнюю желательность справедливых и точных решений, которые, по его мнению, обернутся всеобщей верой в премудрость государя, что, в свою очередь, выльется во всеобщее убеждение, будто суждения его всегда будут объективными. Довольно наивно, с одной стороны, и справедливо с другой.

Совет автора «Государя» имеет политическую подоплеку, которая станет понятной из следующей фразы

трактата. Другое дело, что в практическом смысле правители различных стран могли себе позволить периодически изменять свои решения в отношении не только частных дел своих подданных, но и дел, касавшихся государственной безопасности. Иными словами, быть милостивыми даже к своим противникам. Обычно на такой шаг шли под давлением ближайшего окружения.

Временами эти изменения решений оказывались полезными, временами вели к откровенно негативному развитию событий для государя. Лучшим аргументом в пользу правильности максимы Макиавелли мог бы стать случай с судьбой Василия Шуйского, который был арестован и предан суду по приказу Лжедмитрия I. Боярин обвинялся то ли в заговоре, то ли в поношении нового государя. Собор, состоявший из ряда сословий, осудил Шуйского на смерть, а его братьев отправил в тюрьму и ссылку. Однако казнь была отменена под давлением думцев¹, а сам боярин впоследствии был возвращен ко двору. В результате впоследствии именно он возглавил успешный заговор против самозванца.

К правителю, внушившему о себе такое понятие, будут относиться с почтением; а если известно, что государь имеет выдающиеся достоинства и почитаем своими подданными, врагам труднее будет напасть на него или составить против него заговор.

Несколько неожиданный, на первый взгляд, поворот в логике автора: оказывается, высокое мнение подданных о своем государе ценно не само по себе, но поскольку во многом гарантирует ему внешнюю и внутреннюю безопасность. Для трактовки этого момента необходимо

---

¹ См. Скрынников Р.Г. Василий Шуйский. С. 95-102

иметь в виду, что Макиавелли всегда нацелен в своих рассуждениях в первую очередь, если не исключительно, на удержание власти новым правителем. Существует точка зрения, согласно которой мы должны перевести каждое общее правило Макиавелли, адресованное неким государям, в конкретное, которое является советом Лоренцо Медичи¹. При всем уважении к ее автору, я отношусь к этому тезису крайне скептически. Макиавелли мог начать книгу с мыслью о том, чтобы дать советы конкретному человеку, но очень скоро начал давать рекомендации не только правителям, но и всему политическому сообществу. Такое бывает у авторов.

Сама технология прихода к власти флорентийцем рассматривается очень неохотно — в книге есть только несколько моментов, касающихся этой темы. Объяснение этой проблемы, на мой взгляд, связано с тем, что автор пишет книгу не о заговорах, но о том, как им противодействовать, не о нейтрализации сил противника, но о том, как победить его, захватить его страну и удержать ее в своих руках. Иными словами, и здесь Макиавелли видит перед собой главную политическую цель своей книги: вооружить уже имеющегося государя советами, которые могли бы помочь ему удержать власть и освободить Италию.

Ибо государя подстерегают две опасности — одна изнутри, со стороны подданных, другая извне — со стороны сильных соседей. С внешней опасностью можно справиться при помощи хорошего войска и хороших союзников; причем тот, кто имеет хорошее войско, найдет и хороших союзников. А если опасность извне будет устранена, то и внутри сохранится мир, при условии, что его не нарушат

---

¹ Strauss L. "Machiavelli's intention. P. 20

тайные заговоры. Но и в случае нападения извне государь не должен терять присутствия духа, ибо, если образ его действий был таков, как я говорю, он устоит перед любым неприятелем, как устоял Набил Спартанский, о чем сказано выше.

Из этого отрывка и дальнейшего продолжения видно, что Макиавелли в данном случае теоретически считал внешнюю опасность куда более серьезной для государя, чем внутреннюю. Тому было несколько причин, в том числе:

— в Италии при Макиавелли новые и старые государи гораздо чаще устранялись внешней силой, чем внутренними заговорами. Это было наглядной истиной, которую нельзя оспаривать;

— население городов не имело оружия и военной подготовки. Следовательно, широких восстаний государю можно было не опасаться. Реальной угрозой изнутри представлялись только заговоры, о которых речь пойдет ниже. А вот внешний враг всегда был вооружен;

— деятельность успешных государей, попавших в после зрения Макиавелли, проходила при слабом сопротивлении со стороны внутренней оппозиции. Зато внешний враг действительно представлял опасность;

Однако очевидно и то, что внутренним делам он уделял в этой книге гораздо больше внимания, чем внешним, хотя, если согласиться с только что приведенным утверждением, все должно было быть наоборот. Противоречие может быть объяснено следующими причинами.

Во-первых, автор «Государя» понимал (да и писал в своем трактате), что именно крепость внутренних порядков дает хотя бы относительную гарантию от внешней опасности. Именно поэтому основное место в книге уделено делам внутренним, а не внешним, пусть даже последние и постулировались как более значимые;

Во-вторых, одна из постоянных идей книги выглядит следующим образом: если государь будет соблюдать мои советы, то изнутри ему ничего грозить не будет. Собственно говоря, несколько глав, включая эту, посвящены именно рекомендациям, каким образом правителю избежать такого недовольства подданных, которое может вылиться в заговоры против него. Соответственно, Макиавелли считал внутреннюю политику во многом зависящей от государя, т.е. относительно предсказуемой и управляемой, но предсказуемой и управляемой только при разумном курсе со стороны руководства страны. А вот внешний враг мог руководствоваться собственной логикой, стремиться к расширению своих владений, а потому был только отчасти предсказуем и практически неуправляем.

Что же касается подданных, то когда снаружи мир, то единственное, чего следует опасаться, — это тайные заговоры. Главное средство против них — не навлекать на себя ненависти и презрения подданных и быть угодным народу, чего добиться необходимо, как о том подробно сказано выше. Из всех способов предотвратить заговор самый верный — не быть ненавистным народу. Ведь заговорщик всегда рассчитывает на то, что убийством государя угодит народу; если же он знает, что возмутит народ, у него не хватает духа пойти на такое дело, ибо трудностям, с которыми сопряжен всякий заговор, нет числа.

В переводе Юсима: «Что касается подданных, то пока внешние дела в порядке, следует опасаться только тайных заговоров, от коих государь может обезопасить себя, избегая ненависти и презрения и живя в ладу с народом, чего необходимо добиваться, как подробно говорилось выше. Одно из самых действенных средств против за-

говоров состоит в том, чтобы не внушать всеобщей ненависти, ибо убийством государя заговорщики думают угодить народу. Если же они на это не надеются, навряд ли они отважатся на такой поступок, ибо на этом пути их ждут неисчислимые препятствия».

Выше уже говорилось, почему Макиавелли полагал, что государю следует опасаться заговоров. Далее он фактически утверждает, что его прежние послышки не требуют доказательств и если правитель будет их соблюдать, то сможет предотвратить заговор против своей власти.

Макиавелли неплохо знал историю Древнего Рима, а потому не мог не понимать спорность своего утверждения, что самый верный способ предотвратить заговор — не быть ненавистным обществу. Скажем, Юлий Цезарь пользовался огромной популярностью среди подавляющего большинства римлян, что не мешало оппозиции физически устранить его. Таких примеров можно привести немало.

Если в этой связи коснуться истории Московии, то классический случай — боярский заговор против Лжедмитрия I. Царь был популярен среди «простого» населения, особенно среди москвичей. Пропаганда против него не имела успеха. Ему противостояла немногочисленная оппозиция, состоявшая из нескольких групп бояр во главе с Шуйскими, Голицыными, князьями Михаилом Скопиным-Шуйским и Борисом Татыщевым-Стародубским и др. У Отрепьева, как и у Цезаря, были свидетельства о заговоре, но он ими пренебрег, как и знаменитый римлянин. Заговорщики не могли надеяться, что угодят народу убийством царя и первоначально делали ставку на то, чтобы воспользоваться возмущением москвичей поведением иностранных наемников в Москве. В целом в этом случае все было не так, как доказывал Макиавелли.

И все же мы знаем, что в главном флорентиец был прав. Знал это и он сам. Что касается спорности тезиса,

то, видимо, в этом случае ему нужно было еще раз подтвердить свое мнение о том, что государю для успешного правления надо избежать отторжения со стороны общества. Еще раз применен специфический риторический прием, когда многочисленность утверждений бьет в одну точку, создавая в конце концов то ли иллюзию, то ли ощущение правоты основного постулата.

Как показывает опыт, заговоры возникали часто, но удавались редко. Объясняется же это тем, что заговорщик не может действовать в одиночку и не может сговориться ни с кем, кроме тех, кого полагает недовольными властью. Но открывшись недовольному, ты тотчас даешь ему возможность стать одним из довольных, так как, выдав тебя, он может обеспечить себе всяческие блага. Таким образом, когда с одной стороны выгода явная, а с другой — сомнительная, и к тому же множество опасностей, то не выдаст тебя только такой сообщник, который является преданнейшим твоим другом или злейшим врагом государя.

Здесь стоит обратить особое внимание на замечание автора «Государя» о причине низкой результативности заговоров. Для него здесь, видимо, были важны следующие обстоятельства:

- еще один частный пример в подтверждение собственного тезиса о неизменной природе человека;
- еще один частный пример в подтверждение собственного тезиса о господстве интересов в политическом поведении отдельных индивидуумов;
- личное наблюдение за современной ему политической жизнью Италии;
- вывод из проштудированных им книг о политической истории древних государств;

— дополнительное доказательство собственного тезиса о необходимости для государя если не пользоваться широкой популярностью среди населения, то хотя бы не вызывать ненависти и презрения со стороны общества.

Короче говоря, на стороне заговорщика — страх, подозрение, боязнь расплаты; на стороне государя — величие власти, законы, друзья и вся мощь государства; так что если к этому присоединяется народное благоволение, то едва ли кто-нибудь осмелится составить заговор. Ибо заговорщику есть чего опасаться и прежде совершения злого дела, но в этом случае, когда против него народ, ему есть чего опасаться и после, ибо ему не у кого будет искать убежища.

Здесь опять же повторяется основная идея, которую проводит Макиавелли вот уже несколько раз: главная опора любого государя если не полная поддержка со стороны народа, то, по крайней мере, его нейтралитет. Причем тут автор начинает осторожно менять акценты в своих тезисах. Начал он, напомню, с того, что «государь... должен следить за тем, чтобы не совершить ничего, что могло бы вызвать ненависть или презрение подданных». Иначе говоря, заботиться о наличии по крайней мере их нейтралитета в своем отношении. В данном же отрывке речь идет уже о «народом благоволении», что, конечно, существенно меняет ситуацию.

В целом же Макиавелли исходит из того, что в противостоянии с заговорщиками явный перевес находится на стороне государя, поскольку:

— несопоставимы исходные позиции двух сторон — государь сильнее по всем параметрам;

— если к мощи государя добавить еще народную любовь, то преимущество правителя становится несоизмеримо большим;

— сталкиваясь с подавляющим превосходством действующего государя, потенциальные заговорщики едва ли осмелятся готовить выступление против него;

— если правителя поддерживает народ, то шансы на заговор становятся крайне малыми, ибо его участники будут опасаться не только разоблачения своего предприятия, но и гнева масс в случае успешной его реализации.

Следует также обратить внимание на то обстоятельство, что Макиавелли ни здесь, ни в другом месте не упоминает местные органы самоуправления, на которые мог бы опереться государь. Причина этого состоит, возможно, в том, что, по мнению автора, итальянская система правления через магистратуры была неспособна сохранить себя в тогдашних условиях страны. В Италии была очевидна сравнительно большая эффективность абсолютного правления¹.

По этому поводу я мог бы привести немало примеров, но ограничусь одним, который еще памятен нашим отцам. Мессер Аннибале Бендивольи², правитель Болоньи, дед нынешнего мессера Аннибале, был убит заговорщиками Каннески*, и после него не осталось других наследников, кроме мессера Джованни, который был еще в колыбели. Тотчас после убийства разгневанный народ перебил всех Каннески, ибо дом Бендивольи пользовался в то время народной любовью. И так она была сильна, что когда в Болонье не осталось никого из Бендивольи, кто мог бы управлять государством, горожане, прослышав о некоем человеке крови Бендивольи³, считавшемся ранее сыном кузнеца, явились к нему во Флоренцию и вверили ему власть, так что он управлял

¹ Cadoni G. Intorno a due capitoli del Principe // Cultura. 1971. T. 9. P. 374

² Bentivoglio, обычно на русском транскрибируется как Бентивольо

³ Речь идет о Санти, двоюродном дяде Джованни Бендивольо

городом до тех самых пор, пока мессер Джованни не вошел в подобающий правителю возраст.

Как видно, Макиавелли здесь продолжает осторожную подмену, избрав все-таки в конечном счете пример любовью населения к своему государю, а не нейтралитетом в его отношении. Наверняка это было сделано сознательно. Дело, видимо, в том, что данный случай впечатляет и убеждает читателя гораздо больше, нежели более сложные варианты, когда народ просто приемлет своего правителя, но не готов на поступки, столь драматически описанные флорентийцем. Еще один из специфических приемов убеждения, на которые он был мастер.

И вернемся еще раз к использованному здесь понятию *государство*. Уже в первом предложении знаменитой книги мы можем видеть, что Макиавелли употребляет его в современном для нас виде, так, чтобы не было разницы между терминами *республика* и *монархия*¹. В этом случае он продолжает прежнюю линию.

В заключение повторю, что государь может не опасаться заговоров, если пользуется благоволением народа, и наоборот, должен бояться всех и каждого, если народ питает к нему вражду и ненависть. Благоустроенные государства и мудрые государи принимали все меры к тому, чтобы не ожесточать знать и быть угодными народу, ибо это принадлежит к числу важнейших забот тех, кто правит.

В переводе Юсима: «Итак, я заключаю, что государь не должен беспокоиться о заговорах, пока народ к нему

---

¹ Mansfield H.C. On the impersonality of the modern State: a comment on Machiavelli's use of *stato*. P. 855

расположен, но если народ враждебен и ненавидит государя, последнему приходится бояться всех и каждого. Правильно устроенное государство и мудрые правители прилагали все усилия к тому, чтобы не доводить до крайности грандов и жить с народом в мире и согласии, ибо в этом состоит одна из важнейших забот государя».

Макиавелли по-прежнему считает, что периодические повторы являются хорошим примером убеждения, а потому еще раз обращается к своей прежней максиме. Впрочем, она все равно показалась бы неубедительной Ивану IV, который третировал и преследовал русскую знать, не опасаясь доводить ее до ожесточения. Он считал, что на его стороне было благоволение Господа, и ему было этого достаточно¹. Особенности политической культуры Московской Руси привели к тому, что даже истребляемая царем знать не ожесточилась, и реальных заговоров против царя не последовало.

В наши дни хорошо устроенным и хорошо управляемым государством является Франция. В ней имеется множество полезных учреждений, обеспечивающих свободу и безопасность короля, из которых первейшее — парламент с его полномочиями. Устроитель этой монархии, зная властолюбие и наглость знати, считал, что ее необходимо держать в узде; с другой стороны, зная ненависть народа к знати, основанную на страхе, желал оградить знать. Однако он не стал вменять это в обязанность королю, чтобы знать не могла обвинить его в потворстве народу, а народ — в покровительстве знати, и создал третейское учреждение, которое, не вмешивая короля, обуздывает

---

¹ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 165-166

сильных и поощряет слабых. Трудно вообразить лучший и более разумный порядок, как и более верный залог безопасности короля и королевства.

Уделять анализу специфики восприятия флорентийцем государственных порядков соседнего государства много внимания здесь, пожалуй, не стоит. Достаточно сказать, что это уже сделано многочисленными исследователями. В рамках нашего комментария выделим в данном отрывке следующие моменты:

— Макиавелли обращается к французскому государственному устройству с целью выделения в нем позитивной черты, несмотря на то, что полагал французское военное присутствие в Италии губительным для своей страны;

— в качестве основного государственного достижения Франции выделяется *парламент*, который должен был казаться институтом, ограничивающим власть государя;

— далее автор совершает привычный для себя поворот в анализе, заявив, что *парламент* на деле предназначен для того, чтобы добиться баланса между знатью и народом;

— следует обратить внимание на негативную характеристику *знати* (в переводе Юсима она звучит куда мягче: «памятуя о честолюбии и неукротимости знати»), что у Макиавелли вообще встречается редко. Правда, это положение отчасти следует из предыдущих посылок автора «Государя», когда акцентируется необходимость поддержки правителя именно *народом* (упоминание о *знати* также встречается, но только один раз);

— очень интересен прием, с помощью которого флорентиец объявил французский *парламент* важнейшей гарантией свободы и безопасности короля.

В отношении Макиавелли к *знати* обратим внимание, что в принципе он относился к ней очень осторожно, не-

однократно указывая на опасность с ее стороны любому правящему режиму¹. Вместе с тем, автор считал, что свобода возможна как при аристократических, так и при смешанных республиканских правительственных структурах²

Отсюда можно извлечь еще одно полезное правило, а именно: что дела, неудобные подданным, государи должны возлагать на других, а удобные — исполнять сами.

Еще одно вроде бы циничное замечание Макиавелли, на котором, однако, строится основная часть популистской (и не только) политики во все времена и у всех народов. Так что на деле иронии в словах автора «Государя» здесь нет.

В заключение же повторю, что государю надлежит выказывать почтение к знати, но не вызывать ненависти в народе.

Здесь вполне очевидно, что ситуация рассматривается через призму взаимоотношений между *знатью* и остальным *народом*. Однозначно следует, что гранды должны вызывать негативное отношение со стороны основной части населения. Клиентелизм, который вызывает иную ситуацию, в данном случае фактически выводится за скобки в интересах обоснования основного тезиса.

Далее Макиавелли для подтверждения своих слов переходит к примерам из древнеримской истории, что, возможно, свидетельствует о значении, которое он уделял данной тематике³

---

¹ Bonadeo A. The role of the *grandi* in the political world of Machiavelli // Studies in the Renaissance. 1969. Vol. 16. P. 9-30

² Cadoni G. Note Machiavelliane // Storia e politica // 1976. T. 20. P. 354-162

³ Strauss L. "Machiavelli's intention. P. 18

Многие, пожалуй, скажут, что пример жизни и смерти некоторых римских императоров противоречит высказанному здесь мнению. Я имею в виду тех императоров, которые, прожив достойную жизнь и явив доблесть духа, либо лишились власти, либо были убиты вследствие заговора. Желая оспорить подобные возражения, я разберу качества нескольких императоров и докажу, что их привели к крушению как раз те причины, на которые я указал выше. Заодно я хотел бы выделить и все то наиболее поучительное, что содержится в жизнеописании императоров — преемников Марка-философа, вплоть до Максимиана, то есть Марка, сына его Коммода, Пертинакса, Юлиана, Севера, сына его Антонина Каракаллы¹, Макрина, Гелиогабала, Александра и Максимиана.

Редкий случай, когда Макиавелли вроде бы выказал желание подвергнуть критике собственные тезисы. Обычно он использовал, как мы видели выше, совсем иные приемы. Как бы то ни было, здесь следует обратить особое внимание на то, что акцент в рассуждениях делается на успешности заговора. Отмечу также, что Макиавелли вполне в своем стиле вновь ссылается на примеры из древней истории. Возможно, здесь стоит еще раз вспомнить, как он в своем процитированном выше письме от 10 декабря 1513 г. воспекает интеллектуальное удовольствие от «дискуссий» с древними мыслителями.

Прежде всего надо сказать, что если обыкновенно государям приходится сдерживать честолюбие знати и необузданность народа, то римским императорам приходилось сдерживать еще жестокость и алчность войска. Многих эта тягостная необходи-

---

¹ Каракаллу на деле звали Септимий Бассиан

мость привела к гибели, ибо трудно было угодить одновременно и народу, и войску. Народ желал мира и спокойствия, поэтому предпочитал кротких государей, тогда как солдаты предпочитали государей воинственных, неистовых, жестоких и хищных — но только при условии, что эти качества будут проявляться по отношению к народу, так чтобы самим получать двойное жалованье и утолять свою жестокость и алчность.

Флорентиец здесь меняет элемент в своем политическом уравнении, чем сразу же кардинально меняет общую картину: вместо прежнего «треугольника», когда автор совершенно справедливо с точки зрения политического консалтинга рекомендует государю добиваться баланса между противостоящими друг другу силами, возникает новая ситуация. Из уравнения незаметно выводится *знать*, появляется новый элемент — *вооруженные силы*, а весь упор в анализе переносится на противоречия между профессиональной армией и населением в Древнем Риме императорского периода. В результате в прежней формуле меняется одна из составляющих, что заранее гарантирует Макиавелли подтверждение вроде бы оспариваемой внешне собственной максимы.

Все это неизбежно приводило к гибели тех императоров, которым не было дано — врожденными свойствами или старанием — внушить к себе такое почтение, чтобы удержать в повиновении и народ, и войско. Большая часть императоров — в особенности те, кто возвысился до императорской власти, а не получил ее по наследству, — оказавшись меж двух огней, предпочли угождать войску, не считаясь с народом. Но другого выхода у них и не

было, ибо если государь не может избежать ненависти кого-либо из подданных, то он должен сначала попытаться не вызвать всеобщей ненависти. Если же это окажется невозможным, он должен приложить все старания к тому, чтобы не вызвать ненависти у тех, кто сильнее. Вот почему новые государи, особенно нуждаясь в поддержке, охотнее принимали сторону солдат, нежели народа. Но и в этом случае терпели неудачу, если не умели внушить к себе надлежащего почтения.

В переводе Юсима этот отрывок выглядит следующим образом: «Все это привело к тому, что императоры, не имевшие природных или благоприобретенных качеств, которые позволили бы им обуздать и народ и войско своим влиянием, всегда кончали плохо. Большинство из них, в особенности те, которые были новыми людьми у власти, осознавая противоположность названных требований, предпочитали уболаговотворять солдат, пренебрегая обидами, наносимыми народу. К этому вынуждала необходимость, ибо если государь не может застраховать себя от чьей бы то ни было ненависти, он должен постараться оградить себя от ненависти всеобщей. Если же и этого нельзя добиться, то следует всячески избегать ненависти со стороны тех групп, которые наиболее сильны. И вот те императоры, которые, не имея прочных корней, нуждались в особенной поддержке, склонялись более к солдатам, чем к народу, что, однако, могло пойти им не только на пользу, но и во вред, в зависимости от того, как они могли себя поставить с войском».

Макиавелли здесь следует своей теории баланса сил, чьи интересы и желания противоречат друг другу. Однако есть существенные различия по сравнению с предыдущей формулой, причем не только в ее составе:

— в этой формуле отношения *народа* и *войска* выглядят непримиримыми, в то время как в предыдущей такого впечатления нет;

— баланс сил между *армией* и *народом* здесь однозначно смещен в пользу вооруженных сил;

— *армия* выглядит еще более необузданной в своих притязаниях, чем *знать* в предыдущей формуле;

— государь часто бывает лишен возможности маневра между двумя другими элементами формулы;

— Макиавелли оправдывает признание государем доминирования *армии* в балансе сил в стране. Следует выделить тот факт, что флорентиец в своем анализе исходит прежде всего из реально существующей ситуации, а не политических мифологем. Раз *войско* в какой-то исторический период имеет существенный перевес над *народом*, стало быть надо считаться с этим фактом, независимо от общей концепции, предусматривающей необходимость поиска поддержки у народа, а не его оппонентов;

— флорентиец не стал бы одним из величайших политологов, если бы не предусмотрел и в этих своих жестких конструкциях исключение: государь в этой ситуации прав, обращая в целях сохранения своей власти преимущественное внимание на интересы *армии*, однако при условии, что может «себя поставить с войском», т.е. добиться от него послушания.

По указанной причине из трех императоров — Марка, Пертинакса и Александра, — склонных к умеренности, любящих справедливость, врагов жестокости, мягких и милосердных, двоих постигла печальная участь. Только Марк жил и умер в величайшем почете, ибо наследовал императорскую власть iure hereditario¹

---

¹ По праву наследства

и не нуждался в признании ее ни народом, ни войском. Сверх того, он внушил подданным почтение своими многообразными добродетелями, поэтому сумел удерживать в должных пределах и народ, и войско и не был ими ни ненавидим, ни презираем. В отличие от него Пертинакс стал императором против воли солдат, которые, привыкнув к распущенности при Коммодe, не могли вынести честной жизни, к которой он принуждал их, и возненавидели его, а так как к тому же они презирали его за старость, то он и был убит в самом начале своего правления.

Здесь, разумеется, следует принять во внимание, что упомянутые Макиавелли императоры жили в разные эпохи, и судьба Марка Аврелия, которого часто называют еще Философом, сложилась относительно безоблачно, поскольку он, помимо фактора унаследования власти и личных качеств, правил в так называемый «золотой век империи», когда между императорской властью и сенатской знатью сложилось мирное сотрудничество, а ситуация на границах и в провинциях была стабильна. А вот Гельвий Пертинакс и Александр Север пришли к власти в переходный период, когда армия уже начала периодически диктовать свою волю правителям¹. Дальше было еще хуже, однако Макиавелли до этого периода свои комментарии не распространяет.

Здесь уместно заметить, что добрыми делами можно навлечь на себя ненависть точно так же, как и дурными, поэтому государь, как я уже говорил,

---

¹ Наиболее известные жизнеописания этих императоров принадлежат *scriptores historiae Augustae*. — См. Светоний Г.Т. Жизнь двенадцати цезарей. Властелины Рима. Биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана. М.: Эксмо, 2006

нередко вынужден отступить от добра ради того, чтобы сохранить государство, ибо если та часть подданных, чьею расположения ищет государь, — будь то народ, знать или войско, — развращена, то и государю, чтобы ей угодить, приходится действовать соответственно, и в этом случае добрые дела могут ему повредить.

Согласно переводу Юсима: «Тут следует заметить, что ненависть можно навлечь на себя как посредством добрых дел, так и дурных, поэтому, как я говорил выше, желая сохранить за собой власть, государь чаще бывает вынужден быть недобрым, ведь если совокупность народа, или солдат, или грандов, в которых ты нуждаешься, чтобы удержаться у власти, испорчена, ты должен следовать ее настроением, дабы угодить ей, и тогда добрые дела для тебя пагубны».

В данном отрывке довольно четко прочитываются как прежние мысли, так и новые идеи, вытекающие из последних размышлений в этой книге. Повторы, как это обычно для Макиавелли, следуют для очередного доказательства верности предыдущих посылок. Новизна выглядит главным образом в следующих положениях:

— «добрыми делами можно навлечь на себя ненависть точно так же, как и дурными»;

— если государь ищет опоры в части общества, то ему приходится действовать в соответствии с ее склонностью, пусть она даже и «дурна».

Безусловно, сильная сторона данного отрывка заключается в том, что для гарантии сохранения своей власти требуется вести популистскую политику, которая требует следования настроением наиболее значимых сегментов общества. Эта формула является действительной вплоть до настоящего времени.

Вообще в данном случае стоит прислушаться к мнению, что «Государство» — это не книга о морали, а исследование, основанное на описании. Цель работы — диагностировать социальные болезни и предоставить адекватное лечение путем выделения политики как властных отношений и соответствующей борьбы. Это должно подтолкнуть лидеров к выбору научного политического поведения, чтобы трансформировать государство в лучшую сторону¹. Впрочем, работа Макиавелли чрезвычайно многогранна и не подходит ни под одно определение, почему я не совсем согласен с этими тезисами, но признаю, что они безусловно заслуживают внимания.

Но перейдем к Александру: кротость его, как рассказывают ему в похвалу, была такова, что за четырнадцать лет его правления не был казнен без суда ни один человек. И все же он возбудил презрение, славя чересчур изнеженным и послушным матери, и был убит вследствие заговора в войске.

Александр Север был специфическим государем, и мы не станем здесь рассматривать различные точки зрения римских историков относительно особенностей его правления. В данном случае принципиальное значение для Макиавелли имеет то обстоятельство, что в период, когда значение личных воинских качеств было вознесено до максимальных вершин, войско видело в императоре недостаточно сильного мужчину и правителя. Обратим здесь внимание, что Север, с точки зрения автора «Государя», в силу своих личных качеств «возбудил презрение» в народе, что флорентиец считает главным грехом правителя.

---

¹ Pineda B.M. Maquiavélo redívivo // Estudios de derecho. 1970. V. 29. T. 493-506

В противоположность этим троим Коммод, Север, Антонин Каракалла и Максимин отличались крайней алчностью и жестокостью. Угождая войску, они как могли разоряли и притесняли народ, и всех их, за исключением Севера, постигла печальная участь. Север же прославился такой доблестью, что не утратил расположения солдат до конца жизни и счастливо правил, несмотря на то, что разорял народ. Дobleсть его представлялась необычайной и народу, и войску: народ она пугала и ошеломляла, а войску внушала благоговение, и так как все совершенное им в качестве нового государя замечательно и достойно внимания, то я хотел бы, не вдаваясь в частности, показать, как он умел уподобляться то льву, то лисе, каковым, как я уже говорил, должны подражать государи.

Императоры Луций Элий Аврелий Коммод, Луций Септимий Север, Септимий Бастин Каракалла и Максимин требуют особой характеристики, которая, впрочем, более уместна для труда по истории соответствующего периода Древнего Рима. Следует обратить внимание, что Макиавелли ставит судьбу двух императоров из перечисленных в зависимость от их отношения к народу, что несколько противоречит одному из его предыдущих тезисов. Зато в случае с Севером он откровенно повторяет несколько из своих недавних максим. Общий итог здесь выглядит следующим образом: если *virtù* государя высок, тот доминирующе влияет на основные сегменты общества и обеспечивает себе сохранение власти.

Узнав о нерадивости императора Юлиана, Север убедил солдат, находившихся под его началом в Славонии, что их долг идти в Рим отомстить за

смерть императора Пертинакса, убитого преторианцами. Под этим предлогом он двинул войско на Рим, никому не открывая своего намерения добиться императорской власти, и прибыл в Италию прежде, чем туда донесся слух о его выступлении. Когда он достиг Рима, Сенат, испугавшись, провозгласил его императором и приказал убить Юлиана. Однако на пути Севера стояло еще два препятствия: в Азии Песценний Нигер, глава азийского войска, провозгласил себя императором, на западе соперником его стал Альбин. Выступить в открытую против обоих было опасно, поэтому Север решил на Нигера напасть открыто, а Альбина устранить хитростью. Последнему он написал, что, будучи возведен Сенатом в императорское достоинство, желает разделить с ним эту честь, просит его принять титул Цезаря и по решению Сената объявляет его соправителем. Тот все это принял за правду. Но после того, как войско Нигера было разбито, сам он умерщвлен, а дела на востоке улажены, Север вернулся в Рим и подал в Сенат жалобу: будто бы Альбин, забыв об оказанных ему Севером благодеяниях, покушался на его жизнь, почему он вынужден выступить из Рима, чтобы покарать Альбина за неблагодарность. После чего он настиг Альбина во Франции и лишил его власти и жизни.

В данном случае мы имеем дело с кратко пересказанным автором «Государя» набором хитростей, с помощью которых, по его мнению, Луций Септимий Север стал императором. Наилучшим образом комментарии к этому описанию сделал сам Макиавелли выше в этой книге (например, о пользе лжи и том, как государь должен держать свое слово) и несколько ниже.

Вдумавшись в действия Севера, мы убедимся в том, что он вел себя то как свирепейший лев, то как хитрейшая лиса; что он всем внушил страх и почтение и не возбудил ненависти войска. Поэтому мы не станем удивляться, каким образом ему, новому государю, удалось так упрочить свое владычество: разоряя подданных, он не возбудил их ненависти, ибо был защищен от нее своей славой. Сын его Антонин также был личностью замечательной и, сумев поразить воображение народа, был угоден солдатам. Он был истинный воин, сносивший любые тяготы, презиравший изысканную пищу, чуждый изнеженности, и за это пользовался любовью войска. Но, проявив неслыханную свирепость и жестокость — им было совершено множество убийств и истреблены все жители Александрии и половина жителей Рима, — он стал ненавистен всем подданным и даже внушил страх своим приближенным, так что был убит на глазах своего войска одним из центурионов.

Фактически мы сталкиваемся здесь с типичным для Макиавелли очередным повтором своих основных предыдущих тезисов:

— сравнение со львом и лисой одновременно в качестве необходимых качеств для успешного государя,

— необходимость внушения уважения к государю в обществе в целом и в его основных сегментах в частности;

— отсутствие ненависти со стороны войска — основного сегмента политически доминирующих частей государства;

— потеря власти в результате провоцирования ненависти со стороны общества в целом, пусть даже конец правления приходит в результате заговора.

Здесь уместно заметить, что всякий, кому не дорога жизнь, может совершить покушение на государя, так что нет верного способа избежать гибели от руки человека одержимого.

В этом случае Макиавелли отступает от содержания одного из своих предыдущих тезисов или, возможно, будет вернее сказать, что он вносит в него коррективы: каково бы ни было отношение народа к государю, жизнь его все равно постоянно находится в опасности, ибо раскрытие заговоров не всегда зависит от расположения или нерасположения народа. Это абсолютно справедливо с точки зрения исторической практики.

Но этого не следует так уж бояться, ибо подобные покушения случаются крайне редко. Важно лишь не подвергать оскорблению окружающих тебя должностных лиц и людей, находящихся у тебя в услужении, то есть не поступать как Антонин, который предал позорной смерти брата того цен-туриона, каждый день грозил смертью ему самому, однако же продолжал держать его у себя телохранителем. Это было безрассудно и не могло не кончиться гибелью Антонина, что, как мы знаем, и случилось.

Макиавелли тут сначала подтверждает правильность своего предыдущего тезиса относительно приоритета ориентации на согласие народа с правлением государя. Затем опять следует повтор, разве что концентрация сделана на ближайшем окружении правителя — не следует «подвергать оскорблению окружающих тебя должностных лиц и людей, находящихся у тебя в услужении».

Обратимся теперь к Коммоду. Будучи сыном Марка, он мог без труда удержать власть, полученную им по наследству. Если бы он шел по стопам отца, то этим всего лучше угодил бы и народу, и войску, но, как человек жестокий и низкий, он стал заискивать у войска и поощрять в нем распушенность, чтобы с его помощью обирать народ. Однако он возбудил презрение войска тем, что унижал свое императорское достоинство, сходясь с гладиаторами на арене, и совершал много других мерзостей, недостойных императорского величия. Ненавидимый одними и презираемый другими, он был убит вследствие заговора среди его приближенных.

Как видим, Коммод обладал, с точки зрения Макиавелли, по крайней мере двумя существенными преимуществами, достаточными для того, чтобы удержать власть: во-первых, его пост перешел к нему по наследству и, во-вторых, делал ставку на армию. Что касается недостатков, то он отказался от политики баланса между народом и войском, что было свойственно для политики его отца, и вызвал презрение своей главной опоры — *вооруженных сил*. В результате он был ненавидим *народом* и презираем *армией*. На деле Макиавелли не упомянул еще о непроходимой глупости Комода. Читать его жизнеописание трудно из-за перечисления совершенных мерзостей, о которых упомянул флорентиец¹.

Остается рассказать о качествах Максимиана. Это был человек на редкость воинственный, и после того как Александр вызвал раздражение войска своей изнеженностью, оно провозгласило императором Максимиана. Но править ему пришлось недолго,

---

¹ См. Светоний Г.Т. Указ. соч. С. 588-601

ибо он возбудил ненависть и презрение войска тем, что, во-первых, пас когда-то овец во Фракии — это обстоятельство, о котором все знали, являлось позором в глазах его подданных, во-вторых, провозглашенный императором, он отложил выступление в Рим, где должен был принять знаки императорского достоинства, и прославил себя жестокостью, произведя через своих префектов жесточайшие расправы в Риме и повсеместно. После этого презрение к нему за его низкое происхождение усугубилось ненавистью, внушенной страхом перед его свирепостью, так что против него восстала сначала Африка, потом Сенат и весь римский народ, и, наконец, в заговор оказалась вовлеченной вся Италия. К заговору примкнули его собственные солдаты, осаждавшие Аквилею, которые были раздражены его жестокостью и трудностями осады: видя, что у него много врагов, они осмелели и убили императора.

По контексту здесь видно, что Макиавелли имеет в виду Максимиана Старшего, преемника Александра Севера. Кажется, флорентиец преувеличивает презрение, которое римляне питали к нему из-за его происхождения; абсолютно верно то, что он сам так его стеснялся, что, по слухам, уничтожил всех, кто был о нем осведомлен. Его жестокость и необузданность вошли в легенды. В данном случае Макиавелли, видимо, хочет подчеркнуть, что Максимиан пал жертвой заговора потому, что от него отвернулась армия, возмущенная постоянными расправами над правыми и виноватыми.

Я не буду касаться Гелиогабала, Макрина и Юлиана как совершенно ничтожных и неприметно сошедших правителей, но перейду к заключению. В наше

время государям нет такой уж надобности угождать войску. Правда, войско и сейчас требует попечения; однако эта трудность легко разрешима, ибо в наши дни государь не имеет дела с солдатами, которые тесно связаны с правителями и властями отдельных провинций, как это было в Римской империи. Поэтому если в то время приходилось больше угождать солдатам, ибо войско представляло большую силу, то в наше время всем государям, кроме султанов, турецкого и египетского, важнее угодить народу, ибо народ представляет большую силу.

Макиавелли здесь несколько лукавит: он прекрасно знал, что временами кондотьеры становились независимыми правителями итальянских государств. Как бы то ни было, основная мысль предельно ясна: все предыдущие постулаты были верны, надо налаживать отношения не с армией, а с народом, который и представляет собой основную силу современной политики.

Турецкий султан отличается от других государей тем, что он окружен двенадцатитысячным пешим войском и пятнадцатитысячной конницей, от которых зависят крепость и безопасность его державы. Такой государь поневоле должен, отложив прочие заботы, стараться быть в дружбе с войском. Подобным же образом султану египетскому, зависящему от солдат, необходимо, хотя бы в ущерб народу, ладить со своим войском. Заметьте, что государство султана египетского устроено не так, как все прочие государства, и сопоставимо лишь с папством в христианском мире. Его нельзя назвать наследственным, ибо наследниками султана являются не его дети, а тот, кто избран в прием-

ники особо на то уполномоченными лицами. Но его нельзя назвать и новым, ибо порядок этот заведен давно, и перед султаном не встает ни одна из тех трудностей, с которыми имеют дело новые государи. Таким образом, несмотря на то, что султан в государстве — новый, учреждения в нем — старые, и они обеспечивают преемственность власти, как при обычном ее наследовании.

Основная идея: в названных двух государствах по-прежнему существует нарушенный в пользу армии баланс между ней и народом. Замечание относительно преемственности власти связано, видимо, с устойчивостью государственных порядков и отсутствием частых переворотов. Здесь Макиавелли попросту пользуется возможностью для того, что подтвердить свои политические максимы.

Но вернемся к обсуждаемому предмету. Рассмотрев сказанное выше, мы увидим, что главной причиной гибели императоров была либо ненависть к ним, либо презрение, и поймем, почему из тех, кто действовал противоположными способами, только двоим выпал счастливый, а остальным несчастный конец. Дело в том, что Пертинаксу и Александру, как новым государям, было бесполезно и даже вредно подражать Марку, ставшему императором по праву наследства, а Коммоду и Максимину пагубно было подражать Северу, ибо они не обладали той доблестью, которая позволяла бы им следовать его примеру. Соответственно, новый государь в новом государстве не должен ни подражать Марку, ни уподобляться Северу, но должен у Севера позаимствовать то, без чего нельзя основать новое государство, а у Марка — то наилучшее и наиболее

*достойное, что нужно для сохранения государства,
уже обретшего и устойчивость, и прочность.*

Напомню, что главным достоинством Септимия Севера Макиавелли считал высшую степень доблести, *virtù*. Соответственно, без этого качества, по его мнению, нельзя было основать новое государство. А вот сохранить его надо было, заимствовав позитивные качества Марка Аврелия. В данном случае суть идеи флорентийца заключается в утверждении, что оба заимствования должны были быть сделаны одновременно.

Глава XX

О том, полезны ли крепости, и многое другое, что постоянно применяют государи

Одни государи, чтобы упрочить свою власть, разоружали подданных, другие поддерживали раскол среди граждан в завоеванных городах; одни намеренно создавали себе врагов, другие предпочли добиваться расположения тех, в ком сомневались, придя к власти; одни воздвигали крепости, другие — разоряли их и разрушали до основания. Которому из этих способов следует отдать предпочтение, сказать трудно, не зная, каковы были обстоятельства в тех государствах, где принималось то или иное решение; однако же я попытаюсь высказаться о них, отвлекаясь от частных обстоятельств настолько, насколько это дозволяется самим предметом.

С самого начала главы еще раз конкретизируется цель книги: как упрочить или сохранить власть государю. Этой теме в произведении, как уже указывалось выше, уделено несоизмеримо больше значения, чем тому, как к этой власти прийти.

В абзаце дан целый веер возможностей, которые использовали правители для упрочения своей власти. В самом перечне вариантов видна нарочитая небрежность, как будто бы автор хотел продемонстрировать читателю, что он обладает куда большим знанием политики, нежели формально демонстрирует в своей книге. Отметим также, что флорентиец здесь в очередной раз проявляет

себя мастером анализа, сделав упор на необходимость учета конкретных обстоятельств, при которых принимаются те или иные решения.

Итак, никогда не бывало, чтобы новые государи разоружали подданных, — напротив, они всегда вооружали их, если те оказывались невооруженными, ибо, вооружая подданных, обретаешь собственное войско, завоевываешь преданность одних, укрепляешь преданность в других и таким образом обращаешь подданных в своих приверженцев. Всех подданных невозможно вооружить, но если отличить хотя бы часть их, то это позволит с большей уверенностью полагаться и на всех прочих. Первые, видя, что им оказано предпочтение, будут благодарны тебе, вторые простят тебя, рассудив, что тех и следует отличать, кто несет больше обязанностей и подвергается большим опасностям. Но, разоружив подданных, ты оскорбишь их недоверием и проявишь тем самым трусость или подозрительность, а оба эти качества не прощаются государям. И так как ты не сможешь обойтись без войска, то поневоле обратишься к наемникам, а чего стоит наемное войско — о том уже шла речь выше; но, будь они даже отличными солдатами, их сил недостаточно для того, чтобы защитить тебя от могущественных врагов и неверных подданных.

Макиавелли идет здесь против современной ему действительности, причем это его ничуть не смущает: новые государи в тогдашней Италии практически никогда не вооружали своих подданных. Однако основной смысл данного абзаца, безусловно, заключается в очередном подчеркивании достоинств ополчения. Для того, чтобы лишний раз внедрить свою идею в головы читателей

автор использует в данном случае безапелляционное утверждение, не смущаясь его откровенной некорректностью в тогдашних условиях. Идея Макиавелли заменить кондотьеров милицией не оказалась провидческой, особенно с учетом предстоящего значения огнестрельного оружия и кавалерии¹. Впрочем, главное, что хотел еще раз выделить здесь Макиавелли: государь должен опираться на поддержку общества, в том числе вооруженную; государь должен жить в мире со своими подданными.

Впрочем, как я уже говорил, новые государи в новых государствах всегда создавали собственное войско, что подтверждается множеством исторических примеров. Но если государь присоединяет новое владение к старому государству, то новых подданных следует разоружить, исключая тех, кто содействовал завоеванию, но этим последним надо дать изнежиться и расслабиться, ведя дело к тому, чтобы в конечном счете во всей войске остались только коренные подданные, живущие близ государя.

Очередной вроде бы неожиданный поворот в логических построениях автора «Государя». Хотя на самом деле это уже привычный прием Макиавелли. Делается уточнение, которое кардинально меняет прежнюю картину: оказывается, в идее вооружения подданных новых государей есть существенное исключение. Действительно, полагаться на ополчение, созданное из жителей только что завоеванного государства, едва ли было целесообразно. Обратим внимание, что Макиавелли негативно отнесся и к услугам того, что позднее стало принято называть «пя-

---

¹ Oman Ch. A history of war in the Sixteenth century. L.: Methuen, 1937. P. 89-101

той колонной». Правда, флорентиец не смог предсказать некоторые другие формы опоры на армии завоеванных стран, но чрезмерно смотреть в будущее по данному вопросу наверняка не входило в его задачи.

В принципе, в этой части своих рассуждений Макиавелли переходит от навязывания одной из своих излюбленных идеологием к не менее излюбленному цинизму в рассуждениях. Трудно сказать, который из двух подходов сделал его более знаменитым.

Наши предки, те, кого почитали мудрыми, говорили, что Пистойю надо удерживать раздорами, а Пизу — крепостями, почему для укрепления своего владычества поощряли распри в некоторых подвластных им городах. В те дни, когда Италия находилась в относительном равновесии, такой образ действий мог отвечать цели. Но едва ли подобное наставление пригодно в наше время, ибо сомневаюсь, чтобы расколы когда-либо кончались добром; более того, если подойдет неприятель, поражение неминуемо, так как более слабая партия примкнет к нападающим, а сильная — не сможет отстоять город.

Макиавелли тут вроде бы проявляет несвойственный ему отказ от циничной политики в завоеванной стране. Но это обманчивое впечатление. На деле он говорит о том, что в определенных обстоятельствах оправдана одна политика, но она же становится ошибочной в иной ситуации.

Он как будто отказывается даже от излюбленной опоры на исторические примеры и сравнения, которые у него прежде бывали безотносительно складывающейся конкретной ситуации. Однако эта глава как раз и начинается с подчеркивания значения «обстоятельств». Создается даже впечатление, что находка такого рода в по-

литическом анализе была сделана флорентийцем по ходу написания книги, хотя это, скорее всего, неверно. Куда более вероятно, что несогласие с искусственными расколами покоренных государств объяснялось преимущественно неприятием венецианской политики, что видно из следующего абзаца.

Венецианцы поощряли вражду гвельфов и гибеллинов в подвластных им городах — вероятно, по тем самым причинам, какие я называю. Не доводя дело до кровопролития, они стравливали тех и других, затем, чтобы граждане, занятые распрей, не объединили против них свои силы. Но, как мы видим, это не принесло им пользы: после разгрома при Вайла сначала часть городов, а затем и все они, осмелев, отпали от венецианцев. Подобные приемы избличают, таким образом, слабость правителя, ибо крепкая и решительная власть никогда не допустит раскола; и если в мирное время они полезны государю, так как помогают ему держать в руках подданных, то в военное время пагубность их выходит наружу.

В своей нелюбви к венецианцам Макиавелли не знал удержу, что видно и в данном отрывке. Нельзя сказать, что данное рассуждение выглядело точным даже в его время. Основная задача, возможно, была не только в том, чтобы раскритиковать соперника Флоренции, но и сыграть на антивенецианских настроениях клана Медичи, к которому была обращена эта книга.

Без сомнения государи обретают величие, когда одолевают препятствия и сокрушают недругов, почему fortuna, — в особенности если она желает возвеличить нового государя, которому признание

нужней, чем наследному, — сама насылает ему врагов и принуждает вступить с ними в схватку для того, чтобы, одолев их, он по подставленной ими лестнице поднялся как можно выше. Однако многие полагают, что мудрый государь и сам должен, когда позволяют обстоятельства, искусно создавать себе врагов, чтобы, одержав над ними верх, явиться в еще большем величии.

В переводе Юсима: «Государи, без сомнения, обретают величие, преодолевая препятствия и трудности, встающие перед ними, поэтому когда судьба желает возвысить нового государя, который больше зависит от молвы, чем наследный государь, он посылает ему навстречу врагов и заставляет сразиться с ними, чтобы, одолев их, государь мог подняться и еще выше на ступень, подставленную ему его врагами. Многие считают даже, что мудрый государь должен при случае умышленно вызвать по отношению к себе некоторое противодействие, дабы, подавив его, прибавить себе величия».

Без логического «мостика», что вообще-то ему обычно несвойственно, Макиавелли переходит к обоснованию тезиса о том, что правителям требуются победы и удачи в правлении (правда, в отличие от большинства предыдущих глав, эта посвящена сразу нескольким качествам государей и применяемым ими приемам, что делает возможным это исключение). Военная сторона дела здесь не упоминается, поэтому можно сделать вывод, что речь идет о победах и удачах во всех важнейших областях государственного управления и руководства. Еще раз мы встречаем здесь указание на важнейшее значение общественного мнения для государя, не являющегося наследным правителем. Последняя фраза кажется вполне в духе Макиавелли, однако он ее здесь не развивает. Значение ее, однако, совершенно понятно. В принципе именно такие максимы и

должны считаться истинным макиавеллизмом, каким его принято было считать в критике и общественном мнении.

Нередко государи, особенно новые, со временем убеждаются в том, что более преданные и полезные для них люди — это те, кому они поначалу не доверяли. Пандольфо Петруччи*, властитель Сиены, правил своим государством, опираясь более на тех, в ком раньше сомневался, нежели на всех прочих. Но тут нельзя говорить отвлеченно, ибо все меняется в зависимости от обстоятельств. Скажу лишь, что расположением тех, кто поначалу был врагом государя, ничего не стоит заручиться в том случае, если им для сохранения своего положения требуется его покровительство. И они тем ревностнее будут служить государю, что захотят делами доказать превратность прежнего о них мнения. Таким образом они всегда окажутся полезнее для государя, нежели те, кто, будучи уверен в его благоволении, чрезмерно печется о собственном благе.

Последняя фраза в переводе Юсима звучит следующим образом: «Таким образом они принесут государю больше пользы, чем те, кто уверен в расположении государя и потому станут заботиться о его делах с меньшим рвением».

Очередная черта политической жизни, подмеченная Макиавелли. Как и прежде, он стремится идти против привычных взглядов, находя неожиданные возможности для государя. Кроме того, здесь еще раз повторяется уже ставший привычным для данной главы тезис о роли обстоятельств в оценке конкретной политики.

Комментировать этот отрывок лучше всего предоставить самому Макиавелли. Он, как уже указывалось выше, писал Франческо Веттори 10 декабря 1513 г., что Медичи могут не

сомневаться в его верности, несмотря на то, что он служил прежде республиканскому строю: «Я обсуждал..., стоит ли подносить мою книжку или не стоит, и если подносить, то самому или послать ее через Вас (Веттори в то время представлял интересы Флоренции в Ватикане — В.Р.). К тому, чтобы не подносить, меня склоняет опасение, что Джулиано ее даже и не прочитает, а этот Ардинтелли присвоит себе честь моих последних трудов. К подношению же меня побуждает жестокая необходимость, ибо я разоряюсь и пройдет совсем немного времени, как я погрязну в жалкой нищете, не говоря о моем желании, чтобы эти синьоры Медичи вспомнили о моем существовании и поручили хоть камень в гору катить, потому что, если они и тут не обратят на меня внимания, мне придется пенять только на себя... Что касается моей верности, в ней не следует сомневаться, потому что, ранее всегда соблюдая верность, я не могу теперь вдруг научиться ее нарушить; и кто был верным и честным, как я, сорок три года, не изменит свою природу за один миг; свидетельство моей верности и честности — моя бедность».¹ Фактически мы имеем здесь детальную расшифровку того, что хотел сказать Макиавелли в этом случае.

В том, что касается специфики России, здесь тезис флорентийца практически не применялся. Разумеется, можно вспомнить об отношении Петра I к своему противнику времен противоборства с Софьей Петру Толстому, которого он простил, привлек к себе, использовал его дарования, но продолжал опасаться²; однако такое поведение было редчайшим исключением, а не правилом. В силу менталитета подданных³ их не было необходимости

---

¹ Макиавелли Н. Письма. С. 705

² Попов Н.А. Граф Петр Андреевич Толстой (1645-1729). Биографический очерк // Древняя и новая Россия. СПб, 1875, N 3. С. 244

³ Герберштейн С. Московия. М.: АСТ: Астрель; Владимир: ВКТ, 2008. С.172

привлекать на сторону государя. В силу менталитета государя¹ ему и в голову не приходило заручаться поддержкой тех, кто в сложное время находился в оппозиции.

И так как этого требует обсуждаемый предмет, то я желал бы напомнить государям, пришедшим к власти с помощью части граждан, что следует вдумываться в побуждения тех, кто тебе помогал, и если окажется, что дело не в личной приверженности, а в недовольстве прежним правлением, то удержать их дружбу будет крайне трудно, ибо удовлетворить таких людей невозможно. Если на примерах из древности и современной жизни мы попытаемся понять причину этого, то увидим, что всегда гораздо легче приобрести дружбу тех, кто был доволен прежней властью и потому враждебно встретил нового государя, нежели сохранить дружбу тех, кто был недоволен прежней властью и потому содействовал перевороту.

В данном случае Макиавелли пытается обосновать свой предыдущий тезис, расширяя его до максимы о **желательности** для **нового** государя привлекать на свою сторону бывшую оппозицию. Флорентийцу в данном случае свойственно некоторое полемическое преувеличение, вызванное, возможно, эмоциональным перехлестом, когда он начинает доказывать, что как раз бывшие сторонники могут при случае стать недовольными режимом, поэтому стоит обратить внимание на альянс с прошлыми противниками. Однако, если взглянуть на поставленную автором «Государя» проблему более широко, то станет ясно, что речь идет в основном о том, что новый правитель, добившийся власти в ожесточенной политической борьбе («я желал бы на-

---

¹ Переписка Ивана Грозного. С. 165-166

помнить государям, пришедшим к власти с помощью части граждан»), должен для успеха своего правления опираться на широкое согласие со стороны подданных вне зависимости от их прежних политических взглядов. И еще и в этом Макиавелли предтеча современности, если под последней понимать демократические режимы с умным руководством.

Издавна государи ради упрочения своей власти возводят крепости, дабы ими, точно уздой и поводьями, сдерживать тех, кто замышляет крамолу, а также дабы располагать надежным убежищем на случай внезапного нападения врага. Могу похвалить этот ведущийся издавна обычай. Однако на нашей памяти мессер Никколо Вителли приказал скрыть две крепости в Читта ди Кастелло, чтобы удержать в своих руках город. Гвидо Убальдо, вернувшись в свои владения, откуда его изгнал Чезаре Борджа, разрушил до основания все крепости этого края, рассудив, что так ему будет легче удержать государство. Семейство Бендивольи, вернувшись в Болонью, поступило подобным же образом.

Юсим этот отрывок переводит следующим образом: «Чтобы обезопасить свою страну, государи всегда имели обыкновение строить крепости в качестве тормоза и узды для любого неприятеля, а также как надежное укрытие во время неожиданных нападений. Я нахожу этот обычай похвальным, поскольку он ведется *ab antiquè*¹; тем не менее в наше время мы были очевидцами того, как мессер Никколо Вителли* разрушил две крепости в Чита ди Кастелло, чтобы удержать там власть. Гвидобальдо герцог Урбинский, вернувшись в свои вла-

---

¹ с древности

дения, откуда он был изгнан Чезаре Борджиа, снес все крепости этой провинции *funditus*¹; он считал, что без них будет труднее изгнать его снова. Подобным образом поступили и Бентивольи*, вернувшись в Болонью».

Новый тезис, за которым следует новый совет (забегая вперед — продолжение основных мыслей флорентийца). Макиавелли начинает, как у него часто бывало, с тривиальной мысли: государю нужны защищенные опорные пункты для того, чтобы бороться с внутренней изменой и внешним противником. И тут же, как ему опять же свойственно, приводит прямо противоположные примеры, когда правители эти пункты уничтожают, поскольку опасаются, что их могут использовать противники.

Уточним здесь, что есть проблема перевода и понимания в современном русском языке термина *fortezza*, «крепость», «твердыня» (для нас более привычно сочетание «город-крепость», между тем, как здесь имеется в виду то, что в русском языке скорее называется «кремль», обнесенное стеной внутригородское или внегородское укрепление). Иными словами, здесь вовсе не имеется в виду, что названные государи уничтожали городские стены и укрепления.

Из чего следует, что полезны крепости или нет — зависит от обстоятельств, и если в одном случае они во благо, то в другом случае они во вред. Разъясню подробнее: тем государям, которые больше боятся народа, нежели внешних врагов, крепости полезны; а тем из них, кто больше боится внешних врагов, чем народа, крепости не нужны. Так, семейству Сфорца замок в Милане, построенный герцогом Франческо Сфорца, нанес больший урон, нежели все беспорядки, случившиеся в их государстве.

---

¹ до основания

Макиавелли еще раз повторяет свою максиму о зависимости правильных политических решений от конкретных обстоятельств. Затем следует прекрасный пример с историей практически неприступного в то время Миланского замка, в котором зачастую успешно оборонялись от местных государей ставшие им враждебными наемники и даже иностранные войска.

Поэтому лучшая из всех крепостей — не быть ненавистным народу: какие крепости ни строй, они не спасут, если ты ненавистен народу, ибо, когда народ берется за оружие, на подмогу ему всегда явятся чужеземцы. В наши дни от крепостей никому не было пользы, кроме разве графини Форли, после смерти ее супруга, графа Джироламо; благодаря замку ей удалось укрыться от восставшего народа, дождаться помощи из Милана и возвратиться к власти¹; время

---

¹ В «Истории Флоренции» Макиавелли описал этот эпизод следующим образом: после убийства заговорщиками Форли графа Джироламо все дома последнего «были разграблены, графиня Катарина с детьми арестована. Для того, чтобы дело увенчалось полным успехом, оставалось только захватить крепость. Так как комендант отказывался сдаться, заговорщики обратились к графине с просьбой побудить его к сдаче. Она пообещала сделать это, если они пропустят ее в крепость, и предложила оставить своих детей в качестве заложников. Ей поверили и пропустили в крепость. Но едва оказавшись там, она принялась угрожать им мщением за мужа — смертью и жесточайшими пытками. Когда же заговорщики пригрозили, что убьют ее детей, она ответила, что имеет полную возможность народить других. (В «Рассуждениях» Макиавелли был более откровенным: «А чтобы доказать, что судьба детей ее не трогает, она обнажила перед осаждающими свои детородные органы, говоря, что может народить еще многих» — «Рассуждения». С. 262) Изумленные таким мужеством, заговорщики, видя к тому же, что папа их не поддерживает, а дядя графини, синьор Лодовико, шлет ей на помощь войско, взяли столько добычи, сколько могли унести, и укрылись в Читта-Кастелло. Графиня снова получила свои владения и со всевозможными жестокостями отомстила за смерть мужа». — Макиавелли Н.

же было такое, что никто со стороны не мог оказать поддержку народу; но впоследствии и ей не могли крепости, когда ее замок осадил Чезаре Борджа и враждебный ей народ примкнул к чужеземцам. Так что для нее было бы куда надежнее, и тогда и раньше, не возводить крепости, а постараться не возбудить ненависти народа

В русской истории подобных моментов никогда не было. Народ брался за оружие против власти только под предводительством самозванцев или вождей, которые так или иначе приписывали себе покровительство самодержцев (Степан Разин). Соответственно, вмешательство соседних держав не имело политического смысла. Вообще народные восстания против власти были очень редки. Их основной силой всегда было специфическое по своей политической культуре казачество.

Итак, по рассмотрении всего сказанного выше, я одобряю и тех, кто строят крепости, и тех, кто их не строят, но осужу всякого, кто, полагаясь на крепости, не озабочен тем, что ненавистен народу.

Очень афористично, как всегда, когда Макиавелли хотел добиться эффекта. Кроме того, в этом последнем предложении еще раз повторены две основные мысли данной главы. Первая — политические решения принимаются в зависимости от политической ситуации. Вторая — всегда надо беспокоиться о расположении народа.

История Флоренции. С. 347-348. Другое дело, конечно, что автора «Государя» так потряс этот эпизод, что он не дал труда себе проверить подлинность его деталей. — Жиль К. Указ. соч. С. 31

Глава XXI

Как надлежит поступать государю, чтобы его почитали

Ничто не может внушить к государю такого почтения, как военные предприятия и необычайные поступки.

В переводе Юсима: «Ничто не приносит государю такого уважения, как великие походы и необыкновенные поступки».

В принципе стандартное утверждение для того времени. Считалось, что именно война — путь к славе государя. Примеров восхваления удачливых полководцев-государей множество. Однако обратим все-таки внимание, что сам Макиавелли о реформах и значении общественного мнения в этой книге написал куда раньше, чем о воинских доблестях. И уделял первым в этой книге гораздо больше значения. Больше того, придавал первичное значение законодательству, а не воинской удаче. Могу предположить, что Солон для него значил больше, чем Александр Македонский. Или, по крайней мере, не меньше.

Одновременно следует обратить особое внимание на утверждение, что почтение к государю вызывают не только военные успехи, но и «необычайные поступки». Из дальнейшего хода рассуждений Макиавелли станет ясно, что речь идет о неожиданных решениях, которые сбивают с толку тех, кто может противодействовать правителю, и заставляют их вместе со всем обществом безропотно следовать его воле и покоряться его политике.

Россия во многом была исключением из «правила Макиавелли» в отношении значения воинской славы госу-

дарей. Из князей мало кто обладал признанным военным талантом, разве что Владимир Мономах и, может быть, Александр Невский. Из московских князей и русских царей таковых не было никого. Причины, наверное, надо рассматривать в другом исследовании. А вообще в Московской Руси очень ценили не блеск побед, а тишину и мир. Это ожидание народа довольно хорошо передавали летописцы.

Как бы то ни было, традиция связывать уважение к государю с успешными военными походами в Европе идет еще от Аристотеля и имела много продолжателей¹. Сам Макиавелли в последней главе «Государя» процитирует Тита Ливия: «Ибо война справедлива для тех, кому необходима, кто не может без нее обойтись, и священно оружие, в котором заключена вся надежда». В «Рассуждениях» объяснено, почему даже республика должна быть готова к войне, в том числе наступательной².

Из нынешних правителей сошлюсь на Фердинанда Арагонского, короля Испании. Его можно было бы назвать новым государем, ибо, слабый вначале, он сделался по славе и блеску первым королем христианского мира; и все его действия исполнены величия, а некоторые поражают воображение. Основанием его могущества послужила война за Гренаду, предпринятая вскоре после вступления на престол. Прежде всего, он начал войну, когда внутри страны было тихо, не опасаясь, что ему помешают, и увлек ею кастильских баронов так, что они, занявшись войной, забыли о смутах; он же тем временем, незаметно для них, сосредоточил в своих руках всю власть и подчинил их своему влиянию. Деньги на содержание войска он

---

¹ Gilbert A.H. Op. cit. P. 165

² Макиавелли Н. Рассуждения. С. 194

получил от Церкви и народа и, пока длилась война, построил армию, которая впоследствии создала ему славу. После этого, замыслив еще более значительные предприятия, он, действуя опять-таки как защитник религии, сотворил благочестивую жестокость: изгнал марранов¹ и очистил от них королевство, — трудно представить себе более безжалостный и в то же время более необычайный поступок. Под тем же предлогом он захватил земли в Африке, провел кампанию в Италии и, наконец, вступил в войну с Францией. Так он обдумывал и осуществлял великие замыслы, держа в постоянном восхищении и напряжении подданных, поглощено следивших за ходом событий. И все эти предприятия так вытекали одно из другого, что некогда было замыслить что-либо против самого государя.

Здесь следует прежде всего обратить внимание на подход Макиавелли к понятию *нового* государя. В этом случае речь идет не о человеке, который встал у власти тем или иным путем; тут рассматривается пример государя наследственного, который заслужил определение *новый* только потому, что уже во время своего правления начал проводить совершенно новую политику, а в результате этого создал новое государство. В этой книге вообще определение *новый* государь выглядит крайне многогранным². Исследователи много раз обращали внимание на особенности отношения Макиавелли к используемой терминологии³.

Автор особо выделяет следующие моменты в политике Фердинанда Арагонского:

---

¹ Принявшие христианство евреи и их потомки, проживавшие на Пиренейском полуострове

² См., например, Strauss L. Machiavelli's intention. P. 39

³ См., например, Hexter J.H. *Il Principe and lo stato*. P. 113-114

- осторожность и предусмотрительность;
- значение опережающей политической инициативы государя для его престижа в глазах подданных;
- значение опережающей политической инициативы государя для обеспечения безопасности его личного правления;
- значение неожиданности и необычности принятых решений для поднятия престижа государя;
- непрерывная последовательность инициатив, лишающая возможную политическую оппозицию времени для того, чтобы что-либо предпринять против действующего государя.

В этом отрывке также следует обратить внимание на явную оплошность автора книги с точки зрения исторической перспективы. Старая истина: большое, не говоря уже о великом, не всегда видно вблизи. Дело в том, что именно во время правления Фердинанда испанцами была открыта (или открыта заново, после викингов) Америка. Да, Колумб на деле пользовался покровительством королевы Изабеллы Кастильской, соправительницы своего мужа. Да, современники не поняли значения его открытия. Да и сам он, кстати говоря, не осознал этого тоже. Но все-таки в перечне деяний Фердинанда, сделанным Макиавелли, нет открытия Америки.

А сейчас буквализма ради попробуем обратиться к проблеме перевода отдельных терминов. Сначала речь пойдет о *stato*. В приведенном выше отрывке сказано, что завоеванием Гренады Фердинанд заложил основание *del-lo stato suo*. Будем приводить примеры переводов в хронологическом порядке.

Курочкин: «В начале своего управления он завоевал Гренадское королевство, и это предприятие послужило основой для его дальнейшего величия».

Роговин: «В начале своего правления он напал на Гренаду, и это предприятие стало основой его власти».

Фельдштейн: «В начале своего царствования он напал на Гренаду, и это предприятие стало основой его мощи».

Юсим: ««В начале своего царствования он вторгся в Гренаду и тем самым заложил основание своего правления».

Редкое единодушие, которое объясняется, разумеется, исключительно тем, что под ним есть веские основания. Другое дело, что, возможно, как мне кажется, и другое толкование, основанное все-таки на чаще всего встречающейся интерпретации у Макиавелли понятия государство или *stato*. В тексте сказано следующее: *Lui nel principio del suo regno assaltò la Granata: e quella impresa fu il fondamento dello stato suo*. Вообще-то концовка дословно переводится как *заложил основы своего государства*.

Напомню, что в VI главе Макиавелли употребил сочетание *fondare lo stato loro*. В том случае для основания государства предполагались минимум два этапа: завоевание принципата (власти), а затем установление новых порядков и установлений (*nuovi ordini e modi*).

В рассматриваемой главе автор книги сразу же уточнил свой подход к Фердинанду, назвав его *почти новым государем* (*quasi principe nuovo*). Любопытно, что при более жестком подходе надо было бы вспомнить начало III главы, где речь шла о том, что после присоединения нового владения «государство становится как бы смешанным»; здесь, однако, об этом речь не идет и Макиавелли следует скорее тезису относительно *нового* государства в первой главе этой книги («Новым может быть либо государство в целом — таков Милан для Франческо Сфорца; либо его часть, присоединенная к унаследованному государству вследствие завоевания — таково неаполитанское королевство для короля Испании»). Дальше Макиавелли использовал ту же схему, что и в VI главе. Сначала было завоевание Гренады и основание своего государства (*fondamento dello stato suo*). Затем король приступил к тем самым го-

сударственным преобразованиям, о необходимости которых Макиавелли говорил опять же в VI главе.

Для подкрепления своего мнения сошлюсь также по крайней мере на один авторитет, утверждавший, что в данном случае термин *stato* фактически является «эхом» употребления этого понятия в первом предложении первой главы «Государя»¹.

Стоит, пожалуй, обратить еще внимание на несоответствие действительности перевода *milizia*. У Курочкина это «армия», у Роговина — «войско», у Фельдштейна «военная сила» (самый близкий к действительности вариант), у Муравьевой и Юсима опять же «армия». Но вообще-то *milizia* переводится на русский язык как *ополчение*. В данном случае речь наверняка идет о Святой Эрмандаде, муниципальных силах самообороны, деятельность которых Фердинанд сделал обязательной во всей Испании и подчинил лично себе, уничтожив заодно выборность руководящего состава.

Величию государя способствуют также необычайные распоряжения внутри государства, подобные тем, которые приписываются мессеру Бернабо да Милана, иначе говоря, когда кто-либо совершает что-либо значительное в гражданской жизни, дурное или хорошее, то его полезно награждать или карать таким образом, чтобы это помнилось как можно дольше. Но самое главное для государя — постараться всеми своими поступками создать себе славу великого человека, наделенного умом выдающимся.

В переводе Юсима этот отрывок звучит следующим образом: «Государю очень полезно также проявить себя с необычной стороны в вопросах внутреннего управления, как

---

¹ Hexter J.H. II Principe and lo stato. P. 128

это делал мессер Бернабо Миланский*, — когда кто-либо из граждан совершит из ряда вон выходящий поступок, добрый или дурной, и следует наказать или вознаградить его, причем этот приговор будет на устах у всех. Прежде всего государь должен постараться, чтобы во всех его деяниях молва видела черты человека великого и выдающегося».

Выделим здесь несколько заслуживающих внимание моментов.

Во-первых, автор откровенно пытается воздействовать на своего главного читателя, привлекая его внимание обещанием, что при выполнении советов Макиавелли у него будет известность великого и выдающегося человека.

Во-вторых, здесь сделан акцент на *необычных распоряжениях* государя, под каковыми понимаются в данном случае те, которые привлекают внимание общества и воздействуют на последнее. Иными словами, речь идет в первую очередь о влиянии на общественное мнение.

В-третьих, цель воздействия на общественное мнение тут состоит прежде всего в том, чтобы получить имидж выдающегося и великого правителя.

Отмечу, что переведенное здесь как *слава* слово *fama* следует отличать от сходных по значению *gloria* и *laude*¹, что не всегда учитывали наши переводчики. Наибольшему комментированию у исследователей подвергся термин *gloria*. Правда, в этот раз значения этих терминов, как мне кажется, практически совпадают. Назначение их тоже. Речь идет о том самом функциональном стимулировании личного честолюбия в интересах общества, которое и было основной задачей использования понятия *gloria* у Макиавелли². Что касается слова *fama*, то его

¹ Santi V.A. La 'gloria' nel pensiero di Machiavelli. P. 25-36

² Santi V. Parole di Machiavelli: "Gloria". // *Lingua nostra*. 1973. T. 34. P. 108-110

правильнее переводить как *известность*. Впрочем, не во всех случаях, как уже указывалось выше.

Вообще же существует любопытная позиция, согласно которой синонимами *gloria* у Макиавелли являются *fama, onore, laude, stima, riputazione*¹, а потом старательно указывается на различия в этих терминах².

Термин *слава* очень характерен для Макиавелли. Подсчитано, что он встречается 12 раз в «Государе», 73 раза — в «Рассуждениях» и 10 раз — в «Искусстве войны». Между тем, если посмотреть на употребление этого термина автором в социологическом разрезе, то *слава* по Макиавелли представляет собой функциональную связь между личным и общественным благом, стимулируя приведение персональных амбиций в соответствие с благом всего общества³.

Государя уважают также, когда он открыто заявляет себя врагом или другом, то есть когда он без колебаний выступает за одного против другого — это всегда лучше, чем стоять в стороне. Ибо когда двое сильных правителей вступают в схватку, то они могут быть таковы, что возможный победитель либо опасен для тебя, либо нет. В обоих случаях выгоднее открыто и решительно вступить в войну. Ибо в первом случае, не вступив в войну, ты станешь добычей победителя к радости и удовлетворению побежденного, сам же ни у кого не сможешь получить защиты: победитель отвергнет союзника, бросившего его в несчастье, а побежденный не захочет принять к себе того, кто не пожелал с оружием в руках разделить его участь. Антиох*,

¹ Russel P. Op. cit. P. 589

² Ibid. P. 618-620

³ Santi V. Parole di Machiavelli: "Gloria". P. 108-110

которого этолийцы призвали в Грецию, чтобы прогнать римлян, послал своих ораторов к ахейцам, союзникам римлян, желая склонить ахейцев к невмешательству. Римляне, напротив, убеждали ахейцев вступить в войну. Тогда, чтобы решить дело, ахейцы созвали совет, легат Антиоха призывал их не браться за оружие, римский легат говорил так: «*Quod autern isti dicunt non interponendi vos bello, nihil magis alienum rebus vestris est; sine gratia, sine dignitate, praemium victoris eritis*»¹.

Начало отрывка у Юсима выглядит следующим образом: «Государя ценят также, если он бывает настоящим другом и настоящим врагом, то есть когда он открыто принимает чью-либо сторону в споре двух противников. Это всегда полезнее, чем оставаться нейтральным, ибо если два твоих могущественных соседа вступают в схватку, силы их бывают таковы, что победа каждого из них либо представляет для тебя опасность, либо нет».

Здесь Макиавелли, продолжая тему воздействия на общественное мнение, переходит к внешней политике. Совет его с практической точки зрения внешне выглядит спорным, поскольку, естественно, бывают ситуации, когда нейтралитет крайне выгоден политически. Создается даже впечатление, что автор вдруг позабыл собственную максиму, которую так старательно отстаивал в предыдущей главе, о том, что политическое решение должно приниматься с учетом создавшихся обстоятельств.

В принципе, возможны три объяснения этого противоречия.

---

¹ «Что до решения, которое предлагается вам как наилучшее и наиболее выгодное для вашего государства, а именно: не вмешиваться в войну, то нет для вас ничего худшего, ибо, приняв это решение, без награды и без чести станете добычей победителя» (лат.).

Во-первых, данная глава называется «Как надлежит поступать государю, чтобы его почитали». Тематика ее существенно отличается от той, которую затрагивал флорентиец в предыдущей главе. Соответственно, он мог посчитать себя правым, сделав упор на проблеме, которая в данном случае показалась ему более актуальной.

Во-вторых, почти наверняка Макиавелли при написании этих строк вспоминал собственное дипломатическое прошлое. Будучи уполномоченным Синьории на очередных переговорах, он временами сталкивался именно с такими моментами, которые описал в данном абзаце. И каждый раз ему не нравилась политика руководства Флоренции, избегавшего, сколько можно, определенности.

В-третьих, по контексту видно, что речь идет о соблюдении своих союзнических обязательств. И хотя автор «Государя» был уверен, что правитель отнюдь не обязательно должен держать свое слово во всех случаях, здесь логика подсказывала ему, что отказ от заключенного ранее альянса делает государство уязвимым от той державы, которая восторжествует в предстоящей войне.

Еще одно замечание: видно, что флорентиец описывает случай, когда рассматриваемое государство слабее, нежели две конфликтующих страны. С его точки зрения поэтому необходимость решения вступить в конфликт является попросту вынужденной. Возможность же того, что государь сильнее враждующих соперников, здесь обозначается, но не расшифровывается. Макиавелли вернется к этому случаю несколько позднее.

Что касается описанного автором «Государя» исторического случая, то следует признать, что Антиох действовал вполне разумно, поскольку ахейцы в тот момент были союзниками римлян. Можно даже сказать, что он проводил свой курс в соответствии с духом макиавеллизма. Другое дело, что Макиавелли здесь очень

осторожно избегает возможных реминисценций с изгнанием Медичи из Флоренции в 1494 г. Тогда правивший городом Пьеро Медичи отказался от союза с Неаполем перед угрозой наступления французской армии и трусливо капитулировал перед Карлом VIII. В результате от клана Медичи отвернулись даже верные его сторонники, а сами представители господствовавшего рода были изгнаны из города¹.

И всегда недруг призывает отойти в сторону, тогда как друг зовет открыто выступить за него с оружием в руках. Нерешительные государи, как правило, выбирают невмешательство, чтобы избежать ближайшей опасности, и, как правило, это приводит их к крушению.

В переводе Юсима: «Как правило, тот, кто не питает к тебе дружественных чувств, будет предлагать нейтралитет, а союзник потребует выступить на его стороне с оружием в руках. Нерешительные государи, желая избежать сиюминутной опасности, чаще всего избирают средний путь, а он чаще всего приводит их к краху».

Флорентиец здесь начинает отклонение от основной темы главы. По существу, на некоторое время он перейдет к практическому обоснованию своей максимы о том, как надлежит поступать государю в случае, когда его обязательства требуют от него вступить в войну на стороне союзника. Речь идет уже не о том, что нерешительность ведет к отсутствию почитания со стороны граждан, а о ее негативных сторонах с точки зрения практической политики и интересов государства.

---

¹ См., например, Виллари П. Джироламо Савонарола и его время. С. 190-211

Мне кажется, что здесь существовала эмоциональная подоплека временного ухода от главной темы главы. Макиавелли опять же мог черпать свои советы из хорошо знакомого ему политического опыта. В 1500 г. он тщетно пытался убедить французского короля Людовика XII, что Флоренция вовсе не колеблется совместно выступить против Пизы, в то время, как его правительство проявляло откровенное желание избежать решительных действий. Позже он опять же тщетно призывает Синьорию прекратить колебания и заключить союз с герцогом Чезаре Борджиа. В обоих случаях руководство Флоренции проявило нерешительность и воздержалось от вмешательства¹. В тех же обоих случаях будущий автор «Государя» был откровенно разочарован тем, что с его советами не считались.

Зато, если ты бесстрашно примешь сторону одного из воюющих и твой союзник одержит победу, то, как бы ни был он могуществен и как бы ты от него ни зависел, он обязан тебе — люди же не настолько бесчестны, чтобы нанести удар союзнику, выказав столь явную неблагодарность. Кроме того, победа никогда не бывает полной в такой степени, чтобы победитель мог ни с чем не считаться и в особенности — мог попрасть справедливость. Если же тот, чью сторону ты принял, проиграет войну, он примет тебя к себе и, пока сможет, будет тебе помогать, так что ты станешь собратом по несчастью тому, чье счастье, возможно, еще возродится.

Из отрывка ясно, что речь опять же идет о двух противоборствующих внешних силах. Они явно могущественнее государя, которому адресован совет Макиавелли.

---

¹ Жиль К. Указ. соч. С. 42-73

Здесь по-прежнему есть некоторое противоречие с советом флорентийца о том, как нужно держать свое слово, однако политическая практика показывает, что очень большой резон в максиме автора «Государя» все-таки был. Во всяком случае, только хороший знаток международной политики мог бы незамедлительно назвать случаи нападения на своих союзников сразу после окончания победоносной войны. В то же время, судьбы проигравшего альянса редко бывали такими, как описывает Макиавелли.

Во втором случае, когда ни одного из воюющих не приходится опасаться, примкнуть к тому или к другому еще более благоразумно. Ибо с помощью одного ты разгоришь другого, хотя тому, будь он умнее, следовало бы спасать, а не губить противника; а после победы ты подчинишь союзника своей власти, он же благодаря твоей поддержке неминуемо одержит победу.

В переводе Юсима: «Во втором случае, если оба противника не могут внушать тебе опасения, тем более разумно примкнуть к одному из них, ибо при поражении ты можешь стать его спасителем, если в этом есть смысл. В случае же победы он полностью зависит от тебя; впрочем, с твоей помощью он не может не победить».

Здесь Макиавелли уже обращается к государю, который более силен, чем враждующие внешние стороны. Макиавеллизм как его принято понимать, вроде бы выражен еще более четко, чем в предыдущих абзацах, однако речь идет всего лишь об обычных дипломатических расчетах. Отчасти в этом отрывке флорентиец ставит под сомнение свои же собственные идеи, изложенные выше. Если следовать его логике, то более сильный союзник обязательно подчинит более слабого. Нетрудно догадаться, что данные мысли были выношены не столько логикой, сколько практикой

итальянских войн, с которой был прекрасно знаком автор «Государя». Вообще внешняя политика Флоренции при Макиавелли характеризовалась постоянной зависимостью от внешних альянсов, особенно с Францией. В целом ее формула заключалась в превалировании самозащиты¹.

Никколо продолжает обосновывать свою максиму о практическом значении решительности в конфликтных ситуациях. Ни слова о влиянии этого фактора на имидж государя. Возможно, эмоциональные воспоминания о нерешительной политике Синьории повлияли на последовательность изложения автора. Добавим к этому в очередной раз, что флорентийцем никогда не ставилась во главу угла строгость и последовательность политологических выкладок.

*Здесь уместно заметить, что лучше избегать союза с теми, кто сильнее тебя, если к этому не по-
нуждает необходимость, как о том сказано выше.
Ибо в случае победы сильного союзника ты у него в
руках, государи же должны остерегаться попадать
в зависимость к другим государям. Венецианцы, к
примеру, вступили в союз с Францией против Ми-
ланского герцога, когда могли этого избежать, след-
ствием чего и явилось их крушение. Но если нет
возможности уклониться от союза, как обстояло
дело у флорентийцев, когда папа и Испания двину-
ли войска на Ломбардию, то государь должен всту-
пить в войну, чему причины я указал выше.*

По Юсиму: «Здесь следует заметить, что государь дол-
жен заключать наступательный союз с более сильным
властелином только при крайней необходимости, как ска-

---

¹ Bertelli S. Machiavelli e la politica estera fiorentina // Studies in Machia-
velli. Flonence: Sansoni, 1972. P. 29-72

зано выше, ибо в случае победы ты оказываешься у него в руках, а государям следует всячески избегать зависимости от чужого произвола. Венецианцы соединились с Францией против герцога Миланского, хотя могли этого не делать; этот союз привел к их крушению. Но если этот союз неизбежен, как было с флорентийцами, когда войска папы и испанцев вторглись в Ломбардию, тогда государь по вышеупомянутым причинам должен примыкать к нему».

В свойственном для Макиавелли стиле следует неожиданное возвращение к одной из центральных мыслей внешнеполитического отвлечения в данной главе: описанный выше случай, когда государство слабее двух своих враждующих могущественных соседей, делает решение правителя вступить в войну оправданным, но вынужденным. Флорентиец здесь попросту сводит концы с концами в логике своих рассуждений. На время тема о том, как поддерживать имидж государя на высоком уровне, с которой началось рассуждение, забыта, поэтому автор после некоторой путаницы приходит к следующей позиции: все-таки, если можно уклониться от вступления в войну на стороне сильного союзника, то это обязательно следует сделать, чтобы не попасть под его влияние. Ссылка на нелюбимых Макиавелли венецианцев должна подтвердить это мнение. Пример с флорентийцами выглядит оправданным, если учесть, что книга предназначалась вождям клана Медичи.

Выглядит все это рассуждение внешне вполне помакиавеллистски, что откровенно неверно. Вообще, обратим также внимание, что в своей практической дипломатической деятельности Макиавелли отнюдь не был аморальным¹. Не является таковым он и в данном случае. Обычные «дипломатические шахматы», не более того.

---

¹ См. по этому поводу отдельную главу в Duprè-Theseider E. Niccolò Machiavelli diplomatico. Como: Marzorati, 1945. P. 39-62

Не стоит лишь надеяться на то, что можно принять безошибочное решение, наоборот, следует заранее примириться с тем, что всякое решение сомнительно, ибо это в порядке вещей, что, избегнув одной неприятности, попадаешь в другую. Однако в том и состоит мудрость, чтобы, взвесив все возможные неприятности, наименьшее зло почесть за благо.

В переводе Юсима: «И пусть никто не рассчитывает принимать всегда беспроигрышные решения, напротив, лучше считать их все сомнительными, ибо это в порядке вещей. Невозможно устранить одно неудобство так, чтобы на его месте не возникло другое, благоразумие же состоит в том, чтобы распознавать эти препятствия и избирать меньшее зло в качестве блага».

После несколько путанных и противоречивых рассуждений о внешней политике Макиавелли в этом отрывке снова становится великим. И сразу же тезис относительно необходимости для относительно слабого государства вступать в войну на стороне сильного союзника оказывается оправданным: бывают ситуации, когда наименьшее зло является благом.

Суть данного отрывка, как мне кажется, заключается в следующем:

- никто не обладает монополией на непогрешимость;
- политик обязан считать, что любое его решение может оказаться сомнительным и соответствующе действовать;
- даже после успеха может неожиданно прийти неудача;
- предусмотрительность для политика имеет первейшее значение;
- среди возможных неудачных решений лучше ориентироваться на то, которое кажется относительно выи-

грышным. Иными словами, все решения политика чреваты последующими проблемами. С этим надо смириться;

— «меньшее зло» в государственных решениях есть благо.

Государь должен также выказывать себя покровителем дарований, привечать одаренных людей, оказывать почет тем, кто отличился в каком-либо ремесле или искусстве. Он должен побуждать граждан спокойно предаваться торговле, земледелию и ремеслам, чтобы одни благоустраивали свои владения, не боясь, что эти владения у них отнимут, другие — открывали торговлю, не опасаясь, что их разорят налогами; более того, он должен располагать наградами для тех, кто заботится об украшении города или государства. Он должен также занимать народ празднествами и зрелищами в подходящее для этого время года. Уважая цехи, или трибы, на которые разделен всякий город, государь должен участвовать иногда в их собраниях и являть собой пример щедрости и великодушия, но при этом твердо блюсти свое достоинство и величие, каковые должны присутствовать в каждом его поступке.

Здесь Макиавелли возвращается к центральной теме главы. В перечислении желательных поступков государя нет ничего нового, тем более шокирующего, как это зачастую свойственно флорентийцу. Попросту автор «Государя» почувствовал себя обязанным упомянуть то, что знали все. Без этого его рекомендации не были бы полными — это единственное возможное объяснение данного подхода.

Глава XXII

О советниках государей

Одна из центральных тем для любого специалиста по политике, желающего продать свои знания лидеру страны. Невозможно представить, чтобы Макиавелли, тем более безработный Макиавелли, не задумывался об этой перспективе. Даже новейшая история России исполнена примерами, когда книги по политике и пиару писались преимущественно для того, чтобы автор был замечен потенциальными нанимателями. Естественно, что аналогичная ситуация существовала и в начале XVI века.

Немалую важность имеет для государя выбор советников, а каковы они будут, хороши или плохи, — зависит от благоразумия государей. Об уме правителя первым делом судят по тому, каких людей он к себе приближает; если это люди преданные и способные, то можно всегда быть уверенным в его мудрости, ибо он умел распознать их способности и удержать их преданность. Если же они не таковы, то и о государе заключат соответственно, ибо первую оплошность он уже совершил, выбрав плохих помощников. Из тех, кто знал мессера Антонио да Венафро*, помощника Пандольфо Петруччо*, правителя Сиены, никто не усомнился бы в достоинствах и самого Пандольфо, выбравшего себе такого помощника.

Сначала обращает на себя внимание реплика «судят» (по Юсиму: «Первое суждение об уме правящей осо-

бы можно составить, глядя на его окружение...»). Иными словами, предполагается возможность независимой оценки деятельности государя, что опять же поднимает значение общественного мнения и его отношения к правителю. В целом же речь идет даже не о советниках государя, а об одной из составляющих его имиджа, который зависит от качества окружающих правителя людей.

Ибо умы бывают трех родов: один все постигает сам; другой может понять то, что постиг первый; третий — сам ничего не постигает и постигнутого другим понять не может. Первый ум — выдающийся, второй — значительный, третий — негодный. Из сказанного неопровержимо следует, что ум Пандольфо был если не первого, то второго рода. Ибо когда человек способен распознать добро и зло в делах и в речах людей, то, не будучи сам особо избрательным, он сумеет отличить дурное от доброго в советах своих помощников и за доброе вознаградит, а за дурное — взыщет; да и помощники его не понадеются обмануть государя и будут добросовестно ему служить.

Совершенно очевидно, что Макиавелли считал моделью приведенный им пример взаимодействия государя и его советников. Можно даже предположить, что он сам хотел бы принять участие в подобных отношениях. И все же он ставит ум советника выше, чем уж государя, подрывая тем самым собственные шансы когда-то быть вызванным в Рим (не будем забывать положение, в котором находился автор «Государя» в то время, когда писал эту книгу) или хотя бы вернуться к государственным делам во Флоренции. Создается ощущение, что во время написания своего самого известного труда он постоянно боролся между желанием

быть осторожным — мы уже видели выше откровенные попытки смягчить смысл своих максим — и временами непреодолимым побуждением все-таки сделать лучшее, на что он способен, или быть откровенным до самого конца, невзирая на возможные негативные последствия.

Есть один безошибочный способ узнать, чего стоит помощник. Если он больше заботится о себе, чем о государе, и во всяком деле ищет своей выгоды, он никогда не будет хорошим слугой государю, и тот никогда не сможет на него положиться.

Максима Ришелье выглядит несколько иначе: «Если недостойные люди, получающие свободный доступ к королевскому уху, опасны, то те, кто завладевает его сердцем, втеревшись к нему в доверие, опаснее во сто крат, ибо для сохранения подобного сокровища им поневоле приходится хитростью и коварством восполнять недостаток добродетели, коей они начисто лишены»¹. Впрочем, как известно, Макиавелли был скорее пророком политического опыта, чем его систематизатором². В принципе количество приемов политической борьбы, которые рекомендует Макиавелли, было ограниченным даже для его времени. Скажем, Ришелье хвалил Людовика XIII за то, что тот направил властвовать в Бургундию принца Конде, тем самым усилив его позиции в противостоянии с герцогом Орлеанским³. Отмечу, что Конде был следующим после брата короля в ряду наследников престола.

Ибо министр, в чьих руках дела государства, обязан думать не о себе, а о государе, и не являться к нему

---

1 Ришелье. Указ. соч. С. 165

2 Malagoli L. La duplicità del Rinascimento nel Machiavelli e nell'Ariosto // Le contraddizioni del Rinascimento. Florence: La nuova Italia, 1969. P. 35

3 Ришелье. Указ. соч. С. 73

ни с чем, что не относится до государя. Но и государь со своей стороны должен стараться удержать преданность своего министра, воздавая ему по заслугам, умножая его состояние, привязывая его к себе узами благодарности, разделяя с ним обязанности и почести, чтобы тот видел, что государь не может без него обходиться, и чтобы, имея достаточно богатств и почестей, не возжелал новых богатств и почестей, а также чтобы, занимая разнообразные должности, убоаясь переворотов. Когда государь и его министр обоюдно ведут себя таким образом, они могут быть друг в друге уверены, когда же они ведут себя иначе, это плохо кончается либо для одного, либо для другого.

В «Рассуждениях» Макиавелли более диалектичен. Правда, речь идет о благодарности государя или народа в отношении успешного полководца:¹ Как бы то ни было, здесь описана в целом идеальная с точки зрения автора модель взаимоотношений между правителем и его ближайшим окружением.

---

¹ «В книгах можно сыскать множество примеров такой неблагодарности; ведь если полководец благодаря своей доблести приобрел новые владения или государство, одолел врагов, стяжал себе славу и обогатил своих солдат, то в мнении последних, а также других подданных своей страны и ее врагов он по необходимости приобретает такой вес, что государю, снарядившему его в поход, остается только сожалеть о победе. Честолюбие и ревность коренятся в природе человеческой, как и слепая вера в удачу, так что подозрение, зародившееся у государя вследствие успехов его военачальника, наверняка усугубится из-за какого-нибудь неосторожного поступка или слова последнего. Государь должен позаботиться о своей безопасности; для этого он постарается погубить полководца или подорвать его влияние в войске и в народе и с помощью всяких ухищрений доказать, что не доблесть его была причиной победы, а удача, ничтожество врага или благоразумие других военачальников, участвовавших в предприятии». — Макиавелли Н. «Рассуждения». С. 73-74

Глава XXIII

Как избежать льстецов

Глава продолжает ту часть книги, где описывается технология правления вообще и взаимоотношений государя со своим ближайшим окружением. Больше того, она является прямым продолжением предыдущей главы¹.

Я хочу коснуться еще одного важного обстоятельства, а именно одной слабости, от которой трудно уберечься правителям, если их не отличает особая мудрость и знание людей. Я имею в виду лесть и льстецов, которых во множестве приходится видеть при дворах государей, ибо люди так тщеславны и так оболыцаются на свой счет, что с трудом могут уберечься от этой напасти. Но беда еще и в том, что когда государь пытается искоренить лесть, он рискует навлечь на себя презрение. Ибо нет другого способа оградить себя от лести, как внушив людям, что, если они выскажут тебе всю правду, ты не будешь на них в обиде, но когда каждый сможет говорить тебе правду, тебе перестанут оказывать должное почтение.

В переводе Юсима: «Я не хочу упустить из виду одной важной стороны дела и умолчать об ошибке, от которой государям трудно уберечься, если они не наделены глу-

---

¹ Gilbert A.H. Op. cit. P. 187

боким благоразумием или если их выбор ограничен. Я говорю о льстецах, которыми полны все дворы, ибо люди обычно так обольщаются на свой счет и бывают столь самонадеянны, что эта чума их редко минует, а пытаюсь застраховать себя от нее, они подвергаются опасности вызвать презрение. Ведь защитить себя от лести можно, только дав понять, что правда, высказанная в глаза, тебя не обижает, но если каждый станет высказывать тебе правду в глаза, люди перестанут тебя уважать».

Отмечу здесь, что Коммин прямо писал, что «видел в этом мире много лжи, особенно со стороны слуг по отношению к своим господам; и чаще всего обманутыми были гордые государи и сеньоры, не желающие прислушиваться к словам других людей, в отличие от смиренных, которые с охотой им внимают»¹. Данная тематика вообще была весьма распространена в произведениях того времени². Суть ее, конечно, состояла в том, что глупый государь не может не иметь глупых и себялюбивых слуг.

Обратим внимание на последний тезис Макиавелли. Фактически он утверждает следующее:

- лезть — плохо для государя;
- защитить себя от нее можно только в том случае, если государь покажет, что он не обидится, если ему будут говорить правду в глаза;
- однако, если каждый будет обладать такой привилегией, то правитель окажется в сомнительном с политической точки зрения положении. Расшифровка этой максимы следует в следующем абзаце текста книги.

Помимо очевидных причин, почему флорентиец затронул эту тему в своей книге, есть одна менее явная. Очевидно, однако, что автор такого сочинения как «Го-

---

¹ Коммин Ф. Указ. соч. С. 88

² Gilbert A.H. Op. cit. P. 186-187

сударь» не мог претендовать на звание льстеца, несмотря на все знаки внимания, оказанные семейству Медичи в этой работе. Соответственно, он не мог не воспользоваться этим преимуществом в работе для своих потенциальных клиентов, подспудно противопоставляя недостатки уже имеющихся советников своей неподкупной честности. Одновременно Макиавелли со свойственным ему умением ставить под сомнение только что сказанное, уточняет, что авторитет государя не должен подвергаться ударам со стороны критиков.

Существует мнение, что Макиавелли впоследствии пересмотрел свои взгляды на отношения между государями и льстецами и даже похвалил последних в своей «Жизни Каструччо Кастракани из Луки»¹. На деле данный эпизод выглядит не так однозначно. Макиавелли написал следующее: «Около него /Каструччо Кастракани — В.Р./ вертелся один лстец, и он, чтобы показать ему свое презрение, плюнул на него. Лстец сказал: «Рыбаки, чтобы поймать маленькую рыбку, дают морю омыть себя с ног до головы. Я охотно позволю омыть себя плевком, чтобы поймать кита». Каструччо не только выслушал эти слова без раздражения, но еще и наградил говорившего»². В результате получается, что Каструччо оценил не столько лесть, сколько остроумие льстившего.

Поэтому благоразумный государь должен избрать третий путь, а именно: отличив нескольких мудрых людей, им одним предоставить право высказывать все, что они думают, но только о

¹ Каппони Н. Указ. соч. С.267

² Макиавелли Н. Жизнь Каструччо Кастракани из Лукки // Макиавелли Н. Сочинения исторические и политические. Сочинения художественные. Письма. М.: НФ «Пушкинская библиотека», «Издательство АСТ», 2004. С. 491

том, что ты сам спрашиваешь, и ни о чем больше; однако спрашивать надо обо всем и выслушивать ответы, решение же принимать самому и по своему усмотрению. На советах с каждым из советников надо вести себя так, чтобы все знали, что чем безбоязненнее они выскажутся, тем более угодят государю, но вне их никого не слушать, а прямо идти к намеченной цели и твердо держаться принятого решения. Кто действует иначе, тот либо поддается лести, либо, выслушивая разноречивые советы, часто меняет свое мнение, чем вызывает неуважение подданных.

Итак, здесь в очередной раз во главу угла ставится уважение подданных к правителю, причем уважение, вызванное его продуманной политикой и четким руководством государством. Описанная модель принятия решений имеет свои плюсы и минусы, однако для Макиавелли, вероятно, важнее всего то, что она идеальна для той группы советников, которая будет работать на своего государя. Возможно, чтобы избежать слишком благостной картины для нее и добиться баланса во взаимоотношениях во власти, флорентиец накладывает ограничения на деятельность окружения государя. В этой связи еще раз упомяну Коммина, который считал, что государи часто предпочитают советников «дурного нрава»¹.

Вообще, Макиавелли предлагает здесь очень жесткую модель, особенно с точки зрения современной политики. Может показаться, что он заранее ограничивает критику советников в адрес государя; однако это неверно, поскольку предполагается, что тот должен сам спрашивать свое окружение «обо всем». Последнее предполагает полную переда-

---

¹ Коммин Ф. Указ. соч. С. 120

чу инициативы в руки правителя. Своеобразный вариант деспотического руководства, где все находится в руках просвещенного государя. Только тогда система начнет работать.

Сошлюсь на один современный пример. Отец Лука, доверенное лицо императора Максимилиана, говоря о его величестве, заметил, что тот ни у кого совета не просит, но по-своему тоже не поступает именно оттого, что его образ действий противоположен описанному выше. Ибо император — человек скрытый, намерений своих никому не доверяет, совета на их счет не спрашивает. Но когда по мере осуществления они выходят наружу, то те, кто его окружают, начинают их оспаривать, и государь, как человек слабый, от них отступается. Поэтому начатое сегодня завтра отменяется, и никогда нельзя понять, чего желает и что намерен предпринять император, и нельзя положиться на его решение.

В данном случае, разумеется, Макиавелли стремится добиться согласия читателей со своей моделью идеальных взаимоотношений государя и его ближайшего окружения. Для этого автор создает картину управления, основанную полностью на противоположных предложенным принципам. В результате эта модель вроде бы не работает, что и как будто наглядно подтверждает правоту флорентийца. В принципе действенный прием в политическом консультировании.

Таким образом, государь всегда должен советовать-ся с другими, но только когда он того желает, а не когда того желают другие; и он должен осаживать всякого, кто вздумает, непрошенный, подавать ему советы. Однако сам он должен широко обо всем

спрашивать, о спрошенном, терпеливо выслушивать правдивые ответы и, более того, проявлять беспокойство, замечая, что кто-либо почему-либо опасается говорить ему правду.

Как и прежде, Макиавелли прибегает к риторическому повтору для закрепления у читателя основных своих идей. Возможно, здесь стоит обратить внимание на то, что к концу книги этот прием используется гораздо чаще, чем в начале книги. Причем речь идет именно о сознательном приеме, а не о склонности автора к повторениям одних и тех же общих мест. Впрочем, повторять прописные истины плохо, но что же тогда еще с ними делать?

Многие полагают, что кое-кто из государей, слывающих мудрыми, славой своей обязаны не себе самим, а добрым советам своих приближенных, но мнение это ошибочно. Ибо правило, не знающее исключений, гласит: государю, который сам не обладает мудростью, бесполезно давать благие советы, если только такой государь случайно не доверится мудрому советнику, который будет принимать за него все решения. Но хотя подобное положение и возможно, ему скоро пришел бы конец, ибо советник сам сделался бы государем. Когда же у государя не один советник, то, не обладая мудростью, он не сможет примирить разноречивые мнения; кроме того, каждый из советников будет думать лишь о собственном благе, а государь этого не разглядит и не примет меры. Других же советников не бывает, ибо люди всегда дурны, пока их не принудит к добру необходимость. Отсюда можно заключить, что добрые советы, кто бы их ни давал, родятся из мудрости государей, а не мудрость государей рождается из добрых советов.

По Юсиму: «И хотя некоторых государей многие почитают благоразумными не от природы, а благодаря добрым советам, которыми те пользуются, это мнение ошибочное. Можно принять за твердое правило, что государь, сам по себе не обладающий мудростью, никогда не сможет придерживаться хороших советов, если только ему не попадется такой мудрый человек, который бы во всем им руководил. Но в этом случае такой государь недолго продержался бы у власти, потому что руководитель вскоре низверг бы его. В то же время не одаренный умом государь, советуясь с разными лицами, будет получать противоречивые советы, а свести их воедино не сумеет. Из его советников каждый будет клонить в свою сторону, но он не заподозрит их в корысти и не сумеет поправить дело. Иначе и быть не может, ибо люди всегда станут поступать дурно, если необходимость не принудит их к добру. Итак, следует заключить, что добрые советы, от кого бы они ни исходили, должны зависеть от благоразумия государя, а не благоразумие государя от добрых советов».

Очень насыщенный отрывок, в котором Макиавелли высказал следующие мысли:

— еще раз подтвердил существование политического сообщества, которое обсуждает действия властей («многие полагают...») и с мнением которого надо считаться, хотя и не в этом случае;

— еще раз подтвердил свою максиму о необходимости содружества умных государей и советников;

— четко провел грань между обсуждением решения и его принятием. Государь должен быть достаточно умен, чтобы извлечь максимум из советов своих советников¹;

— восхваляет того правителя, который настолько умен, что обращается к мудрым приближенным;

---

¹ Gilbert A.H. Op.cit. P. 190

— концентрирует в данном случае все внимание на мудром государе, поскольку только таковой может иметь умных советников;

— вклинивает в свои рассуждения очередной блестящий «макиавеллизм»: «люди всегда дурны, пока их не принудит к добру необходимость»;

— еще раз подчеркивает, что природа человека далека от идеальной;

— пользуется случаем, чтобы все-таки показать себя опытным льстецом («добрые советы... родятся из мудрости государей») и задобрить своих основных читателей.

Глава XXIV

Почему государи Италии лишились своих государств

Характерно, что в «плагиате Нифо» эта и последующие главы были изъяты. Причина, скорее всего, заключалась в том, что они были сосредоточены на итальянских проблемах, а Нифо ставил перед собой более глобальные цели, тем более, что посвятил свое творение императору Карлу V, «варвару» с точки зрения Макиавелли. Ирония судьбы здесь состоит в том, что творение астролога и «глобалиста» почти сразу же было забыто, а вот «узкий специалист» добился всемирной славы.

Если новый государь разумно следует названным правилам, он скоро утвердится в государстве и почувствует себя в нем прочнее и увереннее, чем если бы получил власть по наследству.

Согласно Юсиму: «Вышеописанные правила, если их разумно соблюдать, уравнивают нового государя с наследственным и придают его власти большую прочность и безопасность, чем если бы она коренилась в древности».

Вначале следует обычный прием типичного современного политконсультанта: следуйте моим рекомендациям и вы получите то, что хотите. Он снова и снова убеждает, используя современный термин, “потенциального клиента” в действенности своих идей и предложений. Не следует рассматривать Макиавелли как человека, который знал, что пишет великую книгу, которой суждено пережить века — он сам первый посмеялся бы над таким утверждением. Правда, не нужно и считать, что он был

лишен честолюбия автора. Он прекрасно знал, что его донесения Синьории ценились очень высоко (это, правда, не мешало ей воздерживаться от принятия его рекомендаций; вообще роль Макиавелли как политического советника флорентийского правительства часто переоценивалась¹). В том кругу, где он вращался, его знания и оценки также вызвали большой интерес. Соответственно, флорентиец был уверен в качестве своего интеллекта и откровенно желал признания со стороны не только властей, но и политизированного общества, причем наверняка не только родного города, но и всей Италии.

Отметим, что в утверждении вроде бы есть противоречие с главой II, где Макиавелли пишет, что «наследному государю, чьи подданные успели сжиться с правящим домом, гораздо легче удержать власть, нежели новому...», однако на деле, как мне кажется, он всего лишь хочет сказать, что его советы действуют даже в относительно неблагоприятных условиях. Конечно, можно предположить, что он корректировал свои взгляды и высказывания по мере того, как писал книгу. Отчасти сказанное будет верным просто потому, что именно так поступает любой умный человек. Однако в случае со сравнением *старого* и *нового* государя корректировка может быть признана минимальной, если вообще существующей. Все-таки Макиавелли действительно хотел доказать читателям, что его политические рекомендации могут приносить огромную пользу.

Ибо новый государь вызывает большее любопытство, чем наследный правитель, и если действия его исполнены доблести, они куда больше захватывают и привлекают людей, чем древность рода.

---

¹ Abramson E.E. The counsellor as a Machiavellian // Journal of client psychology. 1973. Vol. 29. P. 348-349

Марк Юсим переводит начало этого предложения следующим образом: «Ведь за поступками нового государя следят куда внимательнее, чем за делами наследственно-го...» Здесь мы в очередной раз видим присутствие в построениях автора политизированного сообщества, которое оценивает действия правителя и с мнением которого, по мысли Макиавелли надо считаться. Причем совершенно очевидно, что имеется в виду не широкая масса всего общества, но именно политизированный его сегмент.

Представляет интерес в очередной раз также преимущественное внимание автора к *новому* государю, на этот раз с указанием, что если действия его исполнены *virtù*, то политическое сообщество будет симпатизировать ему больше, нежели *наследному* правителю. Частота проявления такого интереса к данной теме еще раз доказывает, что Макиавелли был сконцентрирован именно на *новом* правлении. Я могу предположить, что, если такое подчеркнутое внимание в начале книги теоретически могло быть вызвано политическими обстоятельствами, о которых речь шла выше, то к концу произведения на первое место явно начал выходить интеллектуальный компонент. Макиавелли просто было интереснее думать и писать о *новом* государе, нежели о *наследственном*.

Соглашаясь с тем, что лакуны в «макиавелливедении» очень велики¹, обратим здесь в очередной раз внимание на отсутствующий, насколько я понимаю, интерес исследователей к теме политического сообщества в «Государе». Между тем, как было неоднократно отмечено выше, у флорентийца внимание к этой теме было очень сильным. Видно это и по данному отрывку из его главной книги.

---

¹ Benner E. Machiavelli's ethics. Princeton: Princeton university press, 2009. P. 9

Ведь люди гораздо больше заняты сегодняшним днем, чем вчерашним, и если в настоящем обретают благо, то довольствуются им и не ищут другого; более того, они горой станут за нового государя, если сам он будет действовать надлежащим образом. И двойную славу стяжает тот, кто создаст государство и укрепит его хорошими законами, хорошими союзниками, хорошим войском и добрыми примерами; так же как двойным позором покроет себя тот, кто, будучи рожден государем, по неразумию лишится власти.

Отрывок начинается очередной афористичной максимой. Далее следует типичное для Макиавелли высказывание интереса в адрес именно нового государя. Кстати говоря, с точки зрения политконсультанта эта реплика легко объяснима: в его услугах гораздо больше нуждаются только что пришедшие к власти правители, еще не имеющие стабильного ближнего окружения и высокого рейтинга, нежели представители династии, где советники и отношение общества обычно наследуются вместе с властью.

Если мы обратимся к тем государям Италии, которые утратили власть, таким, как король Неаполитанский¹, герцог Миланский² и другие, то мы увидим, что наиболее уязвимым их местом было войско, чему причины подробно изложены выше. Кроме того, некоторые из них либо враждовали с народом, либо, расположив к себе народ, не умели обезопасить себя со стороны знати. Ибо там, где нет подобных изъязнов, государь не может утратить власть, если имеет достаточно сил, чтобы выставить войско. Филипп

---

¹ Федерико II*

² Имеется в виду уже упоминавшийся выше Лодовико Моро

Македонский, не отец Александра Великого, а тот, что был разбит Титом Квинцием, имел небольшое государство по сравнению с теми великими, что на него напали, — Римом и Грецией, но, будучи воином, а также умея расположить к себе народ и обезопасить себя от знати, он выдержал многолетнюю войну против римлян и греков и хотя потерял под конец несколько городов, зато сохранил за собой царство.

Отметим здесь с самого начала мнение, что Макиавелли использовал историю догматически, причем в качестве противовеса его подходу временами избирается более «эластичный» метод Гвиччардини¹. Мне как раз такой подход кажется догматическим. На деле мы имеем в данном случае типичную для автора «Государя» ссылку на исторические примеры для подтверждения своих посылок. Для того, чтобы не утратить власть под напором внешнего врага, требуется поддержка основных сегментов общества плюс, разумеется, достаточная воинская сила. В целом данный отрывок можно расценивать как очередное риторическое подтверждение Макиавелли справедливости своих политических максим. Естественно, что автор старательно избегает даже намека на судьбу клана Медичи. Между тем, сын Лоренцо Великолепного Пьеро Медичи в 1494 г., как уже указывалось выше, без боя капитулировал перед армией Карла VIII. Синьория и народ в ответ с позором отправили его вместе с братьями в изгнание за государственную измену, после чего и начался первый подлинно республиканский период современной Макиавелли истории Флоренции (второй был в последние годы его жизни) и — через некоторое время — его государственная служба.

---

¹ Butterfield H. The stacraft of Machiavelli. London: G. Bell and Sons, 1940. P. 70-86

Так что пусть те из наших государей, кто, властвуя много лет, лишился своих государств, пеняют не на судьбу, а на собственную нерадивость. В спокойное время они не предусмотрели возможных бед — по общему всем людям недостатку в затишье не думать о буре, — когда же настали тяжелые времена, они предпочли бежать, а не обороняться, понадеявшись на то, что подданные, раздраженные бесчинством победителей, призвут их обратно. Если нет другого выхода, хорош и такой, плохо лишь отказываться ради него от всех прочих, точно так же как не стоит падать, полагаясь на то, что тебя поднимут. Даже если тебя и выручат из беды, это небезопасно для тебя, так как ты окажешься в положении зависимом и унижительном. А только те способы защиты хороши, основательны и надежны, которые зависят от тебя самого и от твоей доблести.

По Юсиму: «Поэтому пусть наши государи, которые много лет находились у власти, не сетуют на фортуна за то, что эту власть утратили; пусть винят во всем свое малодушие, ибо в мирные времена они не подумали о том, что обстоятельства могут измениться (ждать, пока грянет гром, это общий людской недостаток), и когда настали трудные дни, они помышляли лишь о бегстве, а не о защите. Надежда этих государей состояла только в том, что народы, доведенные до крайности бесчинствами победителей, призвут их обратно. Это хорошее средство, если отсутствуют другие, но уповать лишь на него и забывать обо всех остальных довольно-таки вредно, ибо не стоит падать для того, чтобы кто-нибудь помог тебе подняться. Так не бывает, а если и бывает, то не обеспечивает тебе безопасности, потому что это способ защиты людей малодушных и несамостоятельных. Только

опираясь на собственные силы и на собственную доблесть, можно хорошо, прочно и надежно защитить себя».

Речь здесь идет, разумеется, не о предвидении, а о предусмотрительности — одной из любимых тем автора «Государя». В целом же в данном отрывке Макиавелли выдвигает следующие тезисы:

— несмотря на огромное значение *фортуны* для политической карьеры, неверно приписывать только ей свои неудачи. Государь, особенно правивший много лет, обязан быть предусмотрительным. Нет ни судьбы, ни полной предопределенности, в политике каждый во многом зависит от себя и своих решений;

— государям, как и обычным людям, свойственно полагаться на инерционность событий, особенно когда они их устраивают. Пассивность возможна при определенных условиях (отсутствия иного выхода), однако нельзя полагаться исключительно на нее. При желании в этой мысли можно увидеть намек на политику Содерини и его поведение в кризисные периоды. Впрочем, если Макиавелли и имел в виду бывшего гонфалоньера, то догадаться об этом по тексту просто невозможно. Да и общая ситуация настолько типична, что не требуется каких-то дополнительных пояснений и реминисценций;

— бегство государя от противника в надежде на поворот политической конъюнктуры хорошо только при отсутствии иного выхода;

— не следует надеяться на чужую помощь при неблагоприятном повороте событий. Это чревато зависимостью от других сил, что опасно по определению;

— надежной является только та политика, которая целиком зависит от государя и его *virtù*.

В целом же, как уже давно отмечалось¹, глава повторяет многое из того, что уже было сказано Макиавелли прежде.

---

¹ Gilbert A.H. Op. cit. P. 197

Глава XXV

Какова власть судьбы над делами людей и как можно ей противостоять

Глава, традиционно считающаяся одной из стержневых в «Государе». В ней, в частности, рассматривается связь между действиями и *фортуной* в определении успеха государя. Причем сам подход Макиавелли к данному понятию в этой главе несколько меняется по сравнению с главами VII и VIII, что вообще-то не такая уж редкость для флорентийца, относившегося к терминам, как уже много раз говорилось, куда более свободно, чем это принято в современной науке.

Есть точка зрения, согласно которой, сопоставляя высказывания Макиавелли о *фортуне*, получаем следующую философскую трактовку. Итак, мы живем в непредсказуемом мире, отчего наше планирование своих действий часто срывается. Если мы достаточно умны, чтобы понять суть времени, в котором мы живем, и если мы достаточно гибки для того, чтобы привести нашу тактику в соответствие с доминирующими императивами, мы можем быть успешными. Однако это практически недостижимо: как считает Макиавелли, таких умных людей не существует, а также нет людей, которые могли бы до такой степени контролировать свой характер. Мы действуем так, как нам диктует наша природа. Соответственно, человек никогда не может быть полностью свободен от власти *фортуны*¹. Есть прямо противоположное мнение: Макиавелли считал, что с *фортуной* можно справиться².

¹ Flanagan Th. The concept of *fortuna* in Machiavelli. P. 140-141

² Tarlton Ch. The symbolism of redemption and the exorcism of fortune in Machiavelli's Prince // Review of politics. 1968. Vol. 30. P. 342

Напомню, что в прежних главах *фортуна* рассматривается как нечто контрастирующее с *virtù*. (Например: «Тем, кто становится государем милостью судьбы, а не благодаря доблести, легко приобрести власть, но удержать ее трудно»). Столкновение происходит между тем, что государь может контролировать (свои собственные действия) и тем, что не может (удачу и действия других). Вообще, как уже отмечалось, в «Государе» существует постоянное взаимодействие между позитивной силой (*virtù*) и ее негативной противоположностью (*fortuna*), что создает ограничения для исторического детерминизма. Поэтому политический лидер должен использовать возможности для создания эффективного равновесия между этими факторами¹.

В данной же главе *фортуна* относится больше к преувеличивающим обстоятельствам и событиям, которые государь контролировать напрямую не может. Фактически Макиавелли здесь разделяет «власть судьбы» и собственные действия власть имущих, определяя каждому из факторов примерно по половине воздействия на исход политики государя.

Есть мнение, что в данной главе исследуются все основные концепции *фортуны* «по-Макиавелли»². Наверное, это преувеличение — флорентиец писал о политике, а не изучал применяемые им термины.

Главу также можно рассматривать как своеобразный подход к очень эмоциональной заключительной части с призывом объединить Италию в борьбе против «варваров». В более мягком варианте можно отметить мнение, что данная глава является переходной между основной

¹ Marchand J.-J. Machiavelli e il determinismo storico (dai primi scritti al *Principe*) // Machiavelli attuale/ Machiavel actuel. Ravenna: Longo, 1982. P. 57-64

² Flanagan Th. The concept of *fortuna* in Machiavelli. P. 135-136

частью книги, где речь идет о выборе стратегии и тактики в меняющихся условиях, и заключительной главой¹.

Интересно сравнить взгляды Макиавелли на *форту* с позицией его младшего современника Гвиччардини². Они не были соперниками в жизни — автор «Государя» не мог претендовать на равенство с родовитым и богатым товарищем, которого его происхождение, ум и практическая смекалка привели на очень высокие государственные посты, так что он даже оказывал существенное покровительство автору «Государя». Ирония судьбы заключается в том, что они не стали равными соперниками и после смерти, хотя, конечно, имя Гвиччардини среди специалистов и, тем более, на его родине не забыто³.

---

¹ Burke K. A rhetoric of motives. Berkeley: University of California press, 1969. P. 158-166

² «Кто всматривается в вещи как следует, не может отрицать величайшего могущества судьбы в делах человеческих, ибо мы видим, что обстоятельства случайные ежечасно дают им сильнейшие толчки, и не во власти людей предупредить или избежать их; правда, осторожность и старания людей могут многое смягчить, но одного этого все же мало, необходимо еще и счастье.

Даже те, кто приписывает все мудрости и дарованиям человека и, насколько возможно исключает силу судьбы, должны сознаться, что очень важно попасть или родиться в такое время, когда высоко ценятся дарования или качества, которыми ты в себе дорожишь; это видно по примеру Фабия Максима, которому природная медлительность потому и создала такую славу, что качество это проявилось в войне, где горячность была гибельна, а медлительность полезна; в другое время могло бы случиться обратное. Значит, счастье его было в том, что в его времена требовались именно те качества, какие в нем были; кто мог бы, однако, менять природу свою по условиям времени, т.е. сделать самое трудное и почти невозможное, тот был бы тем менее подвластен судьбе». — Гвиччардини Ф. «Заметки о делах политических и гражданских». С. 120-121

³ Сопоставлений между Макиавелли и Гвиччардини масса, в том числе Sasso G. La scienza politica: Machiavelli e Guicciardini // Giornale critico della filosofia italiana. 1961. T. 15. P. 51-86; Gilbert F. Machiavelli and Guicciardini; Whitfield J.H. Machiavelli, Guicciardini, Montaigne // Italian studies. 1972. Vol. 28. P. 31-47

Я знаю, сколь часто утверждалось раньше и утверждается ныне, что всем в мире правят судьба и Бог¹, люди же с их разумением ничего не определяют и даже ничему не могут противостоять; отсюда делается вывод, что незачем утруждать себя заботами, а лучше примириться со своим Жребием. Особенно многие уверовали в это за последние годы, когда на наших глазах происходят перемены столь внезапные, что всякое человеческое предвидение оказывается перед ними бессильно. Иной раз и я склоняюсь к общему мнению, задумываясь о происходящем².

В переводе Марка Юсима: «Мне небезызвестно мнение, которого придерживались и придерживаются многие, о том, что течением мирских дел целиком управляют судьба и Бог и люди, опираясь на свое разумение, не только не могут изменить его, но и не могут никак на него повлиять. Отсюда можно было бы сделать вывод, что не следует особенно упорствовать в делах, а предпочтительнее все предоставить велению случая. Это мнение особенно распространилось в наше время вследствие великой пере-

---

¹ Данное слово отсутствует в одном из манускриптов трактата, однако едва ли это обстоятельство может быть свидетельством того, что Макиавелли отрицал значение Бога для политической действительности.

² Ср. с Гвиччардини: «Будущее так обманчиво и подвержено таким случайностям, что даже очень мудрые люди большей частью на этот счет ошибаются; если записать их суждения, в особенности суждения о подробностях, ибо общие черты событий схватываются чаще, окажется, что разница между ними и другими людьми, считающимися не столь мудрыми, очень мала. Поэтому упускать благо, которое у тебя в руках, из боязни будущего зла, — это большей частью безумие, если только зло не достоверно известно, или не близко, или по сравнению с благом не слишком велико; иначе ты очень часто теряешь возможное благо из страха, который потом оказывается пустым». — Гвиччардини Ф. «Заметки о делах политических и гражданских». С. 118

менчивости обстоятельств, которая всякий раз опровергает все людские ожидания. Обдумывая это, я иной раз в какой-то степени склоняюсь к названной точке зрения».

Это довольно необычный отрывок с точки зрения если не мировоззрения, то методологии Макиавелли: он упоминает Бога. Некоторые исследователи видят в этом противоречивость идей автора «Государя».¹ На мой взгляд, однако, нет никаких сомнений в искренности религиозности Макиавелли. Обратим внимание, однако, что в этом перечне *фортуна* стоит выше Бога.

В дальнейшем, впрочем, в этой книге нас опять же ожидают ссылки на Господа. Причин может быть несколько, в том числе:

— Макиавелли прекрасно понимал сложность ситуации, в которой находилась Италия, и уповал не только на свои рациональные аргументы в пользу возможности ее объединения и освобождения, но и на Бога;

— обращение к Господу соответствует стилистике этой очень эмоциональной части книги;

— глава клана Медичи в тот момент был папой римским, так что демонстрация религиозности автора «Государя» была вполне уместной;

— как хороший литератор Макиавелли прекрасно чувствовал значение пропорциональности и акцентов в произведении.

И однако, ради того, чтобы не утратить свободу воли, я предположу, что, может быть, судьба распоряжается лишь половиной всех наших дел, другую же половину, или около того, она предоставляет самим людям. Я уподобил бы судьбу бурной реке, которая, разбушевавшись, затопляет берега, валит

---

¹ Sticco M. Lettura del Machiavelli. Milan: Vita e pensiero, 1942. P. 95

деревья, крушит жилища, вымывает и намывает землю: все бегут от нее прочь, все отступают перед ее напором, бессильные его сдержать. Но хотя бы и так, — разве это мешает людям принять меры предосторожности в спокойное время, то есть возвести заграждения и плотины так, чтобы, выйдя из берегов, река либо устремилась в каналы, либо остановила свой безудержный и опасный бег?

Одно из самых оптимистических высказываний Макиавелли относительно возможности преодолеть немилость фортуны. В других случаях он мог быть более пессимистичен¹. В этом же отрывке он утверждает: *фортуна практически всесильна, однако и ее негативные проявления можно укротить, если принять заблаговременные меры. Причем сделал он это с помощью поэтической логики, к которой времена прибегал в «Государе»².*

То же и судьба: она являет свое всесилие там, где препятствием ей не служит доблесть, и устремляет свой напор туда, где не встречает возведенных против нее заграждений. Взгляните на Италию, захлестнутую ею же вызванным бурным разливом событий, и вы увидите, что она подобна ровной местности, где нет ни плотин, ни заграждений. А ведь если бы она была защищена доблестью, как Германия, Испания и Франция, этот разлив мог бы не наступить или, по крайней мере, не причинить столь значительных разрушений. Этим, я полагаю, сказано достаточно о противостоянии судьбе вообще.

---

¹ См. по этому поводу Flanagan Th. The concept of *fortuna* in Machiavelli. P. 137

² Russo L. L'arte del Machiavelli // Problemi dell' Umanesimo. Rome: Edizione dell'Ateneo, 1972. P. 162-167

Опять же очень поэтичное сравнение. Причем довольно точно передающее один из основных тезисов автора «Государя», который Макиавелли, как ему свойственно, доказывает снова и снова, причем нередко под разными углами зрения или в разной стилистике. Стоит также обратить внимание на следующее обстоятельство. В целом по Макиавелли *фортуна* оставляет мало пространства для свободы действий. *Virtù* оперирует как фактор, помогающий справиться с ограничениями *фортуны*¹. Но, и это важно, *virtù* в данном отрывке приравнено автором к предусмотрительности. Италия, по его словам, подобна «равнине» без всяких ограждений от стихии, а вот защищенные доблестью, т.е. *virtù*, Германия, Испания и Франция имеют «плотины» и «заграждения», благодаря которым негативные выходки фортуны могут либо вообще не иметь последствий, либо последние окажутся не такими сокрушающими, как могли бы.

Здесь, возможно, следует обратить внимание на мнение, что когда Макиавелли писал о *фортуне* и *virtù*, то не уделял должного внимания аналитической стороне дела. В результате у него преобладает эмоциональное начало, только замаскированное под рациональный подход². Суждение, как мне кажется, в целом справедливое, хотя и откровенно пристрастное. Звучит оно как фактический призыв втиснуть исследователя в рамки придуманных уже позже понятий и требований, а если это не получается, то подвергнуть сомнению его подход. Примерно так, как если бы мы стали оценивать поэтические особенности Гомера с позиций современного поэтического цеха и поэтической критики.

---

¹ Abbagnano N. Machiavelli politico // Rivista di filosofia. 1969. Т. 60. P.5-23

² Anglo S. Machiavelli: A dissection. London: Victor Gollancz, 1969. P. 216-237

Что же касается, в частности, государей, то нам приходится видеть, как некоторые из них, еще вчера благоденствовавшие, сегодня лишаются власти, хотя, как кажется, не изменился ни весь склад их характера, ни какое-либо отдельное свойство. Объясняется это, я полагаю, теми причинами, которые были подробно разобраны выше, а именно тем, что если государь всецело полагается на судьбу, он не может выстоять против ее ударов. Я думаю также, что сохраняют благополучие те, чей образ действий отвечает особенностям времени, и утрачивают благополучие те, чей образ действий не отвечает своему времени.

Согласно Юсиму: «Переходя теперь к подробностям, замечу, что мы можем наблюдать, как сегодня какому-то государю сопутствует успех, а завтра падение, хотя он нисколько не изменил своих природных качеств. Я думаю, это происходит прежде всего, вследствие пространно обсуждавшихся выше причин, а именно потому, что государь, целиком полагающийся на удачу, гибнет из-за ее переменчивости. Я полагаю также, что успех сопутствует тому, кто соразмеряет свой образ действий с обстоятельствами момента; не везет же тому, кто не умеет идти в ногу со временем».

Очень трудно определить суть *фортуны* у Макиавелли, о чем неоднократно было сказано выше. Иногда она даже соответствует христианской адаптации древней концепции этого термина, иногда представляется древней интерпретацией слепой и неконтролируемой судьбы¹. Вообще по этому поводу есть много высказываний. Скажем, есть точка зрения, что противопоставление *virtù* и *фортуны* у Макиавелли не работает, поскольку концепция *фортуны* у

---

¹ Chabod F. Machiavelli and the Renaissance. P. 189

флорентийца включает в себя четыре выражения: ресурс, судьба, шанс и неопределенность¹. Как бы то ни было, здесь он продолжает описывать возможности противостояния государя *фортуне*. На нее нельзя полагаться полностью. Но, помимо сказанного выше, есть еще один способ противодействия ей — вовремя уловить особенности изменения политической ситуации и соответствовать им.

Чрезвычайно важный политический вывод. Вроде бы ничего принципиально нового по сравнению с другими максимами Макиавелли. Он и раньше неоднократно говорил о необходимости учитывать условия той или иной ситуации. Сейчас может показаться, что ничего интересного в сказанном нет. Но для своего времени данный тезис был новым и оказался недооцененным современниками.

Ибо мы видим, что люди действуют по-разному, пытаясь достичь цели, которую каждый ставит перед собой, то есть богатства и славы: один действует осторожностью, другой — натиском; один — силой, другой — искусством, один — терпением, другой — противоположным способом, и каждого его способ может привести к цели. Но иной раз мы видим, что хотя оба действовали одинаково, например, осторожностью, только один из двоих добился успеха, и наоборот, хотя каждый действовал по-своему: один осторожностью, другой натиском, — оба в равной мере добились успеха. Зависит же это именно от того, что один образ действий совпадает с особенностями времени, а другой — не совпадает. Поэтому бывает так, что двое, действуя по-разному, одинаково добиваются успеха,

---

¹ Airaksinen T. Against all the odds: Machiavelli on fortuna in politics // Machiavelli: History, power and virtue (ed. by L. Donskis). Amsterdam — New York, Editions Rodopi B.V., 2011. P. 3-14

а бывает так, что двое действуют одинаково, но только один из них достигает цели.

Перевод Юсима выглядит следующим образом: «Ведь люди по-разному продвигаются к тем целям, которые стоят перед ними, то есть к славе и богатству: один действует осторожно, другой напористо; один прибегает к силе, другой — к искусству; один предпочитает выжидать, другой поступает противоположным образом, и каждый из этих путей может вести к цели. Но если взять двух осторожных людей, то один из них добивается желаемого, а другой нет; равным образом бывает, что успех сопутствует двум людям разного склада, и осторожному, и напористому, а происходит это от того, что обстоятельства времени благоприятствуют образу действий каждого из них. Вот почему, как я говорил, действуя по-разному, два лица могут прийти к одному результату, а из двух других, действующих одинаково, один достигает цели, а другой нет».

Данный отрывок интересен следующими наблюдениями:

— Макиавелли утверждает, что целесообразность применения того или иного политического приема относительна;

— мы видим характерное для автора «Государя» противопоставление двух противоположностей, будь то политическая тактика или нет;

— во главу угла снова ставятся конкретные текущие обстоятельства или особенности того или иного временного периода, диктующие специфику политической ситуации;

— и в этом отрывке для Макиавелли первичное значение имеет результат и только результат;

— основной вывод для государя или претендента на этот пост: быть готовым и быть способным менять свою политику в зависимости от изменения обстоятельств.

Именно в этом флорентиец вроде бы видит защиту от капризов *фортуны*. Вопрос в том, способен ли на это государь, о чем речь пойдет в следующем отрывке.

От того же зависят и превратности благополучия: пока для того, кто действует осторожностью и терпением, время и обстоятельства складываются благоприятно, он процветает, но стоит времени и обстоятельствам перемениться, как процветанию его приходит конец, ибо он не переменил своего образа действий. И нет людей, которые умели бы к этому приспособиться, как бы они ни были благоразумны. Во-первых, берут верх природные склонности, во-вторых, человек не может заставить себя свернуть с пути, на котором он до того времени неизменно преуспевал. Вот почему осторожный государь, когда настает время применить натиск, не умеет этого сделать и оттого гибнет, а если бы его характер менялся в лад с временем и обстоятельствами, благополучие его было бы постоянно.

Крайне интересный отрывок, которому, как мне кажется, уделяли недостаточно внимания.

Во-первых, Макиавелли здесь ставит знак равенства между особенностями достижения цели (в предыдущем абзаце) и «превратностями благополучия», т.е. удержанием власти.

Во-вторых, наконец-то показан механизм действия *фортуны*: изменение обстоятельств.

В-третьих, выясняется основная причина всемогущества *фортуны*: психологические особенности государя, инерционность его мышления и поступков, как бы умен он не был.

Допустимо предположить, что Макиавелли подразумевает, что при наличии опытного и умного советника государь сможет преодолеть ту самую инерционность, которая мешает ему адекватно отреагировать на изменение времени и обстоятельств. Однако это не так — выше сам флорентинец четко показывает границы, в которых разумный и сильный правитель должен жестко держать свое ближайшее окружение. Довлеющего влияния на государя, тем более в критический период, они не предусматривают.

Папа Юлий всегда шел напролом, время же и обстоятельства благоприятствовали такому образу действий, и потому он каждый раз добивался успеха. Вспомните его первое предприятие — захват Болоньи, еще при жизни мессера Джованни Бентивольи. Венецианцы были против, король Испании тоже, с Францией еще велись об этом переговоры, но папа сам выступил в поход, с обычной для него неукротимостью и напором. И никто этому не воспрепятствовал, венецианцы — от страха, Испания — надеясь воссоединить под своей властью Неаполитанское королевство, уступил и французский король, так как, видя, что папа уже в походе, и желая союза с ним против венецианцев, он решил, что не может без явного оскорбления отказать ему в помощи войсками.

Этим натиском и внезапностью папа Юлий достиг того, чего не достиг бы со всем доступным человеку благоразумием никакой другой глава Церкви; ибо, останься он в Риме, выжидая, пока все уладится и образуется, как сделал бы всякий на его месте, король Франции нашел бы тысячу отговорок, а все другие — тысячу доводов против захвата. Я не буду говорить о прочих его предприятиях, все они были

того же рода, и все ему удавались; из-за краткости правления он так и не испытал неудачи, но, прожив он дольше и наступи такие времена, когда требуется осторожность, его благополучию пришел бы конец, ибо он никогда не уклонился бы с того пути, на который его увлекала натура.

Обратим внимание, что папа Юлий II в этой традиционной для Макиавелли исторической иллюстрации своих теоретических воззрений рассматривается как светский государь. Ударное место рассуждений — ссылка на «время и обстоятельства», которые вроде бы исключительно подходили к стилю римского первосвященника. Конечно, последний неоднократно демонстрировал в политике и терпение, хотя обладал ярко выраженным взрывным темпераментом. Насчет «краткости правления» флорентиец был неправ — Юлий II был на престоле почти десять лет, а Александр VI — одиннадцать. Впрочем, к данному отрывку относятся многие предыдущие замечания к историческим примерам, которыми Макиавелли обосновывал свои позиции.

Итак, в заключение скажу, что фортуна непостоянна, а человек упорствует в своем образе действий, поэтому, пока между ними согласие, человек пребывает в благополучии, когда же наступает разлад, благополучию его приходит конец. И все-таки я полагаю, что натиск лучше, чем осторожность, ибо фортуна — женщина, и кто хочет с ней сладить, должен колотить ее и пинать, — таким она поддается скорее, чем тем, кто холодно берется за дело. Поэтому она, как женщина, — подруга молодых, ибо они не так осмотрительны, более отважны и с большей дерзостью ее укрощают.

Едва ли данный отрывок понравится современным женщинам да и не только им. Следует, правда, делать скидку на историческую психологию и образность выражений нашего автора. Возможно также, что здесь нашла свое выражение своеобразная ирония, свойственная ему¹. А вообще не следует забывать, что почти всемогущественная *фортуна* по флорентийцу является женщиной². Пусть утешает хотя бы это.

Отметим заодно, что Макиавелли никогда не приравнивал *virtù* к стремительности и натиску, как может показаться. Не случайно *virtù* здесь не упоминается. Скорее он говорил в этом отрывке о смелости или натиске как возможном средстве против недоброжелательности *фортуны*. Разумеется, речь идет только о частных случаях. В целом же по Макиавелли все происходит в соответствии с основными намерениями *фортуны*³. Однако борьба с ней все же не безнадежна.

---

¹ Об иронии и аллегории у Макиавелли см. Kahn V. Op. cit. P.76-79

² См. Pitkin H. Op. cit.

³ Flanagan Th. The concept of *fortuna* in Machiavelli. P. 138

Глава XXVI

Призыв овладеть Италией и освободить ее из рук варваров

В переводе Юсима: «Воззвание к овладению Италией и освобождению ее из рук варваров» (*Exhortatio ad capessendam Italiam in libertatemque a barbaris vidicandam*).

Вероятно, именно это название заключительной главы дало основание предполагать, что Макиавелли хотел не просто освобождения Италии, но и объединения ее в единое государство. Хотя ничто в целой книге, в том числе в данной ее части, не подтверждает этой точки зрения.

В середине XX века считалось, что ни одна часть «Государя» не подвергалась таким многочисленным комментариям, как данная глава¹. Она содержит призыв к Лоренцо и вообще всей семье Медичи повести Италию против иностранных захватчиков, причем сделать это под своим сильным и централизованным руководством. Посыл флорентийца заключался в том, что именно тогдашнее время наиболее благоприятствовало появлению нового типа государя. Есть даже точка зрения, согласно которой данная глава является уникальной страницей в литературе итальянского Возрождения². Вообще восторгов много, хотя и скепсиса, не говоря уже о вопросах, тоже хватает.

¹ Gilbert F. The concept of nationalism in Machiavelli's *Prince* // Studies in the Renaissance. 1954. Vol. 1. P.38

² Chabod F. Gli studi di storia del Rinascimento // Cinquant'anni di vita intellettuale italiana: 1896-1946. Scritti in onore di Benedetto Croce. Vol. 1. Naples: Edizioni scientifiche italiane, 1950. P. 145

Что касается вопросов, то давно уже отмечена существенная разница в стилях между основной частью работы и последней главой¹. Неоднократно обращалось внимание, что в этой главе изложение становится эмоциональным, даже поэтическим, что особенно контрастирует с лаконичным, жестким стилем начала книги. Высказывалось мнение, что особенно удивительно обнаружить то, что Макиавелли надеялся на народный энтузиазм; бросается в глаза огромная разница между эмоциональным идеализмом последней главы и холодным анализом, свойственным остальной части книги². С другой стороны, анализ присутствует и в данной главе, хотя и несколько «натянутый». Что касается других замечаний, то по тексту видно, что автор «Государя» действительно хотел надеяться на народный энтузиазм. В конце концов, тяжело все время обреченно полагать, что освобождение страны от иноземцев невозможно при своей жизни. Контраст действительно разительный, неизбежно заставляющий предполагать, что эта часть работы была написана позже по сравнению с предыдущими. Вполне возможно, что именно так оно и было.

В этой связи можно обратить внимание на тот факт, что после того, как Макиавелли сообщил Веттори в письме от 10 декабря 1513 г., что закончил свою «книжицу», но продолжает «ее пополнять и отделывать», приятель ответил, что готов получить работу, а в послании от 18 января 1514 г. указал, что до того, как не получит остальное, то будет не в состоянии определить, стоит ли показывать работу Джулиано. Общий вывод однозначен: Макиавелли послал Веттори неоконченный манускрипт.

¹ См., например, Baron H. *The Principe and the puzzle of the date of chapter 26* // *Journal of Medieval and Renaissance studies*. 1991. Vol. 21. P. 83-102

² Gilbert F. *The concept of nationalism in Machiavelli's Prince*. P. 38

Наиболее вероятно, что это было сделано потому, что автор в то время (январь 1514 г.) еще не решил, как должна выглядеть работа, чтобы быть благосклонно принятой¹. Сказанное вполне укладывается в предположение о том, что последняя глава была написана несколько позже, чем основная часть книги.

С другой стороны, есть точка зрения, согласно которой последняя глава «Государя» вовсе не разнится радикально с остальной частью книги. Она отражает влияние Петрарки и Данте на Макиавелли, XXVI глава — это четкое отражение авторского стиля, который можно назвать поэзией в действии².

В принципе, как представляется, обе точки зрения имеют полное право на жизнь. Мне даже кажется, что они не столько противоречат одна другой, сколько дополняют друг друга. Как бы то ни было, последняя глава книги, безусловно, психологически связана с основной ее частью³. Более того, есть мнение, согласно которому эта глава связана со своими предшественницами композиционно⁴ и логически⁵.

Существует также мнение, что идеи последней главы «Государя» выглядят неожиданными на фоне остальной части книги. С моей точки зрения, это не так. Достаточно вспомнить в этой связи конец XII главы, чтобы в этом убедиться: «... Италию из конца в конец прошел Карл, разорил Людовик, поправ Фердинанд и предали пору-

---

¹ Baron H. The *Principe* and the puzzle of the date of chapter 26. P. 88-89

² Montanari F. Fantasia e calcolo nel linguaggio del Machiavelli // *Convivium*. 1960. Vol. 28. P. 289-297

³ Moravia A. Machiavelli // *Man as an end: a defense of Humanism*. New York: Farrar, Strauss, and Giroux, 1966. P. 71

⁴ Girardi E. N. Unità, genesi, e struttura del *Principe* // *Lettere italiane*. 1970. T. 22. P. 5

⁵ Carozza D. Il capitolo ventiseiesimo del *Principe*: sintesi dell'opera // *Forum italicum*. 1967. Vol. 1. P. 189-196

ганию швейцарцы». Италия доведена «до позора и рабства». На этом фоне призыв к восстанию против господства иноземцев выглядит совершенно логичным¹.

Стоит также отметить очевидное противоречие между точкой зрения, согласно которой Макиавелли является теоретиком и проповедником национального государства² (национализм в последней главе «Государя», как считают некоторые ученые, имел важное значение для гегелевской концепции национального государства³), и тем фактом, что автор не разу не упомянул *stato*, т.е. государство, именно в той главе, где он позиционирует себя как итальянского патриота. Но Макиавелли, конечно, никогда не был теоретиком и проповедником национального государства. Он просто хотел видеть свою страну свободной.

Обдумывая все сказанное и размышляя наедине с собой, настало ли для Италии время чествовать нового государя и есть ли в ней материал, которым мог бы воспользоваться мудрый и доблестный человек, чтобы придать ему форму — во славу себе и на благо отечества, — я заключаю, что столь многое благоприятствует появлению нового государя, что едва ли какое-либо другое время подошло бы для этого больше, чем наше.

Это первое предложение главы представляет интерес сразу по нескольким причинам.

Во-первых, речь идет именно о *новом* государе. Со всеми вытекающими отсюда для взглядов Макиавелли

¹ Strauss L. "Machiavelli's intention. P. 21

² См., например, Villari P. The life and times of Niccolò Machiavelli. London, 1891

³ Poggeler O. Hegel et Machiavel, Renaissance et idéalisme Allemand // Archives de philosophie, 1978, Vol. 41. P. 460-465

последствиями. В частности, необходимости не только создать *новое* государство и прийти в нем к власти, но и создать в ней новые законы и порядки. Кстати говоря, речь об этом пойдет в этой главе несколько ниже.

Во-вторых, обращает на себя внимание уверенность автора и в своем анализе, и в своем авторитете, который к концу чтения этого труда должен был, по мнению Никколо, появиться у его читателей.

В-третьих, бросается в глаза вроде бы авантюрное высказывание о том, что середина второго десятилетия XVI века была наилучшим временем для освобождения Италии. Драматический призыв иногда кажется комментаторам очень странным на фоне той стадии политического развития страны, когда национализм как таковой не играл сколько-нибудь важной роли. С моей точки зрения, Макиавелли был слишком хорошим аналитиком и мыслителем, чтобы не понимать, что политическая ситуация тогда была крайне сложной и не благоприятствовала исполнению его мечты. И все же определенные аргументы, которые будут рассмотрены ниже, у него все же нашлись.

В-четвертых, следует обратить внимание, что в «Государе» Макиавелли нигде не говорил об **объединении** Италии, только об ее **освобождении**. Последняя глава книги не является исключением. Наиболее логично предположить, что призывы к Медичи были только призывами возглавить борьбу за изгнание иноземцев из страны¹. Хотя, справедливости ради, следует упомянуть, что есть точка зрения, будто Макиавелли не только говорил о создании объединенного итальянского государства, но и рассматривал его лишь как первый шаг к последующему образованию республики².

---

¹ Baron H. The *Principe* and the puzzle of the date of chapter 26. P. 86-87

² Holler M. Niccolò Machiavelli on power // Machiavelli: History, power and virtue (ed. By L. Donskis). Amsterdam — New York, Editions Rodopi B.V., 2011. P. 27-48

Как некогда народу Израиля надлежало пребывать в рабстве у египтян, дабы Моисей явил свою доблесть, персам — в угнетении у мидийцев, дабы Кир обнаружил величие своего духа, афинянам — в разобищании, дабы Тезей совершил свой подвиг, так и теперь, дабы обнаружила себя доблесть италийского духа, Италии надлежало дойти до нынешнего ее позора: до большего рабства, чем евреи; до большего унижения, чем персы, до большего разобищания, чем афиняне: нет в ней ни главы, ни порядка, она разгромлена, разорена, истерзана, растоптана, повержена в прах.

Может показаться, что логика Макиавелли в данном случае выглядит исключительно субъективно, пусть даже отдельные авторы и считают, что основой его рассуждений является диалектическая благоприятность создавшейся к тому времени ситуации¹. Кажется даже, что это, скорее, логика отчаяния, больше основанная на эмоциях, нежели здравом анализе.

Однако обратим внимание, что здесь автор обращается к аргументам, использованным в VI главе в отношении названных легендарных героев. Бедственное положение народов был тот самый случай, без которого «доблесть их утасла бы, не найдя применения; не обладай они доблестью, тщетно явился бы случай». Иными словами, чем хуже, тем больше шансов у *нового* государя, обладающего подлинным *virtù*. В современной Макиавелли Италии ситуация была очень плоха; соответственно логике автора, тем больше шансов было у доблестного политика исправить положение и получить власть.

Следует также отметить, что в первом предложении данной главы говорится о материале, которому доблест-

---

¹ Юсим М. Этика Макиавелли. С. 29.

ный человек может придать надлежащую форму. А в VI главе отмечается, что судьба послала героям «только случай, то есть снабдила материалом, которому можно было придать любую форму...»

Разумеется, автор здесь движим своей собственной логикой и предложениями, однако они у него наличествуют. Больше того, теоретически его взгляды оказались вроде бы правильными. Об этом свидетельствует, в частности, история XX века с такими разными персонажами как Ленин, Рузвельт, Гитлер, Аденауэр — на любой вкус.

Здесь также ясно, что среди перечисленных героев-основателей Макиавелли, как уже говорилось выше, все-таки ставит на первое место Моисея. Одна из видимых проблем, правда, состоит в том, что тот так и не достиг Царства обетованного¹. Возможно, автор не стал говорить об этом, чтобы не смутить Лоренцо, к которому формально была обращена столь страстная речь.

Были мгновения, когда казалось, что перед нами тот, кого Бог назначил стать избавителем Италии, но немилость судьбы настигала его на подступах к цели. Италия же, теряя последние силы, ожидает того, кто исцелит ей раны, спасет от разграбления Ломбардию, от поборов — Неаполитанское королевство и Тоскану, кто уврачуется гноящиеся язвы. Как молит она Бога о ниспослании ей того, кто избавит ее от жестокости и насилия варваров! Как полна она рвения и готовности стать под общее знамя, если бы только нашлось, кому его понести!

Макиавелли снова упоминает Бога, причем в двух предложениях подряд. Характерно, однако, что тут же он,

---

¹ Strauss L. Machiavelli's intention. P. 28

как и прежде, переходит к привычному для себя понятию аппарату, ссылаясь на *немилость судьбы* (*fortuna reprobato*) — видимо, в этом случае имелся в виду Чезаре Борджиа. Как бы то ни было, надо напомнить все-таки о точке зрения, согласно которой зерно рассуждений Макиавелли зиждется на его христианском мировоззрении¹.

Обратим также внимание по крайней мере на два момента в данном отрывке.

Во-первых, судя по Макиавелли, вся Италия готова стать под знамя своего будущего освободителя. Это был эмоциональный момент, адресованный клану Медичи. Видимо, ничего больше.

Во-вторых, Макиавелли употребляет понятие *варвары*. Здесь также превалирует эмоциональная составляющая, особенно, если учесть, что, по мнению автора, многие из таковых заслуживают уважения и обладают такой государственной структурой, которую можно было бы перенять и итальянцам (хотя бы французы). Однако флорентиец тут обращается к чувствам читателей-итальянцев, объединяя их в одну группу и противопоставляя всем иноземцам, как это было в древнем Риме.

Макиавелли, кажется, действительно верил, что пришло время учредить в Италии новое государство и сбросить с его помощью господство *варваров*². Может быть, только в тот момент, когда писал эту главу. В остальное время он был холодно циничен и полагал, что надежды нет не только для Италии, но и для его родной Флоренции. Впрочем, я оставляю за собой право на ошибку в этом вопросе.

И самые большие надежды возлагает она ныне на ваш славный дом, каковой, благодаря доблести и ми-

---

¹ Prezzolini G. Machiavelli. Rome: Gherardo Casini editore, 1967

² Gilbert F. The concept of nationalism in Machiavelli's *Prince*. P. 38

лости судьбы, покровительству Бога и Церкви, глава коей принадлежит к вашему дому, мог бы принять на себя дело освобождения Италии. Оно окажется не столь уж трудным, если вы примете за образец жизнь и деяния названных выше мужей. Как бы ни были редки и достойны удивления подобные люди, все же они — люди, и каждому из них выпал случай не столь благоприятный, как этот. Ибо дело их не было более правым, или более простым, или более угодным Богу. Здесь дело поистине правое, *«lustum enim est bellum quibus nbecessarium, et pia arma ibi nulla nisi in armis spes est»*¹. Здесь условия поистине благоприятны, а где благоприятны условия, там трудности отступают, особенно если следовать примеру тех мужей, которые названы мною выше. Нам явлены необычайные, беспримерные знамения Божии: море расступилось, скала источала воду, манна небесная выпала на землю: все совпало, пророча величие вашему дому. Остальное надлежит сделать вам. Бог не все исполняет сам, дабы не лишить нас свободной воли и причитающейся нам части славы.

Здесь следует обратить внимание по крайней мере на несколько моментов данного отрывка:

— обращение к семейству Медичи как к возможному избавителю Италии от присутствия иноземцев. Видна откровенная лесть в адрес хозяев Флоренции, связанная как с честолюбивыми устремлениями самого Макиавелли, так и с его политическими надеждами. Не следует забывать, что в тот момент Медичи сосредоточили в своих руках духовную власть в христианском мире и государственную

---

¹ «Ибо война справедлива для тех, кому необходима, кто не может без нее обойтись, и священно оружие, в котором заключена вся надежда» — Тит Ливий

власть во Флоренции и Риме, а также могли претендовать на власть в Романье, так что эмоциональное обращение автора «Государя» выглядит не таким уж беспочвенным;

— указание, что Медичи соединили покровительство со стороны *фортуны* и *virtù*. Наверное, это единственный случай в «Государе», когда автор четко связывает оба эти качества с одним объектом. Правда в VII главе есть намек, что Чезаре Борджиа тоже является не только любимцем *фортуны*, но и обладателем *virtù*, однако намеком все и ограничилось;

— четко указано, что Медичи опираются на покровительство Бога и Церкви. Первое можно счесть очередной лестью автора в адрес правящего дома, второе — объективный факт, который заставляет предположить, что Макиавелли учитывал фактор Папского государства в деле освобождения Италии;

— это освобождение может быть осуществлено, если дом Медичи будет опираться на советы Макиавелли, сделанные в «Государе»;

— шансы Медичи на объединение Италии куда выше, чем бывшие шансы названных героев осуществить то, что они на самом деле сделали. В данном случае, в очередной раз имеет место эмоциональное обращение Макиавелли к правящему во Флоренции клану. На деле автор «Государя» едва ли не понимал, что Медичи не были способны добиться успеха в таком предприятии: семейство в то время было на деле обделено лицами, обладающими подлинным *virtù*. Да и умом тоже, если не считать самого папы Льва X;

— в очередной раз Макиавелли утверждает, что условия для выполнения обозначенной им задачи чрезвычайно благоприятны.

Внимание к Медичи объясняется, конечно, не только честолюбивыми надеждами Макиавелли и его вероятным

самообманом в отношении их возможностей. Цепь логических построений привела автора к мысли, что Италия может быть освобождена под руководством уже существующего государя¹. Таковым, собственно, и был Лоренцо Медичи. На деле это был или откровенный самообман, либо не менее откровенная лесть. Скорее всего, автор «Государя» прекрасно это понимал. Но ему нужно было привлечь внимание Медичи к своей книге. И к самому себе. И еще были все-таки надежды на правящий во Флоренции клан.

Не удивительно, что ни один из названных выше итальянцев не достиг цели, которой, как можно надеяться, достигнет ваш прославленный дом, и что при множестве переворотов и военных действий в Италии боевая доблесть в ней как будто угасла. Объясняется это тем, что старые ее порядки не хороши, а лучших никто не сумел ввести.

У Юсима данный отрывок выглядит следующим образом: «Вовсе не удивительно, что ни один из упоминавшихся итальянцев не приблизился к той цели, которой, как можно надеяться, достигнет ваш сиятельный дом, и что опыт стольких переворотов и военных действий в Италии склоняет к выводу о полном угасании ее военной доблести. Причина в том, что стародавние ее обычаи не были хороши, новых же никто не сумел придумать...»

Этот тезис зачастую трактуется как прямая критика Макиавелли особенностей военной организации современной ему Италии, в первую очередь такого явления как наемничество, особенно иностранное. На наш взгляд, однако, автор имел в виду куда более широкий

---

¹ Althusser L., Matheron F., Elliott G. Machiavelli and us. London: Verso, 2001. P. 55

спектр вопросов и куда более масштабную реорганизацию политической и социальной жизни страны. Обратим внимание, что снова появляется термин *ordini*, т.е. порядки, законодательство, даже конституция. И снова автор обращается к военному искусству. Очевидно, что военные поражения итальянцев безусловно очень сильно повлияли на Макиавелли. Здесь же можно говорить о страхе автора перед упадничеством в итальянских государствах, что стало одной из самых примечательных черт его философии¹. В данном случае откровенная боязнь упадничества подкрепляет опасения автора в отношении военного настроя итальянцев.

Отдельно следует обратить внимание на слова *ни один из названных выше итальянцев не достиг цели*. Очередная загадка Макиавелли. Либо он имел в виду названных в других главах книги итальянцев (что для него не характерно), либо в последнюю минуту вычеркнул их имена из текста этой главы.

Здесь также видно радикальное отличие данной главы от предыдущих. Холодный, циничный анализ прежде и импульсивное, крайне эмоциональное обращение к аудитории в данных строчках «Государя»².

Особо отметим обращение «Ваш прославленный дом». Существует точка зрения, согласно которой это сочетание могло быть сделано не раньше, чем в январе 1515 г., когда Макиавелли стало известно о планах папы Льва образовать новое государство для Джулиано в северо-центральной Италии³. Однако слухи об этом намерении распространились раньше.

¹ Sabrie A. Giambattista Vico and the Machiavellian tradition // Machiavelli: figure-reputation. Amsterdam-Atlanta: Rodopi B.V., 1996. P. 27-50

² Gilbert F. The concept of nationalism in Machiavelli's *Prince*. P. 38

³ См. Gilbert F. Machiavelli e il suo tempo. Bologna: il Mulino, 1977. P. 340; Baron H. The *Principe* and the puzzle of the date of chapter 26. P. 90

Между тем ничто так не прославляет государя, как введение новых законов и установлений. Когда они прочно утверждены и отмечены величием, государю воздают за них почестями и славой; в Италии же достаточно материала, которому можно придать любую форму.

Макиавелли снова, как и в других главах, выступает в пользу необходимости кардинальной реформы в Италии и эмоционально призывает Медичи заняться ими, обещая за это почести и славу. Еще раз подчеркивает, что в Италии достаточно материала, которому можно придать желаемую форму. Ощущение такое, что автор являлся последовательным сторонником итальянского варианта русской поговорки «повторение — мать учения». Стоит, впрочем, напомнить, что на протяжении «Государя» Макиавелли неоднократно показывал себя сторонником этого приема.

Отметим также, что флорентиец и тут настаивает на необходимости двуединства **новый государь — новое государство**¹.

Велика доблесть в каждом из ее сынов, но, увы, мало ее в предводителях. Взгляните на поединки и небольшие схватки: как выделяются итальянцы ловкостью, находчивостью, силой. Но в сражениях они как будто теряют все эти качества. Виной же всему слабость военачальников: если кто и знает дело, то его не слушают, и хотя знающим объявляет себя каждый, до сих пор не нашлось никого, кто бы так отличился доблестью и удачей, чтобы перед ним склонились все остальные. Поэтому за прошедшие двадцать лет во всех войнах, какие были за это время, войска, состав-

---

¹ Althusser L., Matheron F., Elliott G. Op. cit. P. 55

ленные из одних итальянцев, всегда терпели неудачу, чему свидетели прежде всего Тара, затем Алессандрия, Капуя, Генуя, Вайла, Болонья и Местри.

Макиавелли здесь доказывает прежде всего, что освобождение Италии осуществимо с военной точки зрения. Это, в соответствии с одним из мнений комментаторов, является одним из решающих положений его концепции, потому что освободить Италию от «варваров» означало объединить ее, а для того, чтобы объединить ее, нужно было сначала ее завоевать¹. Кроме того, иногда утверждается, что Макиавелли верил: сила Италии основывается на патриотической доблести ее населения². Данные точки зрения должны быть приведены вне зависимости от общепринятого мнения, что автор «Государя» полагал, будто в его время население страны находится в моральном упадке, а потому не способно к решительным действиям.

Если ваш славный дом пожелает следовать по стопам величайших мужей, ставших избавителями отечества, то первым делом он должен создать собственное войско, без которого всякое предприятие лишено настоящей основы, ибо он не будет иметь ни более верных, ни более храбрых, ни лучших солдат. Но как бы ни был хорош каждый из них в отдельности, вместе они окажутся еще лучше, если во главе войска увидят своего государя, который чтит их и отличает. Такое войско поистине необходимо, для того чтобы итальянская доблесть могла отразить вторжение иноземцев. Правда, испанская и швейцарская пехота считается грозной, однако

---

1 Strauss L. "Machiavelli's intention. P. 24

2 Taylor H.O. Op. cit. P. 94

же в той и другой имеются недостатки, так что иначе устроенное войско могло бы не только выстоять против них, но даже их превзойти. Ибо испанцы отступают перед конницей, а швейцарцев может устрашить пехота, если окажется не менее упорной в бою. Мы уже не раз убеждались и еще убедимся в том, что испанцы отступали перед французской кавалерией, а швейцарцы терпели поражение от испанской пехоты. Последнего нам еще не приходилось наблюдать в полной мере, но дело шло к тому в сражении при Равенне — когда испанская пехота встретилась с немецкими отрядами, устроенными наподобие швейцарских. Ловким испанцам удалось пробраться, прикрываясь маленькими щитами, под копыта и, находясь в безопасности, разить неприятеля так, что тот ничего не мог с ними поделать, и если бы на испанцев не налетела конница, они добились бы неприятельскую пехоту. Таким образом, изучив недостатки того и другого войска, нужно построить новое, которое могло бы устоять перед конницей и не боялось бы чужой пехоты, что достигается как новым родом оружия, так и новым устройством войска. И все это относится к таким нововведениям, которые более всего доставляют славу и величие новому государю.

В переводе Юсима конец этого отрывка выглядит следующим образом: «Испанцы, благодаря своей ловкости, под защитой щитов с шипами, проникли между вражескими пиками и безнаказанно расправлялись с немцами, которые не могли ничего поделать и были бы перебиты до единого, если бы конница не опрокинула испанцев. Таким образом, зная недостатки той и другой пехоты, можно создать третью, которая могла бы защититься от коней

и не боялась бы пеших; это был бы новый род войска, изменяющий боевые порядки. Как раз подобные нововведения и придают новому государю уважение и величие».

Есть точка зрения, согласно которой последняя глава представляет проблему для исследователя не потому, что в ней содержится призыв освободить Италию. Подлинная проблема состоит в том, что Макиавелли неожиданно обходит стороной трудности, которые ожидают на этом пути освободителей¹. Как мы видим по этому отрывку, это не совсем верно. Одну трудность автор видел очень четко: итальянцы не были конкурентами вторгшимся иностранным армиям в военном вопросе.

Тезисы этого отрывка, как и прежде, покоятся на выводах, сделанных в предыдущих главах: необходимость иметь собственную армию и провести реформу, на этот раз военную. Суть последней в «Государе», правда, раскрывается только намеком. Зато ей уделено немало места в «Рассуждениях»². Там же находит продолжение косвенно высказанный в «Государе» тезис о том, что пехота по ряду моментов превосходит кавалерию³.

Итак, нельзя упустить этот случай: пусть после стольких лет ожидания Италия увидит наконец своего избавителя. Не могу выразить словами, с какой любовью приняли бы его жители, пострадавшие от иноземных вторжений, с какой жадной мщенья, с какой непоколебимой верой, с какими слезами! Какие двери закрылись бы перед ним? Кто отказал бы ему в повиновении? Чья зависть преградила бы ему путь? Какой итальянец не воздал бы ему почестей? Каждый ощущает, как смердит господство варваров.

¹ Strauss L. "Machiavelli's intention. P. 21

² Макиавелли Н. Рассуждения. С. 179-193

³ Там же. С. 188-192

В последней главе Макиавелли показал себя своеобразным «крестоносцем-националистом», призывая к единству Италии¹. Он, безусловно, обладал представлением об объединенной Италии, хотя его географическое представление об этой стране осталось неясным, лингвистическая идея ограниченной, а флорентийский патриотизм, переходящий в регионализм, — сильным². Соглашаясь в принципе с этой точкой зрения, оппоненты в ответ уточняют, что в Италии того времени было уже распространено представление о культурной и географической «отдельности» Италии, а также обращают внимание на тогдашние попытки итальянских государств совместно противодействовать вторжениям иностранных войск³.

*Так пусть же ваш славный дом примет на себя
этот долг с тем мужеством и той надеждой, с ка-
кой вершатся правые дела, дабы под сенью его зна-
мени возвеличилось наше отечество и под его води-
тельством сбылось сказанное Петраркой:*

*Доблесть ополчится на неистовство,
И краток будет бой,
Ибо не умерла еще доблесть
В итальянском сердце.*

Стихотворный отрывок в комментариях не нуждается. Зато требует внимания обращение к клану Медичи. Видимо, здесь совмещены откровенная лесть и надежда, что Италия наконец-то сможет освободиться от военного и политического влияния иноземцев.

---

¹ Wolin Sh. Machiavelli: Politics and the economy of violence // Politics and vision: Continuity and innovation in Western political thought. Boston: Little, Brown and company, 1960. P. 199

² Ilardi V. *Italianità* among some Italian intellectuals in the early Sixteenth century // *Traditio*. T. XII. 1956. P. 366

³ Gilbert F. The concept of nationalism in Machiavelli's *Prince*. P. 40-46

Заключение

Достоинства и недостатки «Государя» в настоящее время ясны большинству исследователей. Но частности — это всегда частности, будь то отдельные достоинства или отдельные недостатки. Важнее совокупность того, что сделало книгу читаемой и изучаемой до сих пор.

Эта книга ставит больше загадок, чем их разрешает. Раймонд Арон как-то заметил, что Макиавелли — это сфинкс, бросающий вызов изобретательности комментаторов его трудов¹. Во время работы над данными комментариями, я ощутил справедливость этого замечания в полной мере. И, скорее всего, в ряде случаев потерпел поражение. Что ж, это бывало и с другими исследователями, обращавшимися к творчеству великого флорентийца.

Возможно, главная загадка, о которой сейчас идет речь, состоит в том, как, нарушая все законы жанра, умудриться не только сохраниться в истории, но и сохраниться в ней великим. Причем нарушая их, эти законы, постоянно. Неправильно интерпретируя факты, неправильно цитируя предшественников, неправильно рассчитывая последствия политических событий.

Простой ответ на этот вопрос — именно нарушая законы. Но этот ответ будет, как мне кажется, неправильным.

Вероятно, дело в том, что далеко не на все загадки есть ответы. На те, которые ставил Никколо — тоже. Впрочем, на то это и Макиавелли, чтобы быть выше своих комментаторов.

---

¹ Aron R. Machiavelli et Marx // Contrepoint. 1971. V. 4. P. 10

В определенной степени книга дает ответ на вопрос, почему она была повсеместно признана великой. Она была совершенно необычной для своего времени, провоцирующей для последующих столетий и полной загадок для времени настоящего.

Ни в одной другой великой книге нет такого количества ошибок. И ни в одной другой нет такого количества прозрений.

Поэтому мы и любим Макиавелли, что не можем его понять.

Библиография

Переводы «Государя» на русский

- Макиавель Н. Монарх. Перевел с немецкого Федор Затлер. СПб.: Общественная палата, 1869.
- Макиавелли Н. Государь // Макиавелли Н. Государь. Рассуждения на первые три книги Тита Ливия. СПб., 1869. С. 1-113.
- /Пресс А./ — Общедоступная философия в изложении А.Пресса. Вып. III. Макиавелли Н. Государь. Рассуждения о первых 10 книгах Тита Ливия. СПб., 1900.
- Макиавелли Н. Князь. Перевод с итальянского С.М.Роговина. М.: Издание Н.Н.Клочкова, 1910.
- Макиавелли Н. Князь // Макиавелли Н. Сочинения. М.: Academia, 1934 С. 209-352.
- Макиавелли Н. Государь // Макиавелли Н. Государь. ЭКСМО-ПРЕСС, М.; ФОЛИО, Харьков, 1998. С. 47-122.
- Макиавелли Н. Государь // Макиавелли Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. Государь. М.: РОССПЭН, 2002. С. 355-438.

Литература

- Абрамсон М.Л. Человек итальянского Возрождения. Частная жизнь и культура. М.: РГГУ, 2005.
- Аверинцев С. Другой Рим: Избранные статьи. СПб.: Амфора, 2005.
- Аристотель. Политика // Аристотель. Соч. в четырех томах. Том 4. М.: Мысль, 1983. С. 375-644.
- Аскенази Ш. Царство Польское в 1815-1830 гг. М., 1915..
- Беларида Ф. Черчилль. М.: Молодая гвардия, 2003.
- Берлин И. Оригинальность Макиавелли // Человек, 2001, № 2-4. С. 1-45.
- Богуславский В.В., Бурминов В.В. Русь. Рюриковичи. Иллюстрированный исторический словарь. М.: Познавательная книга плюс, 2000.
- Борзаковский В.С. История Тверского княжества. М.: Рубежи XXI, 2006.
- Борисов Н. Иван III. М.: Молодая гвардия, 2003.
- Борисов Н. Иван Калита. М.: Молодая гвардия, 2005.
- Бородкин М.М. История Финляндии. Время императора Александра I. СПб., 1909.
- Буркгардт Я. Культура Италии в эпоху Возрождения. Смоленск: Русич, 2003.
- Вернадский Г.В. Московское царство. М.: ЛЕАН; АГРАФ, 1997.
- Виллари П. Джироламо Савонарола и его время. М., «Астрель»; АСТ, 2004.
- Виллари П. Никколо Макиавелли и его время. Т. 1. М., 1914;.
- Высочков Л. Николай I. М.: Молодая гвардия, 2006.

- Галузо П.Г. Туркестан-колония (Очерки по истории Туркестана от завоевания русскими до революции 1917 г.). — М., 1929.
- Гарриет Р. Искусство управления мужчинами для принцессы. Макиавелли для женщин. М.: Рипол Классик, 2005.
- Гвиччардини Ф. Заметки о делах политических и гражданских // Гвиччардини Ф. Сочинения. М., 1934: Academia. С. 105-229.
- Геллнер Э. Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. М.: Ad Marginem, 1995.
- Герберштейн С. Московия. М.: АСТ: Астрель; Владимир: ВКТ, 2008.
- Грамли А. Избранные произведения в трех томах. Том 3. Тюремные традиции. М.: Иностранная литература, 1959.
- Грамли А. Дань истории. М.: Политиздат, 1960.
- Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников (Exempla XIII века). М.: Искусство, 1989.
- Гурко В. Война и революция в России. Мемуары командующего Западным фронтом. 1914-1917. М.: Центрполиграф, 2007.
- Девятова Ю. Триумф и трагедия отечественного либерализма. Жизненный путь и эволюция общественно-политических взглядов А.К. Дживелегова (1875-1952) // Армянский вестник, 1998. № 3-4.
- Дживелегов А.К. Никколо Макиавелли // Макиавелли. Соч. Том 1. М.; Л., Academia, 1935. С. 19-127.
- Дживелегов А.К. Примечание / «Государь»/. // Макиавелли Н. Сочинения. С.330-352.
- Дживелегов А.К. Франческо Гвиччардини // Гвиччардини Ф. Сочинения. М.: Academia, 1934. С.11-101.
- Дурденевский В.Н. Макиавелли и государственная наука // «Советское право», 1927, № 3, с. 82-93.
- Жиль К. Никколо Макиавелли. М.: Молодая гвардия, 2005.
- Илловыйский Д.И. История Рязанского княжества. М., 1858.
- Каппони Н. Макиавелли. М.: Вече, 2012.
- Карамзин Н.М. О древней и новой России. М.: Московские учебники, 2002.
- Кацы Д.В. Отношения Европейского Союза с Беларусью и Украиной (1994 — 97 гг.). СПб.: Надежда, 1998.
- Клула И. Борджиа. Ростов-на Дону: Феникс, 1997.
- Ключевский В.О. Сочинения. В 9-ти т. М., Мысль, 1988.
- Кола Д. Политическая социология. М.: Издательство «Весь Мир», «ИНФРА-М», 2001.
- Коллинсон-Морлей Л. История династии Сфорца. С.-Пб.: Евразия, 2005.
- Коммин Ф. Мемуары. М.: ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2004.
- Контамин Ф. Война в Средние века. М.: Ювента, 2001.
- Крижанич Ю. Политика. М., Новый Свет, 1997.
- Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М.: Издательская группа Прогресс, Прогресс-Академия, 1992.
- Лозинский С.Г. История папства. М., Политиздат, 1986.
- Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. М.: «Мысль», 1982.
- Макиавелли Н. Жизнь Каструччо Кастракани из Лукки // Макиавелли Н. Сочинения исторические и политические. Сочинения художественные.

- Письма. М.: НФ «Пушкинская библиотека», «Издательство АСТ», 2004. С. 469-495.
- Макиавелли Н. История Флоренции. М.: Наука, 1987.
- Макиавелли Н. О военном искусстве. // Макиавелли Н. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. О военном искусстве. М.: Мысль, 1997. С. 399-546.
- Макиавелли Н. Письма // Макиавелли Н. Сочинения исторические и политические. Сочинения художественные. Письма. М.: НФ «Пушкинская библиотека», «Издательство АСТ», 2004. С. 679-714.
- Макиавелли Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. Государь. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002.
- Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, 2-е издание.
- Мархлевский Ю. Сочинения. Очерки истории Польши. М.-Л. «Госсоцэкиздот», 1931.
- Микеладзе Н.Э. Шекспир и Макиавелли: тема «макиавеллизма» в шекспировской драме. М., «ВК», 2005.
- Моррис Д. Новый государь. Новая версия Макиавелли для двадцать первого века. М.: Группа Компаний «Николо М», 2003.
- Назаров А. Укрощение строптивого. Руководство по любви в духе современного Макиавелли. М.: НТ Пресс, 2007.
- Нагдалиев Ф. Ханы Нахичеванские в Российской Империи. М.: Новый Аргумент, 2006.
- Оке Ж.-К. Средневековая Венеция. М.: Вече, 2006.
- Палмер А. Бисмарк. Смоленск: Русич, 1997.
- Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л.: Наука, 1979.
- Переписка Фридриха Великого, короля прусского, с Господином Вольтером с 1736 по 1778 год. В 3 ч. СПб., 1816.
- Платон. Сочинения. В трех томах. М. Наука, 1971.
- Плутарх. Сравнительные жизнеописания в двух томах. М.: Наука, 1994.
- Полибий. Всеобщая история в сорока книгах. ТТ. I — III. Санкт-Петербург: Наука, 2005.
- Политические учения: история и современность. Домарксистская политическая мысль. М., 1976.
- Попов Н.А. Граф Петр Андреевич Толстой (1645-1729). Биографический очерк // Древняя и новая Россия. СПб, 1875, N 3.
- Потто В. Кавказская война: В 5 томах. Т.1: От древнейших времен до Ермолова. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2007.
- Рансимен С. Сицилийская вечерня. История Средиземноморья в XIII веке. М.: Евразия, 2007.
- Ришелье А.-Н. дю Плесси. Политическое завещание, или Принципы управления государством. М.: Ладомир, 2008.
- Рутенбург В.И. Макьявелли и его время // Проблемы культуры Итальянского Возрождения. Под ред. В.И.Рутенберга. Л.: Наука, 1979, с. 70-109.
- Рутенбург В.И. Титаны Возрождения. М., Наука, 1976.
- Светоний Г.Т. Жизнь двенадцати цезарей. Властелины Рима. Биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана. М.: Эксмо, 2006.
- Свечин А.А. Эволюция военного искусства. Том I. М.-Л.: Военгиз, 1928.

- Синха Н.К., Банерджи А.Г. История Индии. М.: Политиздат, 1954.
- Скиннер К. Макиавелли. Очень краткое введение. М.: Астрель, 2009.
- Скрынников Р.Г. Борис Годунов. М.: Наука, 1978.
- Скрынников Р.Г. Иван Грозный. М.: Наука, 1989.
- Скрынников Р.Г. Михаил Романов. М.: АСТ; Ермак, 2005.
- Скрынников Р.Г. Самозванцы в России в начале XVII века. Григорий Отрепьев. Новосибирск: Наука, 1987.
- Скрынников Р.Г. Три Лжедмитрия. М.: АСТ, 2004.
- Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М.: Издательство АСТ; Харьков: Фоллио, 2001.
- Сунь-цзы. Трактат о военном искусстве // Конрад Н.И. Избранные труды. Синология. М.: Главная редакция научной литературы издательства «Наука», 1977. С. 26-45.
- Такер Р. Сталин. История и личность: Путь к власти. 1879-1929; У власти. 1928-1941. М.: Весь Мир, 2006.
- Таирова-Яковлева Т.Г. Мазепа. М.: Молодая гвардия, 2007.
- Тацит Публий Корнелий. «История» // Тацит К. Анналы. Малые произведения. История. М., Ладомир, 2001, с. 523-764.
- Темнов Е.И. Макиавелли — политический писатель // Макиавелли. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. О военном искусстве. М., Мысль, 1997. С. 5-36.
- Фадеев А. В. Россия и Кавказ первой трети XIX в., М.: Наука, 1960.
- Фест И. Гитлер. Биография. Триумф и падение в бездну. М.: Вече, 2007.
- Фрайер Х. Макьявелли. СПб: Владимир Даль, 2011.
- Фрейзер Д. Фридрих Великий. М.: АСТ, 2003.
- Фрида Л. Екатерина Медичи. М.: АСТ: АСТ Москва; Хранитель, 2006.
- Фридрих Великий. Анти-Макиавелли, или Опыт возражения на Макиавеллиеву науку об образе государственного правления // Книга Государя. СПб.: Амфора, 2004. С. 290-416.
- Черниговская летопись по новому списку (1587-1725) и Коломацкие челобитные / Изд. Ал. Лазаревского. Киев, 1890.
- Черняк И.Х. Проблемы идеологии итальянского Возрождения в трудах советских ученых (1917-1977). // Проблемы культуры Итальянского Возрождения. Под ред. В.И.Рутенберга. Л.: Наука, 1979, с. 4-17..
- Чистяков Г. Слово увещательное к покаянию // Максима Макиавелли. Уроки для России. М.: Рудомино, 2001. С. 101-102.
- Шигалина О.И. Великобритания на Среднем Востоке. М., Наука, 1990.
- Юсим М.А. Истина у Макьявелли и у гуманистов // Проблемы культуры Итальянского Возрождения. Под ред. В.И.Рутенберга. Л.: Наука, 1979. С. 73-84..
- Юсим М.А. Макиавелли в России: мораль и политика на протяжении пяти столетий. М.: ИВИ РАН, 1998.
- Юсим М.А. Этика Макиавелли. М.: Наука, 1990.
- Abbagnano N. Machiavelli politico // Rivista di filisifa. 1969. T. 60. P.5-23.
- Ady C. The invasions of Italy // The New Cambridge modern history. Vol. I. The Renaissance, 1493-1520. Cambridge: The Cambridge university press, 1957. P. 343-367.

- Aerts E. Niccolò Machiavelli // *Spiegel Historiae*. 1979. Vol. XIV, S.72-29.
- Airaksinen T. Against all the odds: Machiavelli on fortune in politics // *Machiavelli: History, power and virtue* (ed. by L. Donskis). Amsterdam — New York, Editions Rodopi B.V., 2011. P. 3-14.
- Althusser L., Matheron F., Elliott G. Machiavelli and us. London: Verso, 2001.
- Amiguet Ph. L'Âge d'or de la diplomatie: Machiavel et les Vénétien. Paris: Editions Albin Michel, 1963.
- Anglo S. Machiavelli: A dissection. London: Victor Gollancz, 1969.
- Anglo S. Machiavelli — The first century. Studies in enthusiasm, hostility, and irrelevance. Oxford, Oxford university press, 2005.
- Anselmi G.M. Prolegomeni al Machiavelli storico // *Studi y problemi di critica testuale*. 1974. T. 9. P. 89-132.
- Arieti, J.A. The Machiavellian Chiron : Appearance and reality in "The prince". // *Clio*. — Fort Wayne, 1995. — Vol. 24, N 4. — P. 381-397.
- Aron R. Machiavelli et Marx // *Contrepoint*. 1971. V. 4. P. 9-21.
- Atkinson C. Debts, dowries, donkeys. The diary of Niccolò Machiavelli's father, Messer Bernardo, in Quattrocento Florence. FrankfurtM: Dialoghi/Dialogues, 2002.
- Balestracci D. Le armi, I cavalla, l'oro. Giovanni Acuto e I condottieri nell' Italia del Trecento. Laterza, 2003.
- Baker-Smith D. The serpent and the dove: Political counsel in Machiavelli and Erasmus // *Machiavelli: figure-reputation*. Amsterdam-Atlanta: Rodopi B.V., 1996. P. 2-25.
- Barberi Squarotti G. Machiavelli in Francia: un'esperienza politica // *Mélanges à la mémoire de Franco Simone*. France et Italie dans la culture européenne. Vol. 1. Geneva: Editions Slatkine, 1980. P. 225-250.
- Barberi Squarotti G. Il "sistema" del Machiavelli // *Studi in onore di Alberto Chiari*. Vol. I. Brescia: Paidella editrice, 1973. P. 109-119.
- Baron H. Machiavelli: The republican citizen and the author of *The Prince* // *English historical review*, 1961, Vol. 76. P. 217-253.
- Baron H. The *Principe* and the puzzle of the date of the *Discorsi* // *Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance*. 1956, Vol. 18. P. 405-428.
- Baron H. The *Principe* and the puzzle of the date of chapter 26 // *Journal of Medieval and Renaissance studies*. 1991. Vol. 21. P. 83-102.
- Baron H. La rinascita dell'etica statale romana nell' 'Umanesimo fiorentino del '400 // *Civiltà moderna*, 1935, N 7. P.21-49.
- Barrichelli G.P. Rereading *The Prince*: Philosophical themes in Machiavelli // *Italian quaterly*. 1970. P. 43-62.
- Barrichelli G.P. Rereading *The Prince*: Philosophical themes in Machiavelli // *Italian quaterly*. 1970. P. 43-62.
- Baumgartner, F. J. Louis XII. New York: St. Martin's Press, 1994.
- Bausi F. Machiavelli. Roma: Salerno, 2005.
- Bayley C.C. War and society in Renaissance Florence: The *De militia* of Leonardo Bruni. Toronto: University of Toronto press, 1961.
- Bec Ch. Les Florentins et la France ou la rupture d'un mythe // *Pensiero politico*, 1981, Vol. XIV. P. 375-394.
- Beck H. Machiavellismus in der englischen Renaissance. Duisburg: Druck von Dietrich-Herman, 1935.

- Benio-Brocchieri V. L'individuo il diritto e lo stato nella filosofia politica di G.Lipsio. Saggio di storia della dottrine politiche. Bologna, 1931.
- Benner E. Machiavelli's ethics. Princeton: Princeton university press, 2009.
- Berki R.N. Maciavellism: A philosophical defense // *Ethics*. 1971. V. 81. P. 107-127.
- Berlin I. The originality of Machiavelli // *Against the current: Essays in the history of ideas*. Oxford: Clarendon press, 1979. P. 25-79.
- Bertelli S. Noterelle Machiavelliane II. Ancora su Lucrezio e Machiavelli // *Rivista storica italiana*. 1964. T. 76. P. 774-792.
- Bertelli S. Machiavelli nella politica estera fiorentina // *Cultura e scuola*, 1970, NN 33-34. P. 114-119.
- Bertelli S. Machiavelli e la politica estera fiorentina // *Studies in Machiavelli*. Florence: Sansoni, 1972. P. 29-72.
- Bertelli S. La politica estera fiorentina e quella veneziana nella crisi rinascimentale // *Florence and Venice: Comparisons and relations*, Vol. I. Florence: La nuova Italia editrice, 1979. P. 119-147.
- Bertelli S., Innocenti P. (eds). *Bibliografia Machiavelliana*. Verona: Edizioni Valdonega: 1979.
- Bluhm W.T. Machiavellian *Virtù* and the emergence of freedom values: Machiavelli, the 'Chicago school', and theories of group process // *Theories of the political system: Classics of political thought and modern political analysis*. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, Inc., 1965. P. 199-247.
- Bonadeo A. Corruption, conflict and power in the works and times of Niccolò Machiavelli. Berkeley: University of California press, 1973.
- Bonadeo A. The role of the *grandi* in the political world of Machiavelli // *Studies in the Renaissance*. 1969. Vol. 16. P. 9-30.
- Bondanella P. E. Castruccio Castracani: Machiavelli's archetypal prince // *Italice*. 1972. Vol. 49. P. 302-314.
- Bookman J.T. Machiavelli scholarship: An essay and a list of work in English // *Philosophy research archives, Supplement*. 1983. Vol. 9. P. 1-25.
- Brion M. *Génie et destine: Machiavel*. Paris: Albin Michel, 1947.
- Bronowski J. and Mazlish B. *The Western intellectual tradition: From Leonardo to Hegel*. New York: Harper and Brothers, 1960.
- Brawn A. Savonarola, Machiavelli and Mouses: A changing model // *Florence and Italy: Renaissance study in honour of Nicolay Rubinstein* (eds. By Peter Denley and Caroline Elam). London: Westfield college, University of London, Committee for Medieval studies, 1988. P. 57-72.
- Burke K. A rhetoric of motives. Berkeley: University of California press, 1969.
- Butterfield H. *The statecraft of Machiavelli*. London: G. Bell and Sons, 1940.
- Cabrini A.M. Interpretazione e stile in Machiavelli. Rome: Bulzoni, 1990.
- Cadoni G. Intorno a due capitoli del Principe // *Cultura*. 1971. T. 9. P. 342-375.
- Cadoni G. Note Machiavelliane // *Storia e politica* // 1976. T. 20. P. 354-162.
- Cambell W. Machiavelli: An anti-study. Kingston: University of Rhode Island, 1968.
- Campbell W.R. Machiavelli's anthropology of obligation: The politics of morality // *Polity*. 1972. Vol. 4. P. 449-478.
- Calvetti C.G. Spinoza lettore di Machiavelli. Milan: Vita e pensiero, 1972.

- Canfora D. *Prima di Machiavelli. Politica e cultura in età umanistica*. Bari: Laterza: 2005.
- Cantimori D. Machiavelli e la religione // Belfagor. 1966, T. 21. P. 629-638.
- Carozza D. Il capitolo ventiseiesimo del *Principe*: sintesi dell'opera // Forum italicum. 1967. Vol. 1. P. 189-196.
- Caretti L. Lo scrittore // Terzo programma. 1970. N 10. P. 49-57.
- Caristia C. Il pensiero politico di Niccolò Machiavelli. Naples: Editore Jovene, 1951.
- Cassirer E. *The myth of the state*. New Haven: Yale university press, 1946.
- Catalano F. La crisi italiana alla fine del secolo XV // Belfagor, 1956, N 11. P. 393-414, 505-527.
- Chabod F. Gli studi di storia del Rinascimento // Cinquant'anni di vita intellettuale italiana: 1896-1946. Scritti in onore di Benedetto Croce. Vol. 1. Naples: Edizioni scientifiche italiane, 1950. P.127-207.
- Chabod F. Machiavelli and the Renaissance. London: Bowes and Bowes, 1958..
- Chiapelli F. Machiavelli e la "lingua fiorentina". Bologna: Massimiliano Boni, 1974.
- Chiapelli F. Gli scritti di Machiavelli segretario // Cultura y scuola. 1970. NN 33-34. P. 242-249.
- Chiapelli F. Ipotesi di ricerca sullo stile del Machiavelli // Cultura y scuola. 1970. NN 33-34. P. 250-254.
- Chiapelli F. Machiavelli as Secretary // Italian quarterly. 1970. N 53. PP. 27-44.
- Chiapelli F. Nuovi studi sul linguaggio del Machiavelli. Florence: Le Monnier, 1969.
- Chiapelli F. Studi sul linguaggio di Machiavelli. Florence: Le Monnier, 1952.
- Church W.F. Richelieu and Reason of state. Princeton: Princeton university press, 1972.
- Cioffari V. The function of fortune in Dante, Boccaccio and Machiavelli // Italica. 1947. Vol. 24. P. 1-13.
- Clifford E. The end of the Renaissance in Florence // Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance, 1965, T. 27. P. 7-29.
- Clough C.H. Yet again Machiavelli's *Prince* // Annali istituto universitario orientali, Napoli. Sezione romana. 1963, T. 5. P. 201-226.
- Colish M.L. Cicero *De officiis* and Machiavelli's *Prince* // Sixteenth century journal. 1978. vol. 9. P. 81-93.
- Colish M.L. The Idea of liberty in Machiavelli // Journal of the history of ideas. 1971. Vol. 32. p. 323-350.
- Conde F. El Saber político en Maquiavelo. Madrid: Gráficas González, 1948.
- Cooper R.P. Machiavelli, Pier Soderini and *il principe* // Altro polo. 1982. P. 119-144.
- Croce B. Machiavelli and Vico — politics and ethics // Politics and morals. London: George Allen and Unwin, Ltd., 1946. P. 250-256.
- Crossman R. The absolute monarch: Machiavelli // The government and the governed: A history of political ideas and political practice. London: Chatto and Windus Ltd., 1964. P. 20-27.
- D'Amico J. Three forms of character: *virtù*, *ordini* and *materia* in Machiavelli's *Discorsi* // Italian quarterly. 1981. Vol. 85. P. 5-13.

- De Caprariis V. Francesco Guicciardini. Della politica alla storia. Bari: Laterza, 1950.
- De Grazia S. Crossing to another world: Machiavelli and others // Journal of the history of ideas. 1984. Vol. 45. P. 145-151.
- De Grazia S. Machiavelli in Hell. Princeton: Princeton University press, 1989.
- De Rovasenda E. Attualità e decline di Machiavelli // Idea. 1969. T. 24. P. 65-67.
- De Vries H. Essai sur la terminologie constitutionnelle chez Machiavelli (*Il principe*). Amsterdam: Uitgeverij excelsior, 1957.
- Di Maria S. La struttura dialogica nel *Principe* di Machiavelli // Modern language notes. 1984. Vol. 99. P. 66-79.
- Dionosotti C. Machiavelli, Cesare Borgia e don Michelotto // Rivista storica italiana. 1967. Vol. 79. P. 960-975.
- Di Napoli G. "Niccolò Machiavelli e l'Aristotelismo del Rinascimento" // Giornale di metafisica. 1970. Vol. 25. P. 215-264.
- Di Porto B. Il problema religioso in Machiavelli // La religione in Machiavelli, Guicciardini, e Fascoli. Rome: Idea, 1968.
- Dotti U. Machiavelli rivoluzionario. Vita e opera. Roma: Carocci, 2003.
- Dowdall H.C. The word "State" // Law Quarterly Review. 1923, Vol. XXIX, January. P. 98-125.
- Downs R. The realities of politics: Niccolò Machiavelli's *Il principe* (*The prince*) 1532 // Molders of the modern mind: One hundred and eleven books that shaped Western civilization. New York: Barnes and Noble, 1961. P. 20-24.
- Dupré-Theseider E. Niccolò Machiavelli diplomatico. Como: Marzorati, 1945.
- Ebenstein W. Machiavelli // Great political thinkers: Plato to the present. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1963. P. 278-297.
- Ebenstein W. Modern political thoughts: The great issues. New York: Holton, Rinehart and Winston, 1960.
- Ellinger G. Die antiken Quellen der Staatslehre Machiavelli's. Tübingen, 1888.
- Fanon F. The wretched of the Earth. New York: Grove press, 1963.
- Feinberg B. Creativity and the political community: The role of the law-giver in the thought of Plato, Machiavelli and Rousseau // Western political quarterly. 1970. Vol. XXIII. P. 471-484.
- Fido F. Machiavelli. Palermo: Palumbo, 1965.
- Fiugliucci F. De la politica ovvero scienza civile secondo la dottrina d'Aristotile. Venice, 1583.
- Flanagan Th. The concept of *fortuna* in Machiavelli // The political calculus: Essays on Machiavelli's philosophy. Toronto: University of Toronto press, 1972. P. 127-156.
- Flanagan Th. Machiavelli and history: A note on the Proemia to *Discourses* II. // Renaissance and Reformation. 1971. Vol. VIII. P. 79-81.
- Fleisher M. The ways of Machiavelli and the ways of politics // History of political thought. — Exeter, 1995 Vol. 16, iss. 3. — P. 330-355.
- Foisneau, L. Hobbes et la theorie machiavelienne de la vertu // Archives de philosophie. P., 1997. — T. 60, cah. 3. — P. 371-391.
- Frediani A. I grandi condottieri che hanno cambiato la storia. Roma: Newton Compton, 2005.
- Freyer H. Machiavelli. Leipzig: Bibliographisches Institut, 1938.

- Friedrich C.J. *Constitutional reason of State*. Providence: Brown university press, 1957.
- Fubinu R. Note Machiavelliane y paramachiavelliane a proposito della relazione di N. Rubinstein // *Studies on Machiavelli*. Ed. By Myron P. Gilmor. Florence: Sansoni, 1972. P.373-394.
- Gaeta F. Appuntum sulla fortuna del pensiero politico di Machiavelli in Italia // *Il pensiero politico di Machiavelli e le sua fortuna nel mondo*. Ed. Gennaro Sasso. Turin: Edizioni radiotelevisione italiana, 1972. P.21-36.
- Gerber A. Niccolo Machiavelli: die handschriften, ausgaben und über setzungen seiner Werke im 16. und 17. Jahrhundert, mit 147 faksimiles und zahlreichen Auszügen. Eine kritisch-bibliographische Untersuchung, 3 Bd. Gatha, 1912-1913.
- Germino D. Second thoughts on Leo Strauss's Machiavelli // *Journal of politics*. 1966. Vol. 28. P. 794-817.
- Gilbert A.H., Machiavelli's "Prince" and its forerunners: "The Prince" as a typical book "de Regimine Principum". New York: Barnes & Noble, 1938.
- Gilbert F. The concept of nationalism in Machiavelli's *Prince* // *Studies in the Renaissance*. 1954. Vol. 1. P.38-48.
- Gilbert F. Machiavelli and Guicciardini: Politics and history in Sixteenth-Sentury Florence. Princeton: Princeton university press, 1965.
- Gilbert F. Machiavelli e il suo tempo. Bologna: Il Mulino, 1977.
- Gilbert F. Machiavelli e Venezia // *Lettere italiane*. 1969. T. 20. P. 389-398.
- Gilbert F. On Machiavelli's idea of *virtu*// *Renaissance news*. 1951. Vol. IV, Winter. P. 53-55.
- Gilbert F. The composition and structure of Machiavelli's *Discorsi* // *Journal of the history of ideas*. 1953. Vol. XIV. P. 136-156.
- Gilbert F. Untitled review // *American historical review*. 1975. Vol. 80. P. 1319-1320.
- Girardi E. N. Unità, genesi, e struttura del *Principe* // *Lettere italiane*. 1970. T. 22. P. 3-30.
- Gooch G.P. *Politics and morals* // *Studies in diplomacy and statecraft*. London: Longmans, Green and Company, 1942. P. 311-340.
- Goyard-Fabre S. Descartes et Machiavel // *Review de métaphysique et de morale*. 1973. T. 78. P. 312-334.
- Grant R.G. Battaglie. I conflitti, i grandi condottieri, le armi, i campi de battaglia in cinque millenni di storia. Milano: Mondadori Electa, 2006.
- Greene Th. M. The end of discourse in Machiavelli's *Prince* // *Yale French studies*. 1984. Vol. 67. P. 57-71.
- Guillemain B. "Machiavelli, lectour Aristote" // *Platon et Aristote a la Renaissance: XVI colloque international de Tours*. Paris: Vrin, 1976. PP 163-173.
- Guillemain B. Machiavel: Lanthropologie politique. Genève: Librairie Droz, 1977.
- Hale J.R. Machiavelli and Renaissance Italy. London: English universities press, 1961.
- Hannaford I. Machiavelli's concept of *virtù* in *The Prince* and the *Discourse* reconsidered // *Political studies*. 1972. Vol. 20. P. 185-189.

- Hexter J.H. The loom of language and the fabric of imperative: The case of *Il Principe* and Utopia // American historical review. 1964. Vol. 69. P. 945-968.
- Hexter J.H. Seyssel, Machiavelli, and Polibius VI: The mystery of the missing translation // Studies in the Renaissance. 1956. Vol. III. P. 75-96.
- Hexler J.H. *Il Principe* and *lo stato* // Studies in the Renaissance. 1957. Vol. 4. P.113-138.
- Holler M. Niccolò Machiavelli on power // Machiavelli: History, power and virtue (ed. By L. Donskis). Amsterdam — New York, Editions Rodopi B.V., 2011. P. 27-48.
- Hörnqvist M. Machiavelli and empire. Cambridge: Cambridge university press, 2004.
- Hulling M. Citizen Machiavelli. Princeton, N.J.: Princeton university press, 1983..
- Inglese G. Per Machiavelli: L'arte dello stato, la cognizione delle storie. Rome: Carocci, 2006.
- Ilardi V. *Italianità* among some Italian intellectuals in the early Sixteenth century // Traditio. 1956. T. XII. P. 339-368.
- Janoska-Bendl J. Niccolò Machiavelli: Politik ohne Ideologie // Archiv für Kulturgeschichte. 1958. T. 40. S. 315-345.
- Johnston W. Machiavelli on the teacher as diplomat // Journal of general education. 1967. Vol. 18. P. 251-256.
- Kahn V. *Virtù* and the example of Agathocles in Machiavelli's *Prince* // Representation. 1986. Vol. 13. P. 63-83.
- Kateb G. The discussion of the ends in political theory // Political theory: Its nature and uses. New York: St. Martin's press, 1968. P. 9-48.
- König R. Niccolò Machiavelli. Zur Krisenanalyse einer Zeitwende. Erlenbach-Zurich: Eugen Renrsch, 1941.
- Landi E. Machiavelli // Western political philosophers: A background book. London: Bodley head, 1964. P. 37-44.
- Levi A. W. "De interpretatione: Cognition and context in the history of ideas" // Critical inquiry. 1976, Vol. 3. P. 153-178.
- Lukes T. To bamboozle with Goodness: The political advantages of Christianity in the thought of Machiavelli // Renaissance and Reformation. 1984. Vol. VIII. P. 266-277.
- Machaulay T.B. "Machiavelli" // Edinburgh review, 1827, vol. XLV, N 90. P. 259-295.
- Machiavelli B. Libro di ricordi. Ed. Cesare Olschiki. Florence: Le Monnier, 1954.
- Machiavelli N., Inglese G. De principatibus. Roma: Istituto storico italiano per il medioevo, 1994.
- Machiavelli N. Lettere. Milan: Feltrinelli, 1961.
- Maffei D. Il giovane Machiavelli banchiere con Berto Berti a Roma. Florence: Giunti-Barbera, 1973.
- Magedanz S. The Prince. N.Y.: Wiley publishing, 2001.
- Malagoli L. La duplicità del Rinascimento nel Machiavelli e nell'Ariosto // Le contraddizioni del Rinascimento. Florence: La nuova Italia, 1969. P. 25-37.
- Mansfield H.C. On the impersonality of the modern State: a comment on Machiavelli's use of *stato* // The American political science review. 1983, Vol. 77. P. 849-857.

- Mansfield H.C. Machiavelli's political science // The American political science review. 1981. Vol. 75. P.
- Mansfield H.C. Machiavelli's virtue. Chicago: The university of Chicago press, 1998.
- Marchand J.-J. Machiavelli e il determinismo storico (dai primi scritti al *Principe*) // Machiavelli attuale/ Machiavel actuel. Ravenna: Longo, 1982. P. 57-64.
- Marcu V. Accent on power: The life and times of Machiavelli. New York: Farrar and Rinehart, 1939.
- Martelli M. L'alto Niccolò Machiavelli // Rinaschimento. 1974. T. 14. P. 39-100.
- Matteucci N. Ancora sul naturalismo del Machiavelli // Revista critica della storia della filosofia. 1962, T. 17. P. 75-84.
- Mattingly G. Machiavelli's Prince: political science or political satire? // American scholar, 1958. Vol. 27. N 4. Autumn. P.482-491.
- McCanless M. The discourse of "Il Principe". Malibu, Calif.: Undena publications, 1983.
- McCanless M. Machiavelli and the paradoxes of deterrence // Diacritics. 1984. Vol. 14. P.12-19.
- McCanless M. Machiavelli's *Principe* and the textualization of history // Modern language notes. 1984. Vol. 97. P. 1-18.
- McCoy Ch. Machiavelli and the new politics: The primary of act // The structure of the political thought. New York: McGraw-Hill, 1963. P. 157-185.
- McIntosh D. The modernity of Machiavelli // Political theory. 1984. Vol. 12. P. 184-203.
- Mehmel F. Machiavelli und die Antike // Antike und Abendland. 1948. N 3. S. 152-186.
- Meinecke F. Machiavellism: The doctrine of Raison d'État and its place in modern history. London: Routledge and Kegan Paul, 1957.
- Minogue K.R. Theatricality and politics: Machiavelli's concept of Fantasia // The morality of politics. Eds. Bhikhu Parek and R.N.Berki. Londen: George Allen and Unwin, Ltd., 1972. P. 148-162.
- Montanari F. Fantasia e calcolo nel linguaggio del Machievelli // Convivium. 1960. Vol. 28. P. 289-297.
- Montevocchi A. Machiavelli. La vita, il pensiero, i testi esemplari. Milan: Edizione accademia, 1972.
- Moravia A. Machiavelli // Man as an end: a defense of Humanism. New York: Farrar, Strauss, and Giroux, 1966. P. 61-73.
- Morley J. Machiavelli // Dunn J. and Harris I (eds.). Machiavelli. Vol. 1. Cheltenham; Lyme: Edward Elgar Publishing, Inc., 1999. P.58-121.
- Moska G., "Il principe di Machiavelli" // Saggi di storia della scienza politica. Roma, 1927.
- Muralt L. Machiavellis Staatsgedanke. Basel: Benno Schwabe, 1945.
- Murray A.R.M. Machiavelli on the science of government // An introduction to political philosophy. New York: Philosophical library, 1966. P. 80-90.
- Nederman, C.J. Machiavelli and moral character : principality, republic and the psychology of "virtu" // History of political thought. — Exeter, 2000. — Vol. 21, iss. 3. — P. 349-364.
- Nepote C. Vite dei massimi condottieri. Milano: Biblioteca Univ. Rizzoli, 1986.

- Norsa A. Il principio della forza nel pensiero politico di Niccolò Machiavelli seguito da un contributo bibliografico. Milan: Ulrico Hoepli, 1936.
- Olschki L. Machiavelli, the scientist. Berkeley, California: The Gillick press, 1945.
- Oman Ch. A history of war in the Sixteenth century. L.: Methuen, 1937.
- Orsini N. Bacone e Machiavelli. Genoa: Emiliano degli Orfini, 1936.
- Orwin C. Machiavelli's unchristian charity // American political science review. 1978. Vol. 72. P. 1217-1228.
- Parkin J. An assessment of Bodin's influence on François Grimaudet's *Opules politiques* // Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance. 1976, Vol. 38. P. 27-53.
- Peltier M. Defense de Machiavell // Écrits de Paris. 1978, V. 380. P. 55-60.
- Perez T. *Reputazione* in Machiavelli's thought // Machiavelli: figure-reputation. Amsterdam-Atlanta: Rodopi B.V. 1996. P. 165-177.
- Pineda B.M. Maquiavelo redivivo // Estudios de derecho. 1970. V. 29. T. 493-506.
- Pitkin H. Fortune is a woman. Berkeley: Berkeley university press, 1983.
- Plamenatz J. In search of Machiavellian virtù // The political calculus: Essays on Machiavelli's philosophy. Toronto: University of Toronto press, 1972. P. 157-178.
- Pocock J.G.A. Custom and grace, form and matter: An approach to Machiavelli's concept of innovation // Machiavelli and the nature of political thought. Ed. Fleisher M. New York: Atheneum, 1972. P. 153-174.
- Pocock G.A. The Machiavellian moment. Princeton, N.J.: Princeton university press, 1975.
- Pocock J.G.A. Machiavelli in the liberal cosmos // Political theory. 1985. Vol. 13. N 4. P. 559-574.
- Poggeler O. Hegel et Machiavel, Renaissance et idéalisme Allemand // Archives de philosophie, 1978, Vol. 41. P. 435-467.
- Polin R. Platon et Aristote dans la pensée politique et juridique au XVIe siècle: les regimes politiques et l'imitation des anciens chez Machiavel // Platon et Aristote à la Renaissance. XVIe colloque international de Tours. Paris: Vrin, 1976. P. 155-162.
- Preus J.S. Machiavelli's functional analysis of religion: Context and object // Journal of the history of ideas. 1979. Vol. IL. P. 171-190.
- Prezzolini G. Sant'Agostino e Machiavelli vanno d'accordo // Cristo e Machiavelli. Milan: Riconi, 1971. P. 93-113.
- Price R. The senses of virtù in Machiavelli // European studies review. 1973. Vol. 3. P. 315-345.
- Prezzolini G. Vita di Niccolò Machiavelli fiorentino. Milan: Vondadori, 1960.
- Procacci G. La crisi politica italiana in Machiavelli // Problemi dell'Umanesimo. Rome: Edizioni dell'Ateneo, 1972. P. 157-161.
- Puppo M. Appunti sulla sintassi del Machiavelli // Studi in onore di Alfredo Schiaffini. Vol. II. Rome: Edizione dell'Ateneo, 1965. P. 908-914.
- Rauch L. Machiavelli: The state as a work of art // The political animal: Studies in political philosophy from Machiavelli to Marx. Amherst: University of Massachusetts press, 1981. P. 1-15.
- Renaudet A. Machiavel. Paris: Gallimard, 1942.

- Rendina, C. *Le grandi famiglie di Roma*. Rome: Newton Compton, 2004.
- Renucci P. *Les Mèandres de la nècessità et de la fortune // Machiavelli attuale/ Machiavel actuel..*
- Ravenna: Longo, 1982. P. 89-98.
- Richardson B. *The Prince and its early Italian readers // Niccolò Machiavelli's The Prince. New interdisciplinary essays*. Manchester: Manchester University press, 1995. P. 18-39.
- Ricoeur P. *History and the truth*. Evanston: Northwestern university press, 1965.
- Ridolfi R. *Vita di Niccolò Machiavelli*, 2 vols. Florence: Sansony, 1969.
- Ridolfi R. *Vita di Francesco Guicciardini*. Rome: Belardetti, 1960.
- Riley W. *The Renaissance: Niccolò Machiavelli // Men and morals: the story of ethics*. New York: Frederick Ungar publishing Co., 1960. P. 195-206.
- Rubinstein N. *The beginning of Niccolò Machiavelli's career in the Florentine Chancery // Italian studies*. 1956. Vol. 11. P. 72-91.
- Rubinstein N. *Machiavelli and the world of Florentine politics. // Gilmore P. (ed.). Studies on Machiavelli*. Firenze: Sansony, 1972. P. 3-28.
- Rubinstein N. *Notes on the word Stato in Florence before Machiavelli // Rowe J.G., Stockdale W.H. eds. Florilegium historiale: Essays presented to Wallace R. Ferguson*. Toronto: University of Toronto press, 1971. P. 313-326.
- Ruffo Fiore S. "Upon eagle's wings": The sacral nature of Machiavelli's new prince // *Rivista di studi italiani*. 1985. T. 3. P. 1-10.
- Ruffo Fiore S. *Niccolo Machiavelli. An annotated bibliography of modern criticism and scholarship*. Westport (Conn.): Greenwood press, 1990.
- Russel P. *The theme of Gloria in Machiavelli // Renaissance quarterly*. 1977. Vol. 30. P. 588-631.
- Russo L. *L'arte del Machiavelli // Problemi dell' Umanesimo*. Rome: Edizione dell'Ateneo, 1972. P. 162-167.
- Sanquinetti F. *Gramsci e Machiavelli*. Rome: Laterza, 1982.
- Santi V.A. *La 'gloria' nel pensiero di Machiavelli*. Ravenna: Longo editore, 1979.
- Santi V. *Parole di Machiavelli: "Gloria" // Lingua nostra*. 1973. T. 34. P. 108-110.
- Santoro M. *Machiavelli e il tema della "fortuna" // Fortuna, ragione e prudenza nella civiltà letteraria del Cinquecento*. Naples: Liquori, 1967. P. 179-231.
- Sasso G. *Coerenza o incoerenza del XII capitolo del Principe? // Cultura*. 1972. Vol. 10. P. 1-35.
- Sasso G. *Intorno alla composizione dei Discorsi di Niccolò Machiavelli // Giornale storico della letteratura italiana*. 1957. N 134. P. 482-534.
- Sasso G. *Niccolò Machiavelli. Storia del suo pensiero politico*. Naples: Istituto italiano per gli stidi storici, 1958.
- Sasso G. *Problemi di critica Machievelliana // Cultura*. 1963. Vol. 2. P. 336-403.
- Sasso G. *Machiavelli e Cesare Borgia: storia de un giudizio*. Rome: Ateneo, 1966.
- Sasso G. *La scienza politica: Machiavelli e Guicciardini // Giornale critico della filosofia italiana*. 1961. T. 15. P. 51-86.
- Scaglione A. *Machiavelli the scientist? // Symposium*. 1956. Vol. X. P. 243-250.
- Schevill F. *Niccolò Machiavelli: political philosopher // Six historians*. Chicago: University of Chicago press, 1956. P. 61-91.

- Schieder T. Friederick der Grosse und Machiavelli/Das Dilemma von Machtpolitik und Aufklaerung // Historische Zeitschrift. 1982. N 234. S. 265-269.
- Schmolz F-M. Machiavelli. Die Trennung von Ethik und Politik // Zeitschrift für Politik. 1963, T. 10. S. 131-144.
- Secchi-Tarugi G. La 'realtà effettuale' in Niccolò Machiavelli // Machiavelli attuale/ Machiavel actuel. Ravenna: Longo, 1982. P. 65-73.
- Sibley M. Morality and politics: Machiavelli and the Renaissance // Political ideas and ideologies: A history of political thought. New York: Harper and Row, 1970. PP. 294-311.
- Simonetta M. Rinascimento segreto. Il mondo del Segretario da Petrarca a Machiavelli. Milano: Franco Angeli, 2004.
- Skinner Q. The State // Ball T., Farr J., Hanson R. (eds). Political innovation and conceptual change. Cambridge: Cambridge university press, 1989. P. 90-131.
- Skolimowski H. Power: Myth and reality // Alternatives. 1983. Vol.9. P. 25-49.
- Sonnino P. Introduction // Frederick the Great. Frederick of Prussia. The refutation of Machiavelli's Prince or Anti-Machiavelli. Athens, Ohio: Ohio university press, 1981. PP. 1-24.
- Sorrentino A. Storia dell'antimachiavellismo europeo. Naples: Lofferedo, 1936.
- Spirito U. Machiavelli e Guicciardini. Rome: Edizioni Leonardo, 1945.
- Stegmann A. Commynes et Machiavel // Studies on Machiavelli. Ed. By Myron P. Gilmor. Florence: Sansoni, 1972. P. 265-284.
- Stephens J.N., Butter H.C. New light on Machiavelli // English historical review. 1982. Vol. 382. January. P. 54-69.
- Stern T.N. Machiavelli's lie: Amoral realism or moral Satire? // International review of history and political science. 1972. Vol. 9. P. 1-20.
- Sticco M. Lettura del Machiavelli. Milan: Vita y pensiero, 1942.
- Strauss L. "Machiavelli's intention: *The Prince*" // American political science review. 1957. Vol. LI. N 1. P. 13-40.
- Strauss L. Thoughts on Machiavelli. Glencoe, Illinois: The Free press, 1958.
- Sullivan R. Machiavelli's balance of power theory // Social science quarterly, 1973, Vol. 54, P. 258-270.
- Tarlton Ch. The symbolism of redemption and the exorcism of fortune in Machiavelli's Prince // Review of politics. 1968. Vol. 30. P. 340-354.
- Tarlton Ch. Fortune's circle: A biographical interpretation of Niccolò Machiavelli. Chicago: Quadrangle books, 1970.
- Taylor, F. L. The Art of War in Italy, 1494—1529. Westport, Conn.: Greenwood Press, 1973.
- Tenenti M. La religione di Machiavelli // Studi storici, 1969, T. X. P. 709-748.
- Tetel M. Montaigne and Machiavelli: Ethics, politics, and humanism // Rivista di letteratura moderne e comparate // 1976. T. 29. P. 165-181.
- Toffanin G. Machiavelli e il Tacitismo. Naples: Guida Editori, 1972.
- Tommasini O. La vita e gli scritti di Niccolò Machiavelli. Vol. 1-2. Rome, 1883-1911.
- Toscano A. Marcilio da Padova e Niccolò Machiavelli. Ravenna: Longo Editore, 1981.
- Tredici G. Niccolò Machiavelli, maestro di politica ai giovani d'Italia // Saggi filosofici ed altri scritti. Brescia: Morcelliana, 1958. PP. 159-170.

- Trevor-Roper H. Niccolò Machiavelli // Men and events: Historical essay. New York: Harper and Brothers, 1957. P. 61-66.
- Unger M.J. Machiavelli: A biography. New York: Simon & Schuster, 2011.
- Vasoli C. Niccolò Machiavelli, uno e due // Nuova rivista storica. 1976. T. 60. P. 384-400.
- Villari P. The life and times of Niccolò Machiavelli. London, 1891.
- Verri P. Storia di Milano. Firenze, 1851.
- Viroli M. Machiavelli. New York: Oxford university press, 1998.
- Viroli M. Machiavelli's God. Princeton: Princeton university press, 2010.
- Viroli M. Niccolo's smile: A biography of Machiavelli. London: Tauris & Co Ltd, 2001.
- Vitale E. Platone, Aristotele, Machiavelli. Torino: Giappichelli, 1989.
- Voegelin E. Machiavelli's Prince: Background and formation // Review of politics. 1951. Vol. XIII, N 2 (April). P. 142- 168.
- Wagner H.L. Machiavelli: Renaissance political analyst and author. London: Chelsea house publishers, 2006.
- Wedgewood C.V. Niccolò Machiavelli // Truth and opinion: Historical essays. New York: MacMillan Co., 1960. P. 55-61.
- Weickert M. Die literarische Form von Machiavellis Principe. Eine morphologische Untersuchung. Würzburg: Konrad Triltsch, 1937.
- Weise G. Machiavelli und Philippe de Commynes // / Universitas. Zeitschrift für Wissenschaft, Kunst und Literatur. 1946. N 1. S. S. 36-60.
- Werner E. Machiavel et Platon // Revue de métaphysique et de morale. 1973. Vol. 78. P. 295-311.
- Whitfield J. H. The anatomy of virtue // Modern language review. 1943. Vol. XXXVIII. P. 222-225.
- Whitfield J.H. Discourses on Machiavelli. VII. Gilbert, Hexter and Baron // Italian studies. 1958. Vol. 13. P. 21-46.
- Whitfield J.H. Machiavelli. Oxford: Basil Blackwell, Ltd, 1947.
- Whitfield J.H. Machiavelli and Castruccio // Italian Studies. 1953. Vol. 8. P. 1-28.
- Whitfield J.H. Machiavelli, Guicciardini, Montaigne // Italian studies. 1972. Vol. 28. P. 31-47.
- Whitfield J.H. On Machiavelli's use of *ordini* // Italian studies. 1955. Vol. X. P. 19-39.
- Wolin Sh. Machiavelli: Politics and the economy of violence // Politics and vision: Continuity and innovation in Western political thought. Boston: Little, Brown and Company, 1960. PP. 195-238.
- Wolin Sh.S. Politics and vision: Continuity and innovation in Western political thought. Princeton: Princeton university press, 2004.
- Wood N. Machiavelli's concept of virtù reconsidered // Political studies. 1967. Vol. 15. P. 159-172.
- Zeppi S. Studi sul Machiavelli pensatore. Milan: Cesviet, 1978.

Аннотированный именной указатель

При составлении данного указателя частично использован принцип: чем известнее то или иное историческое лицо, тем меньше о нем надо писать. За исключением тех моментов, которые прямо связаны с текстом «Государя».

Агафокл (360-289 до Р.Х..) — сиракузский тиран (в данном случае — авторитарный вождь), с 317-316 гг., впоследствии — правитель почти всех греческих городов Сицилии. Его отца звали Каркинос, он был горшечником. Информация Макиавелли об Агафокле могла быть позаимствована у римского историка Юстина. Вообще комментарии по поводу поведения Агафокла стали одним из любимых примеров флорентинца, когда требовалось проиллюстрировать искусство заговора или решимость правителя. Не случайно он несколько раз упоминается в «Рассуждениях». Кстати говоря, правление Агафокла было для того времени довольно мягким. Интересно также и то, что он впоследствии отказался передать власть по наследству и перед смертью вернул Сиракузам демократическое правление. Вполне характерное для данного человека поведение.

Адриани, Марчелло Виргилио (1464-1521) — флорентийский гуманист и политик. Профессор Флорентийского университета (1494-1503 гг.). С 1498 г. — канцлер Синьории. В его подчинении находился Макиавелли. Помимо публичных выступлений и лекций был автором нескольких книг.

Александр VI Борджиа (Родриго Борджиа, 1431-1503) — папа римский, отец **Чезаре Борджиа**. Прославился скандалами и активной внешней политикой

Альбицци, Ринальдо (1370-1442) — флорентийский государственный деятель, возглавлявший олигархическую партию и противостоявший **Козимо Медичи Старшему**. В борьбе за власть добился ареста последнего, который затем был отправлен в изгнание. Военные неудачи в противоборстве с Миланом и огромный бюджетный дефицит привели к победе сторонников Медичи на очередных выборах в Синьорию. Козимо вернулся во Флоренцию и стал ее неофициальным политическим лидером, а Альбицци был изгнан. Через несколько лет во главе миланских наемников вторгся на территорию республики, но был разбит и отправился в паломничество в Святую землю, где и умер.

Д'Амбуаз, Жорж (1460-1510) — кардинал Руанский, государственный деятель Франции, фактический глава правительства при Людовике XII.

Происхождение и ум помогли ему сделать фантастически быструю церковную карьеру, затем в 38 лет стал министром короля. Несколько раз общался с Макиавелли во время пребывания того при королевском дворе. Именно д'Амбуазу были переданы «все дела» и право принимать решения в государственной жизни, что распространялось, разумеется, и на дипломатические переговоры. Республика в ту пору заняла, как это часто бывало, выжидательную позицию, и на голову секретаря со стороны французов вылились гнев и насмешки, даже слегка замаскированные угрозы со стороны кардинала. После смерти Александра VI француз претендовал на папскую тиару, но тщетно.

Антиох III Великий (242-187 до Р.Х., на престоле с 222 до н.э.) — царь государства Селевкидов. Прозвище Великий ему принесли удачные восточные походы в 212-205 до Р.Х., когда были захвачены Парфия и Бактрия, а его войска дошли до Индии, что роднило его с Александром Македонским. В 203 г. вторгся в греческую Малую Азию и Фракию, вызвав войну с Пергамом и Римом. Последний внешне покровительствовал свободе греческих полисов, хотя на деле, что выяснилось впоследствии, добивался их подчинения. В эпизоде, который затронул Макиавелли, Антиох тактически действовал вполне разумно, пытаясь добиться нейтралитета союзников римлян в Греции. Как бы то ни было, война в Греции привела к разгрому Антиоха. Его вытеснили за Тавр и изолировали в Сирии. В результате он был доволен уже когда ему пришлось заплатить за мир 15 тыс. талантов. Одно время у него находил убежище Ганнибал. После поражения от римлян государство Селевкидов стало второстепенной державой.

Аукуто, Джованни — См. Хоквуд, Джон

Бальони — феодальный род, верховенствовал в Перудже. Члены клана отличались чрезмерной вспыльчивостью и жестокостью.

Бальони, Джанпаоло (1470-1520) — кондотьер, правитель Перуджи. Учился с **Чезаре Борджиа** в Пизанском университете. Участвовал в заговоре против него вместе с другими кондотьерами, но благодушно уклонился от встречи, закончившейся убийством своих коллег. Макиавелли жестко осуждал Джанпаоло в Рассуждениях за то, что он не стал захватывать папу **Юлия II**, когда тот был вроде бы в его руках. На самом деле ситуация выглядела совершенно противоположенным образом: кондотьер оказался умен, а не трусоват. Нельзя не отметить, что если бы Бальони сделал то, что подразумевал находящийся тогда при папе посланец Флоренции, он моментально столкнулся бы с противодействием всей Италии, к которой надо добавить Францию и Испанию. Никаких шансов у него в этом случае не было бы. А вот предоставив герцогу Урбинскому возможность (**Гвидобальдо де Монтефельтро**) быть защитником своих интересов при переговорах с понтификом, он серьезно выиграл.

Бентивольи — в то время правители Болоньи, могущественный клан. Описанная Макиавелли история действительно имела место, хотя и была явно приукрашена автором «Государя». Следует, однако, отметить, что когда папа **Юлий II** отправился с военной экспедицией против Болоньи, то горожане фактически предали Джованни II Бентивольи (Бентивольо), который был вынужден спастись бегством в Феррару. Так что Никколо и тут был не совсем прав

Бергамо, Бартоломео — см. Коллеони, Бартоломео

Бернабо Миланский (Бернабо Висконти) (1321-1385) — правитель Милана в 1354-1385 гг. Сейчас, пожалуй, трудно сказать, что в его деятельности вызвало такое восхищение Макиавелли. Но следует признать, что он действительно был незаурядным политическим лидером.

Борджиа Александр VI — см. Александр VI Борджиа

Борджиа Чезаре (1475-1507). О семействе Борджиа написаны многочисленные книги. Чезаре Борджиа (в другой русской транскрипции — Борджа) был внебрачным сыном Родриго Борджиа, кардинала (в 1492 г. ставшего папой **Александром VI**) и знаменитой Ваноццы. Стал епископом в 1492 г. и кардиналом в 1493 г. В 1498 г. с разрешения отца сложил сан, затем успешно провел дипломатические переговоры между папой и Людовиком XII по поводу развода французского короля, за что получил от последнего титул герцога Валентинуа (в Италии его называли герцогом Валентино). Годом позже вступил в брак с сестрой короля Наварры. В 1500 г. — гонфалоньер церкви, в 1501 г. — герцог Романьи. В борьбе за власть и деньги использовал все средства. Циничен до аморальности. О нем говорили, что за свою жизнь он сделал только одно доброе дело: открыл специальную больничную палату, в которой могли пожить и подлечиться старые проститутки, отошедшие от дел по причине слабого здоровья или преклонного возраста. Для Вольтера вообще было показательным, что Макиавелли мог увидеть нечто позитивное в деятельности Чезаре Борджиа¹. А сторонники точки зрения о сатирическом содержании «Государя» видели в выборе модели для правителя дополнительный аргумент в свою пользу².

Браччо да Монтоне (Андреа Фортебраччо, 1368-1424) — один из самых известных итальянских кондотьеров, за что, видимо, и был упомянут Макиавелли в этой книге. В военном деле был чрезвычайно успешен. Действительно соперничал с знаменитым **Сфорца**.

¹ Переписка Фридриха Великого, короля прусского, с Господином Вольтером с 1736 по 1778 год. В 3 ч. Спб., 1816. Ч. 1. С. 103

² Mattingly G. Op. cit. P. 490

Венаффо, Антонио (Антонио Джордано, 1459-1530) — ученый и политический деятель. Советник и личный секретарь правителя Сиены Пандольфо Петруччи, затем — фактический премьер-министр с 1502 по 1515 гг.

Веттори, Франческо (1474-1539) — флорентийский дипломат, политик и писатель. Друг и активный корреспондент Макиавелли. Автор *Sommario della istoria d'Italia* и *Viaggio in Alamagna*

Виллани, Джованни (1274/?- 1348) Флорентийский государственный деятель, банкир и летописец

Висконти, Филиппо Мария (1392-1447) — герцог Милана с 1412 г., последний представитель династии Висконти на этом посту по мужской линии. После его смерти была создана Амброзианская республика. Пала после того, как власть взял свои руки **Франческо Сфорца**, зять Висконти, основавшую часто упоминаемую Макиавелли новую династию герцогов миланских

Вителли — клан потомственных кондотьеров

Вителли, Никколо (1414 — 1486) — основатель клана кондотьеров Вителли

Вителли, Паоло (1461-1499) — кондотьер, последний договор заключен с Флоренцией, чьи власти обвинили его в измене и казнили. Макиавелли был активным сторонником версии, что Вителли являлся предателем. Кажется, что в этом случае он ошибся.

Гамилькар (Барка) (ок. 270-228 г. до Р.Х.) — карфагенский военачальник и государственный деятель, отец легендарного **Ганнибала**. Прозвище Барка шло от слова Молния. Полководец в I Пунической войне с Римом, после поражения подавил восстание наемников, которым власти Карфагена не заплатили обещанное вознаграждение, затем начал вести фактическую самостоятельную политику в Испании, стремясь к ее частичному завоеванию для получения доступа к дополнительным материальным и людским ресурсам. Подготовил возможности для своего сына **Ганнибала** для вторжения в Италию.

Ганнибал (247-186 до Р.Х.) — великий полководец, командующий карфагенской армией во II Пунической войне. Мы знаем о нем очень мало хотя бы потому, что вся дошедшая до нас информация принадлежит его противникам римлянам. Даже не известно, как правильно произносится его имя — в карфагенской письменности не было гласных. Что бы ни писал Макиавелли, Ганнибал пользовался огромной популярностью в своей армии, что признавали даже римские историки. Был жесток только к врагам, что соответ-

ствовало нравам того времени (у нас никто не попрекает Александра Суворова, отдавшего на разграбление (а там было не только разграбление) Измаил на три дня после его взятия).

Гвиччардини Франческо (1483-1540) флорентийский государственный деятель и историк. На прижизненном портрете (в отличие от Никколо, внешность которого не была запечатлена вовремя) виден богатый человек с тяжелым взглядом, хозяин своей судьбы и судеб окружающих (так оно и было). Блестящий аристократ и большой умница Гвиччардини (дом его семьи, кстати говоря, был напротив дома семейства Макиавелли) сделал замечательную политическую карьеру. Он был из знатного рода, уже в 28 лет был направлен послом Флоренции к королю Испании (Макиавелли такая высокая честь не выпадала ни разу, в дипломатии он всегда играл лишь подсобные роли), позже был папским губернатором и адвокатом папской консистории, организатором военной лиги итальянских государств, членом ведущей государственной комиссии Флорентийской республики. И еще он был автором нескольких замечательных трудов. Утверждали, что по своим аналитическим способностям Макиавелли существенно отставал от Гвиччардини¹. Впрочем, для того, чтобы всерьез обсуждать эту тему, потребуется новая книга. Едва ли она нужна.

Гиерон II Сиракузский — правитель Сиракуз (около 275-215 гг. до н.э.). Отличился еще в войнах Пирра, затем был избран наемниками одним из двух командующих сиракузской армии. Уже это говорило о том, что будущий правитель не был обделен высокими качествами лидера. Затем Гиерону удалось захватить власть в Сиракузах, причем с полного согласия подавляющего большинства граждан. Дальше новый правитель проявил весьма глубокое понимание внешней политики, что позволило ему сохранить власть в условиях противостояния между римлянами и карфагенянами. Так что отстоять власть ему стоило на самом деле очень больших трудов, чтобы ни писал автор «Государя».

Казавеккья, Филиппо (1472- дата смерти неизвестна) — государственный деятель Флоренции. Вел оживленную переписку с Макиавелли. Приятельствовал с **Франческо Веттори**, в чьем доме остановился во время поездки в Рим.

Каннески — клан в Болонье, соперничавший с кланом **Бентивольи**

Карманьола (Франческо Буссони да Карманьола, граф Кафельнуово, ок. 1390-1432) — очень известный кондотьер, персонаж нескольких литературных произведений. Служил Миланскому герцогству и Венеции. Прозвище *Карманьола* получил по названию города, где ро-

---

¹ Chabod F. Op. cit. P. 6

дился. Был лишен герцогом Миланским **Филиппо Мария Висконти** военного командования в Милане, бежал в Венецию. Во время ее войны с Миланом получил должность главнокомандующего объединенными венециано-флорентийскими войсками. Добился некоторых успехов. Все остальное время он действительно, как и писал Макиавелли, вел себя весьма пассивно. Это могло объясняться тремя причинами: во-первых, он упал с коня в полных доспехах и с тех пор плохо чувствовал себя физически, во-вторых, не мог забыть о семье, находящейся в заложниках у миланского герцога, в-третьих, находился в переписке с миланским герцогом Филиппо Марией, который пытался перетянуть его на свою сторону (чего кондотьер не скрывал от венецианцев). Плюс к этому, на его самочувствии сказывалось присутствие в армии венецианских инспекторов, контролировавших не только денежные расходы, но и ход военных действий. Как раз инспекторы, с которыми враждовал кондотьер, активно настраивали против него венецианские власти. Справедливости ради также отмечу, что Карманьола пытался подать в отставку, но она не была принята нанимателями. Как бы то ни было, венецианцы имели основания подозревать его в предательстве. Но было ли таковое в действительности — неизвестно. Был обезглавлен в Венеции.

Климент VII Медичи (Джулио Медичи, 1478 -1534) — папа Римский, известен своими многочисленными неудачами. А вот Макиавелли покровительствовал и после его смерти дал официальное разрешение на публикацию его сочинений

Коллеони, Бартоломео (1400- 1475) — кондотьер, родом, как считалось, из Бергамо (хотя на самом деле родился в деревушке близ этого маленького города). Прославился удачными действиями на службе Венеции, так что замечание Макиавелли было, пожалуй, неточным. Возможно, что был первым итальянским полководцем, использовавшим крупномасштабное применение артиллерии. В Венеции доныне стоит его бронзовая статуя.

Колонна — древний итальянский клан, во времена Средневековья оспаривал у **Орсини** политическое владычество в центре Италии.

Конио, Альбериго (подлинное имя — Альберико да Барбиано, ок. 1444-1409) — кондотьер, происхождением из Романьи. Макиавелли не совсем прав, утверждая, что именно с него началось итальянское кондотьерство, поскольку первым все-таки был Джон Хоквуд, учеником которого стал Альберико. Но его роль в дальнейшем становлении института кондотьеров в Италии действительно огромна. Причем упор он делал на вербовку этнических итальянцев. По названию одного из фамильных владений мог быть назван так, как это сделал Макиавелли, хотя правильное название было бы не Конио, а Кунио, Cunio.

Лев Х Медичи (Джованни Медичи, 1475-1521) — папа Римский, сыграл определенную роль в жизни Макиавелли после восстановления власти семейного клана над Флоренцией.

Людовик XII (1462-1515) — король Франции. Вошел на престол после Карла X, умершего бездетным. Существенные решения принимал под влиянием **Жоржа Амбуаза**, кардинала Руанского. Возобновил итальянские войны, ссылаясь на свои наследственные права на Милан и Неаполитанское королевство.

Медичи Козимо Старший (1389-1464) — неофициальный правитель Флоренции. На мой взгляд — умнейший из династии Медичи, давший основу этому клану. Слыл мастером политической интриги, но, судя по воспоминаниям, ему не хватало физического мужества. Впрочем, это не главный недостаток для мужчины с таким умом.

Медичи Лоренцо Великолепный (1449-1492) — фактический правитель Флоренции, покровитель искусств и наук. Сыграл огромную роль в итальянском Возрождении. Внук **Козимо Медичи**. Явно переоценивается, на мой взгляд, последующими поколениями. Его дед был умнее.

Набил (в других русских транскрипциях — **Набис** или **Набид**, правил в 206-192 г. до Р.Х.) — тиран Спарты. Был весьма примечательной личностью. Опирался на народ и наемников, был решительным противником аристократии. Изъятые у представителей последней имущество и средства присваивал или передавал своим сторонникам из низов общества, провел передел земельной собственности в пользу низов. Привлекал к себе новых граждан, в том числе периеков, илотов и освобожденных рабов.

Орсини — римский феодальный род, известный вышедшими из него знаменитыми деятелями, в том числе римскими папами, кардиналами, государственными деятелями, кондотьерами. Враждовал с родом **Колонна**.

Петруччи, Пандольфо (1450-1512), правитель Сиены с 1500 г. Был в оппозиции политике Флоренции в Тоскане. Макиавелли в своих книгах несколько раз ссылаясь на его деятельность

Питильяно, Никколо (1442-1510) — представитель одной из ветвей **Орсини**, граф, кондотьер. Служил Папскому государству, Неаполю, Флоренции, Венеции. Славился личным мужеством на поле боя, что было отмечено даже Коммином. Так что и здесь Макиавелли выбрал не совсем удачный пример для характеристики неудач кондотьеров.

Савонарола, Джироламо (1452-1498) — доминиканский священник, оказавший огромное влияние на жизнь Флоренции. Был прекрасным

по силе воздействия проповедником. После спровоцированного им устранения режима Медичи во Флоренции (1494 г.) восстановил республиканские учреждения, неформальным лидером которых стал сам. Выступал против роскоши и разврата «верхов», запретил азартные игры и ношение женщинами модных дорогих одежд, обличал церковь и даже самого римского папу. Устроил даже публичное сожжение изъятых книг, картин и одежды. В 1497 г. отлучен от церкви папой **Александром VI**, однако продолжал проповедническую деятельность. В 1498 г. схвачен властями Флоренции по настоянию Ватикана и после жестоких пыток повешен. Тело его было сожжено на костре.

Салютати, Колюччио (1331-1406) — один из основоположников итальянского Гуманизма, известный философ, в течении тридцати лет — канцлер Флорентийской республики. Сыграл огромную роль в реформировании итальянского языка, в том числе языка государственных актов.

Сан-Северино, Роберто (Бартоломео Коллеони из Бергамо, 1400-1475) — известный кондотьер. К его чести надо сказать, что постоянно честно отработывал свои контракты, чем отличался от некоторых своих коллег по профессии. Периодически менял нанимателей, как это было принято в те годы. Прославился многими победами. Насколько известно, военных преступлений ему никто не инкриминировал, хотя они и были часты среди кондотьеров. Завещал все свое достояние Венеции, где ему был поставлен бронзовый памятник. Правда, и при этом власти республики его обманули, что являлось частым в отношении людей его профессии.

Сикст IV (Франческо делла Ровере, 1414-1484) — папа римский. Во время первых шагов церковной карьеры принадлежал к ордену францисканцев, учился юриспруденции, был профессором в нескольких университетах, затем генерал ордена. В 1471 г. избран на папский престол. Известен как стяжатель, покровитель симонии, запятнал себя nepотизмом. Участвовал в заговоре против семьи Медичи, закончившегося убийством Джулиано. **Лоренцо Медичи**, позднее прозванного Великолепным, удалось тогда скрыться. Участвовал в войнах с Феррарой, Неаполем и, позднее, с Венецией. В 1478 г. учредил инквизицию. В 1471 г. ввел предварительную цензуру, запретив печатать книги без предварительного одобрения духовных властей. Проповедовал крестовый поход против турок. Известен также возведением в Риме красивейших построек. При нем была построена Сикстинская капелла, позднее получившая его имя. Своей буллой учредил ватиканскую библиотеку. По его поручению была заложена основа ватиканского архива и написана история папства. Был нелюбимым римлянами папой (причем было за что), однако именно при нем было восстановлено господство римских первосвященников, а Рим превратился в крупный центр Возрождения.

Содерини, Пьеро (1450-1522) — государственный деятель, во Флоренции одно время (1502-1512) занимал пост пожизненного гонфалоньера справедливости между двумя правлениями клана Медичи. Известен как покровитель Макиавелли и Микеланджело. Подвергся критике как человек нерешительный, хотя, возможно, она и была чрезмерной. В книге «Государь» прямо не отражен, хотя в ней заметна досада автора на своего бывшего шефа.

Сфорца, Лодовико Моро (1452-1508) — герцог Милана, известный неоднозначной политикой. Моро означает «мавр» — из-за темного цвета лица. Впрочем, есть свидетельства, которые ставят это (не темноту кожи) под сомнение. Еще одно возможное объяснение: одна из используемых им эмблем выглядела как голова чернокожего африканца. Самому ему больше всего нравилось объяснение идущее от еще одной его любимой эмблемы — шелковицы, которая считалась самым мудрым из деревьев, поскольку листва на нем появляется последней, а плоды — первыми

Сфорца, Франческо (1401-1466) — кондотьер, основатель миланской династии Сфорца. О нем написаны книги, которые рекомендуют почитать. Очень успешно сражался за Флоренцию во время противостояния с Миланом, хотя и «не перегибал палку», надеясь жениться на незаконнорожденной дочери герцога **Филиппо Мария Висконти**, чего ему в конце концов удалось добиться. После смерти тестя в подходящий момент объявил себя герцогом. Пример успешного кондотьера, ставшего не только главой города, но и целой династии.

Сципион, Публий Корнелий Африканский Старший (235-183 до Р.Х.) — римский полководец, победитель **Ганнибала**. Упрек со стороны Макиавелли в его адрес по поводу «мягкости» явно не заслужен. Отличался всеми особенностями полководцев той эпохи, в том числе жестокостью.

Федерико II (1452-1504; король Неаполя в 1496-1501) из династии Трастамара (в Неаполе называемой Арагонской), пал жертвой союза двух могущественных противников: Франции и Испании, которые разделили между собой территорию прежде независимого Неаполитанского королевства.

Фердинанд II Арагонский (Фердинанд католический, 1452-1516) — король Кастилии, Арагона, Сицилии и Неаполя. Стал едва ли не самым успешным испанским монархом. Сыграл огромную роль в европейской политике, была взята Гранада, открыта Америка. Участвовал в Итальянских войнах. Крайне противоречивый человек и политик.

Филипп V (238-179 Д.Р.Х.) — царь Македонии, союзник Ганнибала и Антиоха на разных этапах правления, соперничал с римлянами за гегемонию над Грецией

Филопмен (253-183 гг. до н.э.) полководец, стратег Ахейского союза. Одержал крупные победы над Спартой. Боролся против Рима. При всех своих специфических навыках, о которых пишет Макиавелли, он все же в 183 г. попал в плен к мессинцам и был вынужден выпить чашу с ядом. Что касается описанных в «Государе» привычек, то они все же больше свойственны полководцам государя, нежели последнему. У Плутарха Филопмен выглядит отнюдь не односторонним человеком, исключительно сконцентрированным на военном деле, хотя и отдает ему явный приоритет. Он с удовольствием занимался земледелием, слушал и читал философов, отдавал должное поэзии. Вообще же соответствующее место у данного автора выглядит следующим образом: «Схемы и чертежи, сделанные на табличках, Филопмен оставлял без внимания, а тактические теории рассматривал на местности: во время поездок он сам изучал теснины в гористых местах, обрывы на равнинах и всякие изменения в построении фаланги, когда она при переправе через реку или в узком проходе должна размыкаться и опять смыкаться, и задавал задачи своим спутникам. По-видимому, он сверх всякой меры пристрастился к военному делу, полюбил войну как чрезвычайно широкое поприще для проявления своего таланта, а на людей не отдававшихся ей, смотрел с презрением, как на бездельников».¹

Хоквуд, Джон (Джованни **Акуто**, ок. 1320 — 1323) — кондотьер, человек, который использовал «социальный лифт» в европейском Средневековье как мало кто другой. Сын кожевника и портной, участвовал в Столетней войне, получил звание рыцаря, после чего перебрался со своим отрядом в Италию. Имя его стало нарицательным и упоминается многократно в литературе. Профессионал в своем деле. О нем написано очень много, так что я отсылаю читателей к соответствующей литературе.

Юлий II Ровере (Джулиано делла Ровере, 1443-1513) — папа римский. Это был истинный герой для некоторых своих современников и подлинная чума для других, не говоря уже о том, что он остался во многих вопросах настоящей загадкой для историков. Одни только его отношения с Микеланджело заслуживают многоотного исследования. Великий скульптор, архитектор и художник в одном лице предложил ему изобразить его с книгой или крестом. Папа ответил брюзгливо и жестко: «Нужен меч». Есть портреты Юлия работы Рафаэля. Одно только прозвище «Грозный» сближает Юлия с Россией. Как бы то ни было, это был большой умница, опередивший в чем-то свое время, а в чем-то оставшийся в плену у него.

---

¹ Плутарх. Избранные жизнеописания. В двух томах. Том I. М., Правда, 1990. С. 430

Содержание

Введение	5
Государь	39
Посвящение	40
Глава I. Скольких видов бывают государства и как они приобретаются.....	55
Глава II. О наследственном единовластии	73
Глава III. О смешанных государствах.....	85
Глава IV. Почему царство Дария, завоеванное Александром, не восстало против преемников Александра после его смерти	139
Глава V. Как управлять городами или государствами, которые, до того, как были завоеваны, жили по своим законам	151
Глава VI. О новых государствах, приобретаемых собственным оружием или доблестью	161
Глава VII. О новых государствах, приобретаемых чужим оружием или милостью судьбы.....	189
Глава VIII. О тех, кто приобретает власть злодеяниями....	229
Глава IX. О гражданском единовластии	253
Глава X. Как следует измерять силы всех государств....	272
Глава XI. О церковных государствах	279
Глава XII. О том, сколько бывает видов войск, и о наемных солдатах	289
Глава XIII. О войсках союзнических, смешанных и собственных.....	311

Глава XIV. Как государь должен поступать касательно военного дела	322
Глава XV. За что людей, в особенности государей, восхваляют или порицают	332
Глава XVI. О щедрости и бережливости	341
Глава XVII. О жестокости и милосердии и о том, что лучше внушать: любовь или страх.....	351
Глава XVIII. О том, как государи должны держать слово	367
Глава XIX. О том, каким образом избегать ненависти и презрения	387
Глава XX. О том, полезны ли крепости, и многое другое, что постоянно применяют государи	419
Глава XXI. Как надлежит поступать государю, чтобы его почитали.....	432
Глава XXII. О советниках государей.....	449
Глава XXIII. Как избежать льстецов	453
Глава XXIV. Почему государи Италии лишились своих государств	461
Глава XXV. Какова власть судьбы над делами людей и как можно ей противостоять.....	468
Глава XXVI. Призыв овладеть Италией и освободить ее из рук варваров	482
Заключение	499
Библиография	501
Аннотированный именной указатель.....	516

Научное издание

Разуваев Владимир Витальевич

Комментарии

к «Государю» Макиавелли

Макет и оформление Ю. В. Балабанов

По издательским вопросам обращаться:

«Центр гуманитарных инициатив»

e-mail: unikniga@yandex.ru, unibook@mail.ru.

Руководитель центра Соснов П. В.

По вопросам оптового приобретения книг издательства в Москве
обращайтесь в «Издательско-торговый дом гуманитарной книги

“Гнозис” Москва, Турчанинов пер., д. 4, стр. 2.

Тел./факс: 8(499) 255-77-57. E-mail: gnosis@pochta.ru

Продажи в Санкт-Петербурге:

ООО «Университетская книга-СПб»

Тел. (812)640-08-71, e-mail:

uknigal@westcall.net

Подписано в печать 12.03.2014

Формат 60х90/16 Бумага офсетная.

Уч.-изд. л. 34,5. Усл. печ. л. 33.

Тираж 1000 экз. (первый завод 500 экз.)

Заказ № 3818

Отпечатано способом ролевой струйной печати

в ОАО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, т/ф. 8(496)726-54-10